

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

*Провинциальные чиновники
в первой половине XIX в.*

Политический салон в пореформенной России

*Бюрократия и земство
в начале царствования Николая II*

*Ф.В. Дубасов
и подавление московского восстания в 1905 г.*

Последнее правительство Николая II

Русские эмигранты в Чехословакии

Спорт в условиях холодной войны

МОСКВА
ГАУТН-ПРЕСС

1
январь
февраль
2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина,
С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: Г.Г. Нисский. Подмосковная зима (1957)

© Российская академия наук, 2020

© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2020

© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2020

Численность провинциальных служащих в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии)

Олеся Плех

Number of provincial civil servants during first half of the 19th century
(documents of Vologda province)

Olesya Plekh

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870008269-6

При изучении бюрократии Российской империи перед исследователями неизбежно возникает проблема определения её общей численности. Этот вопрос неоднократно ставился и советскими, и современными учёными, однако мы и по сей день располагаем лишь приблизительными данными за отдельные исторические периоды. Наименее изученной остаётся численность служащих провинциальных учреждений. Имеются сведения за XVIII и вторую половину XIX в.¹, что же касается первой половины XIX в., то в научной литературе не представлено даже предположительных данных (можно найти либо сведения о чиновниках разных ведомств и рангов², либо несопоставимые между собой отрывочные данные по отдельным губерниям и регионам³). Решение этой проблемы осложнено двумя обстоятельствами.

© 2020 г. О.А. Плех

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских учёных (проект № МК-1194.2018.6).

¹ Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 225, 239—240; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67—71, 221; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. Т. 2. СПб., 2015. С. 431; Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 431—432, 506; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 176—177; Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 2001. С. 113, 130.

² Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). М., 1981. С. 63; Torke H.J. Das Russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1967. Bd. 13. S. 135.

³ Зубов В.Е. Структура и численность государственного аппарата Западной Сибири первой половины XIX в. // Вестник Челябинского университета. Сер. 7. Государственное и муниципальное управление. 1998. № 1. С. 52—58; Иванов В.А. Численность и состав провинциального чиновничества Центральной России середины XIX в. (по материалам Калужской губернии) // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 3 / Отв. ред. А.В. Дерягин. Калуга, 2002. С. 115—129; Марасанова В.М. История органов губернского управления в конце XVIII — начале XX вв. На материалах Верхнего Поволжья. Дис. ... д-ра ист. наук. Ярославль, 2005. С. 168; Мельникова И.Г. Чиновничество верхневолжских губерний в первой четверти XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. С. 122—125; Мерзлякова Л.В. Чиновничество

Во-первых, отсутствует единый подход к терминологии. Как справедливо отметил В.Е. Зубов, в дореволюционной России «чиновник» — не всегда служащий, «работник аппарата управления» — не всегда чиновник и не всегда государственный служащий, государственный служащий — не всегда чиновник и не всегда работник аппарата управления»⁴. Это обуславливает трудности при работе с документальным материалом, в первую очередь с делопроизводством, где понятие «чиновник» употреблялось в отношении только лиц, имевших классные чины по Табели о рангах 1722 г., вне зависимости от того, состояли они на службе или находились в отставке, служили по гражданскому или по военному ведомству. Следовательно, во избежание разночтений при анализе источников, категорию «чиновник» нельзя понимать как синоним терминам «управленец», «бюрократ», «государственный служащий». К сожалению, при изучении местного управления Российской империи исследователи нередко используют терминологию без специальных оговорок, что порождает определённую путаницу при подсчётах численности служащих. Именно поэтому, несмотря на обилие публикаций, посвящённых кадровому составу, мы имеем мало статистических показателей, соотносимых с общеимперскими данными и сопоставимых по разным губерниям.

Во-вторых, трудности в определении численности местного аппарата управления во многом связаны с неразработанностью источниковой базы (на эту проблему особое внимание обращает В.А. Иванов⁵). В настоящем исследовании предпринята попытка представить и обосновать методику расчёта количественных показателей местного аппарата управления первой половины XIX в. На материалах отдельно взятой Вологодской губ. я попытаюсь определить численность провинциальных служащих и проследить её динамику в изучаемый период.

При определении круга изучаемых лиц учитывалось следующее.

1. Положение и значение учреждений в системе местного управления и их ведомственная подчинённость. Исследование направлено на изучение служащих только учреждений, которые на местах составляли так называемое общее управление. К ним относились органы, подконтрольные министерствам внутренних дел, финансов, юстиции и государственных имуществ⁶. «Особые

Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики). Дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1997. С. 60—61; *Поскачей Т.А.* Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2006. С. 129, 251, 255, 258; *Токмакова Ю.Н.* Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801—1861 гг. (на материалах Курской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011. С. 34, 37; и др.

⁴ *Зубов В.Е.* К вопросу о численности аппарата управления в дореволюционной России // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4—3 (60). С. 98.

⁵ *Иванов В.А.* Документы Госархива Калужской области о численности чиновников губернии в предреформенный период (1855 — январь 1861 г.) // Отечественные архивы. 2006. № 4. С. 52—58; *Иванов В.А.* Источники о численном составе чиновников местных московских учреждений середины XIX века // Отечественная история. 2007. № 5. С. 175—187; *Иванов В.А., Добычина М.А.* Источники для изучения численности и состава местного чиновничества России в середине XIX в. // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 15. Калуга, 2015. С. 23—32.

⁶ Среди губернских учреждений в исследование включены губернатор и его канцелярия, губернское правление, казённая палата, уголовная палата, гражданская палата, палата государственных имуществ, совестный суд, приказ общественного призрения, врачебная управа, комиссии и комитеты, учреждённые под председательством губернатора (комиссия народного продовольствия,

установления» на местах, изъяты из ведения губернского начальства, регулирование деятельности которых осуществлялось по линии специальных ведомственных подразделений (речь идёт об учреждениях по учебному, духовному, горному, почтовому, удельному и иным ведомствам), рассматриваться не будут. Исключение составляют только служащие по медицинской и землемерной частям, ввиду того что изначально, по Учреждению о губерниях 1775 г. (которое на протяжении всей первой половины XIX в. оставалось главным законоположением для провинциальных учреждений), эта деятельность была встроена в систему местного управления.

2. В фокусе исследования оказался только корпус государственных служащих местных учреждений. В зависимости от порядка определения к должностям среди них выделяются две категории: служащие «по назначению от правительства» и служащие «по выборам». Относительно последних особо подчеркну, что речь идёт главным образом о лицах в составе правительственных учреждений, т.е. о дворянских, городских и сельских выборных представителях, занимавших должности в губернских палатах, совестном суде, уездных и земских судах. Среди выборных лиц, избираемых в сословные представительные учреждения, учитывались только те, кто по закону считался состоящим на действительной государственной службе. В первую очередь это дворяне. В первой трети XIX в. сведения о губернских предводителях дворянства, которые, по сути, являлись вторыми после начальника лицами губернии и играли значительную роль в местном управлении, и членах дворянских опеков (сословное учреждение, фактически составлявшее одно целое с уездным судом) подлежали учёту наравне с остальными местными учреждениями. После издания манифеста от 6 декабря 1831 г. «О порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным» все служащие по выборам дворянства (в том числе и должности «собственно по делам дворянства») оказались зачислены на действительную государственную службу⁷.

Что же касается выборных лиц, избравшихся в остальные сословные учреждения — городские думы, городские магистраты, городские ратуши, волостные правления и т.д., — то они в предмет исследования не входят⁸. Исключение составляют только лица, занимавшиеся канцелярской работой в городских учреждениях, которые приобрели статус государственных служащих по решению Государственного совета от 8 июня 1837 г.⁹ Таким образом, при

губернская строительная комиссия, губернский статистический комитет и т.д.), и ряд должностных лиц (губернский прокурор, губернные стряпчие уголовных и гражданских дел, губернский землемер, губернский архитектор); среди уездных учреждений — земские суды, уездные казначейства, уездные суды, окружные управления, а также должности уездных стряпчих, винных и соляных приставов, уездных землемеров, уездных лекарей; среди городских — городские полиция и городнические правления.

⁷ ПСЗ-II. Т. 6. Отд. 2. СПб., 1832. № 4989.

⁸ В первой половине XIX в. государственные органы не производили сбор сведений о составе и численности сословных учреждений. Такие данные могли отложиться лишь в архивах самих сословных учреждений. Однако, к сожалению, сохранившиеся до настоящего времени документы не позволяют произвести даже приблизительные подсчёты по изучаемому региону (в частности, по волостному управлению материалы фактически не сохранились). На мой взгляд, изучение численности городских и крестьянских сословных учреждений должно стать предметом отдельного исследования.

⁹ «В магистратах и ратушах все чины, составляющие канцелярию, а в городских думах секретари, считаются в государственной службе и определяются [от правительства] из людей, имеющих по законам право на вступление в оную» (ПСЗ-II. Т. 12. Отд. 1. СПб., 1838. № 10315).

подготовке статистических показателей по 1844 г. учитывались и выборные представители дворянства, и работники канцелярий городских сословных учреждений.

3. При анализе количественных показателей принимались во внимание категории должностей. Согласно действовавшему в изучаемый период законодательству, во внутреннем устройстве местных учреждений («присутственных мест») выделялись «руководящее» присутствие и подчинённая ему канцелярия. Первое формировалось из лиц, назначаемых правительством, и выборных сословных представителей. В основном, конечно, оно комплектовалось чиновниками (лицами, имевшими классные чины по Табели о рангах 1722 г.). Исключение составляли лишь выборные купеческие и сельские заседатели (дворянские заседатели, как правило, имели классные чины).

Канцелярии, возглавляемые секретарями, комплектовались только из назначаемых лиц, среди которых выделялись «канцелярские чиновники» и «канцелярские служители». Последние два понятия в законодательстве первой половины XIX в. чётко различались. Следует особо подчеркнуть, что и те и другие исполняли делопроизводственную работу, но канцелярские чиновники отличались от служителей тем, что имели классные чины. Канцелярские служители до изменения правил чиновничества носили канцелярские звания («неклассные чины»): «копиист» (низшее), «подканцелярист» (среднее) и «канцелярист» (высшее). Сроки перехода из одного звания в другое напрямую зависели от способностей и усердия, проявленных на службе. В 1827 и 1834 гг. все канцелярские служители в зависимости от сословного происхождения и полученного образования оказались разделены на разряды с различными сроками выслуги на получение первого классного чина¹⁰. С 1839 г. запрещалось присваивать прежние канцелярские звания¹¹, однако в документации местных учреждений они продолжали встречаться до середины 1840-х гг. (лишь с этого времени разряды полностью вытеснили прежние звания из официального употребления). Во избежание разночтений в рамках настоящей работы понятия «чиновник», «канцелярский чиновник» и «канцелярский служитель» будут употребляться в соответствии со смыслом, который они имели в изучаемую эпоху.

Следует обратить внимание на то, что при составлении таблиц я разделяю служащих в составе присутствий и в составе канцелярий. Однако такая градация весьма условна, поскольку в изучаемый период существовало довольно значительное число должностей, которые не являлись ни «присутствующими» в собственном смысле слова, ни канцелярскими. Относительно первой четверти XIX в. речь идёт о таких должностных лицах, как уездные казначеи, уездные стряпчие, губернский и уездные землемеры, губернский архитектор, уездные лекари, полицмейстеры и городничие, частные приставы, соляные и винные приставы. Сюда же можно отнести занимавшихся оперативной работой кварталных надзирателей и чиновников особых поручений (последние в 1817 г. были введены в состав отделений питейных сборов казённых палат). Во второй четверти XIX в. в связи с усложнением внутренней структуры местных учреждений число таких должностей значительно возросло: при губернаторах — чиновники особых поручений, в казённых палатах — архитекторы и чиновники особых поручений, в палатах государственных имуществ — землемеры, гражданские инженеры, учёные лесничие, стряпчие, чиновники особых поручений.

¹⁰ Там же. Т. 2. СПб., 1830. №1469; Т. 9. Отд. 1. СПб., 1835. № 7224.

¹¹ Там же. Т. 14. Отд. 1. СПб., 1840. № 12798.

Появились должности землемеров при губернских землемерах, помощники губернского архитектора и т.п. Все эти лица формально не формировали состав присутствий, но и канцелярской работой не занимались. В настоящем исследовании, чтобы избежать дробной и запутанной группировки должностей, вышеозначенные должности учитывались наравне с присутствующими лицами (на мой взгляд, такой подход вполне оправдан, поскольку все указанные лица так или иначе принимали непосредственное участие в реализации управленческой деятельности на местах).

Источники, позволяющие в полном объёме получить данные о численности провинциальных служащих первой половины XIX в., до настоящего времени ещё не выявлены. Для определения количественных показателей учёные привлекают различные по происхождению и значению документы (справочные издания, штаты государственных учреждений, официальные списки должностных лиц, материалы делопроизводства и др.), которые могут дать только приблизительные цифры. Если мы обратимся к наиболее востребованным источникам, то увидим, какие разные показатели они могут сообщать. Так, в таблице 1 представлены данные о численности служащих Вологодской губ. за 1806, 1826 и 1844 гг., полученные из: адрес-календарей Российской империи; штатных расписаний местных учреждений, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи; коллекции формулярных списков чинов гражданского ведомства, хранящейся в Российском государственном историческом архиве (ф. 1349). Полученные сведения сильно расходятся между собой не только в абсолютных величинах, но и в относительных показателях роста: согласно адрес-календарям, численность местного аппарата управления за изучаемый период выросла на 30%, по штатным расписаниям — на 66, по групповым формулярным спискам — на 47%.

Таблица 1

**Данные о численности служащих Вологодской губернии,
полученные из разных источников**

Источник	1806 г.	1826 г.	1844 г.
Адрес-календарь Российской империи	139	179	199
Штатное расписание	261	401	763
Групповой формулярный список	325	419	616

Составлено по: РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1806, д. 37, л. 1 об.—176; 1826, д. 129, л. 1 об.—492; 1844, д. 473, ч. 1, л. 1 об.—256; ч. 2, л. 1 об.—332; ч. 3, л. 1 об.—559; 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246; ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 29. № 22567; Т. 34. № 26764; Т. 36. № 27668; Т. 38. № 29694; Т. 39. № 30116; Т. 40. № 30291; Т. 44. Ч. 2 [К № 22992, 24985, 27228, 29694, 30516]; ПСЗ-II. Т. 4. СПб., 1830. № 2841; Т. 11. Отд. 1—2. СПб., 1837. № 9240; Т. 12. Отд. 1—2. № 10303, 10304, 10305; Т. 13. Отд. 1—2. СПб., 1839. № 11189; Т. 15. Отд. 1—2. СПб., 1841. № 14105; Отд. 1, 3. СПб., 1841. № 14107, 14108; Т. 19. Отд. 1—2. СПб., 1845. № 17657; Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1806 от Рождества Христова. Ч. 1. СПб., 1806. С. 244; Ч. 2. СПб., 1806. С. 83—90; Адрес-календарь. Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1826 от Рождества Христова. Ч. 1. СПб., 1826. С. 404, 717—718; Ч. 2. СПб., 1826. С. 78—85; Адрес-календарь, или Общий штат Российской империи. Ч. 1. СПб., 1844. С. 172—173; Ч. 2. СПб., 1844. С. 38—41.

Во всех трёх случаях сведения нельзя признать полными и точными. Содержание информации в представленных источниках напрямую зависело от целей, для которых они создавались. Общероссийские адрес-календари являлись официальным справочным изданием, издававшимся с 1765 г. канцелярией Академии наук. По структуре оно делилось на две части: первая содержала сведения о личном составе центральных правительственных учреждений, вторая — местных органов власти. Этот источник сообщает наименьшие показатели численности служащих, поскольку включает только сведения о лицах, занимавших ключевые должности в губернских и уездных учреждениях. В первую очередь, речь идёт о назначаемых правительством и избираемых дворянством членах присутствий местных органов власти. Что же касается городских и крестьянских выборных представителей, то они в этот справочник не попадали. Из служащих канцелярий собирались только сведения о секретарях.

Кроме того, охватывались не все присутственные места и должности: уездные стряпчие стали упоминаться только с 1808 г., приказ общественного призрения — с 1822 г., частные приставы городской полиции — с 1826 г., винные и соляные приставы — с 1848 г. Палата государственных имуществ была открыта в Вологде в 1839 г., но в справочнике она появляется только с 1844 г., а окружные начальники — с 1847 г. Некоторые учреждения включались в издание периодически (например, губернская строительная комиссия — с 1835 по 1840 г., комиссия народного продовольствия — с 1837 по 1848 г.). Даже такая краткая характеристика позволяет понять, почему многие современные исследователи скептически относятся к возможности использования справочника для определения общей численности аппарата управления¹².

Штатные расписания, являясь организационно-распорядительными документами, отражали структуру местных учреждений и расходы государства на их содержание. Этот источник сообщает не реальный, а предполагаемый правительством состав провинциального аппарата, следовательно, на его основе можно лишь гипотетически определить численность служащих, но далеко не всех. Подсчитанные по штатным расписаниям данные, представленные в таблице 2, отражают стремительный рост бюрократии на протяжении изучаемого периода (общее количество служащих увеличилось в три раза!). Особое внимание следует обратить на то, что численность присутствующих лиц выросла только в 1,5 раза, в то время как канцелярии — в 14.

При интерпретации этих показателей следует учитывать особенности и порядок составления штатных расписаний. В конце XVIII — начале XIX в. они представляли собой единый документ, закреплявший систему местных учреждений. Штатное расписание для Вологодской губ. было утверждено указом от 27 ноября 1803 г.¹³ Оно содержит только перечень должностей в составе присутствий, включая городское и крестьянское представительство. В отношении канцелярий выделялись должности секретарей. Точная численность остальных служащих не определялась, но указывался размер суммы, выделяемой на «канцелярские расходы и служителей» (исходя из неё управляющим учреждений позволялось регулировать количество работников и устанавливать для них

¹² Иванов В.А., Добычина М.А. Источники для изучения численности... С. 24; Румянцева М.Ф. Источники по истории российского чиновничества второй половины XVIII века // Археографический ежегодник за 1991 г. М., 1994. С. 74.

¹³ ПСЗ-1. Т. 27. № 21051; Т. 44. Ч. 2 [К № 24985].

оплату труда в зависимости «от способностей и прилежания»). Именно по этой причине в 1806 г. удельный вес канцелярских служащих, отражённый в таблице 2, составляет всего 12,3%. На практике же это число было гораздо большим.

Таблица 2

**Численность служащих Вологодской губернии
по данным штатных расписаний**

Категория служащих		1806 г.		1826 г.		1844 г.		
		человек	%	человек	%	человек	%	
Служащие в составе присутствий учреждений	по определению от правительства	148	56,7	191	47,6	225	29,5	
	по выборам	дворянства	33	12,6	32	8,0	42	5,5
		купечества	6	2,3	6	1,5	6	0,8
		крестьянства	42	16,1	42	10,5	42	5,5
Служащие в составе канцелярий учреждений		32	12,3	130	32,4	448	58,7	
Всего		261	100	401	100	763	100	

Составлено по: ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 29. № 22567; Т. 34. № 26764; Т. 36. № 27668; Т. 38. № 29694; Т. 39. № 30116; Т. 40. № 30291; Т. 44. Ч. 2 [К № 22992, 24985, 27228, 29694, 30516]; ПСЗ-II. Т. 4. № 2841; Т. 11. Отд. 1—2. № 9240; Т. 12. Отд. 1—2. № 10303, 10304, 10305; Т. 13. Отд. 1—2. № 11189; Т. 15. Отд. 1—2. № 14105; Отд. 1, 3. № 14107, 14108; Т. 19. Отд. 1—2. № 17657.

На протяжении всей первой четверти XIX в. в губернии при регулировании устройства местных учреждений сохранялось действие штатов 1803 г. Изменения были единичны и касались только городской полиции, казённой палаты и уездных казначейств: для них принимались новые, более подробные штатные расписания, включавшие канцелярские должности¹⁴. Во второй четверти XIX в. структурной организации местных учреждений стало уделяться больше внимания. С 1826 по 1830 г. обновлены штатные расписания казённой палаты и городских учреждений¹⁵, в 1836—1837 гг. — канцелярии губернатора, губернского правления, земских судов¹⁶. В 1838 г. утверждён штат палаты государственных имуществ и окружных управлений и изменён состав казённой палаты¹⁷, а в 1839 г. появился штат канцелярии губернского прокурора¹⁸. В 1840 г. по многим ведомствам опубликованы штатные расписания, «переложенные на серебро» (в том числе для министерств внутренних дел, финансов

¹⁴ Там же. Т. 29. № 22567; Т. 34. № 26764; Т. 35. № 27448; Т. 38. № 29694; Т. 44. Ч. 2 [К № 22992, 27228, 29694, 30516].

¹⁵ ПСЗ-II. Т. 1. СПб., 1830. № 415; Т. 2. СПб., 1830. № 1295; Т. 3. СПб., 1830. № 2035; Т. 4. № 2841; Т. 5. Отд. 2. СПб., 1831. № 4139.

¹⁶ Там же. Т. 11. Отд. 1—2. № 9240; Т. 12. Отд. 1—2. № 10303, 10304, 10305.

¹⁷ Там же. Т. 13. Отд. 1—2. № 11189; Отд. 2. № 11533.

¹⁸ Там же. Т. 14. Отд. 1—2. № 12169.

и государственных имуществ)¹⁹. Исключение составили учреждения Министерства юстиции, пересчёт окладов которых произошёл только в 1844 г.²⁰ В 1845 г. пересмотрен состав канцелярии губернатора, губернского правления и палаты государственных имуществ²¹. В последующее десятилетие штаты местных учреждений Вологодской губ. значительным изменениям не подвергались.

В целом после 1803 г. штатные расписания для учреждений разных ведомств издавались обособленно друг от друга. С одной стороны, они стали включать более подробный список должностей, в том числе канцелярских (столоначальники, бухгалтеры, журналисты, протоколисты, архивариусы и т.д.), с другой — по-прежнему оставались неполными, и за управляющими учреждений сохранялось право регулировать численность и состав канцелярий. Стоит добавить, что в штатах судов на протяжении всего изучаемого периода указывались только должности «присутствующих» лиц, секретари и общие суммы на «канцелярские расходы и служителей».

Из данных таблицы 2 видно, что за первую четверть XIX в. общее число канцелярских штатных единиц выросло в 4 раза, а за вторую — почти в 3,5 раза. Однако, учитывая, что канцелярские должности постепенно включались в штаты и многие из них существовали до их официального упоминания в списках, признать истинной такую динамику нельзя. Увеличение канцелярий, конечно, наблюдалось, но далеко не в такой степени (об этом более подробно см. далее)²².

Групповые формулярные списки, сохранившиеся в ф. 1349 РГИА, относятся к материалам систематического учёта чиновничества. С конца XVIII в. всем присутственным местам империи полагалось ежегодно присылать в Герольдию Сената «списки, в коих бы все находящиеся при должностях, имеющие дей-

¹⁹ Там же. Т. 15. Отд. 1—2. № 14105; Отд. 1, 3. № 14107, 14108.

²⁰ Там же. Т. 19. Отд. 1—2. № 17657.

²¹ Там же. Т. 20. Отд. 1—2. СПб., 1846. № 18580, 18608.

²² По ряду учреждений (в первую очередь, уездных) рост численности служащих происходил в большей степени на бумаге, нежели на практике. Если обратить внимание на уездные казначейства, то, согласно штатному расписанию 1803 г., в каждом из них полагались только должности одного уездного казначея и четырёх присяжных (см.: ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 44. Ч. 2 [К № 24985]). В 1823 г. к штату прибавились бухгалтер, журналист и два писца (см.: Там же. Т. 38. № 29694; Т. 44. Ч. 2 [К № 30516]), и в последующие годы он не изменялся. Исходя из того, что в Вологодской губ. функционировали 10 уездных казначейств, общая численность их служащих в первой четверти XIX в. должна была составлять 50 человек, во второй — 90, следовательно, вырасти за изучаемый период не менее, чем на 40%. Однако архивные делопроизводственные документы сообщают нам иные показатели. Так, в 1797 г. в Кадниковском уездном казначействе служили 12 человек: казначей, 4 канцелярских работника (бухгалтер, 3 писца), 1 внештатный писец, 6 низших служителей (4 присяжных, счётчик, сторож); в 1827 г. — 12: казначей, 6 канцелярских работников (бухгалтер, журналист, 4 писца), 5 низших служителей (4 присяжных, сторож); в 1838 г. — 10: казначей, 4 канцелярских работника (бухгалтер, журналист, 2 писца), 5 низших служителей (4 присяжных, сторож), в 1846 г. — 13: казначей, 7 канцелярских работников (бухгалтер, помощник бухгалтера, журналист, 4 писца), 5 низших служителей (4 присяжных, сторож) (см.: Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 14, оп. 2, д. 1, л. 2 об.—7; д. 11, л. 977 об.—978, 1008 об.—1012; ф. 388, оп. 8, д. 121, л. 2 об.—11; д. 483, л. 27 об.—40). Сведения по другим уездным казначействам аналогичны (см.: Там же, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 965 об.—1008, 1012 об.—1044; ф. 388, оп. 8, д. 467, л. 2 об.—9; д. 468, л. 2 об.—8; д. 469, л. 2 об.—11; д. 470, л. 1 об.—16; д. 472, л. 1 об.—16; д. 476, л. 2 об.—11; д. 483, л. 2 об.—152; д. 953, л. 2 об.—8; д. 955, л. 2 об.—8). Следовательно, на протяжении изучаемого периода в Вологодской губ. общая численность служащих этих учреждений значительно не увеличилась и в среднем составляла 110—120 человек.

ствительные чины, показаны были по старшинству»²³. От местных учреждений требовалось предоставлять формулярные списки служащих, независимо от того, занимали ли они классные, канцелярские или выборные должности. Соответственно, сведения о лицах, не имевших классных чинов (городские и сельские выборные, канцелярские служители), присылать не предписывалось. С 1846 г. функция учёта перешла к Инспекторскому департаменту гражданского ведомства при I отделении Собственной е.и.в. канцелярии²⁴.

Сохранившаяся в ф. 1349 коллекция уникальна, поскольку включает формулярные списки, охватывающие чиновников местных учреждений и по отдельным ведомствам, и по всей губернии. Особую ценность имеют документы первой половины XIX в., поскольку в региональных архивах формулярные списки за этот период (особенно составлявшиеся до начала 1840-х гг.) сохранились фрагментарно, а групповые формулярные списки являются большой редкостью. В частности, в Государственном архиве Вологодской области удалось обнаружить только одно подобное дело, включающее неполный состав служащих — в него вошли только учреждения, подведомственные министерствам финансов и юстиции за 1846 г.²⁵

Выявленные в ходе исследования групповые формулярные списки по Вологодской губ. позволяют более точно представить содержание этого источника. Во-первых, как уже стало понятно, в них попадали в основном чиновники. Лица, не имевшие чинов, составляли, как правило, не более 2—3% от общего числа, и включались главным образом в случаях, если пребывали на классных и секретарских должностях либо служили медиками и землемерами²⁶. Исключения составляют списки 1844 г., в которые попали 70 служащих, не имевших классных чинов (11% от общего числа): архитектор, восемь лекарей, канцелярские служители канцелярии губернатора, казённой и судебных палат, губернской строительной комиссии²⁷.

Во-вторых, в групповые формулярные списки включались только лица, состоявшие на действительной службе. Лишь в одном случае выявлен комплект документов по 17 неслужащим чиновникам, «изъявившим желание продолжать служение в Вологодской губернии»²⁸. Этот «кадровый резерв» добавлен к списку, датированному 1806 г. В него вошли лица, попавшие под сокращение в ходе преобразований в местном управлении конца XVIII — начала XIX в. и не

²³ ПСЗ-I. Т. 22. № 16641.

²⁴ ПСЗ-II. Т. 21. Отд. 2. СПб., 1847. № 20401.

²⁵ ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 1а об.—1044.

²⁶ В списке 1799 г. из 229 служащих 5 лиц не имели чина (все служили землемерами), в списке 1810 г. из 327 служащих 1 (состоял на должности секретаря), 1818 г. из 325 — 2 (оба служили секретарями), 1838 г. из 452 — 9 (1 на должности секретаря, 8 уездных лекарей), 1850 г. из 783 — 17 (1 выборный дворянский представитель, 1 секретарь, 7 уездных землемеров, 1 медик приказа общественного призрения, 5 служащих губернской чертёжной, 2 канцелярских служителя губернской строительной комиссии) (см.: РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1799, д. 41, л. 85 об.—87; 1810, д. 47, л. 138 об.—139; 1818, д. 241, л. 93 об.—94, 111 об.—112; 1838, д. 441, ч. 1, л. 341 об.—343, 627 об.—634; оп. 5, д. 224, л. 4 об.—6; д. 7735, л. 563 об.—564, 565 об.—569, 570 об.—580; д. 7771, л. 180 об.—182, 243 об.—244, 689 об.—691). В списки за 1801, 1803, 1806, 1826 гг. были включены только чиновники (см.: Там же, 1801, д. 47; 1803, д. 63; 1806, д. 37; 1826, д. 129).

²⁷ Там же, 1844, ч. 1, л. 63 об.—66, 83 об.—89, 103 об.—107, 113 об.—122, 142 об.—144, 196 об.—198; ч. 2, л. 31 об.—35, 75 об.—80; ч. 3, л. 189 об.—190, 201 об.—205, 216 об.—217, 219 об.—222, 227 об.—231, 232 об.—233.

²⁸ Там же, 1806, д. 37, л. 9—20.

сумевшие поступить на должности, соответствовавшие их чину и служебному опыту. При определении численности служащих их исключили из подсчётов.

В-третьих, в групповые формулярные списки вносили чиновников и правительственных, и сословных учреждений. Однако перечень присутственных мест далеко не всегда был полным. Информацию об основных правительственных учреждениях и должностях (канцелярия губернатора, губернское правление, губернские палаты, совестный суд, уездные суды, земские суды, уездные казначейства, градские полиции, губернский прокурор, уездные страпаче), как правило, старались помещать в списки, хотя и здесь встречались пропуски. Остальные же учреждения и должности (губернские комиссии и экспедиции, приказ общественного призрения, врачебная управа, уездные землемеры, винные и соляные приставы, уездные лекари) вносились нерегулярно.

Что касается сословных учреждений, то в первой трети XIX в. в общие списки попадали только предводители дворянства и протоколисты дворянских опек. С 1830-х гг. стали включаться все сословные учреждения, формируемые через дворянские выборы, а также служащие канцелярий городских сословных учреждений, приобретшие статус государственных служащих. Во второй четверти XIX в., когда верховная власть обратила особое внимание на регулирование вопросов, связанных с прохождением службы, и организацию делопроизводственной работы на местах, документы стали более полными. Однако на информативности групповых формулярных списков отражались не только изменения, происходившие на гражданской службе, но и имевшие место недостатки системы учёта²⁹.

Таблица 3

**Численность служащих Вологодской губернии
по данным групповых формулярных списков**

Год	Служащие в составе присутствий учреждений				Служащие в составе канцелярий учреждений				Всего	
	по определению от правительства		по выборам		канцелярские чиновники		канцелярские служители			
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
1806	103	31,7	33	10,1	189	58,2	0	0	325	100
1826	103	24,6	28	6,7	288	68,7	0	0	419	100
1844	197	32,0	41	6,6	317	51,5	61	9,9	616	100

Составлено по: РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1806, д. 37, л. 1 об.—176; 1826, д. 129, л. 1 об.—492; 1844, д. 473, ч. 1, л. 1 об.—256; ч. 2, л. 1 об.—332; ч. 3, л. 1 об.—559; 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246.

²⁹ Несмотря на то что местные учреждения с конца XVIII в. регулярно занимались подготовкой и отправкой в Герольдию списков чиновников, наладить сбор всех требуемых сведений не удалось даже к концу 1830-х гг. Так, в 1839 г. герольдмейстер в своём рапорте Сенату указал, что одни губернские правления «вовсе не доставляют к предписанному времени списков, а другие хотя и доставляют, но не в том порядке, каковой для оных предначертан». В указе Сената от 31 августа 1839 г. предписывалось «подтвердить вновь всем присутственным местам и начальствующим лицам

Путём обработки групповых формулярных списков за 1806, 1826 и 1844 гг. получила данные, представленные в таблице 3. Ввиду того что в ней в основном учтены чиновники, при характеристике этих показателей следует, в первую очередь, попытаться понять, насколько динамика их численности коррелирует с общей численностью провинциальных служащих. Иными словами, можно ли, ссылаясь на данные о количестве чиновничества, оценивать темпы и масштабы роста местного аппарата управления.

Поскольку речь идёт о лицах, имевших чины, ответ на этот вопрос связан с порядком чинопроизводства, который на протяжении изучаемого периода претерпевал изменения. Напомню, что при проведении губернской реформы 1775 г. предполагалось, что присутствия местных учреждений и секретарские должности будут замещаться чиновниками, а канцелярии — в основном наполняться служащими, не имеющими чинов. Однако уже к началу XIX в. оформилась традиция получения чинов по представлению начальства «о беспорочной службе» при условии простой выслуги лет³⁰, что позволило претендовать на реализацию этого права вне зависимости от исправляемой должности. Классный чин постепенно приобретал роль меры поощрения служебной деятельности, всё больше утрачивая связь с соответствующей должностью. Как справедливо отметил Л.Е. Шепелёв, «производство в чины не лимитировалось количеством вакансий... получение их становилось почти автоматическим»³¹. В бумагах, приложенных к известной всеподданнейшей записке министра внутренних дел О.П. Козодавлева «Об излишней привязанности гражданских чиновников к чинам...» (1816), утверждалось, что этот порядок «обесценивал» чины, «ибо нет почти теперь нигде писаря, который бы не имел офицерского ранга или за выслугу лет, или за отличие»³².

Конечно, в провинции далеко не все писари имели чины, однако общее число неканцелярских должностей, замещение которых предполагало обязательное наличие чина, росло гораздо медленнее, чем количество канцелярских чиновников. Пожалуй, для местных учреждений это создавало своего рода кадровый резерв, когда при открытии штатной вакансии из числа последних можно было выбрать наиболее достойных лиц, обладавших соответствующим чином. На 1826 г. пришёлся пик «перепроизводства» канцелярских чиновников: их удельный вес достиг 68,7%. При Николае I система чинопроизводства хотя и подверглась изменениям, но общая тенденция её развития сохранилась. В результате принятия указов от 14 октября 1827 г. и от 25 июня 1834 г. порядок и сроки повышения в чинах для гражданских служащих стали напрямую зависеть от их сословного происхождения и уровня образования³³. С этого вре-

о доставлении в своё время предписанных списков о всех вообще чиновниках как от короны, так и по выборам дворянства служащих» (см.: ПСЗ-II. Т. 14. Отд. 1. № 12658).

³⁰ Указ от 16 декабря 1790 г. гласил: «К одобрению людей достойных и способных, и дабы не заградить таковым пути к преимущественному пред прочими возвышению, по представлениям их начальства давать чины тем из удостоенных, кто не менее трёх лет в одном чине действительно служит, разумея до 8 класса; по точным доказательствам прилежности, особливого искусства и успеха в делах, и то порядком из чина в чин и именно: из нижних чинов канцелярских в регистраторы и тому подобные, из сих в губернские секретари или во второй на десять класс, потом в коллежские секретари или в титулярные советники» (см.: ПСЗ-I. Т. 23. № 16930). Указом от 1 августа 1801 г. этот порядок чинопроизводства был подтверждён (см.: Там же. Т. 26. № 19961).

³¹ Шепелёв Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 118—119.

³² РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 1572, л. 17 об.

³³ Лицам, прошедшим курс обучения в высших учебных заведениях, вне зависимости от сословной принадлежности при поступлении на службу присваивался чин, обозначенный в аттестате.

мени получение чинов, в том числе и первого, приобрело регулярный характер, а в канцелярских званиях в основном состояли «новобранцы», возраст которых не превышал 25 лет³⁴. Отметим также, что во второй четверти XIX в. в правовом регулировании гражданской службы учитывалось, что канцелярии местных учреждений в значительной степени наполнены чиновниками. По указу от 20 ноября 1835 г. все должности были расписаны «по классам от XIV до V включительно»³⁵. Отныне «при составлении новых штатов» требовалось обозначать «класс, в котором каждая должность полагается». Это правило распространялось и на канцелярские должности (за исключением самых низших — писцов).

Согласно данным таблицы 3, с 1806 по 1844 г. общее количество вологодских чиновников увеличилось почти в два раза, а удельный вес тех из них, кто служил в составе канцелярий, во все исследуемые годы превышал половину. При этом можно с уверенностью говорить о том, что численность чиновничества росла непропорционально аппарату управления. Следует также учитывать, что, хотя на протяжении изучаемого периода порядок чинопроизводства всё более упрощался (а к 1840-м гг. фактически превратился в «автоматическую» процедуру), далеко не все служащие были наделены чинами. На этом далее я остановлюсь подробнее.

Итак, представленный анализ позволил выявить особенности источников, содержащих показатели численности провинциальных служащих первой половины XIX в. Общероссийские адрес-календари малоинформативны. Они включают лишь списки лиц, занимавших ключевые должности в местном аппарате управления. Штатные расписания отражают предполагаемый правительством состав учреждений. Эти документы в начале века фиксировали только должности присутствующих лиц и секретарей. По мере усложнения структуры местных учреждений в штатные расписания постепенно включали и канцелярские должности, однако и к середине века их список был неполным, а на протяжении всего изучаемого периода за управляющими учреждениями сохранялось право регулировать численность канцелярии. Групповые формулярные списки позволяют подсчитать только количество чиновников. Лица, не имевшие чинов, попадали в них в порядке исключения и составляли не более 2—3% от общего числа. Таким образом, каждый из этих источников, взятый в отдельности, не может дать точных сведений о фактической численности личного состава провинциальных учреждений. Однако эту задачу можно решить путём сопоставления данных.

На мой взгляд, за основу необходимо взять показатели, полученные в результате обработки групповых формулярных списков, которые включают подавляющее большинство чиновников. В этом источнике, конечно, имеются пробелы. Во-первых, выявлены учреждения и отдельные должности, которые за разные годы оказались неучтёнными. Так, в групповом формулярном списке за 1806 г. отсутствуют служащие врачебной управы и уездные лекари, гу-

Дворянам со средним образованием для получения первого чина требовалось прослужить 1 год, а обучавшимся в низших учебных заведениях или вовсе не имевшим аттестатов учебных заведений — 2 года. Для детей личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и диаконов, получивших среднее образование, устанавливался срок 2 года, низшее образование и не имевших аттестатов — 4. Для детей приказных служителей, учёных и художников, не имевших чинов, — 4 и 6 соответственно. Предусматривалась также возможность особого порядка повышения в чинах с сокращёнными сроками выслуги «за отличие» (см.: ПСЗ-II. Т. 2. № 1469; Т. 9. Отд. 1. № 7224).

³⁴ См.: ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 1а об.—1044.

³⁵ ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 2. СПб., 1836. № 8594.

бернский и уездные землемеры, винные и соляные приставы; за 1826 г. — уездные правления питейного сбора, а также врачебная управа и уездные лекари, губернский и уездные землемеры, соляные приставы; за 1844 г. — губернский прокурор и его канцелярия, губернские стряпчие, губернский и уездные землемеры, а также служащие уездных казначейств (кроме, собственно, уездных казначеев). Во-вторых, учреждения, вошедшие в групповые формулярные списки, не всегда имели полный комплект служащих. Пропуск должностей объясняется главным образом тем, что их либо занимали лица, не имевшие чинов (в том числе, выборные лица: купеческие заседатели губернских судебных палат и совестного суда, сельские заседатели совестного суда, уездных и земских судов), либо их вакантностью. В-третьих, в групповых формулярных списках практически отсутствует информация о канцелярских служителях, составлявших значительную часть аппарата управления. Выявленные пробелы я попытаюсь заполнить данными из других источников.

Обращаясь к сведениям, полученным в ходе изучения штатных расписаний, можно установить недостающее число служащих, относимых к разряду присутствующих лиц, которое на 1806 г. составляло 95 штатных должностей (47 — по назначению от правительства, 6 — по городским выборам и 42 — сельским), на 1826 г. — 145 (94 — по назначению от правительства, 3 — по дворянским выборам, 6 — городским и 42 — сельским), на 1844 г. — 87 (37, 2, 6 и 42 соответственно).

Определение точного количества служащих канцелярий является одной из самых сложных исследовательских задач по причине фрагментарности источниковой базы. Штатные расписания не содержат полных сведений о канцеляриях. Сопоставление данных с групповыми формулярными списками позволило выявить, что в 1806 г. пропущены 3, 1826 г. — 33, в 1844 г. — 169 канцелярских должностей. Конечно, эти сведения недостаточны и требуют существенного дополнения. Компенсировать пробелы основного источника я попыталась по формулярным спискам, сохранившимся в ГА ВО³⁶. Однако и здесь пришлось столкнуться со значительными трудностями, поскольку, как уже было сказано ранее, эти документы фрагментарны и в большинстве своём не синхронизируются с исследуемыми годами.

Списки, датированные ранее 1840 г., сохранились крайне плохо. Из всех учреждений губернского уровня наиболее полный комплект документов обнаружен в фонде совестного суда³⁷. В 1800—1820-х гг. его канцелярия включала 10—11 служащих (половина из них числилась вне штата), из которых 4—5 человек являлись канцелярскими служителями (т.е. их доля в составе канцелярии достигала 40—50%). В 1830-х гг. денежной суммы, выделяемой совестному суду на канцелярию, хватало на оплату труда лишь 2—3 человек, среди которых состояло не более одного канцелярского служителя. По другим губернским учреждениям сохранились только более поздние формулярные списки. Из до-

³⁶ Выявить другие архивные источники, которые бы содержали интересующие нас показатели, не удалось. В литературе представлены сведения по Вологодскому наместничеству на 1786 г.: количество служащих канцелярий (и чиновников, и канцелярских служителей) насчитывало 535 человек. После реформирования системы управления в конце XVIII — начале XIX в. их численность сократилась минимум на треть и не должна была превышать 350 человек. Подробнее см.: *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России... С. 704—717.

³⁷ ГА ВО, ф. 175, оп. 2, д. 3, л. 3 об.—376.

кументов палаты гражданского суда выявлены сведения за 1820—1830-е гг.³⁸ С 1828 по 1836 г. её канцелярия действовала в составе 21—23 человек, и численность канцелярских служащих на протяжении этого периода постепенно увеличивалась: в 1828 г. — 4 человека, 1829 г. — 6, 1831 г. — 7, 1834 г. — 13, 1835 г. — 14, в 1836 г. — 16 человек. С 1837 по 1840 г. общее количество работников канцелярии выросло и колебалось от 23 до 28 человек, а число канцелярских служащих несколько уменьшилось и стало более стабильным: в 1837 г. — 14, 1838 г. — 12, 1839 г. — 12, в 1840 г. — 13 человек. В целом доля канцелярских служащих в гражданской палате колебалась от 20% в 1828 г. до 40 в 1840 г. В архивном фонде приказа общественного призрения удалось выявить формулярные списки служащих канцелярии за 1830-е гг.³⁹ На протяжении этого периода их численность выросла с 8 до 13 человек, причём доля канцелярских служащих в общем составе варьировалась от 40 до 50% (в 1833 г. — 4, 1838 г. — 7, в 1840 г. — 5 человек). Также обнаружены сведения о служащих канцелярии губернского прокурора за 1839 г.⁴⁰, которая состояла из двух чиновников и одного канцелярского служащего.

Подведу некоторый итог представленным разрозненным цифрам. Сохранившиеся документы не дают возможности произвести точные подсчёты по всем губернским учреждениям. Однако по тем из них, которые удалось обследовать, можно увидеть, что доля канцелярских служащих в среднем составляла 30—40%.

По уездным учреждениям сохранились формулярные списки уездных судов⁴¹, которые показывают, что в конце 1810-х — середине 1830-х гг. они располагали канцеляриями в 8—10 человек, а численность канцелярских служащих не превышала 4 человек. Также удалось обнаружить сведения о канцеляриях уездных казначейств⁴², которые с середины 1820-х гг. насчитывали 4—5 человек (исключением являлось только вологодское — 7—10 человек). Численность канцелярских служащих составляла 40—50% от общего состава. Среди архивных документов не удалось выявить данных по земским судам, но можно с уверенностью сказать, что их канцелярии были не больше, чем в уездных судах. По всей видимости, и число канцелярских служащих оставалось примерно таким же. По городским учреждениям сохранились формулярные списки канцелярии Грязовецкого городнического правления за 1806 и 1819—1821 гг.⁴³, которая в указанные годы включала 3—4 человека, в среднем двое из них являлись служащими. По Вологодской и Устюжской полициям данных не выявлено, но известно, что их канцелярии были минимум в два раза крупнее.

Итак, согласно формулярным спискам, выявленным в ГА ВО, в первой трети XIX в. доля канцелярских служащих в канцеляриях местных учреждений в среднем составляла 40%. При этом в губернских учреждениях, а также в городских и уездных присутственных местах уездов, примыкавших к гу-

³⁸ Там же, ф. 178, оп. 3, д. 2, л. 1 об.—10; д. 3, л. 1 об.—11; д. 4, л. 1 об.—13; д. 7, л. 1 об.—17; д. 11, л. 1 об.—14; д. 13, л. 5 об.—6; д. 14, л. 1 об.—11; д. 18, л. 4 об.—5; д. 20, л. 3 об.—4; д. 23, л. 1 об.—15; д. 27, л. 1 об.—12; д. 30, л. 1 об.—21; д. 36, л. 1 об.—17; д. 39, л. 1 об.—15.

³⁹ Там же, ф. 19, оп. 1, д. 27, л. 1 об.—159.

⁴⁰ Там же, ф. 806, оп. 1, д. 27, л. 8 об.—15.

⁴¹ Там же, ф. 239, оп. 1, д. 332, л. 5 об.—133; д. 560, л. 1 об.—67.

⁴² Там же, ф. 388, оп. 8, д. 121, л. 2 об.—11; д. 467, л. 2 об.—9; д. 468, л. 2 об.—8; д. 469, л. 2 об.—11; д. 470, л. 1 об.—16; д. 472, л. 1 об.—16; д. 476, л. 2 об.—11; д. 483, л. 2 об.—152; д. 953, л. 2 об.—8; д. 955, л. 2 об.—8.

⁴³ Там же, ф. 469, оп. 2, д. 210, л. 3 об.—21.

бернскому центру (Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский), она была несколько ниже. В отдалённых от Вологды уездах этот показатель мог достигать 50—60%. Ориентируясь на полученный нами средний показатель (40%) и имея в распоряжении данные о канцелярских чиновниках из групповых формулярных списков РГИА (в 1806 г. — 189, в 1826 г. — 288 человек), можно подсчитать условное количество канцелярских служащих: 1806 г. — 126, 1826 г. — 192 человека (см. табл. 4). Отмечу, что предложенный алгоритм вычисления не позволяет получить точные цифры, но в условиях плохой сохранности источников его применение целесообразно.

Среди материалов ГА ВО 1840-х гг. удалось выявить групповые формулярные списки всех служащих в учреждениях, подведомственных министерствам юстиции и финансов. Благодаря этому установлено, что в 1844 г. в них в общей сложности насчитывалось 179 канцелярских служащих (в судебных учреждениях — 109, в финансовых — 70)⁴⁴. Документы также дают возможность определить, какова была их доля в общем составе канцелярий и сравнить с предыдущими подсчётами. Так, в казённой палате состояло на службе 63% канцелярских чиновников и 37% канцелярских служащих, в губернских судебных учреждениях (судебные палаты, совестный суд, канцелярия губернского прокурора, губернская посредническая комиссия) — соответственно 47 и 53, в уездных казначействах — 42 и 58, в уездных судах — 47 и 53, в городских сословных судах — 50 и 50 %. В целом по канцеляриям финансовых учреждений доли чиновников и служащих составляли 53 и 47%, судебных — 48 и 52, а в общей сумме по обоим ведомствам — 50 и 50 %. Пожалуй, последний показатель можно рассматривать как среднестатистический.

По учреждениям министерств внутренних дел и государственных имуществ не сохранилось полных списков служащих за середину 1840-х гг.⁴⁵ Однако по групповому формулярному списку РГИА 1844 г. можно установить количество их канцелярских чиновников. Так, в учреждениях МВД их насчитывалось 129⁴⁶, а в палате госимуществ и окружных управлениях — 39⁴⁷. Если мы применим по отношению к этим данным подсчитанный выше среднестатистический показатель и предположим, что доля этих лиц составляла половину, то количество канцелярских служащих не должно было превышать 129 и 39 соответственно. Полученные результаты можно перепроверить, сопоставив, с одной стороны, штатные расписания, которые по интересующим нас учреждениям к середине 1840-х гг. уже включали полные списки канцелярских должностей (учитывая, что в случаях, когда штатное расписание содержало исчерпывающий перечень должностей, местные учреждения, как правило, значительно не превышали предложенный законом состав), а с другой — перечень должностей, которые были заполнены канцелярскими чиновниками, согласно групповому формулярному списку РГИА 1844 г.

В результате удалось определить, что в формулярном списке пропущены 84 канцелярские должности по учреждениям МВД: по губернскому правле-

⁴⁴ Там же, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 1а об.—1044.

⁴⁵ В ГА ВО удалось обнаружить лишь полные сведения по небольшим по числу служащих учреждениям — канцелярии губернатора и приказу общественного призрения (см.: Там же, ф. 18, оп. 1, д. 1348, л. 18 об.—19, 63 об.—67, 83 об.—84, 104 об.—105; ф. 19, оп. 1, д. 27, л. 334 об.—355). По остальным учреждениям сведения либо отрывочны (разновременные формулярные списки на отдельных чиновников), либо отсутствуют.

⁴⁶ РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1844, д. 473, ч. 3, л. 1 об.—559.

⁴⁷ Там же, 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246.

нию — 23, комиссии народного продовольствия — 1, земским судам — 40, городским полициям — 18, градским думам — 2. Кроме того, по канцелярии губернатора, губернской строительной комиссии и приказу общественного призрения в формулярном списке 1844 г. представлены полные составы служащих, включавшие в общей сумме 7 канцелярских служащих. Относительно учреждений, подведомственных Министерству госимуществ, выявлены 32 пропущенные канцелярские должности (по палате госимуществ — 8, по окружным управлениям — 24). Как видно, первоначальные подсчёты оказались несколько завышенными: 129 и 39 против 91 и 32. Однако, поскольку и те и другие числа получены путём логических экстраполяций, в настоящем исследовании я буду придерживаться наибольших величин.

В результате сопоставления данных, полученных из разных источников, удалось, на мой взгляд, определить количественные показатели местного аппарата управления, наиболее близкие к реальным в изучаемый период. Таблица 4 отражает итоговые подсчёты: в 1806 г. общая численность вологодских служащих составляла 546 человек, в 1826 г. — 756, в 1844 г. — 1 019 человек. Следовательно, удалось зафиксировать рост аппарата управления на 47%. При этом количество лиц, относимых к разряду «присутствующих», увеличилось на 29%, тогда как общее число служащих канцелярий — на 55%.

Таблица 4

Численность служащих Вологодской губернии в первой половине XIX в.

Категория служащих		1806 г.		1826 г.		1844 г.		
		человек	%	человек	%	человек	%	
Служащие в составе присутствий учреждений	по определению от правительства*	150	27,5	197	26,1	234	22,9	
	по выборам	дворянства*	33	6,0	31	4,1	43	4,2
		купечества**	6	1,1	6	0,8	6	0,6
		крестьянства**	42	7,7	42	5,5	42	4,1
Служащие в составе канцелярий учреждений	канцелярские чиновники***	189	34,6	288	38,1	347	34,1	
	канцелярские служащие****	126	23,1	192	25,4	347	34,1	
Всего		546	100	756	100	1019	100	

Составлено по: ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 1 а об.—1044; РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1806, д. 37, л. 1 об.—176; 1826, д. 129, л. 1 об.—492; 1844, д. 473, ч. 1, л. 1 об.—256; ч. 2, л. 1 об.—332; ч. 3, л. 1 об.—559; 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246; ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 29. № 22567; Т. 34. № 26764; Т. 36. № 27668; Т. 38. № 29694; Т. 39. № 30116; Т. 40. № 30291; Т. 44. Ч. 2 [К № 22992, 24985, 27228, 29694, 30516]; ПСЗ-II. Т. 4. № 2841; Т. 11. Отд. 1—2. № 9240; Т. 12. Отд. 1—2. № 10303, 10304, 10305; Т. 13. Отд. 1—2. № 11189; Т. 15. Отд. 1—2. № 14105; Отд. 1, 3. № 14107, 14108; Т. 19. Отд. 1—2. № 17657.

* Численность определена при сопоставлении групповых формулярных списков из фондов РГИА и штатных расписаний.

** Численность определена по штатным расписаниям.

*** Численность определена по групповым формулярным спискам из фондов РГИА и ГА ВО.

**** Численность определена при сопоставлении данных штатных расписаний и формулярных списков из фондов РГИА и ГА ВО.

Такая динамика связана не столько с появлением в системе местного управления новых учреждений, сколько с усложнением структуры уже действовавших. Верховная власть стала уделять больше внимания внутреннему устройству учреждений, выделяя в их составе отделения, столы и т.п. По всей видимости, с расширением канцелярий связывались надежды на повышение оперативности управления на местах при увеличивающихся объёмах документооборота. При этом численность лиц, занимавшихся канцелярской работой, росла преимущественно в губернских учреждениях. Так, казённая палата к середине 1840-х гг. увеличила свою канцелярию больше чем в два раза по сравнению с 1806 г., на треть выросли канцелярии губернских судебных палат; во второй четверти XIX в. в отдельные учреждения выделились канцелярия губернатора, насчитывавшая не менее 20 человек, и канцелярия губернского прокурора (3—4 человека). Определённое влияние на общую динамику показателей оказало включение в разряд государственных служащих канцелярских работников городских сословных учреждений.

Для того чтобы понять, за счёт усиления каких звеньев рос местный аппарат управления, необходимо обратить внимание на распределение численности служащих по ведомствам.

Как следует из таблицы 5, рост не был равномерным. Если в первой четверти XIX в. постепенно увеличивалась численность уездных служащих (с 61,9% в 1806 г. до 63,9% в 1826 г.), то во второй — губернских (с 36,1% в 1826 г. до 39,7% в 1844 г.). Правительство стремилось усилить кадровый состав полицейских и финансовых учреждений, при этом приоритет отдавался последним. На это указывает прирост общей численности служащих по ведомствам: по Министерству финансов он составил не менее 40%, внутренних дел — 35, юстиции — 30%.

Таблица 5

Распределение численности служащих Вологодской губернии по ведомствам

Министерство	Учреждения	1806 г.		1826 г.		1844 г.	
		человек	%	человек	%	человек	%
внутренних дел	губернские	86	15,7	98	13,0	143	14,9
	уездные*	153	28,0	205	27,1	228	23,7
финансов	губернские	61	11,2	93	12,3	88	9,2
	уездные	59	10,8	121	16,0	110	11,4
юстиции	губернские	61	11,2	82	10,8	99	10,3
	уездные	126	23,1	157	20,8	170	17,7
государственных имуществ	губернские	0	0,0	0	0,0	51	5,3
	уездные	0	0,0	0	0,0	72	7,5
Всего		546	100	756	100	961	100

Составлено по: см. таблицу 4.

* По МВД в категорию «уездные чиновники» отнесены служащие градских полиций и городских канцелярий городских сословных учреждений, которые отнесены к разряду государственных служащих только в 1837 г. и, соответственно, не учитывались при подготовке статистики за 1806 и 1826 гг.

Во избежание искажения общей динамики из подсчётов по 1844 г. были исключены работники канцелярий городских сословных учреждений, которые отнесены к разряду государственных служащих только в 1837 г. и, соответственно, не учитывались при подготовке статистики за 1806 и 1826 гг.

В 1806 г. самыми крупными губернскими учреждениями, имевшими примерно равное количество служащих, являлись губернское правление и казённая палата. Но в последующие десятилетия состав губернского правления увеличился незначительно, в то время как в казённой палате он постепенно рос. Уже к середине 1820-х гг. последняя превратилась в самый крупный орган местного управления. Немаловажную роль в этом сыграли изменения в питейном и соляном управлении. С 1818 г. в структуре казённой палаты появилось отделение питейных сборов, а в уездах — уездные правления питейного сбора. Последние, правда, были упразднены с 1 сентября 1827 г., что привело к уменьшению численности уездных служащих Министерства финансов. В 1839 г. на территории Вологодской губ. открылись учреждения Министерства государственных имуществ. К ним перешёл ряд функций финансового управления, что повлекло реструктуризацию казённой палаты (создание ревизского отделения и упразднение хозяйственного и лесного). Однако всё это не сильно отразилось на общей численности служащих Министерства финансов: в 1844 г. казённая палата по-прежнему являлась самым многочисленным учреждением (её доля в общем составе местного аппарата достигала 9,2%). В целом динамика удельного веса служащих министерства выглядит неровной (1806 г. — 22%, 1826 г. — 28,3, 1844 г. — 20,6%). Но при анализе этих показателей следует учитывать, что и учреждения Министерства государственных имуществ, которые также можно отнести к органам финансового управления, содержали довольно крупный корпус служащих (12,8% в 1844 г.)

В развитии административно-полицейских учреждений наблюдалась совершенно иная ситуация. В первой четверти XIX в. на губернском уровне значительных изменений не происходило, на уездном же численность служащих земских судов выросла примерно на треть. Затем, не расширяя состав губернского правления, центральное правительство инициировало создание особых специализированных губернских учреждений (комиссий и комитетов), сфера деятельности каждого из которых была направлена на решение конкретной задачи⁴⁸. После издания «Наказа губернаторам» 1837 г. «нормальный штат» приобрела канцелярия губернатора. К 1844 г. значительно вырос аппарат приказа общественного призрения — как, собственно, и объёмы капиталов, которыми он распоряжался. Фактически он превратился в финансово-кредитное учреждение, а социальные функции в его деятельности отошли на второй план⁴⁹.

Определённую роль в увеличении численности служащих МВД сыграла реформа дворянского сословного самоуправления (1831), в результате которой в состав губернских учреждений вошло дворянское депутатское собрание. Что же касается уездного звена управления, то реформа земских судов (1837) не привела к существенному росту количества штатных служащих на местах.

⁴⁸ Первые подобные учреждения — комиссия народного продовольствия, тюремный комитет, оспенный комитет — появились при Александре I, но они были немногочисленны по составу, а их деятельность можно охарактеризовать как вялотекущую. С 1830-х гг. количество комитетов и комиссий в губернии значительно увеличилось (открылись строительная и дорожная комиссии, статистический комитет и т.д.). Они имели собственные канцелярии; регламентированию их деятельности уделялось особое внимание.

⁴⁹ Подробнее об этом см., например: *Смирнова Е.М.* Приказы общественного призрения и здравоохранение в России (конец XVIII — середина XIX вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 4(30). С. 6—17.

В целом в изучаемый период в составе провинциального аппарата удельный вес служащих по МВД несколько сократился: с 43,7 до 38,6%.

Учреждения Министерства юстиции значительным изменениям в изучаемый период не подвергались. Судебные палаты увеличили свои канцелярии на треть, в совестном суде же, наоборот, число канцелярских работников сократилось до минимума (с 10 человек в 1806 г. до 2 в 1844 г.). Некоторое влияние на динамику численности служащих оказало появление в 1839 г. посреднической комиссии под председательством губернского предводителя дворянства. Состав уездных судов увеличивался только в первой четверти XIX в. (примерно на треть), тогда как во второй рост уездных служащих Министерства юстиции практически не наблюдался (исключение составило лишь появление в 1837 г. должности штатного писаря при уездном стряпчем).

При характеристике количественных показателей государственного аппарата нельзя обойти вниманием вопрос об их соответствии численности населения управляемой территории. В последнее десятилетие исследователи всё чаще обращаются к этой проблеме, указывая на «недоуправляемость» Российской империей⁵⁰. К такому выводу некогда пришли зарубежные учёные, сопоставив данные о численности государственного аппарата в России и Западной Европе⁵¹. В настоящее время установлено, что в России на 1 тыс. жителей в начале XIX в. приходилось 1,06 служащих, в середине века — 1,66, что было в 4—5 раз меньше, чем за рубежом⁵². В этих подсчётах учитывалась и центральная, и местная бюрократия. Если же обратиться к данным только по местному управлению и соотнести их с численностью населения, то окажется, что на уровне провинции нехватка административного персонала ощущалась сильнее.

Напомню, что в основу административно-территориального деления, сформированного в результате губернской реформы 1775 г., был положен принцип численности податного населения. Предполагалось, что каждая губерния (или наместничество) должна включать примерно 300—400 тыс., а уезд — 20—30 тыс. жителей⁵³. С учётом этого разрабатывались штаты местного аппарата управления и определялась численность служащих. Однако на практике при выделении административно-территориальных единиц установленные нормы не соблюдались. Так, Вологодское наместничество на момент учреждения разделялось на 12 уездов, охвативших 554 769 душ, «положенных в оклад»⁵⁴ (т.е. более 45 тыс. человек на 1 уезд). Общая численность служащих составляла 951 человек⁵⁵, или 1,71 на 1 тыс. жителей. После реформы системы управления в конце XVIII — начале XIX в. местный аппарат управления сократился на треть, и в последующие десятилетия темпы его роста были несопоставимы с увеличением населения: в 1806 г. в Вологодской губ. проживало 606 164 человека⁵⁶ и на каждого служащего приходилось 1 110 жителей (или 0,9 служащих

⁵⁰ Подробнее см.: *Миронов Б.Н.* Российская империя... Т. 2. С. 435—439, 654—655.

⁵¹ *Большакова О.В.* Социальная история бюрократии императорской России в англо-американской историографии // Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX вв. Общее и особенное. Материалы XII всероссийской научно-теоретической конференции. М., 2008. С. 84—85.

⁵² *Миронов Б.Н.* Российская империя... Т. 2. С. 435.

⁵³ ПСЗ-1. Т. 20. № 14392.

⁵⁴ РГАДА, ф. 1261, оп. 12, д. 41, л. 74.

⁵⁵ Там же, л. 33—45 об., 51—70 об.

⁵⁶ Известия, служащие к топографическому описанию Вологодской губернии, сообщённые в Императорскую академию наук бывшим оныя корреспондентом Яковом Фризом // Приложение

на 1 тыс. жителей). К 1844 г. население выросло до 801 017 человек⁵⁷, и показатель составил 1 к 800 (или 1,25).

Не менее интересные данные получатся, если рассмотреть соотношение численности служащих уездных учреждений и населения уездов, сопоставив 1786 и 1844 гг.: в Вологодском уезде в 1786 г. на 1 тыс. жителей на службе состояло 0,7 человек, в 1844 г. — 0,5; в Грязовецком уезде — соответственно 0,6 и 0,6; Кадниковском — 0,5 и 0,4; Вельском — 0,7 и 0,6; Тотемском — 0,9 и 0,5; Устюжском — 0,9 и 0,6; Никольском — 0,7 и 0,5; Сольвычегодском — 0,8 и 0,6; Устьсыольском — 1,1 и 0,8; Яренском — 1,1 и 1,5 человек⁵⁸. Следует подчеркнуть, что аппарат управления на уровне уезда выглядел весьма скромно и насчитывал в 1844 г. в среднем 45—50 человек (в самом «бюрократизированном» Яренском уезде служили 42 человека). Конечно, необходимо учитывать и неравномерность размещения населения на территории губернии, что также оказывало влияние на деятельность местных учреждений. Так, если в Вологодском уезде на 1 кв. версту приходилось 25 душ, то в Яренском и Устьсыольском — соответственно 0,5 и 0,3⁵⁹.

Подводя итог общим подсчётам, следует, конечно, попытаться сопоставить полученные данные с общероссийской статистикой и результатами исследований по другим губерниям. К сожалению, здесь пришлось столкнуться со значительными трудностями. Что касается общероссийских показателей по первой половине XIX в., в научной литературе представлены довольно разрозненные и в большинстве своём предположительные данные. Так, по приблизительным оценкам немецкого историка Х.Й. Торке в 1800 г. общая численность гражданских служащих составляла 38 тыс. человек⁶⁰. Л.Ф. Писарькова полагает, что в местном аппарате управления к началу XIX в. были задействованы 30—33 тыс. человек⁶¹. Также она установила, что в 1832 г. в петербургских учреждениях удельный вес канцелярских служащих составлял 25%, и сочла, что в целом «в местном управлении, которое по числу низших штатных должностей превосходило центральное», этот процент должен быть выше⁶². Дореволюционный публицист Е.П. Карнович указывал, что в 1840-х гг. «число штатных мест по гражданскому ведомству простиралось... до 35 000»⁶³. П.А. Зайончковскому удалось обнаружить точные сведения на середину века: в 1847 г. численность

технологического журнала, состоящее из Учёных известий, имеющих предметом приложение учинённых в науках открытий к практическому употреблению. 1806. Т. III. Ч. 1. С. 29.

⁵⁷ *Пушкарёв И.* Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. Т. I. Кн. IV. Описание Вологодской губернии. СПб., 1846. С. 28.

⁵⁸ Подсчитано по: ГА ВО, ф. 14, оп. 2, д. 11, л. 990 об.—1042; РГАДА, ф. 1261, оп. 12, д. 41, л. 33—45 об., 51—70 об., 73 об.—74; РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1806, д. 37, л. 1 об.—176; 1844, д. 473, ч. 1, л. 1 об.—256; ч. 2, л. 1 об.—332; ч. 3, л. 1 об.—559; 1844, д. 474, ч. 1, л. 1 об.—27; ч. 2, л. 1 об.—246; ПСЗ-I. Т. 27. № 21051; Т. 44. Ч. 2 [К № 24985]; ПСЗ-II. Т. 15. Отд. 1—2. № 14105; Отд. 1, 3. № 14107, 14108; Т. 19. Отд. 1—2. № 17657.

⁵⁹ Приводятся данные о размещении населения на середину XIX в. (подробнее см.: Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. Т. II. Ч. 3. Вологодская губерния / Сост. П.К. Услар. СПб., 1850. С. 290).

⁶⁰ *Torke H.J.* Das Russische Beamtentum... S. 136.

⁶¹ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России... С. 506.

⁶² *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX в. // Человек. 1995. № 3. С. 123.

⁶³ *Карнович Е.П.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М., 1995. С. 654.

только чиновников составляла 61 548 человек, в 1857 г. — 86 066⁶⁴. Исследователь также привёл данные о числе канцелярских служащих в 1857 г. — 32 073 человека, или 35,55% от всех государственных служащих⁶⁵. Если учесть общее количество губерний в изучаемый период и предположить, что Вологодская губ. с десятью уездами может рассматриваться как средняя по величине местного аппарата, приведённые выше сведения (и в абсолютных, и в относительных величинах) в целом не противоречат итогам моих подсчётов.

Конечно, в отечественной историографии имеются публикации, в которых приводятся данные, не согласующиеся с вышеприведёнными цифрами⁶⁶. Особое внимание следует уделить монографии О.В. Моряковой, посвящённой местному управлению при Николае I. В этой работе автор не привела никаких общих данных по численности служащих (ни в целом по России, ни по отдельным губерниям), но пришла к выводу, что «рост бюрократического аппарата губернских и уездных присутственных мест составлял во второй четверти XIX в. в среднем 1,5—3% ежегодно», и в целом «чиновничьи штаты... увеличились на 45—90%»⁶⁷. При этом остаётся неясным, какие показатели и за какой год были взяты за точку отсчёта и до каких размеров вырос местный аппарат к середине XIX в. Если соотнести указанные проценты с результатами моего исследования, то получится, что с 1826 по 1844 г. численность служащих ежегодно увеличивалась примерно на 1,5%, и при сохранении таких темпов к 1855 г. должна была достигнуть 1200 человек. Следовательно, за период правления Николая I местный аппарат вырос всего на 37%, но никак не на 45 и уж тем более не на 90%.

Довольно непросто оказалось обнаружить в научной литературе данные о численности служащих по другим губерниям. В одних исследованиях, посвящённых местной бюрократии, вообще не ставилась такая задача⁶⁸, в других же приводятся отрывочные сведения без пояснения, каким образом производились подсчёты и какие категории служащих они охватили. Так, Л.В. Мерзлякова, основываясь на собранных в ходе сенаторской ревизии списках гражданских служащих, указала, что в 1800 г. в Вятской губ. насчитывалось 200 чиновников и 338 канцелярских служащих; показатели на середину XIX в. она почерпнула

⁶⁴ *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат... С. 67—68.

⁶⁵ Там же. С. 68.

⁶⁶ Так, Н.П. Ерошкин полагал, что в 1804 г. насчитывалось примерно 13 260 чиновников, из них 7 680 — в местном аппарате (*Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие... С. 63). Эти подсчёты основаны на данных адрес-календарей Российской империи, которые, о чём уже говорилось, не позволяют получить точные показатели. Весьма любопытные сведения находим в работе Л.Е. Шепелёва: «По данным Министерства финансов, в начале 1830-х гг. на государственной службе в России находилось уже около 105 тысяч гражданских чиновников» (см.: *Шепелёв Л.Е.* Чиновный мир России... С. 119). Однако автор не указывает источник полученной информации, что не позволяет проверить правдивость этих данных и ставит под сомнение возможность их использования в научных исследованиях. Б.Н. Миронов попытался обобщить имеющиеся в литературе сведения о численности чиновников за период с 1646 по 1915 г. (см.: *Мионов Б.Н.* Российская империя... Т. 2. С. 431).

⁶⁷ *Морякова О.В.* Система местного управления России при Николае I. М., 1998. С. 195.

⁶⁸ См., например: *Вакилев Т.Р.* Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2017. С. 196—197; *Павлюк Ю.Б.* Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века (на материалах Московской и Тверской губерний). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 64—68; *Поскачей Т.А.* Провинциальное чиновничество России... С. 128—129, 183, 255, 258; и др.

из статистики, собранной для Памятной книжки Вятской губ., где числилось 926 чиновников⁶⁹ (этим числом охвачены все служащие лица, имевшие чины, в том числе по военному, учёному, почтовому, духовному и иным ведомствам⁷⁰). В диссертации Ю.Н. Токмаковой приводятся точные относительные показатели (в начале XIX в. в Курской губ. удельный вес чиновников составлял 41%, канцелярских служащих — 59%; в середине XIX в. — 46 и 54%⁷¹) и не имеющие соответствующих пояснений абсолютные⁷².

Обзор исследований по другим губерниям выявляет аналогичный «плюрализм» в методиках определения численности служащих, которые, к сожалению, также вызывают сомнения относительно достоверности и точности данных⁷³. Именно поэтому, несмотря на наличие большого числа таких работ, фактически отсутствуют возможности для их сравнения. Пожалуй, единственные на сегодняшний день публикации, где с опорой на источники произведены подробные подсчёты, принадлежат В.А. Иванову. Правда, автор занимается изучением местного аппарата управления только середины XIX в. (в частности, он установил, что в 1855—1861 г. общая численность служащих Калужской губ., включавшей 11 уездов, составляла 1 285 человек)⁷⁴.

Итак, проведённое исследование позволило установить, что документальные источники, традиционно применяемые для определения количественных показателей местного аппарата управления, обособленно друг от друга не могут дать точных сведений о фактической численности служащих. Предложенная в статье методика расчёта показателей позволила компенсировать пробелы источников и на материалах отдельно взятой губернии определить численность провинциальных служащих наиболее близко к реально существовавшей в изучаемый период. Это также дало возможность увидеть соотношение разных категорий служащих в местном аппарате и проследить динамику количественных показателей.

Установлено, что в Вологодской губ. на протяжении первой половины XIX в. наблюдался рост численности служащих по всем ведомствам: к 1844 г. он составил 47% по сравнению с показателями 1806 г. Количество служащих ежегодно увеличивалось на 1,5—1,6%. Если предположить, что установленные темпы роста характерны для всего изучаемого периода, то в 1801 г. насчитывалось примерно 500 служащих, а в 1855 г. — 1 200, т.е. за первую половину

⁶⁹ Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии... С. 61.

⁷⁰ Ввиду того что в диссертации Л.В. Мерзляковой не указано, чиновники каких ведомств были учтены губернским статистическим комитетом, я обратилась к источнику, где были опубликованы эти данные: Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Вятка, 1857. С. 3—90, 168—169.

⁷¹ Токмакова Ю.Н. Провинциальное чиновничество Центральной России... С. 29—30.

⁷² Со ссылкой на дореволюционное издание, которое нам не удалось идентифицировать и выявить среди библиотечных каталогов, автор установила, что в 1804—1805 гг. по курским учреждениям министерств внутренних дел, финансов, юстиции и народного просвещения «имелось примерно 120 “табельных” чиновничьих мест и не более 200 мест, предполагавших возможность получения классного чина». Данные на 1860 г. автор взяла из Памятной книжки Курской губ., где сообщались сведения о местных чиновниках всех ведомств (помимо указанных четырёх министерств сюда попали служащие духовного и военного ведомств): «всего 581 “табельное” чиновничье место»; далее она сопоставила «несопоставимые» цифры (120 и 581) и пришла к выводу, что за первую половину XIX в. местный аппарат вырос в 4,8 раза (см.: Там же. С. 34—37).

⁷³ См., например: Мельникова И.Г. Чиновничество верхневолжских губерний... С. 122—125, 252, 258.

⁷⁴ Иванов В.А. Численность и состав провинциального чиновничества... С. 119.

XIX в. местный аппарат увеличился на 58%, или в 2,4 раза. Количество чиновников значительно превышало число штатных должностей, занятие которых предполагало наличие чина. В связи с этим половина чиновников занимались канцелярской работой. Несмотря на попытки правительства замедлить процесс приобретения чинов, доля чиновников оставалась довольно высокой, хотя и несколько сократилась (1806 г. — 68% от общего числа служащих, 1844 г. — 61%).

Анализ корпуса служащих с учётом категорий должностей и ведомственной подчинённости также позволил сделать важные наблюдения. Численность служащих в составе присутствий учреждений росла вдвое медленнее, чем число служащих канцелярий, причём количество канцелярских чиновников за изучаемый период увеличилось почти в два раза, а служителей — в три. Эта динамика объясняется, в первую очередь, усложнением структуры: верховная власть стала больше уделять внимания внутреннему устройству учреждений, выделяя в их составе отделения, столы. По всей видимости, с расширением канцелярий и дифференциацией функций внутри них были связаны надежды на повышение оперативности управления на местах при увеличивающихся объёмах документооборота. Распределение численности служащих по ведомствам позволило увидеть, что правительство стремилось к усилению кадрового состава административно-полицейских и финансовых учреждений, причём преимущество отдавалось последним. Это свидетельствует о приоритетных задачах государства в системе местного управления: поддержании общественного порядка и безопасности, обеспечении сохранности казённого имущества и поступления налогов в казну.

Итоги исследования не позволяют говорить о засилье бюрократии на местах. Они, напротив, отражают острую нехватку административного персонала на уровне провинции при явном несоответствии численности служащих и численности населения управляемой территории (если в начале XIX в. по России на 1 тыс. жителей приходился 1,06 служащих, то в Вологодской губ. — 0,9; в середине века — соответственно 1,66 и 1,25). Кроме того, губернские учреждения оттягивали на себя более трети кадрового состава, а на долю всех уездных учреждений, непосредственно взаимодействовавших с населением и выполнявших огромный объём работы, приходилось около 60—62% от общего числа служащих. По всей видимости, в изучаемый период в отношении местного управления государство действовало исходя из экономии бюджетных средств и минимизации казённых издержек, допуская лишь «выборочное» расширение штатов отдельных учреждений. Следует отметить, что, несмотря на реформы, предпринятые в последующие десятилетия, проблема нехватки кадров на местах осталась нерешённой. Даже в начале XX в. Россия была «страна относительно малочиновная», и если и страдала от развития бюрократии, «то не от количественного, а от качественного»⁷⁵.

⁷⁵ Рубакин Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы: опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. СПб., 1912. С. 62.

Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830—1850-х гг. в Смоленской губернии

Наталья Горская

The local administration and the «highest travels» of the 1830—1850s in Smolensk province

Natalia Gorskaya
(*Smolensk State University, Russia*)

DOI: 10.31857/S086956870008270-8

Появления высочайших особ, особенно — императоров и цесаревичей, непременно становились крупным событием в жизни российской провинции. Неудивительно, что путешествия Александра II, как в бытность его наследником, так и после вступления на престол, не раз привлекали внимание и отечественных, и зарубежных историков¹. Но при этом рассматривались преимущественно цели, стоявшие перед носителями верховной власти в поездках, церемонии, связывавшие элиту и народ, их символика и семантика. Гораздо меньше изучены действия местных властей при организации путешествий. Между тем встречи «высочайших путешественников» требовали от администрации серьёзных усилий и во многом отражали специфику взаимодействия центра и регионов империи в середине XIX в.

Обеспечение безопасности и комфорта передвижения было теснейшим образом связано с системой дорожных и почтовых коммуникаций, которой в 1830-е гг. управляли несколько правительственных структур. Почтовому департаменту подчинялись конторы и станции, расположенные на пути, строительство дорог вело Главное управление путей сообщения и публичных зданий, а за исполнение населением повинностей отвечал перед МВД губернатор, не имевший прямой власти над чиновниками других ведомств². При этом раскладка натуральных и денежных земских повинностей (с 1805 г. к ним относились почты, мосты, перевозки, дороги³) осуществлялась под руководством выборного губернского предводителя дворянства, пользовавшегося значительной административной самостоятельностью и нередко находившегося в конфликте с начальником губернии. Денежные повинности вносились затем на специальный счёт в казначействе, которое осуществляло оплату работ.

© 2020 г. Н.И. Горская

¹ *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984. С. 113—114; *Захарова Л.Г.* Путешествие по России наследника престола цесаревича Александра Николаевича. 1837 год // Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999. С. 5—18; *Уортман Р.С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004. О путешествиях других монархов и великих князей см.: Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу. М.; СПб., 2016.

² *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 2. Ч. II. СПб., 1902. С. 67.

³ *Лантева Л.Е.* Земские учреждения в России. М., 1993. С. 22—23.

В 1830-е гг. шло строительство «правильных» шоссе, покрытых битым камнем. Приступая к их созданию, в Петербурге стремились дать заработок местному населению, облегчить бремя натуральных повинностей и улучшить состояние дорог. В частности, в 1833 г. началось устройство шоссе от Смоленска к Дорогобужу⁴.

22 октября 1830 г. Николай I подписал указ «О новом устройстве почтовой части»⁵ и утвердил «Положение об устройстве почтовой части»⁶. В соответствии с ними с 1 января 1831 г. упразднились губернские почтамты (кроме Москвы и Петербурга), а «все почтовые места» империи распределялись по 11 округам во главе с почт-инспекторами, которым надлежало дважды в год осматривать подведомственные заведения и тракты на предмет благоустройства, порядка и чистоты в конторах и на станциях, поведения чиновников и почтальонов⁷.

До 1831 г. почтовые станции устраивались и содержались за счёт казны или земских повинностей. Стремясь сократить эти расходы, император попытался переложить их на частных лиц, выпустив 25 октября 1831 г. указ «О заведении вольных почт в России». «Новый промысел для поселян, не требующий ни особых пожертвований и капиталов, ни дальней отлучки хозяев от домов своих», должен был «исподволь» заменить «теперешний наём лошадей» и со временем, «по мере успешного развития», уменьшить «сбор с народа на содержание почтовой гоньбы, составляющий главнейшую статью земских повинностей»⁸. Альтернативная «вольная почта» устраивалась на всех дорогах, кроме соединявшей Москву и Петербург. Станции могли содержать представители всех сословий, включая помещичьих крестьян и почтовых служащих (кроме окружных и губернских начальников и их помощников), допускалось создание товариществ. Содержатели несли ответственность за качество предоставляемых услуг, состояние лошадей, повозок, сбруи и т.д. Им предписывалось нанимать «возчика не малолетнего и не престарелого, трезвого и способного к сей должности». Если «на одной и той же дороге» таких станций не хватало, государству приходилось восполнять недостаток «через отдачу почт с торгов» за счёт земских повинностей. Устройство торгов являлось одной из важнейших обязанностей губернатора⁹.

В первой половине 1830-х гг. постепенно из отдельных указов и распоряжений складывалась и законодательная база, регулировавшая «высочайшие путешествия». В 1836 г. гражданские губернаторы получили право во время проезда царя «нанимать лошадей в добавок к почтовым»¹⁰. Обычно для государственных нужд крестьяне поставляли лошадей бесплатно, «нарядом», «натуральной повинностью». При поездках царя и чиновников прогоны оплачивались за счёт земских повинностей¹¹. В 1825 г. на организацию проезда Александра I в Смоленской губ. было затрачено 3 240 руб. земского сбора¹². Однако со временем

⁴ Середонин С.М. Указ. соч. Т. 2. Ч. II. С. 157—159.

⁵ ПСЗ-II. Т. 5. Отд. II. СПб., 1831. № 4019.

⁶ Там же. № 4020.

⁷ Там же. § 211, 212, 222.

⁸ Там же. Т. 6. Отд. 2. СПб., 1832. № 4889. С. 147.

⁹ Там же. § 1—9, 26. С. 148, 151.

¹⁰ Государственный архив Смоленской области (далее — ГА СО), ф. 1, оп. 1, 1837, д. 27, л. 183 об.

¹¹ Там же, 1839, д. 31, л. 495.

¹² Там же, 1825, д. 15, л. 9.

«высочайшие путешествия» стали приравняться к оплачиваемым поездкам, тогда как «почты и эстафеты» освобождались от платежей¹³. В «Положении о дорожном сборе между С.-Петербургом и Москвой», утверждённом 7 декабря 1838 г., указывалось, что экипажи Императорского двора запрягаются как для проезжающих «на лошадях почтовых по подорожным, так и на лошадях вольнонаёмных передаточных и собственных». Брало для них «как со всех вообще проезжающих отдельно в каких бы то ни было экипажах»: 8 коп. летом и 4 коп. — зимой¹⁴.

К середине 1830-х гг. сложилась отработанная система оплаты труда лиц, обслуживающих поездки особ Императорской фамилии. Ямщикам и содержателям станций выдавались ярлыки, на основании которых затем производились расчёты. Ответственность за выдачу денег возлагалась на губернаторов. Для этого в МВД предоставлялись ведомости «о деньгах, употреблённых на наём лошадей». После согласования с Министерством финансов они через Комитет министров докладывались императору, который распоряжался об отпуске средств¹⁵. Во время своего путешествия в 1835 г. в одной из губерний царь отметил «медлительность в удовлетворении почтовых содержателей». Но порядок отчётности лишь усложнялся: теперь принимались только печатные ярлыки с указанием числа использованных животных и пройденных вёрст, подписывались они тем «чиновником, который выдаёт их ямщикам»¹⁶. Однако несмотря на бюрократические проволочки, частный характер путешествий царя приносил содержателям почт и ямщикам дополнительный заработок.

На Смоленщине, входившей в VI почтовый округ (Витебская, Могилёвская, Смоленская, Черниговская, Полтавская и Киевская губернии, с квартирой окружного инспектора в Чернигове), перевозкой почты и людей занимались губернская почтовая контора, 11 уездных контор и десятки станций¹⁷. Через губернию пролегали тракты, ведущие из столиц в северо-западные и южные губернии, наиболее важный из них шёл на Москву через Дорогобуж, Вязьму и Гжатск. Эту широкую дорогу, окружённую деревьями, устроили ещё при Екатерине II. Она сильно пострадала при нашествии Наполеона, но и в середине XIX в. оставалась важнейшим транзитным путём из центра империи на запад. В 1820—1830-е гг. через губернию проезжали прусские принцы и дипломаты, вел. кн. Константин Павлович, высокопоставленные сановники (гр. А.А. Аракчеев, гр. И.И. Дибич, гр. А.И. Чернышёв, Д.В. Дашков и др.)¹⁸. В сентябре 1825 г. через Поречье — Дорогобуж — Ельню — Рославль проследовал Александр I, направлявшийся в своё последнее путешествие, а несколькими днями позже и императрица Елизавета Алексеевна. Император остался доволен «очень хорошими дорогами»¹⁹. Не раз бывал в губернии и Николай I,

¹³ Там же, 1839, д. 31, л. 412.

¹⁴ Там же, л. 118—119. От платы за проезд по Московскому тракту освобождались местные жители, въезжавшие на шоссе для прогулки; ехавшие на небольшое расстояние; крестьяне, проезжающие между заставами; обозы для войска, ямщики без пассажиров, крестьянские возы с сельскими продуктами и изделиями на продажу; возы и лошади с материалами для ремонта шоссе; прогоняемый рогатый и мелкий скот.

¹⁵ Там же, л. 495.

¹⁶ Там же, 1837, д. 27, л. 246.

¹⁷ ПСЗ-II. Т. 5. Ч. II. Штаты и табели. Приложение к Положению об устройстве почтовой части. С. 53—54.

¹⁸ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1820, д. 20, 21; 1826, д. 20; 1830, д. 1, 16; 1834, д. 1, 2, 3.

¹⁹ Там же, 1825, д. 15, л. 74, 120.

благоволивший к смоленскому дворянству и древнему городу. В мае 1929 г., следуя на коронацию в Варшаву, он принял губернатора Н.И. Хмельницкого, доложившего о бедственном положении губернского центра и уездов, разорённых в 1812 г. В 1830 г. царь повелел сократить повинности местных жителей и выдать на восстановление Смоленска беспроцентную ссуду в 1 млн руб. на 15 лет²⁰.

В июле 1837 г., в ходе своего путешествия²¹ по России, возвращаясь из Сибири в Москву через Смоленск, Брянск, Калугу, Малоярославец и Бородино, губернию посетил наследник престола вел. кн. Александр Николаевич. На Смоленщине он пробыл четыре дня: с вечера 13 июля до субботнего утра 17 июля²². Цесаревича сопровождали воспитатели и наставники В.А. Жуковский, кн. Х.А. Ливен, генерал-адъютант А.А. Кавелин, К.И. Арсеньев, полковники С.А. Юрьевич и В.А. Назимов, друзья, обучавшиеся вместе с великим князем — гр. А.В. Адлерберг и А.В. Паткуль, лейб-медик И.В. Енохин, фельдъегери, камергер, кухня и проч.²³ Согласно инструкции императора, ехали двумя группами. В первой, которая отправлялась с вечера, находились экипажи фельдъегеря, принимавшего лошадей и кучеров на станциях, и камердинера наследника, кухня, Юрьевич и Назимов (отвечавший за денежные дела²⁴). Во второй группе следовали цесаревич и другие его спутники. За ними, через 6 часов, ехал фельдъегерь, оплачивавший прогоны²⁵. Для «издержек по путешествию», включая дорожные расходы, устройство обедов, раздачу денег бедным и т.п., отпускалось 60 тыс. руб.²⁶ Губернские казначейства, судя по отчётам, финансировали поездку из земского сбора²⁷. Николай I предписывал сыну посещать храмы, устраивать в губернских городах небольшие приёмы для местной элиты (губернатор, предводитель дворянства, городской голова, «наиболее выдающиеся» жители «из отставных», командиры расквартированных войск)²⁸, осматривать войска, правительственные учреждения и достопримечательности.

Подготовка к встрече на местах носила беспрецедентный характер. Обычно местные власти к царским визитам готовили только лошадей и дороги, не успевая произвести особых подготовительных мероприятий, поскольку фельдъегерь направлялся к ним за 12 часов до проезда монарха²⁹. В 1837 г. подготовка «по циркулярам» заняла четыре месяца, и ещё столько же времени ушло на переписку между ведомствами по отчётности. Первый циркуляр с указанием маршрута путешествия министр внутренних дел Д.Н. Блудов направил губернаторам 21 марта, но «косвенно» о предстоящем визите наследника престола стало известно ещё в ноябре 1836 г.³⁰

²⁰ Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711—1917 гг. Смоленск, 2004. С. 211.

²¹ Оно проходило со 2 мая по 12 декабря 1837 г. За это время цесаревич и его свита преодолели 20 тыс. вёрст и всюду встречали торжественный приём. Подробнее см.: Захарова Л.Г. Путешествие по России... С. 5, 9, 14.

²² Захарова Л.Г. Путешествие по России... С. 9; Венчание с Россией... С. 91, 95.

²³ Захарова Л.Г. Путешествие по России... С. 8.

²⁴ Венчание с Россией... С. 89.

²⁵ Там же. С. 23.

²⁶ Захарова Л.Г. Путешествие по России... С. 8; Венчание с Россией... С. 24.

²⁷ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1837, д. 27, л. 246—246 об.

²⁸ Венчание с Россией... С. 22.

²⁹ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1837, д. 27, л. 297.

³⁰ Там же, л. 124, 145.

В движение пришёл весь местный административный аппарат от белорусского генерал-губернатора П.Н. Дьякова до станционных смотрителей, основная нагрузка пала на уездных исправников и городничих. Смоленский губернатор Н.И. Хмельницкий «без проволочек» и «исправно» выполнял указания, поступавшие (иногда минуя генерал-губернатора) из МВД, Почтового департамента, Главного управления путей сообщения. Они касались маршрута и расписания проезда, количества и качества лошадей, профессиональных и нравственных достоинств ямщиков и форейторов, чистоты станций, подготовки квартир и т.п. В соответствии с «Общей инструкцией», составленной Николаем I, МВД специальным циркуляром требовало, «чтобы нигде на дороге никто из начальников не встречал и не сопровождал» цесаревича, губернаторам следовало ожидать его с докладом только на приготовленных квартирах³¹. Тогда же в министерстве решили для ознакомления великого князя с экономическим положением посещаемых им губерний использовать опыт первой мануфактурной выставки, прошедшей в Смоленске 23 января 1836 г. В конце августа — начале сентября из Петербурга разослали циркуляры, а затем и «Общий план губернских выставок», которые предстояло устроить «по примеру смоленской»³². В Калуге и некоторых других городах вел. кн. Александр Николаевич с удовольствием осматривал подобные экспозиции³³, но в Смоленске он оставил её без внимания, поскольку его больше интересовали места сражений 1812 г.³⁴

Труднее всего местной администрации было обеспечить высоких гостей лошаадьми и своевременно завершить ремонт дорог. Цесаревич и его свита следовали по трём трактам губернии (Калужскому, Смоленскому, Малороссийскому — из Юхнова через Климов завод, Вязьму, Дорогобуж, Смоленск и Рославль с ночлегами в Вязьме и Смоленске). На каждой из 20 станций, находившихся на этом пути, выставлялись 57 почтовых (27 для каждой группы проезжающих и 3 для фельдъегеря) и 27 запасных лошадей, «в хомутах... подле жердей, воткнутых в землю с означением на оных нумеров, для которых каждый шестерик приготовлен»³⁵. Таким образом, предстояло отыскать не менее 1 140 почтовых и 540 запасных лошадей, в то время как на всех 40 станциях смоленских трактов в 1837 г. насчитывалось лишь 400 лошадей и 107 ямщиков³⁶. Необходимое количество голов имелось только на Вяземской и Семлевской станциях³⁷. С апреля исправники перегоняли почтовых лошадей в нужные пункты, где их надлежало держать свежими (учитывалось количество вёрст, пройденных ранее), подыскав ямщиков и форейторов, которым выдавались специальные

³¹ Там же, л. 126; Венчание с Россией... С. 23.

³² Будаев Д.И., Левитин М.Н. Неизвестное об известных. Смоленск, 2003. С. 80.

³³ Венчание с Россией... С. 90.

³⁴ Он осмотрел поле боя под Вязьмой, под Красным («ничтожном городишке»), при Валутиной горе и в самом Смоленске (Венчание с Россией... С. 93—94). При этом его сопровождал белорусский генерал-губернатор П.Н. Дьяков, «участник войны 1812 года, да несколько провожатых из старожилов, очевидцев бессмертных событий» (Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. М., 2006. С. 71).

³⁵ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1837, д. 21, л. 3—3 об, 21. Запасные обеспечивали быструю езду (17—26 вёрст в час, что соответствовало расстоянию между почтовыми станциями) «на случай дурной дороги». Такой скорости даже опытные ямщики достигали только при благоприятных условиях (Там же, л. 26).

³⁶ Там же, д. 23, л. 3—3 об.

³⁷ Там же, д. 10, л. 9.

временные ярлыки³⁸. Больше всего их прибыло из Гжатского уезда, откуда в Юхнов (за 63 версты) направили 20 ямщиков и 53 лошади³⁹. Недостающих животных нанимали у местных владельцев, отбирая наиболее сильных и выносливых. Так, с почтовой станции Дрозжино Смоленского уезда капитану Энгельгардту вернули 20 «негодных» (малорослых и тощих) кляч⁴⁰. При этом в экипаж наследника разрешалось впрягать исключительно «лошадей почтовых, обезженных и смирных, которые бы не боялись... ехать ночью с факелами». Обывательскими он мог пользоваться только при посещении памятных мест, когда передвигался верхом, и то лишь при отсутствии казачьих⁴¹.

В результате со всей губернии собрали для высочайшего путешествия более 2 тыс. лошадей: 1 140 почтовых и 997 запасных. Тем самым на 20 станциях сосредоточили весь наличный «подвижной состав», оголив ещё 20. Во избежание остановки движения на них направлялись обывательские лошади, поступавшие «по наряду», который составляли земские суды и уездные предводители, отвечавшие за исполнение дорожной повинности⁴². Однако и это не помогло достичь обычного уровня обеспечения (10 лошадей на станцию): для замены «реквизированных» удалось получить всего 145 животных⁴³.

Одновременно шёл осмотр станций и осуществлялась проверка пригодности их служащих. Там, где не хватало смотрителей, их заменяли «чиновники от земской полиции». Приводились в порядок помещения, перед воротами устанавливались фонари на случай передвижения наследника престола в тёмное время⁴⁴. Особое внимание уделялось тому, чтобы избежать его столкновения с больными «прилипчивыми болезнями», поскольку эпидемии холеры, оспы, дифтерии случались тогда постоянно. По распоряжению Медицинского департамента МВД губернская врачебная управа и уездные врачи «при содействии полиции» специально обследовали здоровье населения в тех местах, через которые «его высочеству проезжать угодно»⁴⁵.

Однако в Петербурге прекрасно понимали, что успех путешествия во многом зависел от погоды и даже отложили на несколько дней выезд из столицы из-за «плохих дорог» (первоначально предполагалось, что великий князь будет в Смоленской губ. 7—11 июля)⁴⁶. Передвижение по почтовым трактам, не имевшим специального покрытия, в летнее время осложнялось большим количеством переправ. Когда в Рославльском уезде в конце июня прошли сильные дожди, уездный исправник Трембицкий, обеспокоенный тем, что «гати и мосты пришли в негодность», лично руководил их ремонтом, передав заботу об усилении станций лошадьми земскому заседателю кн. Друцкому-Соколинскому⁴⁷. По распоряжению губернатора на пути следования цесаревича менялись и красились пограничные и верстовые столбы, перила мостов, шлагбаумы.

³⁸ Там же, л. 1—7.

³⁹ Там же, л. 15.

⁴⁰ Там же, д. 21, л. 176 об. Характерно, что после проезда наследника не оказалось покалеченных или больных животных. Лишь в двух имениях Дорогобужского уезда была обнаружена «парша и краснота на 25 лошадях, командированных начальством» (Там же, д. 26, л. 83 об.).

⁴¹ Там же, д. 21, л. 70—70 об.

⁴² Там же, л. 49 об.

⁴³ Там же, д. 10, л. 17, 25, 28.

⁴⁴ Там же, д. 21, л. 84 об., 98.

⁴⁵ Там же, л. 46.

⁴⁶ Там же, л. 3—3 об., 11, 24, 25, 40.

⁴⁷ Там же, д. 10, л. 18 об.

К этому привлекались как крестьяне, так и специально нанятые мастера и рабочие. Помещиков, обновлявших дорожные сооружения своих имений, дорожбужский исправник просил не торопиться, чтобы к приезду великого князя краска не поблекла⁴⁸.

Для ночлега вел. кн. Александра Николаевича готовили «городнический дом» в Вязьме, дом губернатора в Смоленске и частный дом купца М. Рокочевского в Рославле, отремонтированный владельцем. Вяземская городская дума выделила городскому архитектору 250 руб. на ремонтные работы и наём мастеровых и «1 200 рублей на отделку и на покупку тех вещей, которых в Вязьме не имеется»⁴⁹.

Таким образом, несмотря на известное увеличение натуральных повинностей, местные жители получили дополнительные заработки. 8 марта 1838 г. «на удовлетворение ямщиков Смоленской губернии» уездные казначейства отпустили исправникам 1 984 руб. 15 коп.⁵⁰ Каждый ямщик получил двойные прогонные — по 36 руб. 23 коп.⁵¹, что составляло почти 18% годового жалования начальника уездной почтовой конторы (200 руб.)⁵². Вяземская городская дума израсходовала на «вознаграждение ямщиков» 65 руб.⁵³ Кроме того, в местах остановки цесаревича городничим или исправникам выдавались деньги для раздачи бедным и караульным. Так, в Вязьме на эти цели было потрачено 1 325 руб.: 10 человек, «избранных от общества», получили по 100 руб., вдова подпоручика Иванова — 25 руб., а 300 руб. было пожаловано «для раздачи беднейшим жителям». Сам вяземский городничий удостоился от царя «бриллиантового перстня». Рославльскому исправнику передали 25 руб. для караульных и 200 руб. для бедных. После Малоярославца Александр заехал с востока в Гжатский уезд, где посетил Колоцкий монастырь и пожертвовал 100 руб. обители и 200 руб. — крестьянам Колоцкой волости⁵⁴.

В городах наследника престола встречали колокольным звоном, иллюминациями, криками «ура», торжественными церковными службами⁵⁵. В Смоленске вел. кн. Александр Николаевич принял просьбу «отставного поручика Палицына, замешанного в событиях 14-ого числа», был расстроен судьбой «несчастных маленьких кантонистов», посетив их больницу⁵⁶, осмотрел острог, ездил «круг стен», гулял в саду, танцевал на балу «в частном доме», обедал с гостями, среди которых, помимо смолян, оказался и проезжавший псковский губернатор⁵⁷.

Накануне приезда великого князя свой пост покинул смоленский гражданский губернатор Хмельницкий — адъютант кн. М.И. Кутузова в 1812 г. и участник заграничных походов, активно занимавшийся подготовкой к торжественной встрече царского сына. Руководя губернией с 1829 г., он постоянно

⁴⁸ Там же, д. 21, л. 34—34 об., 67—68.

⁴⁹ Там же, д. 6, л. 2 об.

⁵⁰ Там же, д. 10, л. 58, 71.

⁵¹ Там же, д. 53, л. 39. На эти деньги в 1837 г. в Гжатском уезде можно было купить 48,5 пудов овса или 21,6 пуда гречневой крупы.

⁵² Там же, д. 23, л. 3.

⁵³ Там же, д. 6, л. 2.

⁵⁴ Там же, д. 21, л. 124, 139, 191—191 об.

⁵⁵ Там же, л. 123.

⁵⁶ Венчание с Россией... С. 93.

⁵⁷ Там же. С. 91—94.

конфликтовал то с комендантом Смоленска Е.Ф. Керном, то с вице-губернатором И.Б. Пестелем, то с губернским предводителем дворянства А.Н. Аничковым⁵⁸. К тому же его подозревали в хищениях при строительстве Смоленского шоссе. По официальным данным, на участок шоссеиной дороги в 41 версту было назначено 316 тыс. руб., а истрчено — 1 700 тыс. руб.⁵⁹ «Хмельницкий, я слышал, переведён в Архангельск, чему, кажется, он не очень рад, — писал отцу цесаревич 16 июля, — для города он точно много сделал, но дворянство его здесь не любило за его необыкновенную гордость»⁶⁰. Преемником ему назначили архангельского губернатора В.Я. Рославца, но фактически принимал наследника престола в Смоленске Дьяков. Он же контролировал организацию поездок по губернии.

Во время путешествия вел. кн. Александр Николаевич переправлялся на пароме через Угру, встречался с местными жителями. В Климовом заводе под Юхновым ему преподнесла хлеб-соль кн. Юсупова, в Знаменском кн. Шаховская угощала его вишнями, под Смоленском он обедал в селе Ворошилово «в доме коллежской ассесорши Паншиной», на станции Островня ночевал в доме полковника Похвистнева, в котором в своё время останавливался Александр I⁶¹.

По скорости передвижения, комфорту и насыщенности программы осмотрами и встречами путешествие цесаревича по Смоленщине совершилось успешно. Великий князь остался доволен состоянием почтовых трактов и, по словам рославльского исправника, «хвалил дороги и лошадей», говоря, что по губернии «проехали — хорошо, а по Рославльскому уезду — отлично». Только генерал-адъютант Кавелин сделал замечание, что «шламбаум у Смоленской заставы с правой стороны несколько низок»⁶². 3 октября 1837 г. император велел передать недавно вступившему в должность смоленскому губернатору, «чтобы впредь при высочайших путешествиях ни под каким видом приготовлений на станциях не было, без особого на то высочайшего повеления»⁶³. В противном случае такие поездки теряли характер внезапных ревизий.

В сентябре 1839 г. вел. кн. Александр Николаевич второй раз проезжал по территории Смоленской губ., направляясь в Могилёв, Вильно и Витебск «для обозрения западных губерний, не вошедших в маршрут его первого путешествия по России»⁶⁴. Цесаревич проследовал почти тем же маршрутом, что и двумя годами ранее: через Гжатск, Вязьму, Дорогобуж, Смоленск, Красный. Вновь потребовались быстрые лошади, благонадёжные ямщики, хорошие трасы и чистые квартиры⁶⁵. Однако на этот раз подготовка к встрече сводилась, по сути, к дорожным работам. Увеличения количества лошадей на почтовых станциях не требовалось. Новый губернатор — кн. П.И. Трубецкой, часто ревизовавший уездные учреждения, хорошо знал состояние смоленских дорог и мостов. Их починка производилась под руководством чиновников особых

⁵⁸ Кононов В.А. Смоленские губернаторы... С. 203—229; Ермоленко Г.Н., Захаров В.Е. Тени минувших столетий: очерки истории и культуры Смоленского края конца XVIII — первой половины XIX века. Смоленск, 2004. С. 167—174.

⁵⁹ Середонин С.М. Указ. соч. Т. 2. Ч. II. С. 163.

⁶⁰ Венчание с Россией... С. 93.

⁶¹ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1837, д. 21, л. 127, 134 об., 142, 184.

⁶² Там же, л. 139 об., 184 об.

⁶³ Там же, д. 27, л. 297.

⁶⁴ Татищев С.С. Император Александр II... С. 91.

⁶⁵ ГА СО, ф. 1, оп. 1, 1839, д. 14, л. 2—3 об.

поручений, исправников и станowych. Численность полиции явно возросла. Путешественники ехали быстро и пересекли губернию менее чем за двое суток — с 17 по 19 сентября⁶⁶.

На ночлег великий князь останавливался в Гжатске, где не побывал в 1837 г., и в Смоленске. В городах устраивались торжественные встречи с иллюминацией, колокольным звоном и криками «ура»⁶⁷. Даже транзитный проезд подобной особы являлся для местных чиновников своеобразной ревизией и стрессом. После того, как высокий гость покидал пределы города и уезда, они испытывали явное облегчение. Так, после его отъезда из Вязьмы городской голова «пригласил чиновников, всё местное городское начальство и почётнейших из граждан в квартиру его императорского высочества и угощал завтраком, в продолжении которого последовали тосты за здоровье императора, императрицы, наследника, всего августейшего дома, начальника губернии, градоначальника, городского общества, хозяина дома и прочих граждан города»⁶⁸. Жители Вязьмы просили губернатора о дозволении напечатать сообщение о посещении их цесаревичем (даже не вышедшим из экипажа) «в ведомостях обеих столиц»⁶⁹.

Почти 20 лет спустя, в сентябре 1858 г., Александр II вновь оказался в Смоленске в ходе поездки по десяти губерниям центральной России⁷⁰. Вместе с ним находились министр императорского двора гр. В.Ф. Адлерберг, управляющий Императорской главной квартирой гр. А.В. Адлерберг, шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков и ещё 11 человек, включая лейб-медика Енохина⁷¹.

Летом 1858 г. в губернских дворянских комитетах шли острые споры об условиях освобождения крестьян, а император размышлял о целесообразности создания по всей империи временных генерал-губернаторов «со всеобъемлющей компетенцией» и «неограниченной властью»⁷². В Смоленске — в центре «одной из самых крепостнических губерний»⁷³ — дворянство с тревогой ожидало царя. Губернский дворянский комитет ещё не приступал к работе, хотя «дозволение» на его открытие губернатор Н.А. Ахвердов получил ещё 28 мая 1858 г.⁷⁴

Александр II прибыл ночью 2 сентября. Устроенная ему торжественная встреча превратила, как писали в губернских ведомостях, «осеннюю ночь в фантастический день» и напоминала «спасительную светозарную ночь, канун Светлого Христова Воскресенья»⁷⁵. На следующий день, в 11 часов, он «принимал сословия» и обратился к представителям дворянства с речью, в которой убеждал их взяться за освобождение крепостных «дельно», «чтобы оно было без-

⁶⁶ Там же, л. 3 об., 5—5 об.

⁶⁷ Там же, л. 10—28.

⁶⁸ Там же, л. 28 об.

⁶⁹ Там же, л. 28 об.—29.

⁷⁰ Она продолжалась с 10 августа по 20 сентября 1858 г. Подробнее см.: *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права... С. 113—114.

⁷¹ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 36. Отд. 1. Часть неофициальная.

⁷² *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права... С. 101.

⁷³ *Будаев Д.И.* Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии. Смоленск, 1967. С. 24. По числу крепостных крестьян (69% всего населения) Смоленская губ. занимала первое место в России.

⁷⁴ ГА СО, ф. 1, оп. 1, д. 477, 1858, л. 2.

⁷⁵ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 39. Часть официальная. Б.с.

обидно» как для помещиков, так и для крестьян⁷⁶. В течение дня монарх произвёл смотр войск гарнизона, заложил первый камень в основание нового здания мужской гимназии, посетил сельскохозяйственную выставку, устроенную только что открывшимся Обществом сельского хозяйства. В 5 часов вечера он обедал с губернатором, епископом, предводителем дворянства, вице-губернатором и командиром расквартированной в губернии бригады⁷⁷, затем посетил бал в доме благородного собрания и «в 12 часов ночи отправился в Минск»⁷⁸. Царь явно был недоволен медлительностью смоленского дворянства и действиями губернатора, постоянно враждовавшего с губернским предводителем кн. М.В. Друцким-Соколинским, но не сумевшего склонить дворян к более активному участию в подготовке реформы. Впрочем, вскоре после отъезда царя, 6 сентября, смоленский губернский комитет открыл свои занятия⁷⁹.

В 1858 г. поездка Александра II готовилась на скорую руку. По словам Ахвердова, местная администрация не «имела положительных и твёрдых сведений» о предстоящем визите, хотя ещё 30 апреля министр внутренних дел С.С. Ланской сообщил ему о возможном прибытии императора в сентябре⁸⁰.

За 20 лет в дорожном и почтовом деле произошли изменения: количество станций увеличилось с 40 до 56, на них содержались 1 054 лошади⁸¹. Движение по трактам усиливалось, и они часто нуждались в ремонте. Губернаторы постоянно получали «жалобы на тихую езду, медленное отправление от станций и нерасторопность ямщиков»⁸². Но раздробленность в управлении дорожным и почтовым хозяйством сохранялась, порождая конфликтные ситуации⁸³. Дело осложнялось тем, что император ехал «по обыкновенной грунтовой дороге», старыми трактами. Исправники, городничие и становые поспешно приводили в порядок мосты и дороги, тюремные замки и дома для остановки царя и его свиты⁸⁴.

К 1858 г. заметно изменился характер обслуживания путешественников. После введения Устава о земских повинностях 1851 г. натуральная подводная повинность всё чаще исполнялась «денежным способом»⁸⁵. На станциях появилась «вольная почта». Частные лица брали подряды на обеспечение «царских прогонов», заключая контракты, определявшие размер компенсации за потерю животных. В 1858 г. самое большое их количество (120 на 17 станций) взялся доставить поручик М. Азанчеев, при условии, что за каждую павшую и испорченную лошадь Смоленское уездное казначейство выдаст по 43 руб. серебром⁸⁶.

Император и его свита проследовали через 41 станцию⁸⁷. При этом пало 164 лошади, что обескуражило поставщиков, держателей станций и чиновни-

⁷⁶ Хрущов Д.П. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в царствование Александра II. Т. 1. Берлин, 1860. С. 378; Татищев С.С. Император Александр II. С. 266.

⁷⁷ Смоленские губернские ведомости. 1858. № 48. Часть неофициальная.

⁷⁸ Там же. № 39. Часть официальная; ГА СО, ф. 1, оп. 4, д. 512, 1858, л. 4.

⁷⁹ ГА СО, ф. 567, оп. 3, 1858—1859, д. 37, л. 2, 87—88.

⁸⁰ Там же, ф. 1, оп. 4, 1858, д. 59, л. 1.

⁸¹ Там же, д. 490, л. 23.

⁸² Там же, д. 477, л. 12.

⁸³ Там же, 1859, д. 59, л. 36 об.

⁸⁴ Там же, л. 2, 10, 10 об., 28, 33—36 об.

⁸⁵ Там же, 1866, д. 77, л. 1.

⁸⁶ Там же, 1858, д. 109, л. 5 об.

⁸⁷ Там же, д. 490, л. 23—23 об.

ков. До декабря 1859 г. Смоленская палата государственных имуществ рассматривала прошения о возмещении убытков. Уездные казначейства выдали за искалеченных животных 6 815 руб. 14 коп. — 2 634 руб. 14 коп. «почтосодержателям» и 4 181 руб. (63%) частным лицам⁸⁸. В губернии на каждую семью приходилось по три лошади⁸⁹. В целом, за «выставленных лошадей» местное казначейство заплатило 26 339 руб.⁹⁰ Губернский почтмейстер, проанализировав причины случившегося, пришёл к выводу, что крестьянских лошадей губила «непривычная... весьма скорая езда, тяжесть экипажей, новая насыпь на дорогах, сделанная за несколько дней до высочайшего проезда на дорогах, песчаная дорога от Дорогобужа до Соловьёва перевоза, а оттоль до г. Красного и далее гористое положение и большие прогоны»⁹¹.

Поездка царя выявила плохое состояние дорог, неэффективность исполнения земских повинностей и деятельности вольных почт, дороговизну перегонов. Не случайно к 1859 г. император убедился в желательности привлечения выборных к заведованию местным хозяйством при сохранении за губернатором лишь административно-полицейской власти и надзора⁹². В 1864 г. дорожное и почтовое дело было передано земским учреждениям. «Высочайшие путешественники» же всё реже появлялись на провинциальных трактах: наступала эпоха железных дорог.

⁸⁸ Там же, л. 22—24 об.

⁸⁹ Там же, д. 477, л. 7.

⁹⁰ Там же, д. 109, л. 59.

⁹¹ Там же, л. 19.

⁹² *Морозова Е.Н.* У истоков земской реформы. Саратов, 2000. С. 134.

«Дело» П.Д. Ахлестышева и борьба в правительственных верхах в начале царствования Николая II

Дмитрий Андреев

P.D. Akhlestyshv's «Case» and the Battle at the Top of Government at the Beginning of the Reign of Nicholas II

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008484-3

В противостоянии тверского губернатора Павла Дмитриевича Ахлестышева (1890—1897) и губернского земства исследователи обычно видели лишь попытки консервативно настроенного администратора препятствовать деятельности либеральных земцев¹. Между тем ещё В.И. Гурко, бегло изобразив конфликт в Твери, связывал его с борьбой, происходившей в правящих кругах Российской империи во второй половине 1890-х гг. По словам мемуариста, министр внутренних дел И.Л. Горемыкин, опытный государственный деятель и мастер политических комбинаций, предпочитая ладить с земством, добился отставки конфликтного Ахлестышева, хотя у того «были большие связи», то есть его увольнение грозило главе МВД появлением «могущественных врагов в правом лагере»².

Характерно, что Ахлестышев с самого начала своей губернаторской деятельности в мае 1890 г. выстраивал отношения с земцами, оглядываясь на Петербург. Так, в сентябре 1891 г. он вызвал И.И. Петрункевича, купившего имение в Новоторжском уезде и ставшего в 1890 г. уездным, а затем и губернским гласным, и передал ему «желание» министра внутренних дел И.Н. Дурново, заключавшееся в том, чтобы он покинул земские учреждения. Как писал затем Ахлестышеву сам Петрункевич, его подозревали в намерении «конспирировать против правительства и его органов», «играть в систематическую оппозицию или фондировать». В случае игнорирования позиции министра губернатор грозил Петрункевичу высылкой из губернии. Столь «категоричная постанова

© 2020 г. Д.А. Андреев

Статья подготовлена в рамках проекта «Память времён» Благотворительного фонда князя Дмитрия Романова с использованием гранта Президента РФ.

¹ Так, Н.М. Пирумова, впервые в советской историографии упомянув об Ахлестышеве, писала, что он был известен «постоянными конфликтами с земскими учреждениями» (*Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 48, 106, 113, 211—212, 220). См. также: *Кривонос М.А.* Мятёжное земство. Тверь, 2001. С. 150—151, 176; *Андреев А.Е.* Тверские губернаторы на рубеже XIX—XX вв.: статус и реальные властные полномочия // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия «Гуманитарные науки и образование». 2014. Вып. 1(15). С. 170; *Андреев А.Е.* Тверские губернаторы на рубеже XIX—XX вв.: стиль работы и образ жизни // Вестник Томского государственного университета. Общественно-научный периодический журнал. 2014. № 389. С. 124.

² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 78—79.

вопроса» заставила Петрункевича уступить. Но вместе с тем он направил губернатору письмо, уверяя его в том, что всегда стремился исключительно к «безусловному подчинению букве и духу закона, внимательному, честному, прямому и спокойному отношению к предначертанным законодателем задачам земства». О своей «прежней земской деятельности» в Чернигове, которая «была осуждена правительством» и «прервана 13 лет назад» после политических заявлений, Петрункевич упомянул более чем лаконично, отметив, что не в состоянии «быть судьёю» самому себе, но уже «понёс кару», а её «тяжёлые последствия» ощущает «и по сей день»³. Получив это письмо, Ахлёстышев решил дать Петрункевичу шанс вернуться к земской деятельности и обратился к Дурново с соответствующим прошением, которое министр удовлетворил⁴.

Судя по данному эпизоду, в действиях губернатора ощущался не только «административный восторг», как выразился Гурко⁵, но и трезвый расчёт. В дальнейшем, пользуясь относительной стабильностью правительственной политики последних лет царствования Александра III, он время от времени отказывался утверждать гласных или членов управ, а если земцы пытались по-своему толковать и изменять процедуру и порядок работы местного самоуправления, то губернское по земским и городским делам присутствие неизменно отменяло их решения. К примеру, 16 января 1894 г. губернское земское собрание постановило считать свою ревизионную комиссию «постоянным органом», собирающимся по собственному усмотрению для рассмотрения делопроизводства управы и «фактической» ревизии. Но уже 4 февраля губернское присутствие дезавуировало это постановление земского собрания, признав его «выходящим из пределов предоставленных ему прав»⁶.

31 декабря 1894 г. Ахлёстышев написал гр. С.Д. Шереметеву, с которым находился в дружеских отношениях⁷, что собирается «на днях» направить в Петербург земский адрес. По словам губернатора, он не содержал в себе «ничего необычного», однако «по тону и форме» был «крайне резок и неприличен», да и голосовали за него «самым беспорядочным образом». Между тем до Твери доходили слухи (впоследствии оправдавшиеся) о том, что реакция власти на адрес станет «камертоном всего будущего направления»⁸.

Вскоре после того, как император 17 января 1895 г. резко отозвался об адресе во время приёма депутатов в Зимнем дворце⁹, Ахлёстышев сообщил графу о переменах в земском собрании: «Здесь происходит что-то доселе невиданное в течение слишком тридцати лет... Заседания приняли другой характер — занимаются делом»¹⁰. В феврале он писал, что «партия благомыслящих людей», сложившаяся в губернии, «твёрдо восстала против либералов» и «буквально заставила»

³ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6289, л. 3—4.

⁴ ГА РФ, ф. 102, 3-е делопроизводство, оп. 93 (1895), д. 1719, ч. 1, л. 218.

⁵ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого... С. 79.

⁶ Протоколы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания 8—13 декабря 1893 г. и 10—16 января 1894 г. и приложения к ним. Тверь, 1894. С. 79, 184 (1-я пагинация).

⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6448, л. 4. По-видимому, они сблизились во второй половине 1880-х гг., когда гр. Шереметев являлся московским губернским предводителем дворянства, а Ахлёстышев предводительствовал в Бронницком уезде.

⁸ Там же, л. 28 об.—29.

⁹ Подробнее см.: Андреев Д.А. Как мечтания из «безумных» стали «бессмысленными»: к истории речи императора Николая II 17 января 1895 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. 2011. № 2(20). С. 36—44.

¹⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6448, л. 30—30 об.

их направить царю «покаянную депешу». Гласные, составлявшие эту «партию», стали обращаться к губернатору «за советами», «просто как к единомышленнику». Его супруге «депутация от имени благомыслящей части тверского дворянства» поднесла букет, заявив о признательности Павлу Дмитриевичу за «стойкость». В противоположном лагере начался кризис, и когда Ахлестышев не утвердил избранных членов земской управы, «посыпались отставки разных неблагонадёжных служащих». «Разорённое осиное гнездо!», — восклицал начальник губернии¹¹.

В то же время поговаривали, что новгородский губернатор Б.В. Штюмер, бывший до назначения председателем тверской губернской земской управы, «обещал этим господам полный успех». На выборах председателя управы не обошлось без подтасовок. Когда стало понятно, что проходит «кандидат правой партии», тверской губернский предводитель дворянства «либерал» Н.П. Оленин, председательствовавший в земском собрании, заявил, будто чёрные и белые баллотировочные шары смешали ещё до того, как он успел проголосовать. По настоянию «правой стороны» его слова запротоколировали, и жалобщик «совершенно скомпрометировался в общественном мнении этим поступком». Ахлестышев ликовал: «Переворот такой крупный, погром такой полный, что мне до сих пор не верится»¹².

Губернатор решил, что фрондерство тверского земства, ставшее притчей во языцех, уходит в прошлое, и даже стал подумывать об оставлении занимаемого поста, считая свою миссию выполненной. В апреле он сообщил гр. Шереметеву, что осенью намерен просить об отставке и ждёт лишь, когда губернским предводителем дворянства станет кн. С.Б. Мещерский — «честный и хороший человек», под руководством которого «все объединятся». Новая атмосфера в Твери удивляла Ахлестышева: «Точно общественное мнение проснулось после долгого сна». Так, В.Н. Трубников, бывший тогда тверским уездным предводителем дворянства, говорил начальнику губернии о своём намерении «приступить к очищению школ от учителей неверующих или известных своею неблагонадёжностью». Всё громче звучало осуждение «земской расточительности», узаконенной «либеральной партией». Впрочем, описывая все эти перемены, Ахлестышев признавал, что они могут оказаться временными, если не получат поддержки сверху¹³.

Между тем в середине октября МВД возглавил Горемыкин. В ноябре тверской губернатор собирался приехать в Петербург, дабы узнать у Горемыкина о тех «указаниях», которые следовало учесть при осуществлении курса, намеченного 17 января 1895 г. в Зимнем дворце¹⁴. Но вскоре он отказался от поездки в столицу, поскольку из МВД от него потребовали «перечислить предварительно вопросы», которые ему хотелось обсудить с Горемыкиным. А ведь Ахлестышев, надеявшийся на более доверительное общение, собирался в «личном докладе» рассказать о ситуации в губернии, назначенных на 16 декабря выборах предводителя дворянства и о возможной победе на них представителя «партии благомыслящих людей». В свою очередь, как писал он гр. Шереметеву, «либеральная партия потянула в Петербург», и в Твери и уездах ходили слухи об увольнении

¹¹ Там же, л. 33—34 об.

¹² Там же, л. 35—35 об.

¹³ Там же, л. 36, 37—37 об.

¹⁴ Там же, л. 42 об.

губернатора¹⁵. Судя по тональности письма, у Ахлестышева нарастала тревога за исход выборов, а надежды на успех «партии благомыслящих людей» таяли на глазах.

В самом конце ноября Горемыкин, ссылаясь на «высочайшую волю», резолюцию Николая II на докладе Дурново о «верноподданнических чувствах» тверских земцев¹⁶ и «милостивый приём» царём 17 мая Оленина, уведомил Ахлестышева, что сама по себе причастность к составлению «известного» адреса (вызвавшего слова императора о «бессмысленных мечтаниях») не может являться «препятствием к ограничению» чьих-либо «личных прав и служебной деятельности, если к тому не имеется в виду других уважительных данных»¹⁷. Это означало, что противники губернатора фактически реабилитировались, а о приёме Оленина царём ему более полугода даже не сообщалось (видимо, Дурново просто не придавал этому особого значения).

Полученные из МВД бумаги Ахлестышев вскоре переслал «более верным способом, нежели по почте», гр. Шереметеву¹⁸. Губернатор был изумлён тем, как Горемыкин трактовал царскую резолюцию, сводившуюся к двум словам: «Очень рад». По словам губернатора, эта резолюция была очень короткой, неинформативной и, главное, не имела никакого отношения к Оленину. Но ещё сильнее удивил его «милостивый приём» императором Оленина после отправленного Дурново сообщения о том, как грубо предводитель «сорвал выборы консервативного кандидата», а сам «в глазах всех ясно себя скомпрометировал». Произошедшее выглядело особенно странно, так как первоначально в Петербурге Дурново лично объявил Оленину о невозможности «допустить его до представления государю». При этом участие предводителя в составлении «покаянной депеши» было «весьма сомнительным»: он и его единомышленники не скрывали, что всего лишь «уступают давлению большинства». Однако скандальнее всего было то, что об этом «милостивом приёме», состоявшемся 17 мая, губернатор узнал лишь перед самыми дворянскими выборами¹⁹. Во всём этом он усматривал двойную игру, мешавшую успеху «благонамеренной партии». И если о Горемыкине Ахлестышев отзывался сдержанно, то Штюмерера резко критиковал и прямо называл координатором тверских либералов, поскольку они (особенно Оленин и О.В. Самарин) часто к нему навевались²⁰.

¹⁵ Там же, л. 44—44 об.

¹⁶ 23 января 1895 г. они единогласно приняли решение телеграфировать министру внутренних дел: «Тверское губернское земское собрание покорнейше просит Ваше высокопревосходительство повергнуть к стопам обожаемого государя верноподданнические чувства беспредельной преданности и верности монарху и беззаветной готовности следовать предначертаниям его величества» (Протоколы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания 8—17 декабря 1894 г. и 23—29 января 1895 г. и приложения к ним. Тверь, 1895. С. 36, 1-я пагинация).

¹⁷ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6289, л. 5—5 об.

¹⁸ Вместе с собственным посланием губернатор отправил ему копии письма Горемыкина и «высочайшей отметки» на всеподданнейшем докладе Дурново, прося по прочтении уничтожить эти документы. Однако граф их сохранил (кроме резолюции императора, которая известна в изложении Ахлестышева).

¹⁹ О том, что император 17 мая принял Оленина, уже через несколько дней напечатала на первой полосе официальная газета МВД (Придворные известия // Правительственный вестник. 1895. 21 мая). Странно, что губернатор не знал об этой публикации.

²⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6448, л. 52—54, 55.

Почти за неделю до дворянских выборов, 8 декабря, в Твери начались заседания земского собрания, которые сразу же приобрели скандальный характер. За несколько дней до этого свой пост покинул Оленин, и теперь «либеральная партия» использовала любую возможность для обострения ситуации. В самом начале работы Петрункевич протестовал против того, что председательствовавший в собрании Трубников перенёс открытие сессии с 11 часов утра на 7 вечера. Трубников объяснял это необходимостью присутствовать утром в Московской судебной палате и невозможностью послать туда кого-либо вместо себя. По мнению же Петрункевича, палата вполне могла отсрочить своё заседание. Как сообщал по горячим следам Горемыкину Ахлестышев, на тех, кто не видел в действиях Трубникова ничего предосудительного, «резкий тон заявления произвёл тяжёлое и неприятное впечатление»²¹. Затем Иван Ильич стал возмущаться тем, что заниматься приходится в тесном помещении, поскольку в дворянском собрании, где обычно трудилось губернское земство, запланирован танцевальный вечер. Другой представитель «либеральной партии» — Е.В. де Роберти — также заявил, что Трубников «имел полную возможность отменить сегодняшний танцевальный вечер и должен был принять эти меры»²². Однако накалив атмосферу и овладев инициативой, «либералы» добились заметного успеха при избрании редакционной комиссии: к их сторонникам принадлежали не менее 11 из 15 её членов²³.

Далее возникли резкие пререкания при обсуждении текста поздравительной телеграммы, которую кн. Н.С. Путятин (входивший, по словам губернатора, в «партию благомыслящих людей») предложил отправить императору по случаю рождения великой княжны Ольги Николаевны. «Либералы» не возражали, но требовали её предварительного редактирования. Делали они это не без оснований, но в вызывающей и даже оскорбительной форме. Споры об «ошибке языка» и взаимные выпады продолжались несколько дней. Сообщая о них Горемыкину (видимо, ещё до 16 декабря), губернатор писал, что когда князь стал зачитывать проект телеграммы, «раздались восклицания “это безграмотно”», которые «вызвали громкий смех в публике и между гласными так называемого здесь либерального направления». Среди кричавших Ахлестышев упомянул гласных Петрункевича и Бакунина и отметил, что «текст телеграммы внесён в протокол в неточности». Между тем «эта грубая и резкая выходка ещё более оскорбила ту часть гласных, которая зовётся здесь консервативною, тем более что текст телеграммы не оправдывал такого отношения и что выходка имела место в такой торжественный момент». Поэтому и последующие два дня заседания «прошли беспокойно»: «либералы» делали всё, чтобы «стусовать происшествие и скрыть имена лиц, позволивших себе дерзкую выходку», остальные гласные требовали зафиксировать «происшествие» в протоколе и указать его зачинщиков — Петрункевича, Головачёва и Бакунина. В итоге 10 декабря «споры и дебаты» «перешли в крик и шум», и заседание пришлось прервать до следующего дня. Утром 11 декабря Ахлестышев вызвал «главного

²¹ Там же, д. 6289, л. 6—6 об.

²² Протоколы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания 8—17 декабря 1895 г. и 22—29 января 1896 г. и приложения к ним. Тверь, 1896. С. 1—3 (1-я пагинация).

²³ Там же. С. 3 (1-я пагинация). Выбрали в неё и отсутствовавшего в первый день Штюмерра. Но уже на следующий день он просил вывести его из состава комиссии, поскольку, будучи губернатором, не мог регулярно участвовать в её работе. Либералы А.А. Головачёв и А.А. Бакунин тшечно уговаривали его остаться. См.: Там же. С. 10 (1-я пагинация).

представителя либеральной кучки» — Петрункевича — и потребовал от него и его единомышленников прекратить подобные выходы, «строго указав на резкость и бестактность их поведения», мешавшего нормальной работе. При этом Петрункевич в разговоре с губернатором «беззастенчиво отрицал», что кричал 8 декабря «это безграмотно». Бакунин, обсуждавший случившееся с земцами, также не признавался в нарушении порядка. 11 и 12 декабря в земском собрании всё прошло благополучно, а протокол заседания 8 декабря был исправлен²⁴.

Как утверждал Ахлестышев, ещё до начала сессии, в ходе работы ревизионной комиссии, «либеральная кучка», от лица которой выступали братья Иван и Михаил Петрункевичи, а также Бакунин, выказала своё «озлобление» в отношении земской управы, а на заседаниях это проявилось «ещё более». Губернатор считал, что при таком положении не исключены «не только резкие, но прямо дерзкие выходы против управы, которые могут вызвать новые волнения и рознь в собрании». Неприязнь либерально настроенных гласных к управе объяснялась, по его мнению, тем, что она была «назначена от правительства» и укомплектована «лицами другого лагеря», тогда как либералы утратили жалованье и оказались «удалены от активного участия в ведении земского хозяйства». Особое же раздражение у них вызывало то, что управа рачительно расходовала земские средства. В конце своего письма Горемыкину Ахлестышев констатировал, что за пять с лишним лет пребывания в должности выявил группу «виновников нарушения» нормальной работы земства. К ней он причислял братьев Петрункевичей, Бакунина, Линда и де Роберти²⁵. Губернатор не сомневался в том, что пока они допущены к земской деятельности, «всегда возможны» такие «печальные явления», как адрес, представленный императору в январе, «неправильный ход занятий» и «постоянное фрондирование против правительства и администрации, внутренние скандалы и беспорядки, терроризирование путём грубостей и дерзостей таких благомыслящих гласных, которые хотели бы только делать своё дело»²⁶.

Однако земская сессия стала лишь прелюдией к столкновению «либеральной партии» с губернатором на дворянских выборах 16 декабря. Незадолго до того Ахлестышев жаловался гр. Шереметеву на то, что «положение очень нехорошее»: открывшееся земское собрание «идёт крайне безобразно, со скандалами, которые приводят в негодование всё общество», Штюмер «во всём этом деле сыграл самую недостойную роль, истинно предательскую», а в Твери распространился слух, будто Горемыкин поручил ему наблюдать за происходящим и сообщать о своих впечатлениях в Петербург, так как начальник губернии якобы нагнетает страсти. На предстоявших выборах губернского предводителя «благомыслящих» представляли князя С.Б. Мещерский и А.А. Ширинский-Шихматов, а «либеральными кандидатами» являлись Н.П. Оленин, О.В. Самарин и А.А. Римский-Корсаков²⁷.

²⁴ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6289, л. 6—7; Протоколы заседаний Тверского очередного губернского земского собрания 8—17 декабря 1895 г. и 22—29 января 1896 г. и приложения... С. 4, 9—14 (1-я пагинация).

²⁵ Среди них особенно выделялся И. Петрункевич — наиболее влиятельный в силу «склада своих убеждений и хитрости» и наименее разборчивый в средствах.

²⁶ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 6289, л. 7—7 об.

²⁷ Там же, д. 6448, л. 47—47 об., 49, 51.

На дворянском собрании те же представители «либеральной партии», которые недавно высмеивали кн. Путятину за «безграмотность», выступили единым и хорошо организованным фронтом против губернатора. П.А. Корсаков заявил, что при Ахлестышеве дворяне «находятся в совершенно исключительном положении» и часто не утверждаются в должности, полученной «по избранию земства». Более того, в 1895 г. по настоянию губернатора «несколько десятков дворян и дворянок не утверждены в званиях попечителей училищ», в том числе и тех, которые созданы или содержатся ими, и тем самым «достоинство и честь всего дворянства затронуты таким неутверждением». По мнению Корсакова, собранию следовало просить будущего предводителя «представить об этом» министру внутренних дел. Петрункевич пафосно рассуждал о том, что заниматься «оглульными изгнаниями дворян из школы — значит уничтожить ту связь, которая, объединяя сословие, способствует развитию государства». Бакунин утверждал, что интересы и престиж тверских дворян страдали при назначении земскими начальниками «посторонних местному населению лиц». Остальные выступления были выдержаны в этом же духе, и только кн. Путятин выразил своё возмущение услышанным и покинул зал. В результате предводители, «признавая, согласно заявлениям господ дворян, отношения местной администрации к дворянам губернии ненормальными и подрывающими значение дворянства среди других сословий», приняли «без возражений» и без баллотировки решение «просить будущего губернского предводителя дворянства довести о сём до сведения господина министра внутренних дел»²⁸. Губернским предводителем вновь избрали Оленина.

Чиновник судебного ведомства Н.П. Постников, кратко сообщив на следующий день из Москвы министру юстиции Н.В. Муравьёву о случившемся, особо отметил, что видел в зале собрания министра путей сообщения кн. М.И. Хилкова и гр. Шереметева. В Твери Постникову стало известно и о том, как 28 гласных губернского земства «ещё ранее» жаловались Горемыкину на «давление, оказываемое администрацией на земские собрания», а тот «будто бы» ответил, что «верит» им. Со своей стороны, и прокурор тверского окружного суда говорил, что «оба собрания, дворянское и земское, проходят шумно». Любопытно также, что 17 декабря Постников в Москве представлялся Горемыкину, который в тот же день отбыл в Петербург²⁹.

Шереметев, желая поддержать своего друга, прибыл в Тверь ранним утром 16 декабря. Встретившись с Ахлестышевым, он сразу же отметил его озабоченный вид. Начальник губернии и вице-губернатор Н.Н. Усов на всякий случай были в мундирах, поскольку знали, что в городе ночью проездом находился Горемыкин, но не были уверены в том, выехал ли он. Эта неопределённость сама по себе создавала напряжённую ситуацию. К тому же Ахлестышев ещё до выборов не скрывал от графа, что ждёт для себя неприятностей и опасается «нового направления», наметившегося в деятельности МВД с приходом Горемыкина. Среди участников дворянского собрания гр. Шереметев встретил кн. Хилкова и Штюмерера — у обоих были имения в Бежецком уезде, но привело их на выборы не чувство сословной солидарности, а скорее предвкушение громкого скандала. Кн. Хилков и Штюмерер сидели рядом, никак не реагировали на происходившее и хранили молчание. При этом кн. Хилков наивно

²⁸ Государственный архив Тверской области (далее — ГА ТО), ф. 645, оп. 1, д. 6967, л. 77—79.

²⁹ РГИА, ф. 1495, оп. 539, д. 246, л. 1—2 об.

признался гр. Шереметеву, что впервые присутствует на дворянском собрании. Между тем, по словам графа, оно пошло «нервно и беспорядочно». Председательствовавший Трубиных был «невозможен» и не контролировал выступавших, которые скатывались к «пререканиям на личной почве» и позволяли себе «резкие выходки». Тем не менее новгородский губернатор «сиял» от удовольствия. Гр. Шереметев был уверен, что «эта гадина в центре интриги и агитации». По мнению гр. Шереметева, Штюмер «примазался» к главе МВД и сыграл роль его «агента», обеспечив «торжество интриги самой гнусной». Ахлѣстышев же «держал себя с большим достоинством и спокойно». «Благородные люди!», — восхищался им и Усовым граф. И всё же ему казалось, что «глупо видеть торжество интриги — исходящей из Петербурга под покровом Горемыкина»³⁰.

Для Шереметева сущность политики Горемыкина «красноречиво» характеризовалась уже тем, что товарищем министра внутренних дел 14 декабря стал либеральный судебный деятель Н.А. Неклюдов³¹. В Твери об этом назначении уже знали, и «оно произвело своё действие в зале». «Наши “напредняки” лику-ют», — с раздражением писал в дневнике граф, уподобляя руководство МВД и тверских дворян сербским прогрессистам. «Каково положение? — возмущался граф. — Прихожу к убеждению, что нужно всё раскрыть Самому». Видимо, уже тогда он решил обратиться за помощью к императору³².

Почему Горемыкин и Штюмер затеяли интригу против Ахлѣстышева? Обычно хорошо осведомлённый кн. В.П. Мещерский уже на следующий день после дворянских выборов в Твери заявил, что «красные» были уверены: «Правительство не решится поддержать своего губернатора»³³. Причину этого он видел в моде на «законность», которая «на языке либералов» противопоставлялась «административной власти»³⁴. Тем самым тверской конфликт превращался в эпизод схватки «либералов» с «русским правительством»³⁵. При этом, критикуя «законников», особенно «либеральной окраски», князь отмечал, что они «бывают необыкновенно деспотичны, когда идёт речь о применении законности к оценке действий какого-либо административного лица, например, губернатора»³⁶. В статье «Законность или самодержавие?» кн. Мещерский писал: «Явились новые назначения: новое лицо поставлено было во главе того министерства, в котором сосредоточены все нервы и узлы правящей и охраняющей власти в России, и сильнее, чем прежде, стало раздаваться слово “законность”; оно явилось уже прямо новым политическим началом, для прославления и торжества которого, по смелому уверению всех органов нашей печати, будто бы явился новый министр внутренних дел. Провожая истекший год и встречая новый, печать ещё громче и ещё настойчивее заговорила о наступающей для

³⁰ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 150.

³¹ Николай Адрианович Неклюдов начал свою судебную карьеру в середине 1860-х гг. петербургским мировым судьёй, защитил магистерскую диссертацию по уголовному праву, служил старшим юрисконсультом в Министерстве юстиции, состоял обер-прокурором Уголовного кассационного департамента (1881—1885) и Соединённого присутствия Первого и кассационных департаментов Сената (1885—1893), в 1893—1895 гг. являлся товарищем государственного секретаря при Н.В. Муравьёве и В.К. Плеве.

³² РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 150.

³³ Гражданин. 1895. 18 декабря.

³⁴ Там же. 19 декабря.

³⁵ Там же. 21 декабря.

³⁶ Там же. 25 декабря.

России новой эре возрождения, заключающегося, будто бы, в усилении законности». Несовместимость подобного законничества с самодержавием для князя была очевидна³⁷.

Впрочем, у Штюмера, также начинавшего свою службу в судебном ведомстве, могли быть и иные соображения. В конце 1903 г., будучи уже директором Департамента общих дел МВД, он составил записку о том, что собой представляли тверские земские учреждения в конце XIX — начале XX в. Вспоминая о том времени, когда ему довелось возглавлять губернскую управу, Штюмер утверждал, что вокруг него начала складываться «новая партия» и «общее течение дел в тверском земстве приняло несколько иное направление», более конструктивное. Конечно, это было явным преувеличением, но характерно, что Штюмер изображал себя именно как реалистически настроенного и готового к разумным компромиссам земца. Ахлестышев (не названный, но легко узнаваемый) представал в записке полной противоположностью: «для местной администрации значение совершавшихся на её глазах событий не всегда представлялось вполне ясным», «успокоение» земства она ошибочно истолковала как свидетельство его немощи и решила «окончательно обессилить либеральную группу», что и помешало утвердиться «средней партии»³⁸.

О том, что «дело» Ахлестышева имело вовсе не губернское значение, свидетельствовала и аудиенция гр. Шереметева у Николая II, состоявшаяся 20 декабря. Перед ней граф написал императору письмо о своём «удручающем» и «тяжком» впечатлении от выборов в Твери и о замеченной им «явной связи», соединяющей «антиправительственные элементы незначительной группы» и некоторых представителей МВД, оказавшихся «в центре интриги», нацеленной против Ахлестышева, выступавшего «истинным исполнителем своего долга» и отданного на растерзание «антиправительственным элементам» при попустительстве министерства. Граф сетовал на то, что намерение Николая II неукоснительно следовать курсом своего отца, заявленное 17 января 1895 г., «находит лицемерных исполнителей в некоторых высших правительственных сферах», а они пытаются «вселить убеждение» в обратном — будто царю «благоугодно было избрать новый путь»³⁹.

Прибыв на аудиенцию в Царское Село, гр. Шереметев передал письмо через камердинера и стал дожидаться своей очереди. Когда он зашёл к императору, тот сразу же сообщил, что уже прочитал написанное графом. Увидев в этом готовность обсуждать тверские дела, гр. Шереметев стал жаловаться на Штюмера, который своим «безобразным образом действий» способствовал обострению конфликта. Царь явно недоумевал, какое отношение к дворянским выборам в Твери имел новгородский губернатор, и тут же услышал о ночном проезде Горемыкина, о его контактах со Штюмером и слухах о «давлении из Петербурга» на Ахлестышева и недоверии к нему главы МВД. Граф вспоминал о неудачной попытке своего друга посетить столицу перед земскими выборами, уверял, что тот, вопреки разговорам, «совершенно здоров и никогда не заявлял о желании уходить» и т.п. Но больше всего в тверской истории гр. Шереметева беспокоило появление группы высокопоставленных лиц, подталкивавших молодого императора к отказу от курса отца и к возвращению к политике деда.

³⁷ Там же. 1896. 4 января.

³⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 2, д. 1842, л. 13 об.—14 об.

³⁹ РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5041, л. 153.

На это монарх отреагировал «тихо, но твёрдо»: «Я им покажу!» Граф, почувствовав, что задел за живое, стал открыто критиковать Горемыкина, его единомышленников и Государственный совет, где «несколько человек голоснут — и остальные...» Николай II даже не дал собеседнику договорить, сочувственно добавив: «Панургово стадо!»⁴⁰.

Подводя итог, граф констатировал: «корень зла — в Министерстве внутренних дел», глава этого ведомства «должен быть человек самостоятельный и никак не подставное лицо». Император, по-видимому, впечатлённый услышанным, отвечал: «От души благодарю вас, что вы меня предупредили». Затем он не просто подал руку, но поцеловал графа, говоря: «Я знаю... вы во всякое время приходили к моему отцу, прошу вас также приходите ко мне во всякое время. Для вас у меня всегда будут двери настежь!» Последние слова были сказаны им нарочито громко. Весь разговор происходил у дверей в царский кабинет, граф поначалу старался пройти дальше, чтобы ожидавший своей очереди министр юстиции не слышал беседы, но, возможно, Николай II добивался именно этого и обращался не только к гр. Шереметеву, но и к стоявшим за дверями⁴¹.

В тот же день гр. Шереметев был принят вдовствующей императрицей в её гатчинской резиденции. Мария Фёдоровна, негативно относившаяся к Горемыкину, с нетерпением ждала рассказ об аудиенции и, выслушав его, не скрывала радости. Как и граф, она усматривала в назначении Неклюдова «целую программу», отличавшуюся от объявленной императором вскоре после восшествия на престол, и вспоминала предостережения «чиновников и юристов» о том, что кандидата надо искать не в их среде. Гр. Шереметев при этом отметил, что если император решит заменить министра внутренних дел, следует избегать прежних ошибок и действовать, «руководствуясь только велением сердца — не обращаясь ни к кому — ибо нет ни одного человека, который мог бы подать ему беспристрастный совет»⁴².

Между тем, пока гр. Шереметев обвинял Горемыкина, его друг Ахлёстышев пытался объяснить с министром. Его первое письмо, отправленное в МВД 18 декабря, по свежим следам скандального заседания, не сохранилось. Но 26 декабря он обстоятельно изложил итог своих размышлений о случившемся. Губернатор аргументированно доказывал предвзятость и незаконность постановления, принятого «либеральной партией» «без баллотировки» и подписанного только предводителями, а не всеми дворянами, участвовавшими в заседании, как это требовалось законодательством. Более того, даже некоторые предводители «остались при отдельном мнении», а иные дворяне письменно заявляли о несогласии с постановлением. В своих выступлениях Петрункевич и Корсаков грубо искажали факты, утверждая, в частности, будто губернской администрацией не утверждены попечителями училищ более 60 человек, тогда как таковых насчитывалось лишь 17. Делалось это «единственно с целью устроить скандал»⁴³.

Вместе с тем Ахлёстышев прямо указывал, что «общественное мнение громко называет» Штюмерера «одним из вожаков интриги», и хотя он не высту-

⁴⁰ Там же, л. 152—153.

⁴¹ Там же, л. 153—154.

⁴² Там же, л. 154.

⁴³ Там же, д. 6289, л. 8—8 об.

пал, но, «по отзыву некоторых лиц», неявно «своим влиянием способствовал» скандалу. Жаловался губернатор и на публичное разглашение Олениным конфиденциального письма главы МВД губернскому предводителю дворянства. При этом Ахлестышев напомнил Горемыкину, что в 1894 г. напротив высказанного им во всеподданнейшем отчёте суждения о необходимости образования из местных земцев «благонадёжной партии», которая позволила бы «смело надеяться на изменение всего хода земского дела в губернии», император отметил: «Одной надежды мало! Этого следует достигнуть во что бы то ни стало». Руководствуясь этими словами, губернатор призывал министра безотлагательно принять решительные меры против оппонентов данной «благонадёжной партии» и, как минимум, не допускать их до участия в дворянских и земских собраниях. В противном случае, по его мнению, были неизбежны «новые скандалы и беспорядки», а ситуация, когда «небольшая кучка людей, не брезгающих средствами для достижения своих целей», при помощи «гласности и дерзости» способна «терроризировать» людей «равнодушных» и «малодушных», выглядит «зрелищем, глубоко развращающим всё общество»⁴⁴.

31 января 1896 г. Ахлестышев направил Горемыкину ещё одно письмо, вновь обвинив Штюрмера в причастности к «интриге», осуществлённой 16 декабря. Ссылаясь на мнения «лиц, бывших свидетелями происходившего в собрании», губернатор утверждал, что тот «не только сочувствовал демонстрации, но и явно поддерживал её». Так, он публично одобрил доводы Петрункевича, доказывавшего несостоятельность претензий тех, кто протестовал против выдвинутой резолюции, и настаивавшего на том, чтобы их возражения не учитывались. Когда предводители совещались по этому поводу, Штюрмер разговаривал с ними, а на следующий день убеждал кн. Путятина в том, что дворяне протестовали «совершенно напрасно», поскольку «такое постановление является совершенно логичным и законным» и не содержит в себе ничего оскорбительного для тверского губернатора. Таким образом, заключал Ахлестышев, роль Штюрмера «здесь, по-видимому, ни для кого не составляет тайны»⁴⁵.

Однако гр. Шереметев, видимо, не зря считал Штюрмера всего лишь исполнителем указаний Горемыкина. Во всяком случае, после обращений Ахлестышева министр начал против губернатора настоящую войну. В марте 1896 г. Ахлестышев сообщил гр. Шереметеву о том, что начальнику Тверского губернского жандармского управления кн. А.Л. Девлет-Кильдееву вдруг «ни с того ни с сего предложено было подать в отставку». Удивлённый полковник отправился за разъяснениями в Петербург, где начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и директор Департамента полиции дали понять, что у них никаких претензий нет, но всё зависит от решения министра. Когда князь дошёл до Горемыкина, тот прямо заявил, что «не верит никаким донесениям из Тверской губернии», в том числе и «донесениям местной администрации», но о происходящем там он «лично лучше знает». На прямой вопрос кн. Девлет-Кильдеева о том, что ему следует делать, Горемыкин ответил: «Вы мне не подходите. Я не сумею передать вам, что я требую, я не могу перелить, так сказать, в вас мои взгляды и идеи. Вам нужно самим догадаться, что нужно»⁴⁶.

⁴⁴ Там же, л. 8 об.—9 об.

⁴⁵ Там же, л. 12—13 об.

⁴⁶ Там же, д. 6448, л. 70 об.—71 об.

Ахлёстышева крайне задело и то, что к коронации Николая II вместе с ним ленты получили Штюмер и Оленин. В письме гр. Шереметеву губернатор признавал, что награждение Штюмера его «мало касается», хотя «правительству необходимо было бы подчёркивать в своих действиях нравственный принцип». Но ленту Оленина он воспринял буквально как личное оскорбление. «Что подумают теперь в Твери? — вопрошал Ахлёстышев. — Как после этого не поверить разным слухам, которые так охотно распространяют в обществе, о поддержке либеральных принципов самим правительством?» По словам директора Департамента общих дел МВД барона Н.А. Гревеница, утверждать кандидатуру Оленина «затруднялись» и дали орден «только потому, что другой кандидат не многим лучше». Ахлёстышев считал, что на этом фоне смысл его собственного награждения «совершенно теряется», а виной всему — «всё та же уклончивая политика»⁴⁷.

В сентябре 1896 г. тверской губернатор убеждал гр. Шереметева в том, что Департамент полиции подыгрывает «революционной партии». Так, несмотря на очевидную причастность Ф.И. Родичева к составлению и распространению «возмутительной брошюры» «О царствовании Александра III», в Петербурге распорядились «приостановить следствие» и выразили явное недовольство тем, что местные власти «слишком поспешно ведут следствие о таком известном лице и крупном землевладельце». Спустя некоторое время Ахлёстышев вновь жаловался графу на то, что в Департаменте полиции «хотят замазать» причастность Родичева к появлению крамольной книжки, а сотрудникам ГЖУ направляют «неприятные письма»⁴⁸. Павел Дмитриевич по-прежнему регулярно доносил в МВД о действиях «либеральной партии» во вверенной ему губернии, но делал это, по собственному признанию, больше «для очищения совести», нежели в надежде на перемены. «Кажется, не было хуже времени, — писал он гр. Шереметеву в ноябре 1896 г. — Эпоха Лорис-Меликова всё-таки лучше — там, по крайней мере, прямо писали конституцию. А теперь? Горемыкин старается меня ловить на чём-то»⁴⁹.

Правда, в начале весны 1897 г. в письмах Ахлёстышева снова появился давно уже не свойственный ему оптимизм. Летом в губернии были намечены очередные земские выборы. «Ожидается ожесточённая борьба двух партий, — уверял губернатор графа. — Партия порядка здесь окрепла; на это теперь у меня есть доказательства — и всё это вопреки Петербургу!»⁵⁰.

Но чуда не произошло. «Партия порядка» проиграла выборы «либеральной партии», сила которой, по признанию Ахлёстышева, заключалась в том, что «либералы всегда всё знают лучше нас — и очень солидарны»⁵¹. В конце лета Павел Дмитриевич уже собирался уйти в отставку. Своё решение он объяснял гр. Шереметеву тем, что не в состоянии больше противостоять одновременно «двум стихиям» — местной «либеральной партии» и поддерживавшему её Петербургу. «Отстоять свой пост я могу, — полагал губернатор, — но достигнуть чего-либо при неблагоприятном влиянии из Петербурга я не в состоянии... Я теперь подошёл к стене, и далее идти некуда». Все меры по наведению по-

⁴⁷ Там же, л. 77—78.

⁴⁸ Там же, д. 6449, л. 21 об., 33.

⁴⁹ Там же, л. 38—38 об.

⁵⁰ Там же, л. 60 об.

⁵¹ Там же, л. 51 об.

рядка, которые им предлагались, в МВД игнорировали. Между тем Ахлѣстышев с горечью отмечал, что эти меры даже и не потребовались бы, прояви правительство «известную последовательность». Однако если сначала оно выступило «очень определённо против либеральных веяний», то впоследствии «стало отступать», и всё, что было достигнуто, из-за позиции, занятой МВД, «пошло насмарку». В результате «никто не верит в твёрдость правительства и его последовательность», а «красная партия сильно подняла голову». Но и эту ситуацию, полагал Ахлѣстышев, можно было бы исправить, если бы власть консолидировала свои силы на летних выборах. Однако вместо этого МВД «всё время старалось подрывать» губернаторский авторитет и одновременно оказывать чуть ли не официальную поддержку «красной партии». Поэтому в большинстве уездов губернии победили либералы, тогда как «консервативная партия почувствовала свою слабость»: её лидеры «сложили оружие и не баллотировались» или же «были забаллотированы». Губернатор предвидел, что новые управы окажутся под стать земским собраниям, и утверждать их «по совести» он просто не сможет. Сохранив должность, Ахлѣстышев вынужден был бы «сознаться в своём бессилии» и оказаться «беспомощным свидетелем» непрекращающихся скандалов. Безусловно, его уход означал победу «либеральной партии», но она оказалась бы ещё более убедительной в том случае, если бы он остался во главе губернии, но ничего не мог противопоставить своим противникам⁵².

В сентябре 1897 г. Ахлѣстышев отправил Горемыкину прошение об отставке и 1 ноября покинул пост губернатора. Однако напоследок ему удалось высказать императору свои мысли о том, что происходило в губернии и в правительственных кругах в середине 1890-х гг. Аудиенция состоялась 14 января 1898 г., в тот же день её подробное описание было отослано Шереметеву⁵³.

Беседа началась с вопроса Николая II о причинах, побудивших Ахлѣстышева просить об освобождении от губернаторских обязанностей. Павел Дмитриевич прямо ответил, что решился на этот шаг, поскольку не получал поддержки от МВД «ни в какой отрасли управления» и не знал, как поступать с «группой людей вредного направления». Ахлѣстышев напомнил, что, когда он принял губернию, такие деятели «почти исключительно и бесконтрольно» вершили «все общественные дела» и ему пришлось «суровыми административными мерами вызвать среди местного общества протест против существующего режима». Император сказал, что осведомлён о том, как его собеседник боролся «так настойчиво и притом столько лет». Ахлѣстышев, видимо, ободренный этой фразой, с энтузиазмом принялся рассказывать о своём противостоянии «группе лиц противоправительственного направления», вспоминал, как ему удалось выявить «вредный эгоистически-партийный характер» их целей и «употребляемых ими нечестных приёмов», как он не утверждал в должностях тех, от кого «нельзя ожидать полезной и соответствующей видам правительства деятельности». Он занимался этим, несмотря на «всякие затруднения» от МВД, до тех пор, пока из Петербурга ему не заявили, вопреки приводимым фактам, что не считают деятельность этой группы преступной, поскольку «она не нарушает ни закона, ни порядка и при этом не имеет политической подкладки». «Смотреть сквозь пальцы на всё происходившее» губернатор счёл для себя невозможным. Николай II поинтересовался, когда МВД дало «такое разъяснение». «В начале

⁵² Там же, л. 75—75 об., 77 об.—78, 79—79 об.

⁵³ Там же, л. 86—89 об.

нынешнего лета, Ваше величество», — ответил Ахлѣстышев, очевидно, имея в виду 1897 г. и почему-то умолчав о более ранних объяснениях с Горемыкиным. Затем он быстро перевёл разговор на другую тему, сосредоточившись на том, что эта «группа лиц» вовсе «не пользуется сочувствием населения». Однако император явно продолжал думать о позиции МВД. Ласково улыбнувшись и глядя на собеседника в упор, он спросил: «Скажите, отчего Вы мне не написали об этом? Ведь Вы же видели мои отметки на Ваших отчётах?.. Ведь всякий, не только Вы, имеет право обратиться ко мне... Вы не подумали?» Ахлѣстышеву оставалось лишь сознаться: «Я не смел, Ваше величество». Завершая аудиенцию, Николай II ещё раз подтвердил, что ценит усилия Ахлѣстышева, крепко пожал собеседнику руку и на прощание повторил: «Я Вашу службу не забуду»⁵⁴.

«Дело» Ахлѣстышева наглядно продемонстрировало, что, несмотря на жѣсткий ответ царя на адрес тверских земцев 17 января 1895 г., стилистика и приѣмы внутренней политики, а также представления её творцов о допустимом и недопустимом радикально и безвозвратно изменились по сравнению с царствованием Александра III. Люди, разделявшие его политические ценности, могли теперь рассчитывать лишь на частичные «ремиссии» — такие, как назначение Д.С. Сипягина министром внутренних дел в 1899 г. При этом характерно, что доверие императора к Горемыкину осталось непоколебленным, а сам Иван Логгинич оказался для Николая II поистине незаменимой фигурой и впоследствии дважды возглавлял правительство.

⁵⁴ Там же. 17 января 1898 г. «Правительственный вестник» сообщил, что Ахлѣстышев был принят императором в числе более 50 представлявшихся лиц. Судя по камер-фурьерскому журналу, приём продолжался около двух часов — с полудня до без четверти два (РГИА, ф. 516, оп. 1 (219/2728), д. 6, л. 47а—47а об.). При этом в список представлявшихся в тот день, написанный чернилами и вклеенный в журнал, фамилия Ахлѣстышева внесена карандашом (Там же, л. 48—48 об.). Возможно, бывший губернатор был всё же принят отдельно от других представлявшихся, что и позволило ему сравнительно долго беседовать с царём с глазу на глаз на довольно деликатную тему. Скорее всего, эта аудиенция заранее не планировалась, и в журнал упоминание об Ахлѣстышеве вписали позже, для простоты присоединив его к остальным.

Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве

Михаил Алмазов

F.V. Dubasov and the suppression of the December uprising in Moscow

Mikhail Almazov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008271-9

В восприятии современников и потомков вице-адмиралу Ф.В. Дубасову, занимавшему пост московского генерал-губернатора в декабре 1905 — июле 1906 г., явно не повезло. «Палач Москвы», «душитель Декабрьского восстания» — именно таким его изображали социалистические и либеральные публицисты, а затем и советские историки¹. Часть монархистов (как, например, директор Лицея цесаревича Николая Л.А. Георгиевский²) восхищалась его решительностью и бескомпромиссностью, тогда как другие были недовольны проявленной им недостаточной распорядительностью и излишней жестокостью³. Только в начале XXI в. Ю.С. Воробьёва в небольшой статье кратко изложила биографию генерал-губернатора и перечислила основные меры, предпринятые им для подавления «крамолы». В основном исследовательница сосредоточилась на анализе дневника Дубасова и его источниковедческой характеристике (включая процесс создания данного документа). Неудивительно, что действия вице-адмирала освещались при этом апологетически и не всегда точно. Сам он характеризовался как «человек чести и долга», и оставалось лишь сожалеть о том, что «благие намерения Дубасова были разбиты революционерами»⁴. Участие войск в подавлении Декабрьского восстания тогда же было рассмотрено в диссертации А.И. Куксина. В ней справедливо отмечалось, что в ходе борьбы генерал-губернатор подчинил себе аппарат Московского военного округа, раскрылось содержание административных постановлений и воззваний власти, критически оценивались устоявшиеся в историографии представления об исключительной жестокости правительственных мер⁵. Однако взаимодействие между

© 2020 г. М.Г. Алмазов

¹ Климков В. Расправы и расстрелы. М., 1906. С. 31; Сторожев В.Н. Декабрьское вооружённое восстание (по архивным материалам) // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и воспоминаний / Под ред. Н.П. Овсянникова. М., 1920; Черномордик С.И. Декабрьское 1905 года восстание в Москве. М., 1926; Яковлев Н.Н. Вооружённые восстания в декабре 1905 г. М., 1957; Шатина Н.В. Местный государственный аппарат самодержавия в борьбе с Первой русской революцией (На примере Москвы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.

² РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 456, л. 1—2.

³ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905—1907 гг. М., 2015. С. 176; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника (1894—1917). М., 2000. С. 519.

⁴ Воробьёва Ю.С. Фёдор Дубасов в декабре 1905 года // Вестник архивиста. 2001. № 4—5. С. 360—368.

⁵ Куксин А.И. Боеготовность русской армии и военно-окружная система в начале XX века. По материалам Московского военного округа. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 128—134.

гражданскими и военными властями осталось практически не изученным, а их взаимоотношения с петербургской бюрократией, местной общественностью и обывателями и вовсе лежали за рамками исследовательских задач диссертанта.

В коллективной монографии, посвящённой революции 1905—1907 гг., С.В. Тютюкин констатировал, что деятельность Дубасова была чрезвычайно эффективна, и ему удалось в значительной мере разгромить восставших к моменту прибытия в город Лейб-гвардии Семёновского полка. По мнению историка, вице-адмирал не отличался широким политическим кругозором, но умел приспосабливаться к требованиям времени, среди его сотрудников своими деловыми качествами выделялись исправлявший должность губернатора В.Ф. Джунковский и городской голова Н.И. Гучков, тогда как градоначальник Г.П. Медем являлся «гораздо более бесцветной фигурой». Глухо упоминалось и о направлении в Москву «весьма опытного в делах полицейского сыска» П.И. Рачковского⁶. Но в обобщающей работе, разумеется, нельзя было детально проследить механизм подавления мятежа, выяснить причины назначения вице-адмирала на «боевой пост» генерал-губернатора, степень его подготовленности к роли усмирителя, выстраивание им взаимоотношений с центральными и московскими властями и населением.

В 1905 г. Фёдор Васильевичу Дубасову исполнилось 60 лет. Он родился в семье тверских дворян, обучался в Морском кадетском корпусе, в 1860-е гг. служил на Дальнем Востоке, а в 1870-х гг. — на императорских яхтах, участвовал в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., в ходе которой, командуя отрядом катеров для установки минных заграждений по Дунаю, 14 мая 1877 г. подорвал турецкий миноносец. За это лейтенант Дубасов удостоился ордена Св. Георгия 4-й степени, весной 1878 г. получил и владимирский крест с мечами и бантом⁷. После войны, став флигель-адъютантом, он неоднократно командовал военными судами, в 1891 г. сопровождал цесаревича Николая Александровича в путешествии на Дальний Восток, после чего его перевели на пост морского агента в Германии. В 1897—1899 гг. Фёдор Васильевич командовал Тихоокеанской эскадрой и 19 марта 1898 г. занял Порт-Артур. В 1899 г., уже в чине вице-адмирала, он покинул должность командующего эскадрой и в 1901 г. возглавил Морской технический комитет. Вскоре ему вновь довелось проявить дипломатические способности, на этот раз — в качестве российского представителя в Комиссии по расследованию причин Гулльского инцидента 1904 г. Оценив его успехи на этом поприще, царь 15 марта 1905 г. произвёл Дубасова в генерал-адъютанты, 24 мая пригласил на совещание, обсуждавшее перспективы продолжения войны с Японией, а 20 июня включил в состав только что созданного высшего военного органа — Совета государственной обороны⁸. На майском совещании, где большинство участников (включая самого императора), споря о возможности продолжать войну, признавали необходимость выяснить у японцев возможные условия мира, вице-адмирал вместе с военным министром В.В. Сахаровым решительно настаивал на доведении борьбы до победного конца, по сути, игнорируя сложность доставки подкреплений и

⁶ Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 367, 370—373, 375.

⁷ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 233, д. 47, л. 99—102.

⁸ Там же, л. 103—106; Конец русско-японской войны // Красный архив. 1928. № 3. С. 200—201, 203.

продовольствия на театр боевых действий, и доказывал, что экспансия России на Восток — «движение стихийное — к естественным границам»⁹.

Осенью 1905 г. моряка впервые направили в качестве генерал-адъютанта — умирять крестьянские волнения в Курской и Черниговской губерниях¹⁰. Основным принципом борьбы с беспорядками Дубасов, по словам его родственника А.А. Татищева, исполнявшего обязанности секретаря вице-адмирала во время этой экспедиции, считал их «решительное подавление в самом начале» и уничтожение мятежных «банд». На совещании с представителями военной и гражданской власти Курской губ. генерал-адъютант потребовал действовать против участников погромов усадеб предельно жёстко — вплоть до стрельбы по ним без тоекратного предупреждения. По свидетельству Татищева, наказания розгами вице-адмирал не одобрял, поскольку «выборщиков в Государственную думу нельзя сечь», но не возражал, чтобы при необходимости их расстреливали. Допускал он и сожжение построек в мятежных деревнях для демонстративного устрашения бунтовщиков. А чтобы придать им смелости и дать себя проявить, из наиболее беспокойных районов временно должны были выводиться войска¹¹. Вместе с тем при «замирении» Дубасов гибко корректировал первоначальные планы с учётом меняющейся обстановки. Так, прибыв в Черниговскую губ. и обнаружив, что беспорядки пошли на убыль, он отказался от немедленной экзекуции и приступил к сбору сведений о ситуации. При борьбе с «крамолой» вице-адмирал демонстрировал свободу от бюрократизма и «юридической рутины». На практике это означало, что «закон для него существовал лишь постольку, поскольку он не слишком его стеснял». Например, для «успокоения» местного населения генерал-адъютант решил принудительно выселить «неблагонадёжных» членов сельских обществ за счёт казны (что совсем противоречило законодательству)¹². Крестьянам, уверявшим его в своей невинности, вице-адмирал говорил, что в их деле разберутся съезд и губернское по крестьянским делам присутствие, но сам же всячески побуждал эти органы действовать без проволочек¹³. Впрочем, бывали и противоположные случаи: узнав, что в число подлежащих выдворению из села Великий Листвен включены несовершеннолетние, Дубасов отдал приказ об их помиловании¹⁴.

Распоряжаясь, вице-адмирал находился в тесном контакте с местной администрацией, военными, представителями общественности. По прибытии в Чернигов он выяснял обстановку, советуясь с губернатором А.А. Хвостовым, вице-губернатором Н.М. Родионовым, начальником жандармского управления Н.П. Рудовым и директором народных училищ П.А. Войцеховским¹⁵. В Курске Дубасов сразу же созвал совещание из высших чинов губернии¹⁶.

При объезде селений «царский посланец» произносил речи перед крестьянами, грозя им страшными карами в случае новых волнений. «Я расправлюсь с вами, мятежники», — заявлял он, искренне полагая, судя по письму, отправленному жене 10 ноября, что действует «одною силою воли и силою убежде-

⁹ Конец русско-японской войны. С. 195—204.

¹⁰ Революция 1905 года и самодержавие. М.; Л., 1928. С. 108—112.

¹¹ Объезд сатрапа // Красный архив. 1935. № 2—3. С. 42—61.

¹² Там же. С. 42, 47, 60—61; Революция 1905 года и самодержавие. С. 110.

¹³ Объезд сатрапа. С. 50, 51.

¹⁴ Там же. С. 55.

¹⁵ Там же. С. 44—46.

¹⁶ Там же. С. 60.

ния»¹⁷. Подобные выступления явно захватывали вице-адмирала. 16 ноября он признавался супруге, что сам находится «под влиянием того гипноза, под которым я управляю этими людьми»¹⁸. Но порою «гипноз» не помогал, и требовалось известное мужество. Так, на собрании волостных старшин в Конотопе толпа хотела силой помешать Дубасову взять под стражу «молодого человека из интеллигентных крестьян», требовавшего снять с должности земского начальника, и только благодаря расторопности войск и полиции удалось предотвратить столкновение¹⁹.

Фёдор Васильевич был ярким противником революционных и либеральных идей. Он считал, что в антиправительственном движении «нет ничего благородного», а его участниками являются одни «хамы»²⁰. Вдохновителями же революции, по его мнению, выступали исключительно члены «международного, преимущественно еврейского союза»²¹. Участников агарных «беспорядков» Дубасов именовал в письмах жене не иначе как «мятежниками» и «разбойниками»²². Правда, для него не было секретом и то, что, к примеру, в Суражском уезде Черниговской губ. лёгкой добычей пропагандистов стала масса «слабых, больных худосочием как в физическом, так и в духовном отношении» крестьян²³.

Заметив, что вице-адмирал успешно справляется с поставленной перед ним задачей, С.Ю. Витте, ставший к тому времени председателем Совета министров, рекомендовал Николаю II назначить «твёрдого и энергичного» Дубасова московским генерал-губернатором. Царь не проявил к этому интереса, желая оставить в Первопрестольной П.П. Дурново или заменить его на бывшего министра внутренних дел А.Г. Булыгина (служившего ранее московским губернатором и хорошо знавшего местную специфику). Но к середине ноября Витте, обеспокоенный опасностью «анархии власти» в Москве, настоял на своём²⁴.

С Дубасовым главу правительства связывали, по-видимому, давние личные отношения. Вице-адмирал консультировал Витте по военно-морским делам, в частности, 10 сентября 1904 г. представил ему записку о необходимости создания сильного флота и усиления посылаемой на Дальний Восток эскадры²⁵. Супруга Фёдора Васильевича — А.С. Дубасова (сестра покойного министра внутренних дел Д.С. Сипягина) лестно отзывалась о государственных заслугах Витте²⁶.

¹⁷ Там же. С. 47, 49; Революция 1905 года и самодержавие. С. 110; РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 751, л. 180—180 об.

¹⁸ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 751, л. 125 об.

¹⁹ Объезд сатрапа. С. 57.

²⁰ Там же. С. 42.

²¹ Адмирал Ф.В. Дубасов: палач или человек чести? // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М., 2000. С. 475.

²² РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 751, л. 125 об., 179 об.

²³ Там же, л. 179.

²⁴ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 300—301, 400; *Богданович А.В.* Дневники. 1879—1912. М., 2018. С. 375; Революция 1905 года и самодержавие. С. 42—43; Высший подъём революции 1905—1907 гг. Вооружённые восстания. Ноябрь—декабрь 1905 г. // Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Ч. 1. М., 1955. С. 581.

²⁵ Из архива С.Ю. Витте... Т. 1. СПб., 2003. С. 690; РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 265, л. 1—11.

²⁶ *Менделеев П.П.* Свет и тени моего прошлого. Обрывки воспоминаний (1864—1933). М., 2018. С. 268.

Однако Дубасов был давно известен и самому императору, и председателю Совета государственной обороны и командующему войсками гвардии и Петербургского военного округа вел. кн. Николаю Николаевичу, который 26 октября 1905 г., в разгар мятежа в Кронштадте, поручил вице-адмиралу добиться от Морского министерства барж с буксирами для переправки в крепость правительственных войск²⁷. Современники отмечали неприязнь между Дубасовым и управляющим МВД П.Н. Дурново²⁸, однако в 1905 г. споры между ними возникали только по принципиальным вопросам. Кроме того, Дурново всячески демонстрировал заботу о семье генерал-губернатора²⁹.

Репутация Дубасова в правящих кругах и в обществе была вполне определённой. Генерал-лейтенант А.А. Киреев отзывался о нём: «Бешеный, но дельный»³⁰. «Это был человек с железной волей, — вспоминал позднее Джунковский, — это был честный, благородный солдат... у него был здравый смысл, и он умел отличать честное от нечестного. В душе он был добрым человеком и гуманным, но вспыльчивость его не знала границ, он в эти минуты забывал всё и становился очень неприятен... Но это всегда бывало поправимо, так как ему стоило только потом спокойно и прямо доложить, что он не прав... он сейчас же менял тон»³¹. Генерал-лейтенант В.Г. Глазов, в октябре 1905 г. покинувший пост министра народного просвещения и ставший помощником командующего войсками Московского военного округа, писал в дневнике о резкой реакции генерал-губернатора на возражения и «неудобные» вопросы³². Независимость суждений будущего «главного начальника» Москвы отмечал и Татищев³³. В памяти профессора международного права Петербургского университета и чиновника МИД барона М.А. Таубе, представлявшего вместе с Дубасовым интересы России в комиссии по Гульскому инциденту, он остался как «мой адмирал», импульсивный, сидевший на решающем заседании «как на иголках», но «в особенности высокочтимый в нашем флоте — точный, строгий, решительный, внушавший к себе в подчинённых и любовь, и страх». Весной 1905 г. Фёдор Васильевич в ультимативной форме потребовал у министра иностранных дел гр. В.Н. Ламздорфа дать барону Таубе, работой которого в Париже был очень доволен, орден Св. Владимира 4-й степени (минуя «всех Станиславов и всех Анн», коих у профессора не оказалось) и угрожал в противном случае обратиться непосредственно к императору. Повествуя об «острой и энергичной» реакции вице-адмирала на слова гр. Ламздорфа, Таубе отмечал, что «это соответствовало всему его характеру»³⁴. Вдова вел. кн. Сергея Александровича и сестра императрицы вел. кн. Елизавета Фёдоровна, приехав в декабре в Петербург, уверяла дочерей генерал-губернатора, что «он единственный, который может спасти положение»³⁵.

²⁷ ГА РФ, ф. Р-6249, оп. 1, д. 1, л. 20—20 об.

²⁸ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 301—302, 400; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 138. По мнению А.П. Бородина, это чувство зародилось ещё во время их обучения в Морском кадетском корпусе (*Бородин А.П.* Пётр Николаевич Дурново. «Русский Нострадамус». М., 2013. С. 162).

²⁹ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 677, л. 40.

³⁰ *Киреев А.А.* Дневник. 1905—1910. М., 2010. С. 38.

³¹ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 110.

³² РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 347 об., 376.

³³ *Объезд сатрапа.* С. 42.

³⁴ *Таубе М.А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917). М., 2007. С. 61—62, 76, 83.

³⁵ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 677, л. 40.

В то же время Джунковский и Татищев видели некомпетентность своего патрона в административных делах. «Он при мне спрашивал у курского губернатора, — свидетельствовал Татищев, — почему фабричный инспектор ему ничего не докладывает о податных инспекторах, не зная, что это разные ведомства»³⁶.

Таким образом, на посту московского генерал-губернатора оказался человек жёсткий, харизматичный, не стеснявший себя юридическими рамками, демонстрировавший безразличие к судьбам «смутьянов», но вместе с тем прагматичный, считающий с окружающей его обстановкой и требованиями времени. Между тем состояние дел в Москве в конце ноября — начале декабря 1905 г. серьёзно отличалось от того, с чем вице-адмиралу довелось столкнуться в Курской и Черниговской губерниях. Вместо крестьян, преследовавших в массе своей схожие цели и сравнительно легко покорявшихся администрации (Дубасов грозил, но осуществлять свои угрозы осенью ему так и не пришлось), теперь перед ним находились пёстрые социальные группы и слои, среди которых встречались и последовательные революционеры, и радикальные или, наоборот, умеренные либералы, старообрядцы, черносотенцы, консервативно и просто аполитично настроенные жители. Чтобы контролировать их, управлять ими, преодолевать их сопротивление и инерцию, требовалась осторожность, приходилось искать компромиссы, гибко сочетая жёсткие меры с великодушными жёстами.

Ситуация была взрывоопасной. С середины ноября Москва сделалась центром Всероссийской почтово-телеграфной забастовки³⁷. Тогда же в Первопрестольной прошёл II съезд Всероссийского крестьянского союза, широко освещавшийся прессой³⁸. Допустив эти события, власть проявила слабость, а запоздавшие аресты руководителей оппозиционных организаций не способствовали успокоению общественности³⁹. В городе активно формировались боевые дружины, которые создавали как леворадикалы, так и фрондировавшие предприниматели, боявшиеся «черносотенных» погромов (например, Н.П. Шмит или И.Д. Сытин)⁴⁰. Широко распространялись призывы к вооружённому восстанию, почти открыто производился сбор средств на его подготовку. При этом местная администрация располагала весьма ограниченными возможностями. Войска и полиция — основная силовая опора режима — находились далеко не на высоте положения. Полицейские были малочисленны⁴¹, плохо вооружены, деморализованы и утомлены непрерывным пребыванием в «особых нарядах» по поддержанию порядка, что поглощало осенью все их силы⁴². Мощь местного гарнизона заметно ослабла после отправки значительной части боеспособных солдат на Дальний Восток (по оценке Дубасова, в дни восстания у него имелось

³⁶ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 110; Объезд сатрапа. С. 42.

³⁷ Высший подъём... С. 112.

³⁸ ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 783, л. 195—195 об.

³⁹ Там же, л. 242, 386—387, 456; Высший подъём... С. 117—119.

⁴⁰ Вальдин А.С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) вооружённого восстания в Москве. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. С. 101.

⁴¹ По данным сенаторской ревизии 1907—1911 гг., к началу «беспорядков» свои обязанности исполняли 1 865 городских из 2 054, полагавшихся по штату, 96 из 126 приставов, 264 из 288 околоточных надзирателей, и только один полицеймейстер из четырёх — помощник градоначальника барон А.Р. Будберг (Декабрьское вооружённое восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 183).

⁴² Там же. С. 184; Дневник Л.А. Тихомирова... С. 140.

всего 1 350 штыков⁴³), на оставшихся разлагающе действовала революционная пропаганда и постоянные наряды для усиления полиции⁴⁴.

Дубасов был официально назначен генерал-губернатором 25 ноября, однако в этот день он появился в Москве лишь проездом, дабы по распоряжению Николая II дать необходимые инструкции сменившему его в Курской губ. А.И. Пантелееву⁴⁵. В свободное время вице-адмирал изучал обстановку в городе, расспрашивая Джунковского⁴⁶. Дубасов вовсе не горел желанием браться за дело вслепую, он живо интересовался, почему уходит его предшественник⁴⁷, каковы права, полномочия и материальное обеспечение генерал-губернатора, что представляет собой градоначальник барон Медем⁴⁸. Вероятно, слухи о намерении нового «главного начальника» Москвы добиться в Петербурге большей самостоятельности возникли неслучайно⁴⁹. Беседуя с Витте, Дубасов долго отказывался от предложенной должности и согласился лишь после обещания позаботиться о семье и ходатайствовать о назначении его членом Государственного совета⁵⁰.

Получил ли генерал-губернатор какие-либо инструкции в Петербурге? Николай II принимал его 26 ноября и 1 декабря, но о чём при этом говорилось, неизвестно⁵¹. Витте уверял новоизбранного московского городского голову Н.И. Гучкова, что поручил Дубасову сформировать консультативный орган с участием представителей думы⁵². Со своей стороны, П.Н. Дурново, считавший Москву центром «мятежа», предписал «арестовать всех зачинщиков забастовки (на почте и телеграфе. — М.А.), членов и делегатов мятежнического “союза” и передать их для обвинения в судебном порядке прокурорскому надзору», «подтянуть» местное почтово-телеграфное ведомство, уволив со службы «забастовщиков» и проявивших слабость чиновников. Управляющий МВД гарантировал, что эти «решительные меры» будут распространены на всю империю. Генерал-губернатору следовало также обратить внимание на «революционные митинги», подлежавшие «рассеянию». Дурново прямо писал, что прокурор московской судебной палаты В.Ф. фон Клуген «никуда не годится», «судебное ведомство либеральничает, и приведение его в порядок — дело нелёгкое»,

⁴³ Адмирал Ф.В. Дубасов: палач или человек чести? С. 465.

⁴⁴ Высший подъём... С. 617—618.

⁴⁵ Николай II в 1905 году (По рескриптам, резолюциям и телеграммам) // Красный архив. 1925. № 4—5. С. 436.

⁴⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 107—108.

⁴⁷ По свидетельству Джунковского, П.П. Дурново, явно не справлявшийся с возложенными на него обязанностями, вовсе не собиравшись оставлять генерал-губернаторский пост и, уезжая из Москвы 20 ноября, рассчитывал вскоре вернуться, добившись «расширения своих прав». Однако его ожидала отставка, полученная в характерном для Николая II стиле: «Приехав в Петербург, он на другой день поехал представиться государю. Его величество с ним очень милостиво разговаривал, расспрашивая о Москве, а когда он от государя вернулся домой, то нашёл записку об увольнении его от должности, подписанную два дня назад» (*Джунковский Ф.В.* Указ. соч. С. 106).

⁴⁸ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 415, л. 3 об.

⁴⁹ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 163.

⁵⁰ Революция 1905 года и самодержавие. С. 42—43.

⁵¹ Дневники императора Николая II (1894—1918 гг.). Т. 2. Ч. 1. М., 2013. С. 72, 73.

⁵² Стенографические отчёты о собраниях московской городской думы за 1905 г. Ноябрь—декабрь. М., 1906. С. 1007.

а почт-директор К.Г. Радченко — «слаб и труслив»⁵³. Впрочем, ни Витте, ни Дурново не разъяснили, как действовать в случае открытого мятежа.

4 декабря вице-адмирал вернулся в Первопрестольную, где тогда же собрался пленум Московского совета рабочих депутатов, готовивший объявление новой всеобщей стачки⁵⁴. На следующий день Дубасов устроил «общий приём всех должностных лиц и общественных учреждений» города. В речи, произнесённой перед ними, новый «главный начальник» назвал свой пост «боевым» и констатировал, что в древней столице России «свилы теперь гнёзда элементы самой преступной и самой разрушающей пропаганды», которую ему предстоит пресечь, не останавливаясь «ни перед какими самыми крайними и самыми суровыми мерами». Призывая собравшихся оказать ему «твёрдую и дружную поддержку в этом святом деле», Фёдор Васильевич выразил уверенность в том, что «победа над крамоллой должна быть достигнута не столько штыками и залпами, сколько нравственным воздействием и твёрдостью лучших общественных сил России», которых он пригласил «объединиться и сплотиться для дружной борьбы с крамоллой». «Я предлагаю вам, — говорил генерал-губернатор, — обращаться ко мне без всякого стеснения и во всякое время, так как при настоящих обстоятельствах я себя считаю на службе день и ночь». Столь решительная декларация, как вспоминал Джунковский, «произвела огромное впечатление на всех присутствовавших, все почувствовали, что, наконец, в Москве водворилась твёрдая власть, что есть к кому обратиться». Поэтому, хотя «много было разговоров», но «большая часть уходила успокоенная, довольная... другая же была сконфужена и, может быть, и недовольна, чувствуя себя не по себе после некоторых слов Дубасова, которые они не могли не принять по своему адресу»⁵⁵. Бывший при вел. кн. Сергее Александровиче управляющим канцелярией генерал-губернатора В.К. Истомин писал вице-адмиралу, что «восторженно потрясён» известием о его «твёрдой речи»⁵⁶. Однако эффект выступления не стоит преувеличивать: на революционеров оно, по-видимому, не оказало никакого воздействия⁵⁷, значительная часть чиновников в условиях вооружённого мятежа не нашла в себе того мужества, которое пытался внушить «главный начальник» растерявшейся администрации⁵⁸, лояльность общественности оставалась весьма условной⁵⁹.

6 декабря по случаю царских именин в Успенском соборе состоялось торжественное богослужение. На нём «присутствовали все должностные лица и представители общественных учреждений во главе с генерал-адъютантом Дубасовым, по инициативе которого по окончании службы в Успенском соборе на Красной площади при огромном стечении народа было устроено всенародное моление за царя и Родину, причём порядок был образцовый». По словам

⁵³ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 415, л. 2—3 об. Приехав в Москву, генерал-губернатор сразу же вызвал Радченко и фон Клугена (ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 233, д. 49, л. 3, 4), после чего почт-директор отправил градоначальнику список чиновников, так и не приступивших к работе, несмотря на предписания МВД (ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 795, т. II, л. 167).

⁵⁴ Первая революция в России... С. 368.

⁵⁵ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 108—109.

⁵⁶ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 505, л. 15.

⁵⁷ *Костицын В.А.* Декабрьское вооружённое восстание в Москве // *Костицын В.А.* Моё утраченное счастье... Воспоминания, дневники. Т. 2. М., 2017. С. 192—193.

⁵⁸ Декабрьское вооружённое восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 182, 184, 186.

⁵⁹ Стенографические отчёты... С. 997—1060.

Джунковского, «никому и в голову не приходило, что на другой день Москва будет объята восстанием»⁶⁰. Но на деле всё прошло не так гладко. В ночь на 7 декабря Л.А. Тихомиров записал в дневнике: «Говорят, что молебствие на Красн[ой] площ[ади] собрало много народа. Рассказывали два очевидца, но не беспристрастные. Один сказал — 50 000... Я спросил: “20 — было ли?” “Ну, уж это наверное”... Потом толпа ходила к Дубасову: просила выразить её чувства царю. А после того как разошлись, немедленно пришла к Дубасову толпа рабочих с пением “Марсельезы”». Демонстрации дружинников продолжались до ночи⁶¹.

Тем временем 6 декабря пленум Московского совета рабочих депутатов принял решение начать на следующий день всеобщую забастовку. В полдень 7 декабря в Москве забастовали крупные предприятия (включая Прохоровскую мануфактуру, заводы Циндель, братьев Бромлей и т.д.), банки, учебные заведения, железные дороги (за исключением Николаевской и Рязано-Уральской, которая присоединилась к забастовке днём позже). На улицах проходили митинги и демонстрации, начались столкновения с войсками⁶². Уже 7—8 декабря по приказу П.И. Рачковского, которого П.Н. Дурново направил в Москву, были арестованы члены Федеративного совета РСДРП (В.Л. Шанцер, М.В. Васильев-Южин и др.), Всероссийского железнодорожного союза (В.Н. Переверзев) и Московского совета (Н.К. Муравьёв, Н.И. Чистов)⁶³. Вечером 8 декабря войска и полиция оцепили несколько тысяч человек, митинговавших в саду «Аквариум», однако значительной части дружинников удалось избежать ареста, перебравшись через забор. Ещё более накалили ситуацию события 9—10 декабря: артиллерийский обстрел и штурм драгунами, жандармами и пехотой дома И.И. Фидлера, где происходила сходка дружинников (о чём Дубасова уведомил начальник московского охранного отделения А.Г. Петерсон⁶⁴), кровавые столкновения на Тверской улице у Триумфальных ворот и артиллерийская стрельба по прохожим на Страстной площади⁶⁵.

Эти действия, предпринятые с ведома и одобрения генерал-губернатора, стали катализатором открытого восстания⁶⁶. При малочисленности гарнизона и опасности блокирования солдат в казармах командование Московского военного округа решило разделить большую часть войск на два отряда под руководством командиров Ростовского гренадерского полка Н.П. Симанского и Таврического гренадерского полка А.В. Зурова и сосредоточить их, соответственно, на Театральной площади и в Манеже. Общее командование осуществлял генерал-майор С.Е. Дебеш. Резерв в составе трёх рот с четырьмя пулемётами расположился в Кремлёвских казармах. Небольшие отряды были выделены для охраны вокзалов и стратегически важных учреждений — почтамта, телеграфа,

⁶⁰ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 111.

⁶¹ Дневник Л.А. Тихомирова... С. 169. См. также: Лядов М.Н. На гребне революционной волны // На баррикадах Москвы. М., 1975. С. 35.

⁶² Высший подъём... С. 656—659, 692—695.

⁶³ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 207—209, 233—236 об.; ГА РФ, ф. 102, оп. 203, д. 8, ч. 34, л. 47—47 об. Начальник Главного управления почт и телеграфов МВД М. Севастьянов рассказывал А.В. Богданович, что осада «Аквариума» была предпринята Дубасовым по приказу Дурново (Богданович А.В. Указ. соч. С. 352).

⁶⁴ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 233.

⁶⁵ Москва в декабре 1905 г. Изд. 2 / Под ред. Л.В. Беловинского. М., 2018. С. 50, 70—72.

⁶⁶ Там же; Яковлев Н.Н. Вооружённые восстания в декабре 1905 г. М., 1957. С. 166—168, 170; Шатина Н.В. Местный государственный аппарат... С. 124—125.

отделения Государственного банка⁶⁷. Между тем окраины (Сущёво, Пресня, Рогожская часть, Замоскворечье, Лефортово, Симонова слободка, Сокольники) оказались фактически во власти дружинников; полицейские зачастую были блокированы в своих участках и даже подвергались нападениям (например, в Арбатской части⁶⁸).

10—11 декабря в городе появились целые пояса баррикад на бульварах, на Долгоруковской, Арбате, Поварской, Бронных, Садовых улицах (от Сухаревой башни до Кудринской площади). Множество заграждений находилось в районе Мещанских улиц, Красных ворот, Земляного вала, Миусского парка, Пресни, Каланчёвской площади. Захватив Казанский вокзал, революционеры наладили доставку дружинников из губернии по Московско-Рязанской железной дороге. «Известия Совета рабочих депутатов» призывали к партизанской войне⁶⁹. Впрочем, сам совет, формально руководивший восстанием, из-за арестов и неподготовленности фактически сразу же утратил контроль над ситуацией. Вооружённые дружинники (которых насчитывалось до 2 тыс. человек) без централизованного руководства продержались против регулярных войск в течение недели⁷⁰.

Но и генерал-губернатору для подавления очагов сопротивления и восстановления порядка в городе требовались подкрепления. 7 декабря он телеграфировал вел. кн. Николаю Николаевичу, прося прислать пехотную бригаду, но из-за дефекта шифровки запрос пришлось повторить на следующий день. В тот же вечер великий князь ответил решительным отказом. Ещё не зная об этом, Дубасов добивался от Дурново и военного министра А.Ф. Редигера отправки ему «части военной железнодорожной команды» для поддержания движения на Николаевской дороге. 11 декабря вице-адмирал возобновил настойчивые ходатайства о присылке бригады: он говорил по телефону о критическом положении в Москве с великим князем, которому послал ещё и личное письмо, с главой правительства и управляющим МВД, отправлял телеграммы Витте, Дурново и Редигеру, надеясь на их посредничество. Деятельную поддержку Дубасову в этих ходатайствах оказали Рачковский и командующий войсками округа Н.Н. Малахов (докладывавший военному министру о бедственном положении московского гарнизона). Наконец, 13 декабря генерал-губернатор обратился непосредственно к императору⁷¹.

В МВД и Военном министерстве Дубасову готовы были оказать помощь. 10 декабря в Москву направили две роты 3-го железнодорожного батальона, возвращавшегося с Дальнего Востока. Однако по приказу своего командира полковника М.И. Огоновского (то ли опасавшегося их разгрома, то ли оказавшегося под давлением забастовщиков) они двинулись в Барановичи⁷². Вечером 12 декабря приказ выступить в Москву поступил в Ладужский полк,

⁶⁷ Высший подъём... С. 724—729; Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции 1905—1907 гг. Документальные свидетельства / Сост. А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев, А.А. Чернобаев. М., 2017. С. 45.

⁶⁸ Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 47.

⁶⁹ Высший подъём... С. 665—666.

⁷⁰ Высший подъём... С. 685; Москва в декабре 1905 г. С. 104—106, 187.

⁷¹ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905 г., оп. 233а, д. 1350, ч. 26, л. 81; РГИА, ф. 1656, оп. 1, д. 89, л. 1 об.—2 об.; РГВИА, ф. 400, оп. 3, д. 2617, л. 191; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 11; Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 302, 400; Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 42—53.

⁷² РГВИА, ф. 2000, оп. 4, д. 2416, л. 76—76 об., 99—99 об.

расквартированный в Варшавском военном округе. Но из-за забастовки на Московско-Брестской дороге ему пришлось добираться кружными путями, и он прибыл только 16 декабря⁷³. При этом вел. кн. Николай Николаевич упорно не отдавал ничего, опасаясь волнений в столице, где 3, 7—8 и 12—13 декабря проходили аресты революционеров⁷⁴. К тому же приходившие в Петербург донесения об успешных действиях московского гарнизона и больших потерях среди дружинников действовали успокоительно не только на великого князя, но и на МВД⁷⁵.

Лишь 13 декабря, ознакомившись с телеграммами Дубасова и Малахова (Редигер доложил о ней именно в этот день) и учитывая мнение Витте, Николай II распорядился временно передать Дубасову Лейб-гвардии Семёновский полк. 14 числа семёновцы выехали из Петербурга⁷⁶. Впрочем, едва они втянулись в подавление восстания, как тот же Витте 17 декабря предложил великому князю отозвать гвардию из Москвы, когда там появится Ладужский полк⁷⁷. Тот уже находился в распоряжении Дубасова, но премьер, похоже, смутно представлял реальное положение дел в Москве или просто тянул время. Так или иначе, 23 декабря Витте настоял на возвращении семёновцев, ссылаясь на возможность беспорядков в годовщину 9 января. Николай II согласился⁷⁸.

Наиболее тесно генерал-губернатор взаимодействовал с управляющим МВД, но и его распоряжения хронически запаздывали. Так, 14 декабря Дурново приказал изъять оружие из частных магазинов, а 16 декабря — уволить и арестовать бастовавших служащих городского самоуправления⁷⁹. Однако данные меры не оказали существенного влияния на подавление восстания, поскольку в нём уже наметился перелом, а малочисленный московский полицейский аппарат, при и без того слабой розыскной способности, за прошедшие дни боёв оказался полностью парализован⁸⁰. При этом приказы об арестах Дурново и директор Департамента полиции Н.И. Вуич посылали как Дубасову, так и своим непосредственным подчинённым — градоначальнику и начальнику Московского охранного отделения⁸¹. Вскоре арестанты переполнили все места заключения в Москве. 11 декабря Дубасов просил по телеграфу управляющего МВД и министра юстиции С.С. Манухина перевести московских заключённых в Петербург⁸². Но тюрьмы были переполнены и там. 13 декабря Манухин

⁷³ Там же, ф. 400, оп. 3, д. 2617, л. 191; д. 2603, л. 237; ф. 2000, оп. 4, д. 2416, л. 7, 8, 13, 17.

⁷⁴ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 302; Дневник Г.О. Рауха // Красный архив. 1926. № 6. С. 90, 92; *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 516; Первая революция в России... С. 369.

⁷⁵ Дневники императора Николая II... С. 75; Высший подъём... С. 663, 677—678, 681—682, 687; ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905 г., оп. 233а, д. 2540, т. II, л. 60, 61; РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 717, л. 46—47.

⁷⁶ Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 302—303, 401—402; Дневник Г.О. Рауха. С. 90; ГА РФ, ф. Р-6249, оп. 1, д. 1, л. 47 об.—48; РГВИА, ф. 400, оп. 3, д. 2617, л. 191; Письма Николая II к Дубасову // Красный архив. 1925. № 4—5(11—12). С. 441.

⁷⁷ ГА РФ, ф. 671, оп. 1, д. 23, л. 1.

⁷⁸ Революция 1905 года и самодержавие. С. 34, 167.

⁷⁹ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 88; Высший подъём... С. 157—158.

⁸⁰ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 25; Высший подъём... С. 677; ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 797, т. II, л. 10. Поэтому трудно согласиться с мнением А.П. Бородина, который считает, что Дурново сыграл решающую роль в разгроме московских дружинников (*Бородин А.П.* Пётр Николаевич Дурново... С. 159—161).

⁸¹ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 112; ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 797, т. II, л. 8.

⁸² Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 48.

предложил разместить двести человек в Твери и Владимире, а в дальнейшем использовать помещения военного ведомства⁸³.

Свободные денежные средства также отсутствовали. 19 декабря Дубасов убедил императора выделить ему «хотя бы 100 тысяч рублей», дабы помочь «невинно пострадавшим». Вице-адмирал считал это «желательным» прежде всего «для общественного настроения данной минуты»⁸⁴.

В целом, взаимодействие с Петербургом оставляло желать лучшего: помощи приходилось ожидать долго, и поступала она в весьма ограниченном размере. Не менее сложно было наладить работу местной администрации и сформировать собственную «команду». По должности первым помощником генерал-губернатора являлся московский градоначальник барон Медем, руководивший полицией. Современники характеризовали его как человека, не отличавшегося компетентностью, слабовольного, даже ленивого и трусливого, довольно требовательного к подчинённым, но пользовавшегося среди них авторитетом⁸⁵. В дни восстания он практически отстранился от активных действий, находился, как правило, дома, и приставы с риском для жизни пробирались к нему за указаниями⁸⁶. Хотя Медем продолжал отдавать распоряжения и информировать генерал-губернатора о ситуации в городе, трудно сказать, как именно готовились его решения и доклады⁸⁷. Резолюции барона на донесениях приставов представляли собой в основном типовые пометки («К сведению»), отписки, отказы в присылке войск, указания на вышедшие обязательные постановления генерал-губернатора и их разъяснения, высокопарные сентенции («Когда же мы приструним эту смуту»)⁸⁸. 23 декабря, ходатайствуя о замене градоначальника, Дубасов сообщал императору, что с самого начала признал Медема «неспособным справляться с возложенными на него обязанностями», однако не считал удобным удалять главу полиции в разгар мятежа⁸⁹. Тем не менее, по свидетельству Глазова, ещё 17 декабря вице-адмирал предложил эту должность генерал-квартирмейстеру штаба Московского военного округа С.М. Шейдеману, с коим тесно сотрудничал при подавлении восстания⁹⁰. Впрочем, впоследствии данное назначение не состоялось.

Трудно было положиться и на начальника Московского охранного отделения ротмистра Петерсона, по отзывам Джунковского и А.А. Рейнбота (сменившего Медема в январе 1906 г.) — нераспорядительного и неосведомлённого офицера⁹¹. Несколько усилить полицейское руководство позволило присутствие в городе бывшего руководителя заграничной агентуры Департамента полиции Рачковского⁹². Дубасов познакомился с ним ещё в Париже во время расследо-

⁸³ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 121—122.

⁸⁴ Революция 1905 года и самодержавие. С. 167, 184.

⁸⁵ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 65; Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 399; ОР РГБ, ф. 307, п. 1, д. 4, л. 5; Дневник Л.А. Тихомирова... С. 114, 119; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 206—206 об.

⁸⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 65; РГИА, ф. 935, оп. 1, д. 5, л. 27.

⁸⁷ Высший подъём... С. 678—679, 685—686.

⁸⁸ ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 785, л. 428, 448, 449, 450, 456; д. 870, л. 50, 73, 80, 100; д. 912, т. 1, л. 24, 141, 157, 163—163 об., 196.

⁸⁹ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 553, л. 4.

⁹⁰ РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 367.

⁹¹ Там же, ф. 1393, оп. 1, д. 14, л. 3 об.; *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 110.

⁹² ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 797, т. II, л. 13; *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 190.

вания Гульского инцидента⁹³. Рачковский имел непосредственное отношение к проведению арестов (в том числе в доме Фидлера) и организации работы охранного отделения, участвовал во внесудебном разбирательстве на Прохоровской мануфактуре (где в целом одобрил приговоры, вынесенные офицерами Семёновского полка)⁹⁴. По свидетельству гр. Е.Л. Камаровской, он сыграл видную роль в захвате «кавказской» боевой дружины 14—15 декабря⁹⁵.

Впрочем, Рачковский явно не мог изменить неудовлетворительное состояние московской полиции, нуждавшейся в скорейшем усилении. 10—12 декабря вице-адмирал устно и письменно потребовал от градоначальника увеличить число ночных сторожей до 2 тыс., возложив расходы по их содержанию на домовладельцев, вооружить городских винтовками и нанять ещё тысячу полицейских (на что в МВД дали согласие ещё 2 декабря)⁹⁶. Но добиться удалось только выдачи ружей и возложения на ночных сторожей обязанностей городских⁹⁷. Помимо бездеятельности Медема это объяснялось параличом местной полиции и её неспособностью взыскать деньги с обывателей в критической ситуации⁹⁸.

Самыми активными сотрудниками вице-адмирала стали управлявший его канцелярией А.А. Воронин⁹⁹ и Джунковский, являвшийся постоянным участником разных совещаний при генерал-губернаторе¹⁰⁰. «Ко мне лично Дубасов всё время относился с исключительным доверием, — вспоминал Владимир Фёдорович, — и во время вооружённого восстания, когда ему времени не было заниматься текущими делами по генерал-губернаторскому управлению, передал все эти дела мне на разрешение, дав мне полномочие подписывать бумаги за него, что было даже не совсем законно, но оправдывалось обстоятельствами». Фёдор Васильевич планировал испросить на это соизволение императора, но из-за других забот так и не осуществил своё намерение¹⁰¹. Джунковский дважды в день посещал Дубасова, ездил к градоначальнику, в штаб округа и в Кремль, где располагались учреждения, напрямую связанные с подавлением мятежа¹⁰². При исполнении губернаторских функций и поручений Дубасова он проявлял немалую личную отвагу, открыто появляясь верхом на улицах и подвергаясь

⁹³ Таубе М.А. Указ. соч. С. 65.

⁹⁴ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 233; РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 447, л. 27—28, 73—74, 79 об.; РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 2654, л. 1.

⁹⁵ Записки графини Е.Л. Камаровской // Власть и общество в Первой российской революции... С. 86.

⁹⁶ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 261, л. 448; оп. 237, д. 87, л. 25; ф. 46, оп. 21, д. 113, л. 19.

⁹⁷ ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 870, л. 238—239 об.; ЦГА Москвы, ф. 475, оп. 119, д. 114, л. 229; Высший подъём... С. 677; Декабрьское вооружённое восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 182, 186; Лескова И.С., Коган И.Э. Дежурные дневники московского градоначальства (25 сентября 1905 — 8 января 1906 гг.) // Материалы по истории революции 1905—1907 гг. М., 1967. С. 119.

⁹⁸ Лескова И.С., Коган И.Э. Дежурные дневники... С. 117—119; Декабрьское вооружённое восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 184, 186.

⁹⁹ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 115; Высший подъём... С. 689; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 139, д. 174, т. 1, л. 2, 4, 6, 65; оп. 233, д. 49, л. 20—21, 23—23 об.; оп. 237, д. 90, т. 1, л. 8, 23.

¹⁰⁰ РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 348 об., 365; Высший подъём... С. 715; Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 112, 115, 127.

¹⁰¹ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 110. При этом копии всех подобных документов, подписанных губернатором, предоставлялись в генерал-губернаторскую канцелярию (ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 233, д. 47, л. 42 об.—43).

¹⁰² Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 116.

нападениям революционеров, что в глазах московской публики выгодно отличало его от вице-адмирала¹⁰³, которого редко видели в городе.

В условиях начавшегося мятежа важнейшей задачей для генерал-губернатора, естественно, являлась координация усилий военных и гражданских властей¹⁰⁴. 7 декабря на специальном совещании, созванном по инициативе Дубасова у Малахова, обсуждалось введение в Москве режима чрезвычайной охраны и обеспечение совместных действий войск и полиции. В нём участвовали высшие чины военного округа, Медем и Джунковский¹⁰⁵. Вероятно, результатом совещания стало отношение Дубасова Малахову, дозволявшее «на основании п. 16 приложения к ст. 316 т. 2 Свода законов» командирам войсковых отрядов в отсутствие «гражданского начальства» приступать «к действию оружием» по своему усмотрению. Это распоряжение имело особое значение в ситуации, когда весь московский гарнизон вызвали для охраны Кремля, почтамта, телефонной станции и других объектов в центре столицы¹⁰⁶. Правда, уже 9 декабря, после совещания генерал-губернатора с Шейдеманом, вызов всех войск был отменён¹⁰⁷.

В последующие дни Дубасов явно стремился направлять шаги генералов. «Приходилось, — докладывал он Николаю II 28 декабря, — невольно принимать на себя роль руководителя военных действий, т.е. ту роль, которая по закону не принадлежит главноначальствующему, и в которой по закону ему не предоставляется никаких прав»¹⁰⁸. Вскоре сложилась практика, согласно которой не только градоначальник, но и командиры частей, подавлявших восстание, регулярно сообщали Дубасову о принятых мерах. В то же время чисто политические проблемы обсуждались генерал-губернатором на импровизированном собрании при участии начальника штаба округа барона Е.А. Рауша фон Траубенберга¹⁰⁹. Вице-адмирал руководил даже планированием отдельных операций с привлечением сил гарнизона (например, оцепления студенческого общежития на Бронной улице)¹¹⁰. Кроме того, он неоднократно обращался к командованию округа с просьбами об использовании его ресурсов для вооружения полиции и жандармского дивизиона¹¹¹.

Однако полного контроля над войсками генерал-губернатор не имел, и неизвестно, принимал ли он непосредственное участие в подготовке экспедиций, направлявшихся с 11 декабря для разборки баррикад¹¹². Даже сведения о них поступали не всегда и не сразу. Так, 11 и 12 декабря Дубасов сообщил Дурново, что ещё не получал донесений¹¹³. Сложная система, при которой решения о посылке отрядов принимались начальником охраны Москвы Яковлевым, бароном

¹⁰³ Там же. С. 110—136; Записки графини Е.Л. Камаровской. С. 85; Москва в декабре 1905 г. С. 101.

¹⁰⁴ Свод военных постановлений. СПб., 1869. Кн. II. Гл. II. Ст. 17, 20, 27; Свод законов Российской империи. Т. II. СПб., 1892. Ст. 255.

¹⁰⁵ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 112.

¹⁰⁶ Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 42; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 85, л. 198—199.

¹⁰⁷ РГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 575, л. 88.

¹⁰⁸ Высший подъём... С. 751.

¹⁰⁹ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 115.

¹¹⁰ Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 51.

¹¹¹ РГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 386. л. 79, 91, 330.

¹¹² Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 48—49.

¹¹³ Там же. С. 49, 51.

Раушем, Шейдеманом, Малаховым снижала оперативность управления войсками¹¹⁴. Между тем усталые и озлобленные солдаты и офицеры нередко боролись с «крамолой» с излишней жестокостью: излюбленной их тактикой был обстрел обывательских домов, не причинявший вреда маневренным группам дружинников¹¹⁵.

Вице-адмирал не собирался мириться с подобным положением вещей. С 11 декабря он добивался введения в Москве военного положения и установления единоначалия¹¹⁶. 13 декабря Дубасов отдал распоряжение не обстреливать здания, откуда доносились одиночные выстрелы, а обыскивать их совместно с офицерами полиции¹¹⁷. Однако массовые обстрелы домов после этого не прекратились, хотя их обыски действительно проводились. Очевидно, заниматься ими систематически оказалось невозможно из-за малочисленности и деморализации чинов полиции¹¹⁸.

14 декабря, после не вполне удачного штурма Миусского трамвайного парка и Императорского промышленного училища (где вопреки ожиданиям, вместо 2 тыс. «мятежников» удалось захватить только 46 человек), Дубасов решил учредить специальные ежедневные военно-полицейские совещания под своим председательством для планирования подобных операций¹¹⁹. Он старался навязать свою тактику, предусматривавшую планомерное оцепление и зачистку кварталов вместо артиллерийского обстрела, а также скорейшее развёртывание наступления против мятежных окраин и железных дорог. Поначалу это вызвало резкое неприятие у генералов, опасавшихся крупных потерь. Но вице-адмирал довольно быстро справился с «фрондой». С 15 декабря, после прибытия подкреплений, эти совещания, по сути, стали настоящим штабом борьбы с мятежом¹²⁰.

Правда, заседал данный импровизированный орган, как правило, поздно вечером, и это обусловило плохую подготовку боёв за Пресню. Сам план наступления на окраину при поддержке артиллерии со стороны Николаевских казарм возник в штабе округа 15 декабря, но поскольку никто не знал, когда именно прибудет Ладожский полк, конкретные сроки не устанавливались. Совещание обсуждало задуманную операцию 16 декабря с 9 часов до глубокой ночи в отсутствие барона Рауша, Глазова и начальника артиллерии гренадерского корпуса генерал-лейтенанта В.И. Гиппиуса. Начать атаку решили в 7 часов утра 17 декабря. В результате не удалось наладить связь отряда, направленного на штурм района, с артиллерией. Гиппиус, появившийся в Николаевских казармах около полудня, не знал о приказе Шейдемана не открывать огонь по зданиям в случае бегства «мятежников»¹²¹ и распорядился начать бомбардировку

¹¹⁴ Высший подъём... С. 682.

¹¹⁵ Там же. С. 702—703; Москва в декабре в Москве 1905 г. С. 101, 107.

¹¹⁶ ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905 г., оп. 233а, д. 1350, ч. 26, л. 93; д. 2540, т. II, л. 92—93; *Левин К.Н.* Вооружённое восстание в Москве (Дни 7—19 декабря). Отрывки из дневника // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. С. 242.

¹¹⁷ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 112.

¹¹⁸ Высший подъём... С. 703, 707, 725; Москва в декабре 1905 г. С. 107—108; РГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 392, л. 78, 281 об.; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 213.

¹¹⁹ РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 348—348 об.; Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 54.

¹²⁰ РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 348—348 об., 365 об.—366.

¹²¹ Там же, л. 367, 382; РГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 576, л. 193; Высший подъём... С. 687—688, 731—732.

в тот момент, когда полковник Г.А. Мин приступил к разборке баррикад. Операция оказалась сорвана, и взятие Пресни пришлось отложить¹²².

Подчинить себе руководство подавлением мятежа Дубасову стало значительно проще после того, как он получил от царя в «полное распоряжение» Семёновский полк, командир которого — полковник Мин — во время боёв на Пресне посылал вице-адмиралу донесения и ожидал от него дальнейших указаний¹²³. Эти послания часто передавались как через штаб округа, так и через специально посланных лиц¹²⁴. При этом Мину следовало сообщать о своих действиях и в штаб округа, и «главноначальствующему», но если возникали какие-либо затруднения, ему было приказано сноситься лишь с генерал-губернатором¹²⁵. Дубасов определял и чисто военные детали операции. Так, 17 декабря он потребовал у барона Рауша подчинения Мину действовавших на Пресне рот Ладожского полка¹²⁶.

Однако из-за общей спешки и сильной загруженности офицеров Мина донесения доходили крайне нерегулярно¹²⁷, что, естественно, ограничивало влияние вице-адмирала на инициативного полковника. Пользуясь этим, Мин по своему усмотрению отсрочил штурм Пресни 18 декабря, хотя рабочие Прохоровской мануфактуры, просившие его накануне прекратить обстрел фабрики в обмен на капитуляцию, не выполнили к указанному сроку условий, выдвинутых Дубасовым и переданных командиру отряда (разборка баррикад, разоружение и выдача зачинщиков мятежа и участников «революционного суда», приговорившего к смерти начальника московской сысской полиции А.И. Войлошников) ¹²⁸. Это предотвратило возможные потери среди семёновцев и мирных жителей, но именно 18 декабря многим дружинникам удалось покинуть данный район¹²⁹. В то же время при попустительстве жандармских и судебных чинов Мин и его офицеры расстреливали без суда лиц, заподозренных в принадлежности к революционному движению, о чём Дубасову докладывали не в полном объёме¹³⁰. Среди них погибали люди, весьма слабо или вовсе не причастные к беспорядкам (например, студент Инженерного училища А. Григорьев). Сведения об этом, попадая в печать, компрометировали вице-адмирала¹³¹.

¹²² РГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 576, л. 193 об.—194; РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 372—372 об. Гиппиус позднее утверждал, что получил приказ о стрельбе от Шейдемана, ссылаясь на запись телефонного разговора адъютанта артиллерийской бригады Неппестрема с генерал-квартирмейстером (Штурм Пресни // Красный архив. 1925. № 4—5(11—12). С. 388—395). В штабе округа сочли этот документ фальшивкой, а у самого генерал-майора обнаружили проблемы с психикой (РГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 576, л. 193). Их отмечал в своём дневнике и Глазов (РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 381 об.).

¹²³ Письма Николая II к Дубасову. С. 441; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 140—153.

¹²⁴ Из истории Московского вооружённого восстания. Материалы и документы. М., 1930. С. 51, 176; РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 2651, л. 1; Высший подъём... С. 733.

¹²⁵ Из истории Московского вооружённого восстания... С. 176.

¹²⁶ РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 367.

¹²⁷ *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 140—153.

¹²⁸ РГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 386, л. 284—284 об.; ф. 2584, оп. 1, д. 2651, л. 1; Высший подъём... С. 734; Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 61.

¹²⁹ Декабрьские дни в Москве. Записки дружинника. СПб., 1906. С. 30—31; *Костицын В.А.* Указ. соч. С. 209—210.

¹³⁰ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 428, л. 25; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 148—149.

¹³¹ *Климков В.* Указ. соч. С. 49—53.

Заметную роль в работе дубасовского штаба подавления восстания сыграл присланный в Москву вместе с Мином генерал Г.К. Штакельберг¹³². Бывший командир Сибирского корпуса консультировал генерал-губернатора и наблюдал за действиями гвардии. По свидетельству дежурного генерала штаба округа М.С. Тюлина, именно Штакельберг, ссылаясь на какие-то исключительные полномочия, полученные от царя, воспротивился желанию Дубасова и Малахова уже 16 декабря начать наступление на Пресню, не дожидаясь прибытия Ладожского полка¹³³. Впоследствии Георгий Карлович на совещаниях и приватно обсуждал с генерал-губернатором организацию военного и гражданского управления в Москве, помогал ему составлять план их преобразования, представленный затем императору¹³⁴. Именно он от имени Дубасова приказал Шейдеману по окончании первой, запланированной стрельбы по Прохоровской мануфактуре вернуть на позицию артиллерийскую батарею для «нравственного воздействия» на «мятежников»¹³⁵. Сохранились письма, в которых генерал передавал Мину распоряжение вице-адмирала ежечасно посылать донесения, а также отдавал собственные приказы — о выработке плана действий в «трущобах» и об аресте хозяина Сахарного завода¹³⁶. В целом, вице-адмирал сумел подчинить себе военных, хотя спешность разработки и проведения планируемых операций, периодические разногласия, срывавшие первоначальные замыслы, а также слабый контроль над офицерами, командовавшими на местах (особенно над Мином), снижали эффективность генерал-губернаторских действий.

Помимо этого Дубасову приходилось поддерживать контакты с московской общественностью и налаживать сотрудничество с думой, руководившей местным хозяйством, и городским головой Н.И. Гучковым — одним из лидеров «Союза 17 октября». Советуясь с ним, вице-адмирал распорядился ограничить артиллерийский обстрел домов, согласился легализовать санитарные отряды, организованные Медицинским союзом и контролируемые думой, разрешил 17 декабря Гучкову и московскому губернскому предводителю дворянства кн. П.Н. Трубецкому провести эвакуацию с Пресни женщин и детей, отменил артиллерийский обстрел района утром 18 декабря, отдал Мину приказ об охране фабрики братьев Мамонтовых от грабежа¹³⁷. Вместе с тем генерал-губернатор категорически отказался отменить свои распоряжения, запрещавшие деятельность самочинных санитарных отрядов¹³⁸ и предусматривавшие отключение телефонов у частных абонентов до подавления восстания¹³⁹. Прошения и жалобы москвичей, пересылавшиеся ему Гучковым, далеко не

¹³² Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 55.

¹³³ ОР РГБ, ф. 307, п. 1, д. 4, л. 15.

¹³⁴ РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 365, 368 об., 369; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 176; Высший подъём... С. 751—753.

¹³⁵ РГВИА, ф. 1606, оп. 1, д. 576, л. 194.

¹³⁶ Высший подъём... С. 864; РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 428, л. 15 об.

¹³⁷ РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 2704, л. 1; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 139, д. 174, т. 2, л. 1, 2; ф. 1334, оп. 1, д. 19, л. 1 об.—2 об.; Стенографические отчёты... С. 1013; Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 67; *Воробьёва Ю.С.* Фёдор Дубасов... С. 364—365.

¹³⁸ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 139, д. 174, т. 2, л. 7.

¹³⁹ Стенографические отчёты... С. 1011. Данное постановление было принято 11 декабря из-за забастовки большинства служащих Шведско-датско-русского телефонного общества, поставившей под угрозу эксплуатацию всей сети (ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 139, д. 174, т. 1, л. 2), а вовсе не для затруднения сообщения между революционерами (Первая революция в России... С. 370).

всегда удовлетворялись (особенно если они содержали критику и обвинения властей)¹⁴⁰. В то же время генерал-губернатор советовался с ним по политическим делам. 17 декабря Гучков сообщил о депеше, полученной от «стачечного комитета» железнодорожников, в которой предлагалось мирно прекратить забастовку, если этой организации будет позволено разослать соответствующую телеграмму по железным дорогам. Дубасов попросил голову высказать свое мнение. В итоге оба сочли подобный шаг недопустимым, не желая признавать какой-либо авторитет «комитета»¹⁴¹.

Генерал-губернатор внимательно просматривал постановления думы, хотя из-за занятости не всегда мог делать это вовремя¹⁴². В его взаимодействие с самоуправлением вмешивалось и петербургское начальство. К примеру, радикальное решение думы о выплате жалования рабочим за дни забастовки было аннулировано по распоряжению управляющего МВД¹⁴³. Разумеется, вице-адмирал активно поддерживал выделение городской управой средств для воинских и полицейских чинов, пострадавших во время мятежа, и нередко лично требовал выдать те или иные суммы конкретным лицам¹⁴⁴.

Для более тесного сближения с московской общественностью Дубасов создал консультативный Совет. Ещё 9 декабря он пригласил на совещание, обсуждавшее меры против восстания, представителей городской элиты и администрации¹⁴⁵. На следующий день под руководством вице-адмирала началась подготовка к созданию Совета из чиновников различных ведомств и общественных деятелей¹⁴⁶, а 12 декабря он одобрил изложенный городским головой план, который вынашивался в думе с середины ноября¹⁴⁷. Из документов канцелярии генерал-губернатора и прессы известно о заседаниях Совета 15, 21 и 22 декабря¹⁴⁸. На них присутствовали: Медем, Джунковский, Воронин, барон Рауш, Малахов, Н.И. Гучков, гласные думы — Н.М. Перепёлкин и А.И. Геннерт, председатели губернской и уездной земских управ Ф.А. Головин и Н.Ф. Рихтер, губернский и уездный предводители дворянства кн. П.Н. Трубецкой и П.А. Базилевский, представители купеческого (С.А. Булочкин, Г.П. Немчинов), старшины мещанского (Александров) и ремесленного (Онуфриев) сословий, председатель биржевого комитета Г.А. Крестовников, управляющий отделением Государственного банка Н.Я. Малевинский, управляющий казённой палатой С.И. Урсати, управляющий учебным округом В.Д. Исаенков, ректор университета А.А. Мануйлов, викарий Московской епархии епископ Дмитровский Трифон (Туркестанов), председатель и прокурор судебной палаты Ф.Ф. Арнольд и фон Клуген, непременные члены по земским и городским делам присутствия М.Н. Оловянников и В.В. Петров, старший советник губернского правления С.С. Перфильев, председатель съезда

¹⁴⁰ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 91, 93, 128.

¹⁴¹ Там же, ф. 1334, оп. 1, д. 19, л. 3.

¹⁴² Там же, ф. 16, оп. 139, д. 174, т. 7, ч. 2, л. 18; РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 438, л. 2.

¹⁴³ ЦГА Москвы, ф. 179, оп. 3, д. 2333, л. 164.

¹⁴⁴ Там же, ф. 16, оп. 139, д. 174, т. 8, л. 1, 2, 14, 44, 45, 67.

¹⁴⁵ Там же, оп. 233, д. 49, л. 1—5; *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 121.

¹⁴⁶ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 110.

¹⁴⁷ Стенографические отчёты... С. 1016; ЦГА Москвы, ф. 1334, оп. 1, д. 18, л. 55—58 об. См. также: *Вальдин А.С.* Социально-политическая борьба... С. 191.

¹⁴⁸ По мнению Ю.С. Воробьёвой, Совет заседал ежедневно: *Воробьёва Ю.С.* Фёдор Дубасов... С. 364.

мировых судей Москвы С.В. Печкин, представитель пресненского попечительства о бедных Н.Н. Львов, председатель попечительства С.В. Ганешин, депутаты по выбору от дворянства А.Д. Самарин, Е.М. Пржевальский и кн. В.А. Голицын, представитель вел. кн. Елизаветы Фёдоровны Н.К. фон Мекк, а также А.И. Гучков, М.И. Приклонский, Д.Н. Шипов, Н.А. Хомяков¹⁴⁹.

15 декабря Дубасов разъяснял участникам заседания смысл изданных им постановлений, рассказывал о намеченных мерах, согласился на думское посредничество в том случае, если рабочие добровольно пожелают сложить оружие¹⁵⁰. 21 числа вице-адмирал сообщил собравшимся о последних событиях (в том числе об экспедиции на Пресню и разрешении театралных представлений) и, как утверждалось в «Русском листке», даже выразил готовность отменить обязательное постановление, запрещавшее горожанам выходить на улицу ночью и регулировавшее производство обысков, однако его убедили подождать из опасения перед хулиганами и грабителями¹⁵¹. 22 декабря Совет решил привлечь комиссию для изучения нужд арестованных к контролю за положением многочисленных заключённых, создать при губернаторе и градоначальнике справочные бюро для сообщения сведений о находящихся под стражей, образовать комиссии для борьбы с наводнившими город безработными и хулиганами¹⁵².

Любопытно, что участвовавших в совещаниях представителей общественности Дубасов сразу же избавил от ответственности за действия власти по подавлению мятежа¹⁵³. Когда на заседании 21 декабря Головин заговорил о том, несут ли собравшиеся ответственность за действия Мина, Дубасов, как рассказывал Глазову Малахов, «бросил очень резко, что раз гражд[анская] власть оказалась несостоятельной, дело перешло в руки воен[ной] власти, к войскам, за действия коих является ответственным он один и никаких посредников не признает». Затем схожий ответ «получил другой» член Совета, интересовавшийся достоверностью слухов о «массовых расстрелах»¹⁵⁴.

Не уклонялся генерал-губернатор и от частных контактов с влиятельными москвичами, будь то личное общение или письменные обращения. Так, А.И. Гучков «на случайных... переговорах» с Дубасовым рассуждал о найме новых городских и ночных сторожей¹⁵⁵. А в письмах Ф.И. Гучкова и Л.М. Кашецина звучали требования подвергнуть революционеров военному суду и смертной казни¹⁵⁶. С.И. Трухачёва, дочь бывшего городского головы И.А. Лямина,

¹⁴⁹ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 261, л. 458—463 об.; Русский листок. 1905. 17 декабря. № 332; 23 декабря. № 338; 24 декабря. № 339.

¹⁵⁰ Высший подъём... С. 689—690; Русский листок. 1905. 17 декабря. № 332.

¹⁵¹ РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 376; Русский листок. 1905. 23 декабря. № 338.

¹⁵² ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 261, л. 457; Русский листок. 1905. 23 декабря. № 339. Согласно письму Дубасова кн. Трубецкому создание Комитета для помощи пострадавшим (и соответствующей комиссии) должно было обсуждаться 21 декабря (ЦГА Москвы, ф. 380, оп. 4, д. 474, л. 15). В газете писали, что генерал-губернатор сообщил о воле императора на следующий день и на том же заседании Совета комиссия была избрана. Однако, судя по записи в журнале, объявление о царской воле и образование комиссии состоялось 22 декабря на первом заседании Комитета для помощи пострадавшим (ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 139, д. 174, т. 4, л. 13, 16). Возможно, о создании данного комитета говорилось накануне в Совете.

¹⁵³ Воробьёва Ю.С. Фёдор Дубасов... С. 366; Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 127.

¹⁵⁴ РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 10, л. 376.

¹⁵⁵ Стенографические отчёты... С. 1009.

¹⁵⁶ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 294, л. 27—28 об., 37—38 об.

просила распространять как можно шире объявления с информацией о текущих событиях и предпринятых властью мерах¹⁵⁷. Начальница Екатерининского института благородных девиц О.С. Краевская, по свидетельству гласного думы Н.П. Вишнякова, на приёме у Дубасова негодовала на полицейских, отказавшихся защитить здание вверенного ей учебного заведения от дружинников¹⁵⁸. Какие-то идеи генерал-губернатор признавал целесообразными (например, мысль об увеличении штатов полиции), другие — невыполнимыми или противоречащими его намерениям и взглядам на подавление мятежа (как применение военного суда). Причём знакомился он с письмами отнюдь не сразу.

Стараясь воздействовать на городских обывателей, Дубасов издавал своеобразные «информационные бюллетени», выходявшие 12, 16 и 21 декабря. В них излагались причины восстания, разъяснялся его деструктивный характер, обосновывались действия войск, опровергались слухи о чрезмерной жестокости властей (особенно на Пресне), «благомыслящее» население призывалось к сотрудничеству¹⁵⁹. Инициировав выпуск этих воззваний, вице-адмирал лично над ними работал, кропотливо подыскивая наиболее удачные выражения, и вносил поправки в уже готовый и переписанный подчинёнными текст¹⁶⁰. По-видимому, Дубасов был искренне убеждён в том, что у него «прямо талант или особенная способность оказывать на простых людей неотразимое влияние», о чём он писал жене ещё 10 ноября из Черниговской губ. По его словам, они «пошли бы» за ним «в огонь и воду»¹⁶¹.

Как воспринимались эти воззвания населением? По словам гр. Камаровской, толпа «простого люда», которой она зачитывала «афишу», выпущенную 12 декабря, слушала её с благоговением, одна старушка даже крестилась, когда упоминалось о царе¹⁶². Приверженцы левых взглядов не без иронии связывали с выходом первого воззвания то, что 13 декабря на улицах Москвы появились толпы хулиганов¹⁶³. Впрочем, из-за слабых возможностей типографии штаба военного округа (остальные не работали), «афиши», особенно первая, печатались в небольшом количестве экземпляров, и население часто ничего о них не знало¹⁶⁴. Не менее серьёзным препятствием к ознакомлению с ними являлась неграмотность значительной части москвичей¹⁶⁵. Странники леворадикальных взглядов или пострадавшие при подавлении восстания, естественно, относились к генерал-губернаторским объявлениям враждебно¹⁶⁶.

Со своей стороны, многие москвичи (и прежде всего домовладельцы) во время стачки и мятежа посылали Дубасову поздравления, предложения, критические отзывы, жалобы и прошения. Проекты лояльных обывателей Дубасов и Воронин несмотря на загруженность делами внимательно рассматривали (пусть и не сразу), но, как правило, оставляли без последствий¹⁶⁷, в том числе

¹⁵⁷ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 505, л. 56—56 об.

¹⁵⁸ ЦГА Москвы, ф. 1334, оп. 1, д. 18, л. 85.

¹⁵⁹ Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 50, 58, 63.

¹⁶⁰ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 448, л. 13—13а, 25.

¹⁶¹ Там же, д. 751, л. 180.

¹⁶² Записки графини Е.Л. Камаровской. С. 80.

¹⁶³ Климков В. Указ. соч. С. 25; Москва в декабре 1905 г. С. 113.

¹⁶⁴ ЦГА Москвы, ф. 1334, оп. 1, д. 18, л. 80; Дневник Л.А. Тихомирова... С. 173—176.

¹⁶⁵ Записки графини Е.Л. Камаровской. С. 80.

¹⁶⁶ Левин К.Н. Указ. соч. С. 247, 250.

¹⁶⁷ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 294, л. 15—17; оп. 229, д. 50, д. 63—64 об., 110.

в силу радикализма и утопичности рекомендаций, ещё большей, чем у «общественников» (например, о создании шпионской сети в трактирах из половых)¹⁶⁸. Резкую критику администрации в канцелярии предпочитали игнорировать, как и странные анонимные сетования на запрет играть в театрах «Марсельезу» и т.п.¹⁶⁹

Дубасов пытался привлечь жителей на помощь войскам и полиции при разборе баррикад и для восстановления порядка на улицах. Ещё до 8 декабря члены добровольной охраны (общественной организации, созданной для обеспечения безопасности императора во время коронации) предложили генерал-губернатору сформировать дружину «для окарауливания казённых и общественных зданий»¹⁷⁰. На совещании 9 декабря Дубасов поддержал проект главы Союза русских людей кн. А.Г. Щербатова, предусматривавший широкое создание подобных формирований, но исключительно при условии жёсткого контроля со стороны властей¹⁷¹. 15 декабря вице-адмирал поручил формирование отрядов «добровольцев» градоначальнику, предписав снабдить их «револьверами и резиновыми палками для самообороны»¹⁷². Однако при запуганности горожан и явном недоверии к их самодеятельности эта затея не принесла ощутимых результатов¹⁷³. В целом же, вопреки усилиям Дубасова, полноценного диалога между ним и московскими обывателями так и не сложилось.

Не способствовала этому и репрессивная политика властей. 11—13 декабря в условиях «чрезвычайной охраны» вышли обязательные постановления, предписывавшие домовладельцам держать ворота, двери и окна закрытыми, запрещавшие стрелять и бросать взрывчатые вещества из зданий, открывать форточки и окна в тёмное время суток, вводившие с 9 часов вечера до 7 часов утра комендантский час. Теперь прохожие после 6 часов вечера подлежали обыску, а против групп свыше трёх человек разрешалось применять оружие, наказание (вплоть до расстрела) предусматривалось для персонала санитарных пунктов и отрядов, способствовавших «мятежникам», и для лиц, виновных в порче телеграфа и телеграфных столбов, запрещались все собрания, кроме заседаний правительственных, городских и земских органов¹⁷⁴. По меньшей мере часть этих мер (закрытие ворот, запрещение митингов и собраний) предпринималась по инициативе полицейского начальства¹⁷⁵. Однако вице-адмирал деятельно участвовал в составлении и редактировании предписаний. Так, он отверг подготовленный в канцелярии проект постановления о запрете выходить на улицу после 9 часов вечера, и после многочисленных поправок разработал собственный вариант постановления, включавший требование завешивать окна¹⁷⁶.

¹⁶⁸ Там же, ф. 16, оп. 95, д. 294, л. 32 об.

¹⁶⁹ Там же, л. 19; оп. 229, д. 50, л. 56—57 об.; оп. 237, д. 90, т. 1, л. 201, 202.

¹⁷⁰ РГИА, ф. 1282, оп. 1, д. 717, л. 46 об.

¹⁷¹ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 121.

¹⁷² *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 85—86.

¹⁷³ ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 870, л. 41—43, 45, 46; ЦГА Москвы, ф. 475, оп. 17, д. 294, л. 188—188 об.; оп. 19, д. 114., л. 205, 207; РГИА, ф. 1393, оп. 1, д. 14, л. 4—4 об.; Высший подъём... С. 702; Декабрьское вооружённое восстание 1905 г. глазами сотрудников... С. 182—190; *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 121; *Лескова И.С., Коган И.Э.* Дежурные дневники... С. 75—147; Москва в декабре 1905 г. С. 110—111.

¹⁷⁴ Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 48—50.

¹⁷⁵ Декабрьские дни 1905 г. в Москве (дневник очевидца). Б.м., б.г. С. 5; Пресня в декабре 1905 г. // Красный архив. 1935. Т. 6. С. 205; ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 870, л. 47—49; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 84.

¹⁷⁶ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 448, л. 14—14 об.; ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 87, л. 15, 16.

Между тем из-за малочисленности сил «правопорядка», невозможности местных властей распространить в городе необходимое количество экземпляров данных постановлений и возникновения вследствие этого «информационного вакуума», не говоря уже о господстве мятежников на окраинах, эти «правила» исполнялись далеко не всем населением Москвы, а претворять их в жизнь приходилось радикально настроенным солдатам, что неизбежно ужесточало применение тех или иных норм на практике. Это в свою очередь порождало не соответствовавшие реальности слухи об инспирировании жестокости самим вице-адмиралом¹⁷⁷.

Дубасов пытался лично контролировать действие обязательных постановлений. 12 декабря он распорядился, чтобы все протоколы об их нарушении доставлялись на его рассмотрение для определения взыскания¹⁷⁸. Однако они стали поступать от градоначальника лишь с 15 декабря, а рассматривались вице-адмиралом начиная с 19 декабря¹⁷⁹, т.е., по сути, уже после подавления восстания. Поэтому оказать существенное влияние на его ход налагавшиеся наказания не могли, не в последнюю очередь из-за стремления генерал-губернатора держать это дело в своих руках.

Уже 22 декабря генерал-губернатор начал смягчать введённые ограничения, разрешив выходить на улицу от 12 часов ночи до 7 часов утра¹⁸⁰. Одновременно, по представлению Медема, он дозволил проведение «театральных представлений» и прочих действ «в праздники» (с 25 декабря), но не позднее 11 часов вечера¹⁸¹. Кроме того, вице-адмирал предоставил градоначальнику право санкционировать беспрепятственный проезд врачей и акушеров в ночное время и обязал полицию облегчать получение медицинской помощи и способствовать доставлению рожениц и новорождённых в родильные дома в эти часы¹⁸².

Аресты лиц, причастных к мятежу, производились, как правило, по инициативе охранного отделения, участие в них генерал-губернатора не было систематическим. Но иногда соответствующие распоряжения делались от его имени¹⁸³. Так, 9 декабря по указанию Дурново он отдал приказ арестовать наиболее активных железнодорожных агитаторов¹⁸⁴. Впоследствии именно им, по-видимому, принималось решение о задержании Шмита и обыске на его фабрике¹⁸⁵.

Дубасов использовал и другие репрессивные меры против «крамольников». 17 декабря он одобрил предложение руководителя движения на Московско-Казанской и ряде других железных дорог Московского узла полковника М.И. Пестржецкого о массовом увольнении подведомственных ему рабочих, которых следовало затем принимать обратно на работу «с самым строгим разбором», отсекая «неблагонадёжные элементы»¹⁸⁶. Согласился Дубасов и на задуман-

¹⁷⁷ ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 785, л. 549; Дневник Л.А. Тихомирова... С. 174; *Левин К.Н.* Указ. соч. С. 248; Стенографические отчёты... С. 1010.

¹⁷⁸ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 89, т. 2, л. 2.

¹⁷⁹ Там же, л. 3—7.

¹⁸⁰ Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 63—64.

¹⁸¹ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 139, д. 174, т. 3, л. 4, 6.

¹⁸² *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 134; Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании...

С. 64.

¹⁸³ ГА РФ, ф. 63, оп. 25, д. 871, л. 12.

¹⁸⁴ Там же, д. 797, т. II, л. 60.

¹⁸⁵ Там же, д. 839, л. 2—4.

¹⁸⁶ Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 58.

ную градоначальником «чистку» в учреждениях городского самоуправления¹⁸⁷. Николай II по прошению генерал-губернатора лишил пенсии и мундира отставного генерал-майора П.В. Аверьянова, возглавившего забастовку служащих городской думы¹⁸⁸.

Мятежников, захваченных с оружием в руках, по мнению Дубасова, следовало предавать смерти без суда¹⁸⁹. Однако к судьбе арестованных он относился не столь однозначно. Ещё 11 декабря Дурново рекомендовал вице-адмиралу предать «злоумышленников» (к тому времени большинство из них составляли захваченные в доме Фидлера) военному суду¹⁹⁰. В тот же день вечером Дубасов ответил, что считает нужным так поступить только с главными «преступниками». 12 декабря он поручил прокурору Московской судебной палаты Ф.Ф. Арнольду готовиться к процессу по делу Фидлера, не упомянув о намерении подключить к нему военную юстицию. 15 декабря после совещания с помощником прокурора военно-окружного суда генерал-губернатор заявил управляющему МВД по телефону: «Дело Фидлера [передать] военному суду я не согласен. Непопулярное учреждение, лучше мы переколем. Не связывайте мне рук, я по совести поступлю»¹⁹¹. Похоже, планы вице-адмирала остались для Дурново загадкой. Во всяком случае, в конспекте своего доклада царю он в тот же день поставил знак вопроса после слов о том, что «генерал-губернатор полагает не предавать военному суду людей, задержанных в д[оме] Фидлера»¹⁹². Однако глава МВД и сам Николай II, напротив, признавали такое решение «единственно правильным и соответствующим данным обстоятельствам». 16 декабря Дурново телеграфировал об этом в Москву¹⁹³. Но несмотря на явное неодобрение и прямое волеизъявление царя, вопреки Дурново и министру юстиции М.Г. Акимову, вице-адмирал не уступал. 7 января 1906 г. во всеподданнейшей записке он решительно высказался в пользу гражданского суда, напоминая, что общество ожидает установления «правового порядка» на основании Манифеста 17 октября. Одновременно Дубасов обратился за поддержкой к Витте¹⁹⁴.

Таким образом, во время Декабрьского восстания Ф.В. Дубасов действовал как жёсткий, но в то же время прагматичный и чувствующий потребности времени администратор. Чётких инструкций на случай мятежа он не имел и вынужден был импровизировать. В отличие от своего предшественника П.П. Дурново, прибалтийского генерал-губернатора А.В. Соллогуба или кавказского наместника гр. И.И. Воронцова-Дашкова, Дубасов не растерялся на «боевом посту», проявив инициативу, решительность и способность прислушиваться к разумным предложениям подчинённых и представителей общественности. Вместе с тем имевшиеся в его распоряжении силы были малочисленны

¹⁸⁷ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 95, д. 484, л. 3—4.

¹⁸⁸ Там же, оп. 233, д. 49, л. 6, 8.

¹⁸⁹ Там же, оп. 237, д. 90, т. 1, л. 65.

¹⁹⁰ Там же, д. 92, л. 1.

¹⁹¹ Там же, д. 93, л. 2—2 об., 4; Ф.В. Дубасов о Декабрьском вооружённом восстании... С. 49,

56.

¹⁹² ГА РФ, ф. 102, ОО, 1905 г., оп. 233а, д. 1350, ч. 26, л. 111.

¹⁹³ ЦГА Москвы, ф. 16, оп. 237, д. 93, л. 12. Таким образом, заключение М.Н. Гернета о полной солидарности Дубасова и Дурново, основанное на выборочном цитировании телеграммы, является не вполне точным (*Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962. С. 125—126*).

¹⁹⁴ РГА ВМФ, ф. 9, оп. 1, д. 430, л. 1, 2—4 об., 8—10; Революция 1905 года и самодержавие. С. 42; Из архива С.Ю. Витте... Т. 2. С. 304.

и дезорганизованы, налаженная наспех система взаимодействия с военными не обеспечивала полного контроля над действиями войск, диалог с населением осложнялся из-за запуганности и неосведомлённости обывателей. К тому же генерал-губернатор постоянно спешил и всё равно не успевал реагировать на быстро менявшиеся обстоятельства, поступавшие прошения, жалобы и проч. Выдвинутые им идеи не всегда можно было осуществить. Одобрение расправы без суда над вооружёнными дружинниками позволяло перейти и к расстрелам мирных жителей, чем особенно отличился отряд полковника Мина. С другой стороны, стремление Дубасова скорее раздавить «мятежные очаги» привело к плохой подготовке экспедиции на Пресню и позволило многим революционерам спастись.

**«Кабинет» князя Н.Д. Голицына
и поиски политического курса зимой 1916—1917 гг.**

Фёдор Гайда

**«Cabinet» of Prince N.D. Golitsyn
and the search for a political course in the winter of 1916—1917**

Fyodor Gayda

*(Lomonosov Moscow State University; Immanuel Kant Baltic Federal
University, Kaliningrad, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870008272-0

Способность власти реагировать на сползание страны в революцию в начале 1917 г. и характер политического курса последнего правительства Николая II по-разному оцениваются в историографии. В.С. Дякин, впервые подробно рассмотревший данный сюжет, отмечал нарастающую реакционность внутренней политики, сопровождавшуюся развалом системы управления, что, по его мнению, и сделало революцию неизбежной¹. С.В. Куликов, напротив, писал о целенаправленной подготовке министрами перехода к парламентаризму, будто бы вступившей в начале 1917 г. в решающую фазу: правящая бюрократия тогда фактически изолировала монарха, который и сам не возражал против соответствующих реформ, но хотел отложить их до окончания войны².

При этом противоречивы были не только суждения исследователей, но и события, происходившие в России зимой 1916/17 гг. Победа Антанты казалась всё более несомненной, но отдалялась всё дальше и дальше. На третьем году Великой войны милитаризация экономики, наконец, осуществилась. Но сопутствовавшие этому социальные процессы оказались даже более грозными, чем сами боевые действия. Столица жила особой жизнью. Минский губернатор кн. В.А. Друцкой-Соколинский вспоминал о своей служебной командировке в Петроград в конце 1916 г.: «Впервые я ощутил возможность катастрофы. Войной в Петрограде буквально никто не интересовался. Все были утомлены сверх меры, все обмякли, и всё это на почве экономических затруднений и продовольственных лишений. Все роптали, все сетовали, все негодовали, и, главное, все сплетничали, и все злословили. Меня, как свежего человека, поразило то обстоятельство, что в петербургском обществе конца 1916 года исчезли совершенно сдерживающие начала, исчезли те верхи, которые до сего времени

© 2020 г. Ф.А. Гайда

Статья подготовлена в рамках проекта «Память времён» Благотворительного фонда князя Дмитрия Ромаова с использованием гранта Президента РФ.

¹ Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. 1914—1917. Л., 1967. С. 267—276; Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 629—648. См. также: Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 156—162; Ганелин Р.Ш. После Распутина // Историк и революция. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Олега Николаевича Знаменского. СПб., 1999. С. 117—135.

² Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 318, 358.

считались недоступными, не подлежащими критике. Мне думается, что к этому времени все нравственные пределы и границы были утеряны. Была общая разнузданность мнений, слов, выражений и, пожалуй, чувств»³.

В ноябре—декабре депутаты Государственной думы и деятели общественных организаций развернули настоящий «штурм власти», к которому присоединились Государственный совет, Объединённое дворянство и даже великие князья. Все возможные слова о государственной измене были уже произнесены и даже напечатаны. Возглавивший Совет министров А.Ф. Трепов пытался достичь компромисса с Думой, соглашаясь на проведение ряда реформ, намеченных в программе Прогрессивного блока, и оглашение условий Петроградской конвенции 1915 г. о проливах, однако оппозиция уже не только не хотела, но и не могла договариваться: любой стговор с правительством означал бы признание своего соучастия в его «преступлениях». В ночь на 17 декабря произошло убийство Г.Е. Распутина, ставшего для публики олицетворением «тёмных сил». Ответить на него власть, по сути, не смогла. 27 декабря ушёл в отставку Трепов, возглавлявший правительство всего полтора месяца. Ожидалось, что его заменят опытные бюрократы, служившие ещё с П.А. Столыпиным — бывший министр юстиции И.Г. Щегловитов или С.В. Рухлов, руководивший в 1909—1915 гг. МПС. Оба они имели вполне определённую политическую репутацию: Щегловитов являлся одним из лидеров правой группы Государственного совета, а Рухлов — Всероссийского национального союза. Но никакого желания играть роль премьера у них не было. Рухлов, по свидетельству А.С. Путилова, тяжело болел⁴, а Щегловитов предпочёл кресло председателя Государственного совета. Со своей стороны, министр внутренних дел А.Д. Протопопов рекомендовал назначить на высший административный пост в империи члена Государственного совета националиста А.Б. Нейдгарта или министра иностранных дел Н.Н. Покровского⁵. Но в результате преемником Трепова стал «очень почтенный бюрократ»⁶ и «весьма приличный человек»⁷ кн. Н.Д. Голицын. В 1885—1903 гг. он губернаторствовал в Архангельске, Калуге и Твери, в 1903 г. перешёл в Сенат, а в 1915 г. возглавил Комитет помощи русским пленным, который находился под покровительством императрицы Александры Фёдоровны. «Милый, старый» князь пользовался её доверием⁸. Как вспоминал Покровский, «князь Н.Д. Голицын обладал добрым, в высшей степени мягким характером и самым приятным обращением, но твёрдости в нём не было решительно никакой и справиться с министрами он не был в состоянии, да едва ли и хотел»⁹.

При назначении князя решающее значение для Николая II имела личная преданность, именно её, по мнению царя, не хватало Трепову. Между тем незадолго до своего внезапного карьерного взлёта князь вручил императору

³ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914—1918. М., 2010. С. 192.

⁴ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 2.

⁵ Падение царского режима. Стенографический отчёт допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. / Под ред. П.Е. Щёголева. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 25.

⁶ Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914—1917 / Под ред. С.В. Куликова. Т. 2. М., 2017. С. 277—278.

⁷ Шаховской В.Н. «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893—1917 гг. Париж, 1952. С. 195.

⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.; Л., 1927. С. 168.

⁹ Покровский Н.Н. Последний в Маринском дворце: воспоминания министра иностранных дел / Публ. С.В. Куликова и Д.Н. Шилова. М., 2015. С. 182.

записку, составленную в консервативном кружке А.А. Римского-Корсакова и намечавшую способы укрепления правительственной власти перед лицом оппозиции. В ней предлагалось назначить на посты министров, начальников округов и генерал-губернаторов верных династии лиц, наделив местную администрацию правом удалять от должностей всех неблагонадежных, а также проявивших «слабость или растерянность» чиновников; немедленно закрыть левые газеты и одновременно усилить поддержку монархической печати, привлечь на сторону власти хотя бы одну из крупных умеренных газет; милитаризовать заводы, обеспечивающие нужды армии, поставить под военный контроль учреждения Земгора и военно-промышленных комитетов для пресечения в них революционной пропаганды и финансовых злоупотреблений; ввести в столицах и крупных городах военное или осадное положение и военно-полевые суды, вооружить запасные батальоны гвардейских полков пулемётами и артиллерией на случай «подавления мятежа». Кроме того, следовало распустить Думу без указания времени нового созыва, изменить её полномочия и порядок выборов, удалить из Государственного совета всех членов Прогрессивного блока¹⁰.

Князь Голицын являлся уже вторым после Б.В. Штюрмера премьером, не занимавшим ранее министерского поста и не участвовавшим в работе правительства. Но если Штюрмер опирался на поддержку Трепова, то кн. Голицын такой опоры не имел. Его назначение впервые предполагало полный разрыв с прежним правительственным курсом, но сам он, по собственному признанию и по мнению сотрудников, оказался не подготовлен к такому повороту и деятельности в период кризиса¹¹. «Просто пышка», — говорили в среде думского большинства¹². «Ведь Голицын совсем рамолик? Из четырёх раз, что я его видел, три — было в доме Штюрмера», — писал 30 декабря сестре октябрист кн. И.А. Куракин¹³.

Чёткая программа действий у кн. Голицына отсутствовала¹⁴. Вместо неё министр земледелия А.А. Риттих подготовил проект рескрипта председателю Совета министров, одобренный затем самим кн. Голицыным, Протопоповым и Покровским¹⁵ и подписанный Николаем II 6 января. Исполняя волю монарха, правительство должно было проявлять «благожелательное, прямое и достойное отношение к законодательным установлениям», искать в них опору и сотрудничать с земскими учреждениями, «которые работою своею как в мирное время, так и в годину войны доказали, что в них неугасимо сохраняются светлые заветы устроителя земской жизни незабвенного моего деда императора Александра II»¹⁶. При этом инициировать изменения в составе Совета министров князь уполномочен не был, новые назначения в Государственный совет с ним

¹⁰ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II кн. Голицыным в ноябре 1916 г. // Архив русской революции / Под ред. И.В. Гессена. Кн. 3. Т. 5. М., 1991. С. 337—343.

¹¹ Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции; Спроге В.Э. Записки инженера. М., 1999. С. 89; Падение царского режима... Т. 2. М.; Л., 1925. С. 256; Рейн Г.Е. Из пережитого. 1907—1918. В 2 т. Берлин, [б/г.]. Т. 2. С. 155—158, 160—162, 166—171.

¹² ГА РФ, ф. 573, оп. 1, д. 1635, л. 3 об.

¹³ РГИА, ф. 1542, оп. 1, д. 131, л. 200—200 об.

¹⁴ Падение царского режима... Т. 2. С. 256.

¹⁵ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 184.

¹⁶ Правительственный вестник. 1917. 8 января.

не согласовывались¹⁷. Не составляло секрета и то, что новый премьер не будет выступать с правительственной декларацией в палатах¹⁸. «В ведомствах царит полная неуверенность в завтрашнем дне, — утверждали “Русские ведомости”. — Никто не знает, нужно ли ему будет через несколько дней делать ту работу, которую он делает сегодня»¹⁹.

Протопопов, на отставке которого настаивал Трепов, сохранил и даже укрепил свои позиции. Ещё 20 декабря он был утверждён министром. Бывший член фракции земцев-октябристов (входивший в Прогрессивный блок) и товарищ председателя Думы являлся сторонником либеральных преобразований в сфере печати, местного самоуправления и национальной политики²⁰. Пользуясь превосходной репутацией и в думских, и в торгово-промышленных, и в придворных кругах, Протопопов в сентябре 1916 г. согласился возглавить МВД, после чего сразу же превратился в одиозную и неприемлемую для оппозиции фигуру. Но сколько-нибудь значимого административного опыта у него не было и, полгода управляя министерством, он лично ничего серьёзного не сделал²¹ и даже не принимал губернаторов и «людей с мест»²².

В условиях политического кризиса свою основную задачу Протопопов видел в борьбе с оппозицией²³. Ещё 16 октября он направил губернаторам и градоначальникам секретный циркуляр, сетуя на нежелание некоторых из них контролировать деятельность общественных организаций и напоминая им об их «широких полномочиях» в сфере обеспечения безопасности и надзора за всеми отраслями местного управления²⁴. Не дождавшись никакого эффекта, министр 9 января 1917 г. разослал новый секретный циркуляр, в котором, в частности, указывалось: «В той же печати помещаются статьи, направленные прямо против существующей власти. Не отрицая возможности критики тех и других мероприятий правительства, я нахожу, однако, совершенно недопустимым, чтобы критика эта приобретала характер грубой брани, причём чаще всего основанной на заведомой лжи и клевете. Следует отметить также наблюдающуюся противогосударственную деятельность некоторых земских и городских общественных самоуправлений, а также и некоторых других общественных организаций, которые, отклоняясь от предоставленного им законного круга дел, открыто стали на путь политических выступлений, вынося резолюции явно противогосударственного характера... Нельзя не отметить при этом, что некоторые организации, как в своей деятельности, так и в сношениях с правительством, стараются иногда вселить в широкие слои населения совершенно превратное представление о своих задачах, приписывая “общественности” те права, обязанности и функции, которые присущи только правительству, что совершенно недопустимо по самой природе государственного строя. Этим сознанием необходимо проникнуться, а равно и разъяснить его кому следует в надлежащих случаях»²⁵.

¹⁷ Барк П.Л. Указ. соч. С. 277—278; Падение царского режима... Т. 2. С. 255, 429.

¹⁸ Новое время. 1917. 1 февраля.

¹⁹ Русские ведомости. 1917. 5 января.

²⁰ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 281.

²¹ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 28; ОР РГБ, ф. 261, оп. 20, д. 5, л. 14—14 об.

²² Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С. 192—193.

²³ Сидоров А.А. Из записок московского цензора (1909—1917) // Голос минувшего. 1918.

№ 1/3. С. 111—113.

²⁴ РГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 133, л. 5, 10.

²⁵ Там же, л. 23—23 об.

Читая в обзоре печати об оппозиционной резолюции дворянского съезда, прошедшего на рубеже ноября—декабря 1916 г., глава МВД написал на полях: «Вся эта оппозиция выросла на почве расстройств продовольственной части и тягот военных. Число её вожаков невелико. Выразители её — Дума, частица Государственного совета и группа дворян (далеко не все, не купечество, не капитал и не деревня). Ошибки самого правительства, взрастившие не общественность, а лже-таковую в виде союзов (существующих до сих пор даже без государственного контроля), дают оппозиции видимость основания и составляют декорацию “земли Русской”. Власть *сильнее* оппозиции и должна в это верить, тогда поверят и другие. А.П.»²⁶. Протопопов любил заявлять, что «кровью зальёт Россию» при подавлении революции. По воспоминаниям директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий Н.П. Харламова, «как-то раз, рассказывая мне о том, что все кругом боятся революции, пугают её призраком, он истерически закричал: нельзя всего бояться, мало ли кто чего боится, я, например, тараканов боюсь, понимаете, тараканов! Так что же из этого?! Следует ли, что тараканы нас заедят?!... “В России некому революцию делать, — всегда говорил он, — что же вы думаете, её думские болтуны сделают? Вы их не знаете и потому переоцениваете. А я знаю их хорошо. Всем им — ломаный грош цена. И какие они революционеры?! На словах только”»²⁷.

Харламов не сомневался «в том, что если бы Протопопов не попал в министры в сентябре 16-го года, то он оказался бы таковым в марте 17-го года, в составе Временного правительства, в первом кабинете общественного доверия»²⁸. Схожее мнение высказывал и П.Л. Барк, писавший, что Протопопов «не имел никакого представления о времени», из-за чего «срочные текущие дела приходили в хаотическое состояние», а на заседаниях «его объяснения и суждения были необычайно поверхностны, он никаким авторитетом не пользовался и представлял собой жалкую фигуру по своей неосведомлённости и некомпетентности»: «Однако сердиться на него было нельзя. Он был в высшей степени воспитанный человек, внимательный, любезный, располагавший к себе своим мягким общением. Он был прототипом тех своих коллег, которые после переворота образовали первое революционное Временное правительство — фантазёров, преисполненных добрых намерений, лишённых всякого государственного опыта, обладающих талантом красноречия и придававших огромное значение словам, но не умевших претворять слова в действия»²⁹.

Между тем в МВД происходили серьёзные перестановки: в январе сменились все товарищи министра — кн. В.М. Волконский³⁰, В.А. Балъц и С.А. Куколь-Яснопольский. В ведомстве их считали совершенно бесцветными, однако

²⁶ ГА РФ, ф. 1467, оп. 1, д. 450, л. 46—46 об.

²⁷ ОР РГБ, ф. 261, оп. 20, д. 5, л. 12 об.

²⁸ Там же, л. 1.

²⁹ Барк П.Л. Указ. соч. С. 244—245. См. также: Глобачёв К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Публ. З.И. Перегудовой. М., 2009. С. 110—116; Кригер-Войновский Э.Б. Указ. соч. С. 89; Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 164—165.

³⁰ По отзыву А.С. Путилова, это был «человек умственно ограниченный и весьма малоразвитый, но вместе с тем чрезвычайно хитрый и с большими способностями к интригам, но по своему хамелеонству мало уступал самому Протопопову» (РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 4—8). До перехода в МВД при кн. Н.Б. Щербатове он также состоял товарищем председателя Думы. 12 февраля его избрали петроградским губернским предводителем дворянства.

именно Куколь фактически вёл все текущие дела³¹. Были назначены Н.Н. Анциферов (возглавивший при А.А. Макарове в 1912 г. Главное управление по делам местного хозяйства), А.С. Ключарёв (знакомый Протопопова, служивший до 1916 г. симбирским губернатором) и И.В. Сосновский (в 1911—1917 гг. одесский градоначальник)³². Все они имели значительный административный опыт, но в чём-то разделяли представления своего начальника. «В возможность революции он не верил, — писал об Анциферове Путилов. — Близко знакомый, по своей долговременной службе, с нашими земскими и городскими деятелями, он слишком хорошо знал их дряблую мягкотелость и неспособность ни к чему, кроме словесных извержений. Он отлично понимал, что они великие мастера брюзжать и вешать всех собак на правительство, чтобы наделать ему всяких гадостей и мелких неприятностей, но учинить революцию не в состоянии, как по прирождённой бесталанности, так и при отсутствии народной поддержки. И в этом отношении оказался совершенно прав. Гроза, смахнувшая с лица земли старый режим, грянула с другой стороны, откуда её всего менее ждали земские Репетиловы-Львовы и городские Хлестаковы-Гучковы»³³. Впрочем, проявить себя новые сотрудники Протопопова не успели.

Перемещения коснулись и директоров департаментов. Прибывшему в начале декабря 1916 г. в столицу кн. Друцкому-Соколинскому директор Департамента общих дел МВД П.П. Стремоухов сказал об императрице: «Эта дрянь нас всех губит!»³⁴. 20 февраля его сменил Е.Г. Шинкевич, занимавший этот важный пост весь 1917 г.³⁵ Департамент наблюдал в том числе и за деятельностью губернаторов, однако в начале 1917 г. ни одного назначения среди них не произошло (для сравнения: в 1915 г. таковых насчитывалось 53, в 1916 г. — 24)³⁶. Вместо В.А. Удинцева, ставшего 21 января товарищем министра народного просвещения, Главное управление по делам печати 27 января возглавил А.А. Катенин, уже занимавший этот пост в 1913—1915 гг.³⁷ Комментируя слухи о его возвращении, «Речь» допускала даже введение в будущем предварительной цензуры³⁸.

Зимой 1916—1917 гг. руководство сменилось также в военном, судебном и учебном ведомствах. Назначение 3 января военным министром генерала от инфантерии М.А. Беляева было связано с предстоявшей межсоюзнической конференцией. С августа 1914 г. он возглавлял Главное управление Генерального штаба, а с июня 1915 г. являлся помощником министра³⁹. Дума тогда единодушно приветствовала повышение Беляева, поскольку в её военно-морской комиссии он «проявлял исключительные знания и осведомлённость» и вос-

³¹ ОР РГБ, ф. 261, оп. 20, д. 5, л. 14—14 об.; РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 4—8.

³² Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 / Под ред. Д.И. Раскина. Т. 2. СПб., 2001. С. 14.

³³ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 13 об.

³⁴ Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С. 192.

³⁵ Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 2. С. 44.

³⁶ Подсчитано по: Губернии Российской империи. История и руководители. 1708—1917. М., 2003.

³⁷ Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 2. С. 52; Т. 3. СПб., 2002. С. 119.

³⁸ Там же. Т. 1. СПб., 2000. С. 202.

³⁹ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 69—70.

принимался как «прекрасный знаток своего дела»⁴⁰. По просьбе императрицы генерал перевёл сына Распутина из пехоты в санитары⁴¹, чем заслужил расположение Александры Фёдоровны. С октября 1915 г. она неоднократно писала мужу о возможности назначить Беляева министром, называя его «честным», «преданным» и «настоящим джентльменом»⁴². Коллеги признавали, что Беляев не только был «высоко порядочный и умный человек»⁴³, но и «отличался необычайным знанием деталей всех вопросов, которые подлежали обсуждению, никогда не был в затруднении дать ответ и объяснения», «обладал огромной выдержкой и терпением и никогда не вносил в дебаты никакой ноты раздражения»⁴⁴. Вместе с тем, по словам Покровского, «М.А. Беляев был человек очень сухой, ограниченный и крайне упорный» и вследствие этого «многие его терпеть не могли»⁴⁵.

Важное место в правительстве занимали министры, возглавлявшие созданные в 1915 г. особые совещания. Министр торговли и промышленности гофмейстер кн. В.Н. Шаховской, сделавший карьеру в МПС при Рухлове и пользовавшийся доверием императрицы и вел. кн. Александра Михайловича, занимал свой пост с февраля 1915 г. Министерством земледелия с 29 ноября 1916 г. управлял гофмейстер А.А. Риттих (утверждён министром 12 января 1917 г.), имевший репутацию компетентного, активного и распорядительного чиновника⁴⁶; с 1912 г. он был товарищем главы ведомства. Риттих и Э.Б. Кригер-Войновский, с 28 декабря управлявший МПС, получили посты по протекции Трепова. Будучи до этого не только товарищем министра путей сообщения, но и его «правой рукой»⁴⁷, Кригер воспринимался как «очень опытный и дельный инженер, при котором дело не могло пойти хуже, чем при Трепове»⁴⁸. Как и многие представители правящей бюрократии военного времени, он вовсе не хотел братья за руководство ведомством⁴⁹. Его товарищем 6 января стал Д.П. Козырев, ранее председательствовавший в Инженерном совете МПС⁵⁰.

Барк с января 1914 г. успешно управлял финансами империи. Относительный порядок в них к началу 1917 г. отмечала даже либеральная пресса⁵¹. Государственный контролёр Н.Н. Покровский по рекомендации Трепова 30 ноября 1916 г. возглавил МИД. «Большой знаток финансовых и экономических вопросов, он был ценным приобретением для Совета министров, — вспоминал кн. Шаховской. — Спокойный, уравновешенный, сладкий в обращении, ладивший с «общественностью», он сразу занял видное положение в Совете

⁴⁰ Новый помощник военного министра // Русское слово. 1915. 27 июня.

⁴¹ Падение царского режима... Т. 2. С. 167—176.

⁴² Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 41, 140; Т. 5. М.; Л., 1927. С. 140.

⁴³ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 147.

⁴⁴ Барк П.Л. Указ. соч. С. 188—189.

⁴⁵ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 183.

⁴⁶ Барк П.Л. Указ. соч. С. 309—313; Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С. 193, 211—213; Кригер-Войновский Э.Б. Указ. соч. С. 89; Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 348; Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 152; РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 47—47 об.

⁴⁷ Барк П.Л. Указ. соч. С. 254.

⁴⁸ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 182.

⁴⁹ Кригер-Войновский Э.Б. Указ. соч. С. 27—28.

⁵⁰ Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 2. С. 11, 40.

⁵¹ Соколов А. Война и наши финансовые перспективы // Русские ведомости. 1917. 1 января.

министров»⁵². Освободившуюся должность государственного контролёра, также по инициативе Трепова, занял другой способный бюрократ — товарищ министра финансов камергер С.Г. Феодосьев, которого, в свою очередь, заменил С.А. Шателен⁵³.

Второстепенное положение в Совете министров занимали морской министр адмирал И.К. Григорович, сохранявший свой пост с марта 1911 г. — дольше всех остальных, если не считать министра двора гр. В.Б. Фредерикса, главноуправляющие государственным коннозаводством — генерал-лейтенант П.А. Стахович (назначенный в июле 1915 г.) и государственным здравоохранением — Н.Е. Рейн, обер-прокурор Св. Синода Н.П. Раев, министры юстиции — егермейстер Н.А. Добровольский и народного просвещения — Н.К. Кульчицкий. Соратник Штюмерера по правой группе Государственного совета академик Рейн в консервативных кругах аттестовался как «умный, твёрдый, властный... оборотистый человек»⁵⁴. 22 сентября 1916 г. он оказался во главе ведомства, только что созданного при поддержке Александры Фёдоровны⁵⁵. Раев, сын митрополита Палладия (Раева) и основатель Высших историко-литературных и юридических женских курсов, по мнению императрицы, был «прекрасный человек, близко знающий церковные дела с самого детства», хороший знакомый Штюмерера и петроградского митрополита Питирима (Окнова)⁵⁶. Это признавалось достаточным для возложения на него 30 августа 1916 г. обер-прокурорских обязанностей.

Сенатора Добровольского царская семья знала с детства⁵⁷. В декабре 1916 г. императрица не раз писала, что это «преданный человек», пользующийся расположением Щегловитова⁵⁸. Сам Иван Григорьевич позднее показал, что относился к Добровольскому хорошо, но отнюдь не считал компетентным юристом и потому не одобрил его назначения⁵⁹. Между тем в 1906—1915 гг. (т.е. весь период пребывания Щегловитова на министерском посту) Добровольский исполнял обязанности обер-прокурора I департамента Сената. Так или иначе, 19 января ведомство усилили вторым товарищем министра — Н.А. Чебышевым⁶⁰, незадолго до этого проведённым Щегловитовым в члены Государственного совета. Кн. Голицына также смущали толки о финансовой нечистоплотности Добровольского⁶¹. Но они не помешали ему занять место председателя в малом Совете министров⁶².

Став 20 декабря министром, Добровольский как будто целенаправленно старался избавиться от репутации «правого». Дела против В.А. Сухомлинова и И.Ф. Манасевича-Мануйлова не были прекращены, хотя в бюрократических

⁵² Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 169—171. См. также: Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. Т. 1. М., 1993. С. 213—240.

⁵³ Барк П.Л. Указ. соч. С. 305—308; Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 194—195.

⁵⁴ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 28, л. 790.

⁵⁵ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 4. С. 284.

⁵⁶ Там же. С. 344.

⁵⁷ Падение царского режима... Т. 2. С. 320—321.

⁵⁸ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 175, 199.

⁵⁹ Падение царского режима... Т. 2. С. 433—434.

⁶⁰ Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 2. С. 82.

⁶¹ Падение царского режима... Т. 2. С. 269.

⁶² Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 1. С. 199. Кн. Голицын якобы желал видеть в этой роли Покровского, но ему объяснили, что председательствовать должен старший в чине (Падение царского режима... Т. 2. С. 255).

и общественных кругах от Добровольского ожидали именно этого⁶³. Однако 19 января по его докладу царь повелел создать Особую комиссию для пересмотра Уголовного уложения 1903 г. 4 февраля последовал циркуляр о смягчении практики взятия под стражу⁶⁴. 27 января Совет министров рассмотрел проект постановления о принятии женщин на службу по Министерству юстиции (8 февраля император утвердил журнал)⁶⁵. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства так и не смогла в чём-либо уличить Добровольского (факты коррупции он на допросах решительно отрицал)⁶⁶. Ходили даже слухи о его желании отменить на Пасху ограничения для евреев, о подготовке им введения «ответственного министерства»⁶⁷, но они не подтверждаются ни документально, ни контекстуально.

Министром народного просвещения 27 декабря был назначен член кружка Римского-Корсакова⁶⁸ профессор Кульчицкий — сенатор и известный биолог, являвшийся в 1914—1916 гг. попечителем Петроградского учебного округа. По свидетельству Путилова, он заметно превосходил своего предшественника гр. П.Н. Игнатьева и по опыту, и по способностям⁶⁹. Позднее, оказавшись в эмиграции, Кульчицкий преподавал в Оксфорде⁷⁰. 23 января директором Департамента общих дел министерства стал устроитель народных библиотек А.П. Даев⁷¹.

Таким образом, в составе Совета министров преобладали хорошо образованные⁷² чиновники-технократы⁷³, близко знакомые с ведомствами и той сферой деятельности, которой им предстояло управлять. Таковыми нельзя назвать лишь кн. Голицына и Протопопова. Оба они, а также Беляев, Шаховской, Добровольский, Рейн и Раев принадлежали к числу лиц, пользовавшихся доверием императрицы, хотя решающей роли в их назначении она не играла (особое значение её поддержка имела только для Протопопова). Добровольский, Кульчицкий, Рейн и Раев были тесно связаны с Щегловитовым. Недавнее выдвижение Риттиха, Кригера, Покровского и Феодосьева стало возможно во многом благодаря Трепову (покинув пост премьера, он 19 января сменил Щегловитова во главе правой группы Государственного совета⁷⁴). Если «группы Щегловитова» в целом отличали более консервативные взгляды, то у «группы Трепова» была сильнее развита инициативность⁷⁵. Близкие к ней Барк и

⁶³ Падение царского режима... Т. 4. М.; Л., 1925. С. 504.

⁶⁴ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры. 1906—1917. М., 1996. С. 195, 197.

⁶⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1917 год. М., 2009. С. 147—149.

⁶⁶ Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ... С. 203—207.

⁶⁷ Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи... С. 312, 317.

⁶⁸ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 297.

⁶⁹ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 16—16 об.

⁷⁰ Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи... С. 346.

⁷¹ Высшие и центральные государственные учреждения... Т. 3. СПб., 2002. С. 137; Крылов-Толстикович А. Придворный адрес-календарь на 1915 г. Комментарии. М., 2015. С. 226.

⁷² 4 окончили университеты, 3 — Александровский лицей, 5 — академии и институты, 3 — военные корпуса и училища (Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи...).

⁷³ Характерно, что 6 из 15 не обладали земельной собственностью.

⁷⁴ Иванов А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914—1917). М.; СПб., 2013. С. 419.

⁷⁵ Как отмечал Кригер, в других условиях Покровский, Риттих, Барк смогли бы многое сделать и «были бы совсем на месте» (Кригер-Войновский Э.Б. Указ. соч. С. 88—90).

кн. Шаховской (а также Покровский) при назначении Голицына подали в отставку, но император её не принял⁷⁶. Так или иначе, помимо Протопопова, с которым часть его коллег не желала служить, главной проблемой правительства после ухода Трепова оказалось отсутствие лидера. Голицын, будучи старейшим членом Совета министров (ему исполнилось 66, тогда как возраст остальных составлял от 36 до 63 лет), таковым отнюдь не являлся и стать не мог. «Крайне правое направление, приданное сейчас правительству, есть шаг смелый и, возможно, мудрый, — писал 5 февраля Штюмеру его давний друг бывший министр земледелия гр. А.А. Бобринский, — если он силен, и если не закончились силы для большой игры до самого конца»⁷⁷.

Изменения затронули и Государственный совет. С 1 января 1917 г. его председателем был назначен И.Г. Щегловитов (по словам Николая II — «человек опытный и большой государственной мудрости»), а вице-председателем — В.Ф. Дейтрих⁷⁸. Императрица видела в Щегловитове «подходящего» и «очень умного человека», хотя и сетовала на то, что «он резок»⁷⁹. Впрочем, Протопопов утверждал, что Иван Григорьевич «стал в последнее время мягче, чем был»⁸⁰. Возможно, это проявилось и в том, что «чистка» Государственного совета, инициированная ещё Треповым⁸¹, почти не сказалась на соотношении сил в палате: правая группа и правый центр, ранее насчитывавшие в совокупности 42%, в начале 1917 г. увеличились до 47%⁸².

Протопопов с одобрения императора ежедневно советовался с Щегловитовым. Между тем контакты обоих с Н.А. Маклаковым и другими правыми членами Государственного совета фактически прекратились, поскольку новый председатель не поддержал радикальное обновление состава высшего законодательного учреждения⁸³. Римский-Корсаков, по мнению Щегловитова, был «большой сумбурист», критик без позитивной программы и влияния на дела⁸⁴.

На Новый год впервые за время войны в Зимнем дворце устроили торжественный приём. Щегловитов имел «восторженный» вид⁸⁵. Перед принесением поздравлений императору председатель Думы М.В. Родзянко демонстративно отказался подать руку министру внутренних дел, после чего Протопопов вызвал его на дуэль⁸⁶. Как считал кн. Шаховской, министру двора гр. В.Б. Фредериксу следовало бы ходатайствовать о снятии с Родзянко звания камергера за такую выходку⁸⁷. Однако инцидент проигнорировали. Любопытно, что незадолго до того — в конце 1916 г. — на банкете в Минске в доме командующего Западным

⁷⁶ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 195—196.

⁷⁷ РГАДА, ф. 1412, оп. 3, д. 2424, л. 6—7 об.

⁷⁸ Высшие и центральные государственные учреждения России... Т. 1. С. 182.

⁷⁹ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 142, 169, 193, 199—200. Бывший директор департамента полиции С.П. Белецкий позднее отмечал влияние Щегловитова на Александру Фёдоровну (Падение царского режима... Т. 5. М.; Л., 1926. С. 248).

⁸⁰ Падение царского режима... Т. 2. С. 56—57.

⁸¹ Там же. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 363—364.

⁸² Бородин А.П. Государственный совет России (1906—1917). Киров, 1999. С. 163—168, 249. См. также: Мичурин А.Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., 2010. С. 278—291.

⁸³ Падение царского режима... Т. 4. С. 56—57, 458, 460.

⁸⁴ Там же. Т. 2. С. 428.

⁸⁵ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 196.

⁸⁶ Новое время. 1917. 3 января; Родзянко М.В. За кулисами царской власти. М., 1991. С. 210—211, 217—218.

⁸⁷ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 196—198.

фронтом А.Е. Эверта Родзянко оказался рядом с бывшим главным начальником Петроградского военного округа кн. Н.Е. Тумановым и громко заявил ему, что слышал о жестоком отношении к столичным рабочим: «Говорят, не один десяток был Вами перевешан!». В ответ князь крикнул, что повесил бы и нескольких депутатов во главе с председателем Думы⁸⁸.

Весь период существования правительства кн. Голицына (вплоть до 22 февраля) император находился в Царском Селе и регулярно встречался с министрами. В его дневнике за январь—февраль 1917 г. зафиксировано 14 встреч с Беляевым, 11 — с Протопоповым, 9 — с кн. Голицыным, 8 — с Григоровичем, 7 — с Покровским, по 5 — с Добровольским и кн. Шаховским, по 4 — с Кригером и Барком (в начале года он находился в отпуске по болезни), 3 — с Риттихом (значительное время пребывавшим в командировках), по 2 — с Кульчицким, Рейном, Стаховичем, Раевым, 1 — с Феодосьевым. В это же время царь пять раз принимал Щегловитова и дважды — Родзянко⁸⁹. Отбывая в Ставку, где не было «ни министров, ни хлопотливых вопросов»⁹⁰, Николай II планировал вернуться «недели через полторы»⁹¹.

Совет министров официально собирался 1—2 раза в неделю (7 заседаний в январе, 6 — в феврале), в основном решая текущие задачи, связанные с обстоятельствами военного времени и выделением дополнительных ассигнований. Вопросы стратегического характера практически не обсуждались: дискуссию вызвали лишь перспективы послевоенного развития торгового флота, волновавшие Григоровича и кн. Шаховского⁹². Законотворческая активность правительства была невысока. В частности, получили одобрение поправки, внесённые в Государственном совете в законопроект о кооперативах (при этом более чётко обозначались рамки их деятельности, исключавшие политическую активность, и ужесточался административный надзор)⁹³.

Однако в целом говорить о какой-либо консервативной политике кн. Голицына и его коллег не приходится. В интересах торгово-промышленных кругов ими тормозились мероприятия, связанные с введением прогрессивного налога (принятый в 1916 г. закон предусматривал подачу налоговых заявлений с 1 февраля 1917 г.)⁹⁴. Общественные организации, несмотря на запрет проводившие неофициальные съезды и принимавшие на них резко оппозиционные политические резолюции, продолжали получать казённые средства, на которые преимущественно и действовали. 3 января правительство согласилось выдать Всероссийскому земскому союзу на покрытие расходов за сентябрь—декабрь 1916 г. 100 864 900 руб. (его главноуполномоченный кн. Г.Е. Львов просил 130 млн руб., Особое совещание под председательством военного министра Шуваева урезало сумму до 110 млн руб. Совет министров во главе с Треповым 23 декабря, отменив предоставление общественным организациям особых оборотных капиталов, постановил выплатить только 95 млн руб.). Всероссийский

⁸⁸ Друцкой-Соколинский В.А. Указ. соч. С. 85—86.

⁸⁹ Дневники императора Николая II (1894—1918). В 2 т. Т. 2. Ч. 2. М., 2013. С. 285—294.

⁹⁰ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 217.

⁹¹ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 213.

⁹² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909—1917 гг. / 1917 год. М., 2009. С. 200—204.

⁹³ Там же. С. 221—224.

⁹⁴ Положение о государственном подоходном налоге и инструкция о применении сего положения. Пг., 1916. С. 90—91.

союз городов рассчитывал в первом полугодии 1917 г. на аванс в 41 772 140 руб., но 31 января правительство ограничило его 33 951 669 руб. 28 января и 18 февраля царь одобрил эти решения⁹⁵. На всех журналах, требовавших утверждения и рассмотренных к 22 февраля, Николай II неизменно ставил резолюцию «Согласен» или делал пометку о рассмотрении.

Главной заботой правительства, по свидетельству кн. Голицына, являлись «продовольствие и транспорт». Для координации действий ежедневно собирались неофициальные совещания при участии самого князя, а также Беляева, Григоровича, Риттиха и Кригера. Протопопов на них не приходил, чему кн. Голицын был даже рад⁹⁶. Для решения проблемы снабжения армии и городов хлебом Особое совещание по продовольствию ввело развёрстку поставок между «производственными районами»⁹⁷. Риттих понимал вред заниженных твёрдых цен⁹⁸, но менять их на ходу зимой 1916/17 гг. было уже невозможно. Сразу после назначения министр объехал 24 губернии и договорился с местными властями и земскими деятелями о поставках хлеба⁹⁹. Хлеб в стране имелся, его потребление в период войны в деревне даже выросло по причине снижения объёмов торговли¹⁰⁰. Однако аппарат, обеспечивавший заготовки, действовал слабо, да и не имел реальной возможности изымать хлеб у владельцев. Окончить развёрстку предполагалось 6 января, но затем её пришлось продлить до 1 марта. При этом, по неполным данным, наряды были выполнены примерно на треть¹⁰¹. И всё же, как вспоминал Барк, «хлеб двинулся, за декабрь агенты Министерства земледелия могли сделать закупки, превышавшие в два раза средние закупки за предшествовавшие месяцы», а «за январь это превышение было в два с половиной раза»¹⁰². Правительство даже обсуждало возможность вывоза хлеба союзникам в обмен на необходимое вооружение¹⁰³. Снабжение затруднялось состоянием транспорта¹⁰⁴, работу которого холодной зимой 1916/17 гг. осложняли не только перегрузки, связанные с войной, но и большие снежные завалы¹⁰⁵.

⁹⁵ Особые журналы... С. 14—16, 173—176. 7 февраля правительство приняло решение выделить Согору ещё 1 165 100 руб. (Там же. С. 205—208). Для сравнения: на улучшение служебного и материального положения полиции в 50 губерниях на первую четверть 1917 г. 10 января выделили 16 млн руб. (Там же. С. 55).

⁹⁶ Падение царского режима... Т. 2. С. 260.

⁹⁷ Барк П.Л. Указ. соч. С. 310—313.

⁹⁸ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 47—47 об.

⁹⁹ Барк П.Л. Указ. соч. С. 310—313.

¹⁰⁰ Особые журналы... С. 53—54, 266—267. К весне общий запас хлеба в стране составлял 3 793 млрд пудов при оценке потребности в 3 237 млрд (Оськин М.В. Продовольственная политика России накануне Февраля 1917 года: поиск выхода из кризиса // Российская история. 2011. № 3. С. 62).

¹⁰¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 490, 492.

¹⁰² Барк П.Л. Указ. соч. С. 312.

¹⁰³ Особые журналы... С. 53—54, 266—267.

¹⁰⁴ Китанина Т.М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 156, 176—179, 217—219, 232—234, 247—248, 254—264, 298—299; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917): 1917 год. Распад. М., 2016. С. 59—62.

¹⁰⁵ Кригер-Войновский Э.Б. Указ. соч. С. 27—28, 622—628; Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне... С. 69—71; Heywood A. Imperial Russia's Railways at War, 1914—17. Challenges, Results, Costs, and Legacy // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914—22. Vol. 3. Bk. 3: National Disintegration / Ed. by A. Lindenmeyr, Ch. Read, P. Waldron. Bloomington (Indiana), 2018. P. 90—91.

Как бы то ни было, Кривошеин (служивший тогда главноуполномоченным Красного Креста в районе боевых действий), вернувшись в конце зимы из поездки на фронт, констатировал «что снабжение армии очень улучшилось» и к весне она «будет вполне готова начать серьёзное наступление»¹⁰⁶. О намерении России воевать до победного конца говорилось и в рескрипте кн. Голицыну 6 января¹⁰⁷, и в ходе Петроградской военно-дипломатической конференции союзников (19 января — 7 февраля). Тогда казалось, что кайзер будет разбит не позднее конца 1917 г.¹⁰⁸ 21 января в ответ на неограниченную подводную войну США разорвали дипломатические отношения с Германией, все понимали, что на этом Вашингтон не остановится и вскоре присоединится к Антанте. Характерно, что 8—12 февраля под председательством кн. Голицына состоялись заседания Особого совещания, обсуждавшего послевоенное положение Польши. На них исполняющий обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего В.И. Гурко, Щегловитов, Анциферов (представлявший Протопопова, отказавшегося заседать вместе с Родзянко) и член Государственного совета С.Е. Крыжановский высказались за предоставление Польше независимости, тогда как кн. Голицын, Беляев, Покровский, товарищ министра финансов А.И. Николаенко, члены Государственного совета И.Л. Горемыкин и С.Д. Сазонов (только что назначенный послом в Лондоне) предпочитали широкую автономию в рамках империи или в унии с ней — при единстве династии, внешней политики и армии. Родзянко остался при особом мнении, но при голосовании фактически присоединился к позиции Гурко. В дальнейшем члены Особого совещания собирались выслушать польских общественных деятелей, но уже не успели¹⁰⁹. Между тем 21 февраля Покровский представил царю записку, в которой рассуждал о необходимости готовиться к высадке в октябре десанта в проливах¹¹⁰.

Срок полномочий депутатов IV Государственной думы истекал осенью 1917 г. Весенняя сессия, которая обычно заканчивалась в июне, должна была стать последней. По закону император мог её сократить и распустить депутатов, отложив новые выборы, например, до окончания войны. Тем не менее Николай II повелел кн. Голицыну наладить отношения с Думой¹¹¹. На первом же заседании 1917 г. правительство обсудило сроки возобновления думской сессии: первоначально её планировалось открыть 12 января, затем — 31 января, но в итоге, по настоянию Протопопова, Добровольского и Раева, отложили до 14 февраля¹¹². Министр внутренних дел рекомендовал пойти на роспуск, однако кн. Голицын опасался, что новая Дума окажется хуже «в десять раз»¹¹³. Щегловитов расчи-

¹⁰⁶ Барк П.Л. Указ. соч. С. 314.

¹⁰⁷ Правительственный вестник. 1917. 8 января.

¹⁰⁸ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 147.

¹⁰⁹ РГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 73, л. 49—62; Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 201—202, 392—397.

¹¹⁰ Константинополь и Проливы. Т. 2. М., 1926. С. 387—390; Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914—1920. Т. 1. М., 1993. С. 240; Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917 г. М., 1989. С. 284.

¹¹¹ Барк П.Л. Указ. соч. С. 277—278.

¹¹² Рейн Г.Е. Указ. соч. Т. 2. С. 157—158; Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 185—186. В оппозиционной прессе писали тогда, что срок прекращения полномочий Думы будет обсуждаться правительством в мае (Речь. 1917. 3 февраля).

¹¹³ Падение царского режима... Т. 2. С. 259.

тывал, что сессия вскоре прервётся на пасхальные каникулы, а тем временем начнётся наступление на фронте, которое приведёт к окончательной победе и изменит настроения в обществе. Схожих взглядов придерживался и Николай II¹¹⁴.

Для улучшения взаимодействия с Думой, по мнению кн. Голицына, требовалась отставка Протопопова, но добиться её не удалось. Да и своего кандидата на пост министра внутренних дел у главы правительства не было. Во всяком случае, так он заявил впоследствии Чрезвычайной следственной комиссии, хотя Протопопов подозревал князя в намерении передать руководство МВД лидеру русских националистов П.Н. Балашову¹¹⁵, которого 19 февраля принял Николай II¹¹⁶. Согласно показаниям премьера, он собирался также удалить Раева и Добровольского¹¹⁷.

В феврале 1917 г. Протопопов просил коллег в порядке чрезвычайного указного законодательства (по ст. 87 Основных государственных законов) предоставить главе МВД право увеличивать число членов земских управ для ведения продовольственного дела. Однако в Совете министров ему единодушно предложили внести проект в Думу, где он был обречён на провал¹¹⁸. Депутаты с декабря активно обсуждали продовольственный вопрос и требовали полностью передать его решение в руки общественности. При этом социалисты остро критиковали Прогрессивный блок, который оказался на грани раскола¹¹⁹. 17 февраля в Думе выступил Риттих¹²⁰, которого поддержали земцы-октябристы и националисты-прогрессисты, а также влиятельное «Новое время». Полемизируя с ними, кадетский лидер П.Н. Милюков писал: «Те, кто добросовестно становится на защиту Риттиха, делают это в том предположении, что именно политика этого министра может спасти национальное дело. И сам г. Риттих в своих нападках на русскую общественность весьма искусно ставит себя сам под знамя того же общенационального дела. Его главный аргумент и главная сила этого аргумента для непосвящённых сводится к следующему: смотрите, вот те люди, которые мешают мне»¹²¹. 23 февраля Дума приняла компромиссную формулу перехода. Любопытно, что императрица увидела в относительном спокойствии в Думе следствие твёрдой политики Протопопова¹²².

На самом деле по отношению к представителям оппозиционной общественности правительство старалось действовать предельно осторожно и мягко. Принимая председателя Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) А.И. Гучкова и его товарища А.И. Коновалова, кн. Голицын согласился с тем, что арест Рабочей группы ЦВПК был политической ошибкой. Позднее он заявил об этом и Протопопову¹²³. Не удивительно, что, когда на правительственных совещаниях министры потребовали от командующего войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенанта С.С. Хабалова,

¹¹⁴ Рейн Г.Е. Указ. соч. Т. 2. С. 161—162.

¹¹⁵ РГАЛИ, ф. 389, оп. 1, д. 46, л. 258 об.

¹¹⁶ Дневники императора Николая II... Т. 2. Ч. 2. С. 293—294.

¹¹⁷ Падение царского режима... Т. 2. 253—254, 261.

¹¹⁸ Особые журналы... С. 227—229.

¹¹⁹ Разложение блока // Утро России. 1917. 21 февраля.

¹²⁰ Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Стенографические отчёты. Ч. I—II. Пг., 1916—1917. Стб. 1454—1471.

¹²¹ Речь. 1917. 22 февраля.

¹²² Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 208.

¹²³ Падение царского режима... Т. 4. С. 87; Т. 6. С. 285, 288.

назначенного по инициативе начальника штаба Ставки М.В. Алексеева¹²⁴, жёстких мер, тот, по словам кн. Шаховского, «проявил удивительную нерешительность и нераспорядительность»¹²⁵. Когда трудовик А.Ф. Керенский, меньшевик Н.С. Чхеидзе и кадет Ф.И. Родичев произнесли с думской трибуны откровенно революционные речи, кн. Голицын потребовал стенограммы заседаний, но Родзянко их не предоставил, а глава правительства решил не обострять ситуацию, ограничившись тем, что военная цензура запретила публикацию этих выступлений¹²⁶. Между тем императрица писала мужу, что «Кедринского» стоило бы повесить¹²⁷. С другой стороны, полиция фиксировала не только рост антиправительственных настроений и размах беспорядков, но и растерянность в оппозиционных кругах¹²⁸. Движение воспринималось как неорганизованное. Сами оппозиционеры подозревали в нём полицейскую провокацию¹²⁹. Со своей стороны Совет министров работал в прежнем ритме. Так, 24 февраля было принято решение продлить на полгода режим чрезвычайной охраны на территории Кавказского наместничества¹³⁰.

Политика правительства вызвала активизацию правых. 14 января Щегловитов передал императору записку «православно-русских кругов г. Киева и Киевской губернии». Читая её, Николай II отчеркнул несколько фрагментов, где говорилось о необходимости целенаправленно бороться с «антигосударственными силами» — думским блоком и общественными организациями, и, в частности, предлагалось привлекать к уголовной ответственности за антиправительственные речи, призывать военнообязанных оппозиционеров на фронт, сократить штаты и оклады Земгора, ужесточить цензуру, создать проправительственные печатные органы. Царя не заинтересовали лишь соображения о подготовке выборов в V Думу. 17 января он передал эту рукопись кн. Голицыну с резолюцией: «Записка, достойная внимания». 20 января князь обещал обсудить затронутые в ней вопросы на одном из ближайших заседаний правительства¹³¹. Тем временем 15 января Римский-Корсаков передал Протопопову записку с перечнем неотложных мер в сфере государственного управления, конкретизировав идеи, высказанные в ноябре¹³².

16 января и 11 февраля Николай II принимал члена Государственного совета Н.А. Маклакова, который ещё 21 декабря 1916 г. направил монарху письмо о необходимости во избежание новой революции призвать Думу к порядку. Бывший министр внутренних дел напоминал, что в 1905 г. внутренняя смута оказалась более грозным врагом, чем Япония¹³³. В середине февраля по желанию царя Маклаков вместе с Протопоповым, отставки которого он только что добивался, составил текст манифеста о роспуске Думы. При этом Маклаков предвидел,

¹²⁴ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 14.

¹²⁵ Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 198.

¹²⁶ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 46, л. 27 об.—28; Рейн Г.Е. Указ. соч. Т. 2. С. 168—170.

¹²⁷ Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. С. 215.

¹²⁸ Буржуазия накануне Февральской революции / Под ред. Б.Б. Граве. М.; Л., 1927. С. 161—190; ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1069, л. 107, 137, 138, 190, 192; д. 1070, л. 58, 65, 80.

¹²⁹ ГА РФ, ф. 573, оп. 1, д. 1635, л. 26; РГАЛИ, ф. 389, оп. 1, д. 46, л. 259.

¹³⁰ Особые журналы... С. 285.

¹³¹ «Записка, достойная внимания» // Красный архив. 1926. № 5(18). С. 207—214.

¹³² Программа Союза русского народа перед Февральской революцией // Красный архив. 1927. № 1(20). С. 242—244.

¹³³ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1288, л. 10—11 об.; Дневники императора Николая II... Т. 2. Ч. 2. С. 287, 292.

что та часть населения, которая «сбита с толку» оппозицией, попытается оказать сопротивление, и правительство должно заранее подготовиться к его подавлению. «Власть более чем когда-либо, — писал он Николаю II 9 февраля 1917 г., — должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы то ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего. “Смелым Бог владеет”, государь»¹³⁴. На этом всё и закончилось.

Поздним вечером 26 февраля Совет министров всё же решил распустить Думу, воспользовавшись незаполненным бланком указа, заранее подписанным на этот случай императором. На заседание приехали представители правой группы Государственного совета Трепов, Маклаков и кн. А.А. Ширинский-Шихматов, настаивавшие на решительных мерах против думской агитации. 27 февраля Беляев предложил коллегам самостоятельно отстранить Протопопова от должности, поскольку в нём он видел главную причину волнений. После заседания «бледный, дрожащий» Протопопов подошёл к кн. Шаховскому и «спросил, не следует ли ему застрелиться». Князь ответил, что «этим он никому не поможет»¹³⁵.

В решающие предреволюционные месяцы и дни Совет министров остался без лидера, способного организовать сопротивление нарастающей анархии. Кн. Голицын таковым стать не смог, да и не пытался. Судя по его действиям, он едва ли не изначально воспринимал себя и «своё» правительство как людей, которым следует лишь дожидаться того, как император победившей страны определит долгосрочную программу действий и подберёт людей для её реализации. По сути, его *предреволюционное* правительство уже было «временным». Пытаясь выиграть время и выбирая между инерцией и реакцией, власть выбрала революцию. Впрочем, возглавивший 2 марта (формально — по воле монарха) Временное правительство кн. Г.Е. Львов оказался ещё менее способен к реализации властных полномочий. Но если кн. Львов осенью 1918 г. выехал по поручению Омского правительства в США, а затем перебрался во Францию, то кн. Голицын после революции, вплоть до ареста и расстрела в 1925 г., занимался сапожным делом, сторожил огороды в Рыбинске, а его сын трудился чернорабочим и грузчиком¹³⁶.

¹³⁴ ГА РФ, ф. 601, оп. 1, д. 1288, л. 19—20.

¹³⁵ Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 214, 217—220; Шаховской В.Н. Указ. соч. С. 186—187, 199—202.

¹³⁶ Рейн Г.Е. Указ. соч. Т. 2. С. 170.

Неформальные политические институты в пореформенной России

Е.В. Богданович:
общественный деятель пореформенного времени

Михаил Друзин

E.V. Bogdanovich: public figure of the post-reform period

Mikhail Druzin

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

DOI: 10.31857/S086956870008275-3

Генерал Евгений Васильевич Богданович (1829—1914) известен историкам преимущественно как хозяин правомонархического салона, существовавшего в Петербурге в 1870—1910-х гг.¹, а также как супруг Александры Викторовны Богданович (1846—1914), прославившейся тем, что она несколько десятилетий вела дневник, фрагменты которого, опубликованные в 1924 г. и не раз переизданные², стали незаменимым источником для исследователей общественной и политической жизни пореформенной России. При этом про 1850—1870-е гг. биографы Богдановича пишут обычно бегло и преимущественно на основе брошюр, выходявших к различным юбилеям Евгения Васильевича, причём не без его непосредственного участия³. Между тем по имеющимся данным далеко не очевидно, являлся ли салон Богдановичей в 1870—1880-е гг. «правомонархическим» (и вообще «политическим»), чем именно объяснялось его влияние и что обеспечивало успех общественной деятельности генерала. По мнению М.М. Леонова, «Богданович не имел значительного состояния или блестящих семейных связей, однако сумел выдвинуться, обретя патрона в крупном чиновнике Н.А. Ермакове»⁴. Другим источником «социального капитала», позволявшим достигать «новых высот в карьере», Леонов считает «обеда» Богдановичей. Однако они начались не ранее середины 1870-х гг., когда генерал занимал уже заметное положение в обществе. Как же он его достиг?

© 2020 г. М.В. Друзин

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00021.

¹ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 125—188.

² Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924; *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990; М., 2008; *Богданович А.В.* Дневники. 1879—1912. М., 2018.

³ См., в частности: 35-летние труды Е.В. Богдановича по пожарной части (1861—1896). СПб., 1896; Материалы для биографии Е.В. Богдановича ко дню его 80-летия (26 февраля 1909 г.). СПб., 1909; Светлый юбилей. СПб., 1909; *Плетнёв М.Д.* «Сеятель доброго слова» Е.В. Богданович. СПб., 1914.

⁴ *Леонов М.М.* Салонные связи и карьера генерала Е.В. Богдановича // Вестник Самарского муниципального института управления. 2010. № 1(12). С. 105.

Родился Евгений Васильевич 26 февраля 1829 г. в Херсоне в семье Василия Ивановича Богдановича (ок. 1783—1853), который по окончании кадетского корпуса в 1803 г. поступил в Ахтиарский гарнизонный полк, участвовал в войнах с Турцией и Францией, дошёл до Парижа и в 1814 г. вышел в отставку в чине подполковника. В 1816 г. он стал полицмейстером в Херсоне, где 15 августа 1817 г. обвенчался в купеческой Успенской церкви с Марией Львовной Альбрант (ок. 1800 — до 1844) — дочерью городского головы коммерции советника Л.О. Альбранта (ок. 1762 — между 1826 и 1833)⁵. В марте 1819 г. по императорскому указу Богдановичу «в уважение отличной службы и увечья от ран, полученных в сражениях», были предоставлены 1 тыс. десятин в Тираспольском уезде взамен данной при отставке пенсии и ещё 500 десятин «для заведения скотоводства на общих правилах» (на деле этот участок был сразу же продан). Однако осенью того же года ему пришлось «по прошению» покинуть свой пост, а в 1820 г. он оказался под судом. 25 марта 1825 г. Александр I утвердил мнение Государственного совета, рекомендовавшего не определять более Богдановича «к подобным должностям»⁶. Впрочем, данное ограничение не мешало ему в 1827—1833 гг. состоять директором Богоявленских казённых мануфактур. В 1832 г. оно и вовсе было отменено. 5 ноября 1835 г. надворный советник Богданович был назначен председателем аудиториата штаба Черноморского флота и портов, а летом 1839 г. его произвели уже в действительные статские советники. В октябре 1851 г. он вышел в отставку. «Помню, как сейчас, — писал его сын в начале XX в., — я этого старца, как я сам теперь, убелённого сединами, сурового и строгого председателя аудиториата Черноморского флота и портов в 30-х и 40-х годах, когда он то со слезами в голосе, то с радостью рассказывал, как у Березины гнал врагов из России, как был контужен при Гольниздоре и тяжело ранен в голову под Шампобером, как торжественно с войсками вступил в Париж»⁷.

В 1820—1834 гг. у Богдановича родились 9 детей, но, судя по формулярному списку, в 1843—1844 гг. он был уже вдов⁸. Евгений до 13 лет обучался дома и в частном учебном заведении, а 6 мая 1842 г. стал «гардемарином Черноморского флота»⁹. Там же впоследствии начинали свою службу его младшие братья Алексей (1830 — после 1865), Владимир (1831—1872), Орест (1833—1859) и Виктор (1834—1855). Только старший брат Лев (1826—1853) делал карьеру в армии¹⁰. Во флоте Е.В. Богданович прослужил 9 лет: в 1844 г. его переименовали юнкером, в 1846 г. произвели в мичманы, а в 1851 г., после недолгого пребывания на Балтике, перевели прапорщиком в Виленский егерский полк «с назначением в должность старшего адъютанта дежурства новороссийского

⁵ Дед Евгения Васильевича являлся уроженцем города Амбрюка (Дофинэ). В 1784 г. он прибыл на собственном корабле с товарами в Херсон, где вскоре женился и осел, а в 1800, 1806, 1808, 1814 и 1817 гг. избирался на 3 года головой. В начале XIX в. ему удалось в несколько раз увеличить городские доходы и выплатить большую часть долга, лежавшего на местном обществе. Сам Лев (Людовик) Осипович Альбрант (D'Albrant) владел вместе с женой 4 тыс. десятин в Херсонском уезде и домом в городе. В их семье было 10 детей (РГИА, ф. 1343, оп. 16, д. 1428, л. 12—15 об.; Государственный архив Одесской области, ф. 37, оп. 3, д. 193, л. 68 об.).

⁶ РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 4404, л. 4—6; Список гражданским чинам первых восьми классов по старшинству. СПб., 1850. С. 11—12.

⁷ *Богданович Е.В.* 1812 год. СПб., [1912]. С. 12.

⁸ РГИА, ф. 1343, оп. 17, д. 4404, л. 4 об.—6.

⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 160—161.

¹⁰ Общий морской список. Ч. IX. СПб., 1897. С. 240—244.

и бессарабского генерал-губернатора»¹¹. Чего-либо достичь на море Евгений не успел. Тем не менее в дальнейшем он неизменно подчёркивал свою связь с морской корпорацией. По словам И.И. Колышко, «при каждом торжественном для флота случае он в пышной телеграмме поздравлял “героев Синопа” и подписывался “черноморец”»¹². Когда в 1873 г. отмечался 65-летний юбилей адмирала Ф.М. Новосильского, Богданович, посетив его, произнёс пламенную речь, опубликованную затем в «Московских ведомостях», а позднее включённую «по просьбе многих моряков» в книгу «Синоп». В ней, в частности, упоминалось и о том, что капитан Новосильский был милостив к автору, когда тот молодым мичманом плавал под его начальством на корабле «Три святителя»¹³. В 1875 г. Богданович вспоминал, как, «состоя в 1850 году мичманом на шхуне “Ласточка”... сам был лично свидетелем того общего восторга, с которым по всей Черноморской линии одушевлены были кавказцы вследствие известия о посещении Кавказа наследником цесаревичем»¹⁴.

Судя по послужному списку Е.В. Богдановича, в 1842, 1844 и 1846—1850 гг. он от двух до пяти с половиной месяцев находился «для практики и эволюции» на фрегате «Месемврия», бриге «Персей», шхуне «Ласточка», кораблях «Три святителя» и «Память Азова», пароходе «Северная звезда», тендере «Спешной». В основном это были «походы» от Николаева до Севастополя или Одессы и обратно, либо крейсерство в Финском заливе. В сравнительно больших плаваньях ему довелось участвовать лишь дважды: в мае—августе 1848 г. из Архангельска в Кронштадт на корабле «Память Азова» под командой капитана 1-го ранга П.С. Лутковского и в 1849 г. «в отряде судов Абхазской экспедиции» на «Ласточке» (более пяти месяцев)¹⁵.

Между тем жандармы, собиравшие осенью 1865 г. сведения о деятельности Евгения Васильевича, весьма нелицеприятно отзывались о его поведении в 1840—1850-х гг.: «С самого начала своей службы Богданович предался светским развлечениям и большею частью проводил время в отпусках в Одессе»¹⁶. Некоторый светский лоск, знание французского языка, ловкость в танцах открыли ему доступ во многие дома; но как средств удовлетворять потребностям подобной жизни у Богдановича было немного, то он прибегнул к долгам. На первый раз долги эти были заплачены какою-то тёткою его, весьма богатою женщиною; впоследствии же, когда долги всё более и более увеличивались, она отказалась платить. Положение Богдановича сделалось тогда весьма шекотливым; ему в особенности неловко было потому, что некоторые из долгов своих он гарантировал честным словом, которого однако ж не сдержал; вследствие того он вынужден был уехать из Одессы»¹⁷.

Выпутаться из затруднительной ситуации помогло лишь то, что «Богданович пользовался особенным расположением проживавшей тогда в Одессе

¹¹ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 161.

¹² Колышко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 184.

¹³ Богданович Е.В. Синоп. 18 ноября 1853 г. СПб., 1878. С. 167—169.

¹⁴ Богданович Е.В. Из воспоминаний о путешествии государя императора по Кавказу в 1850 году // Русский инвалид. 1875. 26 ноября.

¹⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 163—164.

¹⁶ В составленном в декабря 1865 г. «Полном послужном списке полковника Богдановича», находящемся в одном деле с жандармской характеристикой, до 1856 г. указан лишь один отпуск на 28 дней, который Богданович получил 28 февраля 1850 г. и «по болезни просрочил по 25 мая». Официально больше всего он провёл в отпусках в 1856—1860 гг. (Там же, л. 161).

¹⁷ Там же, л. 36.

генеральши Кудрявцевой, не жившей с мужем и имевшей значительное состояние». Видимо, именно она способствовала назначению Евгения Васильевича в дежурство и быстрому продвижению: через год (летом 1852 г.) он уже получил чин подпоручика, а в феврале 1854 г. стал «за отличие по службе» поручиком. В августе того же года его даже наградили за строительство моста через Днестр в Бендерах орденом Св. Анны 3-й степени. 22—26 марта 1855 г., сопровождая новороссийского генерал-губернатора Н.Н. Анненкова, Богданович побывал в осаждённом Севастополе. В августе 1855 г., по протекции своей покровительницы, он был назначен адъютантом гр. А.Г. Строганова, сменившего Анненкова в Одессе, и вскоре произведён в штабс-капитаны. «Оставшиеся долги, — как утверждалось в жандармской справке, — уплатила г. Кудрявцева, об этом говорил весь город, да иначе и быть не могло, ибо у Богдановича денег не было. Впрочем, интимные отношения с г-жею Кудрявцевою нисколько не препятствовали Богдановичу искать любовных приключений в других местах; но эти похождения были далеко не так удачны, и Богдановичу приходилось часто быть не совсем в приятном положении при тех лицах, которые считали себя вправе заступаться за преследуемых им особ». Службой себя штабс-капитан явно не утруждал: в 1856 и 1858 гг. по полгода лечился, а в марте 1859 г. снова отправился в отпуск «по домашним обстоятельствам». В июне того же года его «по требованию военного министра» вызвали в Петербург и в марте 1860 г. перевели в Лейб-гвардии Стрелковый Императорской фамилии батальон¹⁸.

Однако, прослужив на новом месте два месяца, Богданович вновь выпросил отпуск на четыре месяца, вернулся через полгода с очередным медицинским свидетельством и капитанским чином и сразу же подал рапорт о переводе в МВД, ссылаясь на «расстроенное здоровье». Командовавший батальоном полковник гр. Н.В. Левашов, «будучи убеждённым в слабом здоровье офицера сего», на следующий же день, 9 февраля 1861 г., поддержал его ходатайство перед С.С. Ланским. Впрочем, сам перевод растянулся до середины марта¹⁹. По сведениям жандармов, в Петербурге «Богданович... в поведении своём несколько исправился, а потому тётка его начала ему помогать. Выхлопотав ему место при Министерстве внутренних дел, она объявила, что не ранее передаст часть своего состояния, пока он не получит места губернатора. Богданович назначен был состоять при министре внутренних дел с зачислением по армейской пехоте майором без содержания»²⁰.

6 апреля 1861 г. Ланской командировал Богдановича в города Орловской, Курской, Полтавской и Харьковской губерний «для осмотра тамошних пожарных команд» и передачи их в заведование местных городских обществ. О своих действиях он подробно сообщал новому министру П.А. Валуеву. «Имея в виду, — писал Евгений Васильевич из Болхова 26 мая, — что для успеха в сем деле важнее всего согласие и влияние купечества, я просил Губарева пригласить к нему на дом поболее купцов, дабы я мог с ними лично познакомиться, и когда приглашённые собрались, в разговорах со всеми и с каждым порознь я старался разъяснить несомненную выгоду общественного дела. Заметив, что ра-

¹⁸ Там же, д. 466, л. 36—37, 160—161; РГИА, ф. 1284, оп. 51, 1888 г., д. 50, л. 269 об.—270; оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 161—161 об.

¹⁹ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 161; РГИА, ф. 1284, оп. 51, 1888 г., д. 50, л. 269 об.—270; оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 3—4 об.

²⁰ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865 г., д. 466, л. 37.

душное обхождение с ними и разъяснение приводит к желаемому результату, я предложил городскому голове пригласить купцов и мещан в думу, где, заявляя им заботы правительства, объяснил цель и пользу устройства общественной пожарной команды»²¹.

В 1862 г. Богданович вновь выехал в Орловскую, Полтавскую и Харьковскую, а также во Владимирскую, Воронежскую и Нижегородскую, в 1863 г. — в Казанскую, Костромскую, Саратовскую и Симбирскую губернии «для совещания с городскими обществами по предмету введения взаимного страхования от огня имуществ» и убеждения «жителей к основанию общества взаимного страхования от пожаров». Предварительно, видимо, по совету Валуева, он посетил Ригу, где изучал организацию страхового дела. В поездках Богданович поначалу часто встречал «несочувствие горожан», но его настойчивость «сломила все препятствия»²². Желая поддержать усердие и авторитет майора, министр способствовал награждению Евгения Васильевича орденом Св. Станислава 2-й степени, предоставил ему должность чиновника по особым поручениям (по-прежнему без содержания) и даже добился в декабре 1862 г. его производства по особому докладу в подполковники (вопреки правилам, допускавшим повышение штаб-офицеров в чинах за отличие лишь через три года)²³.

В январе 1864 г. по желанию Н.Н. Анненкова (в то время — киевского генерал-губернатора) Богданович был направлен для занятий делами Юго-Западного края. Вернулся он оттуда через год уже полковником²⁴. Впрочем, жандармы в ноябре 1865 г. оценивали его успехи довольно сдержанно: «С 1862 года Богданович имел несколько поручений по Министерству внутренних дел, при исполнении которых руководствовался советами начальника отделения Хозяйственного департамента коллежского советника Ермакова, человека чрезвычайно дельного. При таком содействии и при незатруднительности самых поручений он исполнил их довольно удачно и получил последовательно чины подполковника и полковника». Вместе с тем чиновники МВД, «имевшие близкие с Богдановичем отношения по службе, составили себе о нём мнение, как о пустом и бесхарактерном человеке». Летом 1865 г. «за границу, как носят слухи, Богданович вёл себя не совсем осторожно и всюду очень хвастал своими связями и аристократическим знакомством, чем и возбудил недоверие к себе»²⁵.

Осенью 1865 г. карьера Е.В. Богдановича едва не завершилась самым скандальным и катастрофическим образом. 7(19) августа девица М. Толбузина направила Александру II «нижайшую и искреннейшую просьбу» о защите. «Как в жалобе, так и при следствии, — писал 29 декабря Валуеву шеф жандармов кн. В.А. Долгоруков, — Толбузина обвиняла Богдановича в том, что он, пригласив её в Париж в качестве гувернантки к детям сестры его г-жи Жандр, которой тогда в Париже не было, поместил вместе с собою в заранее нанятой им квартире, где в течение 3-х дней и 2-х ночей предавался различным бес-

²¹ РГИА, ф. 1287, оп. 34, 1861 г., д. 1318, л. 12.

²² 35-летние труды Е.В. Богдановича по пожарной части... С. 5—6; ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 161.

²³ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 161—162; РГИА, ф. 1284, оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 40—40 об., 55—55 об.

²⁴ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 162; РГИА, ф. 1284, оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 67.

²⁵ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, л. 37.

чинствам, обнаружив покушения на её честь, но Толбузина не допустила его совершить над нею преступление и уехала обратно в Женеву. В заключение она изъяснила, что от Богдановича никакого удовлетворения получить не желает»²⁶. Поручителем и покровителем девушки выступил служивший в русской посольской церкви в Женеве протоиерей А.К. Петров, ещё 6(18) августа сообщивший о случившемся своей духовной дочери — фрейлине Д.Ф. Тютчевой²⁷. Поддержал его и посланник при Швейцарском союзе А.П. Озеров²⁸. Вскоре судьбой обиженной сироты заинтересовалась и вел. кн. Елена Павловна²⁹. Управлявший III отделением Собственной е.и.в. канцелярии Н.В. Мезенцов вынужден был признать, что «личность Богдановича далеко не представляет тех прочных гарантий, которые могли бы привезти (так в тексте. — М.Д.) к заключению его полной невинности в этом деле»³⁰. Подробные (и достаточно пикантные) показания Толбузиной были доложены Александру II, решившему, что «другого не остаётся, как выписать её сюда для очных ставок»³¹. 4 ноября началось официальное следствие, которым руководил генерал-майор Свиты П.Н. Слепцов, при участии состоявшего при шефе жандармов гвардии полковника В.М. Родзянко и депутата от МВД — д.с.с. Ф.Н. Анненского (делопроизводство вел к.с. А.Ф. Переяславцев — чиновник по особым поручениям при статс-секретаре у принятия прошений).

Богданович отрицал все обвинения и пытался представить свои действия в Париже невинным недоразумением; жалобу он объяснял интригами протоиерея Петрова, недовольного критическими отзывами о своей пастырской деятельности. Одновременно, как отмечали Слепцов и Родзянко, «при следствии, во время допросов, Богданович позволял себе говорить, что если бы он действительно был виноват в тех поступках, в которых его обвиняют, то дело не заключает в себе ничего важного или особенного, чтобы назначать следствие и требовать его к допросу, что подобные поступки совершаются ежедневно многими лицами и, однако, их никто не преследует; что как бы дело его не кончилось, он не подарит (так в тексте. — М.Д.) посланнику Озерову за то, что последний не принял его; что “Московские ведомости” и все газеты за границей напечатают его дело; что мерзкая девчонка Толбузина разрушила его карьеру, и что все, принимавшие в ней участие, теперь убедились в её клевете и отступились от неё»³². Подобная защита успеха не имела, поведение и показания Богдановича были признаны неудовлетворительными³³. Не помогли ни обращение к кн. Долгорукову генерал-контролёра Контрольного департамента морских отчётов А.П. Жандра (мужа родной сестры Евгения Васильевича Александры), ни наивные письма Александру II и вел. кн. Елене Павловне президента Генерального совета Женевского кантона Бральяра, уверявшего, что полковник — «жертва интриги» и «был только ветрен и легкомысленен»³⁴.

²⁶ Там же, д. 466, ч. 1, л. 92; д. 466, ч. 2, л. 1—2; РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 808, л. 11—11 об.

²⁷ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, ч. 1, л. 5—6.

²⁸ Там же, л. 38, 44—45.

²⁹ Там же, д. 466, ч. 2, л. 40.

³⁰ Там же, д. 466, ч. 1, л. 43.

³¹ Там же, л. 48; д. 466, ч. 2, л. 62—75.

³² Там же, д. 466, ч. 1, л. 129—130.

³³ Там же, л. 97—103, 107—131, 134—135.

³⁴ Там же, л. 24—25, 99—100.

Богдановича ожидал военный суд, однако характер преступления и тяжесть пренебреженного за него наказания (лишение дворянства и несколько лет каторги) требовали по закону или признания вины, или «полных улик». Чтобы собрать их, следственные действия пришлось бы продолжать в Париже, а это было и дорого, и чревато ещё более громким скандалом. Поэтому Слепцов и Родзянко рекомендовали ограничиться увольнением полковника со службы «как навлекшего на себя жалобу в таких поступках, которые не согласны с правилами нравственности и благородства, и не представившего к опровержению жалобы достаточных доказательств»³⁵. 29 декабря кн. Долгоруков сообщил Валуеву о выводах следствия, одобренных императором³⁶.

Валуев сразу же поверил показаниям Толбузиной, о которых ему сообщили Озеров и кн. Долгоруков. «Я думаю, — ещё 18 августа писал он шефу жандармов, — что Богданович способен на это подлое дело (“*set act infâme*”), потому что этот человек выдаёт себя за набожного, бегаёт по монастырям, но имеет все качества лицемера первой степени». «Я его терпел вследствие случайных обстоятельств, — оправдывался министр, — и потому ещё, что, несмотря на личное моё отвращение к нему... он служил с некоторою деятельностью и без жалования». Уже в середине августа Валуев готов был предписать полковнику «оставить министерство», но затем решил дождаться царского вердикта. При этом он не сомневался, что, «во всяком случае, этот человек должен покинуть службу и лишиться мундира, которого он недостоин». Но едва ли Пётр Александрович был готов к тому, что ему самому придётся решать судьбу «этого мерзавца (“*ce miserable*”), поведением которого семейство Анненкова, г-жа Потёмкина и гр. Левашов будут более изумлены, чем я»³⁷. Во всяком случае, в январе 1866 г. глава МВД решил не раздувать скандал, а командировать Богдановича в Вятскую и Пермскую губернии, где возникли перебои с продовольствием и начались волнения горнозаводского населения. Предполагалось, что, вернувшись через несколько месяцев, полковник сам подаст прошение об отставке³⁸.

Богданович успешно справился с поставленной перед ним задачей. На Урале оценили его усилия. Так, коллежский асессор Гессен, опекун предприятий П.А. Демидова, 14 июня 1866 г. писал: «Убедившись в том, что Вы, Евгений Васильевич, как лицо, доверенное от высшего правительства, много сделали для успокоения ревдинского населения, имею честь покорнейше просить Вас уделить несколько времени, заехать в Рождественские заводы, поговорить с крестьянами — они уже наслышались от ревдинских, как Вы разрешили их недоумения. Здешние Вас ждут с нетерпением, что Вы им скажете? Не знаю, недостаток ли внутренний или общее недоверие к дворянам и чиновничеству или тайные возбуждения, но делу остановка! Я вполне уверен: Ваши слова и влияние остановят крестьян от своеволия и перервут средства лицам неблагонамеренным пользоваться легковерием крестьян»³⁹. Едва ли такие услуги оказывались безвозмездно. Но, так или иначе, когда Богданович вернулся в столицу, где после каракозовского покушения обострилась борьба в правитель-

³⁵ Там же, л. 135.

³⁶ Там же, л. 92—93. См. также: РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 808.

³⁷ ГА РФ, ф. 109, оп. 95, II экспедиция, 1865, д. 466, ч. 1, л. 7—12. В деле сохранились подлинные письма Валуева на французском языке и сделанный жандармами перевод.

³⁸ РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 808, л. 42.

³⁹ Там же, ф. 1291, оп. 53, 1866 г., д. 188, л. 3—3 об.

ственных сферах, Валуев уже не вспоминал о его парижских похождениях, а кн. Долгоруков к тому времени и вовсе покинул жандармское ведомство.

Именно в ходе поездки на Урал Богданович осознал потребности региона в строительстве новых путей сообщения и оценил связанные с этим перспективы. Осенью 1866 г. он выпустил в Петербурге брошюру «О сибирской железной дороге и о развитии уральского горного промысла» и в 1867—1880 гг. регулярно публиковал или инспирировал статьи на эту тему в «Московских ведомостях», «Голосе», «Санкт-Петербургских ведомостях». В августе 1875 г. ему удалось выступить с докладом о Сибирской и Средне-Азиатской железной дороге на Международном географическом конгрессе в Париже. Выступление вызвало большой интерес, стали поступать предложения от иностранных компаний, готовых вложить средства в строительство магистрали⁴⁰. Впрочем, по словам Е.М. Феокистова, Богдановичу «было решительно всё равно, построят эту дорогу или нет, она служила ему только средством обирать сибирских купцов, которые были заинтересованы в ней и которым он сулил золотые горы. С замечательною ловкостью умел он устраивать для себя выгодные командировки, разъезжал по России, выставлял себя влиятельным лицом в Министерстве внутренних дел и в Министерстве путей сообщения, брал где только можно и большие куши, и по мелочам»⁴¹. Так, в 1871 г., заняв на год через Л.Н. Жадовскую 100 тыс. руб. на покупку акций Сибирской железной дороги, он не возвращал долга и не выплачивал проценты, обещая «поделиться предстоящими миллионами», а затем попытался прекратить всякое общение и болезненно реагировал на визиты Жадовских, которым пришлось жаловаться в МВД⁴².

Долги постоянно сопутствовали Богдановичу. Ещё 5 мая 1865 г. Департамент общих дел МВД уведомил его о претензиях 10 человек, которым он задолжал в общей сложности 7 105 руб. Подобные ходатайства поступали и позднее, до начала 1880-х гг. Богданович занимал, рассказывая о своих знакомствах и влиянии, а потом, отказываясь возвращать деньги, объяснял, что жаловаться в МВД бесполезно, поскольку «у него там все друзья и приятели»⁴³. Так, у вдовы мелкого чиновника А.В. Калуферовой он взял в январе 1864 г. под расписку на четыре месяца без процентов 300 руб., пообещав помочь ей устроить её дела в министерстве, после чего на следующий же день уехал из Петербурга. В феврале 1866 г. вдове пришлось жаловаться на него петербургскому генерал-губернатору кн. А.А. Суворову, однако Евгений Васильевич был уже на Урале⁴⁴. Просители, обращаясь в МВД, рассчитывали на уплату долгов чиновника из его жалованья, и тут только узнавали, что содержания он не получает. Со временем в МВД, угрожая арестом и увольнением, всё же вынудили его начать понемногу расплачиваться с кредиторами. Деньги же у Богдановича имелись, во всяком случае их хватало на то, чтобы регулярно выезжать в Европу на несколько недель и даже месяцев.

⁴⁰ Материалы к истории вопроса о Сибирской железной дороге. СПб., 1891. С. 163—168; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008. С. 69.

⁴¹ Феокистов Е.М. За кулисами политики и литературы. Воспоминания. 1848—1896. М., 1991. С. 254.

⁴² РГИА, ф. 1284, оп. 76, 1861 г., д. 22, л. 316—316 об.

⁴³ Там же, л. 93.

⁴⁴ Там же, л. 142—142 об.

Та роль, которую играл Богданович, требовала известности и респектабельности. Неудивительно, что в начале 1870-х гг. Евгений Васильевич начал упорно добиваться генеральского чина. Причём поддерживал его в этом не только А.Е. Тимашев, возглавлявший в 1868—1878 гг. МВД, но и Валуев, ещё недавно брезгливо осуждавший «это ничтожество», а позднее, осенью 1880 г., называвший его в дневнике «хлыщом»⁴⁵. Именно к нему, руководившему тогда Министерством государственных имуществ, полковник обратился за помощью 17 декабря 1874 г. «Вы, вероятно, знаете полк[овника] Богдановича, — в тот же день писал Валуев Д.А. Милютину. — Нет севастопольского обеда без его речи и нет области, в кругу деятельности МВД, в которой он не проявил бы, в то или другое время, своей деятельности. В моё время он принёс особую пользу в деле городских страховых обществ (взаимных), и особенно во время голода, в шестидесятых годах, на Урале. Считаю его человеком болезненным и думаю, что без его болезненности его способности принесли бы ему и другим ещё более пользы; но во всяком случае знаю, что генеральские эполеты его заветная, давняя мечта, и что он 11 или 12 лет служит МВД без жалованья и денежных пособий. Он 30 лет в офицерских чинах, полковником лет 10. Нельзя ли его осчастливить? Знаю также, что его производство будет исключением, что оно не подходит под правила. Но должно же, однако же, быть что-нибудь исключительное и в положении Богдановича, чтобы о нём повторительно ходатайствовал ген. Тимашев, и чтобы я Вас обременял тремя страницами о нём же. При свидании доложу Вашему высокопревосходительству ещё подробнее ту же просьбу»⁴⁶.

Не дожидаясь устных объяснений, военный министр сразу же ответил: «Пламенное желание полковника Богдановича получить генеральские эполеты давно мне известно, и я неоднократно был в тяжёлой необходимости жестокосердно высказывать ему несбыточность его домогательств, советовал ограничить свои виды генеральским чином гражданского покроя». Милютину явно раздражало, что «г. Богданович непреклонен и возобновляет по временам свои атаки»⁴⁷. Год спустя, 28 декабря 1875 г., Валуев вновь взывал: «У меня был четыре раза полк[овник] Богданович. Он же писал ко мне три раза. М[инистр] в[нутренних] д[ел] Вам писал официально о производстве с зачислением в запас. Пишу и я. Авось на этот раз Вы себя самих и прочих ублагодарите и успокоите тень ген. Хрущева, постоянно вызываемую Богдановичем»⁴⁸. Однако Милютин не уступил, и только 16 апреля 1878 г. Александр II всё же произвёл Евгения Васильевича в генерал-майоры, приказав ему состоять по МВД⁴⁹.

Известности Богдановича безусловно способствовали его многочисленные публикации. «Человек неглупый, наглый, пронырливый, — вспоминал Феоктистов, — он проник и в литературный мир, писал статьи и издавал книжки назидательного и патриотического содержания и, конечно, постарался сблизиться с Катковым, потому что Катков представлял собой силу, которою ему было выгодно воспользоваться для своих целей. Уже одно то, что он получил право называться приятелем Каткова, ставило его высоко в мнении тех, кто не

⁴⁵ Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел, в двух томах / Под ред. П.А. Зайончковского. Т. 1. М., 1961. С. 12.

⁴⁶ ОР РГБ, ф. 169, к. 59, д. 33, л. 1—2.

⁴⁷ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 585, л. 1.

⁴⁸ ОР РГБ, ф. 169, к. 59, д. 33, л. 9.

⁴⁹ РГИА, ф. 1284, оп. 51, 1888 г., д. 50, л. 270 об.—272.

знал его близко»⁵⁰. Помимо газетных статей, Богданович выпустил в Петербурге ряд популярных брошюр, рассчитанных на распространение среди военных и в высшем обществе: «Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году» (1873), «Наварин, 1827—1877» (1877), «Синоп, 18 ноября 1853 г.» (1878), «Гвардия русского царя на Софийской дороге 12 октября 1877 г.» (1879), «Стрелки Императорской фамилии. Исторический очерк» (1881). Работа над этими изданиями неизбежно привлекала внимание к их автору. Так, узнав в апреле 1879 г. о намерении Богдановича описать бой у Горного Дубняка, «цесаревич очень этим известием был доволен и приказал по полкам устроить беседы и собирать для доставления Е[вгению] В[асильевичу] все материалы, касающиеся этого дела»⁵¹.

23 марта 1879 г. при содействии нового министра внутренних дел Л.С. Макова генерал даже получил от Александра II дозволение «на собрание и издание “Материалов к истории первого двадцатипятилетия царствования монарха-освободителя”». Его готовы были допустить к архиву Государственного совета. Однако в МИД быстро поняли, кого предполагается ознакомить с правительственными секретами. 11 апреля товарищ министра Н.К. Гирс уведомил Макова, что, по мнению кн. А.М. Горчакова, «опубликование дипломатической переписки и документов, относящихся до эпохи столь свежей, было бы неудобно и преждевременно, и потому его светлость не находит возможным согласиться на допущение генерала Богдановича к изучению и изданию этих бумаг». В тот же день в разговоре с Маковым император распорядился прекратить осуществление данного замысла⁵².

Тогда генерал, с 1878 г. являвшийся старостой Исаакиевского собора, переключился на издание многотиражных бесплатных брошюр для народа (характерно, что в правительстве подготовку такой продукции курировал тогда Валуев). «Кафедра Исаакиевского собора» регулярно выходила с апреля 1879 г. до конца 1883 г. (последний, 50-й, выпуск появился «в виду совершенно исключительного обстоятельства» в 1886 г.). Тираж её номеров составлял обычно 3—4 тыс. Но № 32, посвящённый гибели Александра II, разошёлся за два месяца в количестве 240 тыс. экземпляров⁵³.

Со временем центром общественной и литературной деятельности Богдановича становится созданный им вместе с супругой салон. Время его возникновения точно не установлено. Д.И. Стогов полагает, будто он появился ещё в 1860-е гг. (сам генерал писал в 1910 г. Николаю II, что устраивает завтраки «уже полвека»)⁵⁴. Но Богданович тогда был холост и часто находился в командировках. 19 января 1869 г. он женился на А.В. Бутовской, а в середине 1870-х гг. салон уже существовал⁵⁵. К 1879 г., судя по дневнику генеральши, поток посетителей стал для супругов чем-то привычным. В их гостиной, открытой для представителей всех сословий и классов, устанавливались знакомства и завязывались связи, происходил непрерывный обмен информацией и слухами. Здесь встречались люди как либеральных, так и консервативных взглядов. Сюда приглашались все, кто мог быть полезен хозяевам или их гостям. Поэтому в

⁵⁰ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 254.

⁵¹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 234, л. 15.

⁵² Там же, ф. 1282, оп. 2, д. 1913, л. 1—9 об.

⁵³ Кафедра Исаакиевского собора. 1881. № 32. С. 31; № 33. С. 4.

⁵⁴ Стогов Д.И. Правомонархические салоны... С. 138.

⁵⁵ А.В. Богданович // Вечернее время. 1914. 5(18) декабря.

первые десятилетия существования салона Богдановичей едва ли можно говорить о сколько-нибудь выраженной его идеологической окраске. Трудно даже признать его собственно политическим, поскольку политической интересами появившихся там лиц отнюдь не ограничивались. В неформальной обстановке из собеседников легко было вытягивать сведения, нередко они и сами спешили их сообщить. Всё это укрепляло позиции и расширяло возможности генерала, превращавшегося в фигуру, пытавшуюся влиять уже не только на общественную жизнь, но и на внешнюю политику России.

Граф М.Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей

Андрей Мамонов

Count M.T. Loris-Melikov and the salon of Bogdanovich

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870008277-5

Как известно, «либеральная система», которую в 1880—1881 гг. пытался выстраивать гр. М.Т. Лорис-Меликов, подразумевала активное вовлечение в правительственную политику «общества» и периодической печати различных направлений¹. Контакты графа с общественными деятелями и публицистами не раз привлекали внимание историков². Гораздо хуже освещены (да и слабее отражены в источниках) его связи с петербургскими салонами. Между тем хорошо известно, что он широко ими пользовался, по меньшей мере с зимы 1878/79 гг. Графиня М.Э. Клейнмихель «часто встречалась» с ним тогда «у графини Адлерберг, жены министра двора Александра II». У Е.Н. Нелидовой гр. Лорис-Меликов сблизился с А.А. Абазой. «В клубах и салонах только и было разговоров, что о прекрасном армянине», — вспоминала гр. Клейнмихель. Ловко подыгрывая своим собеседникам, «он каждому нравился и каждый говорил

© 2020 г. А.В. Мамонов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00021.

¹ См.: *Христофоров И.А.* Закат эпохи преобразований // Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. Т. 3. М., 2016. С. 166—178.

² *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964. С. 148—378; *Афанасьев А.П.* Столичные либеральные газеты и лорис-меликовская «диктатура» (начало 80-х годов XIX века) // Проблемы истории СССР. Вып. 3. М., 1973. С. 182—194; *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 190—209; *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати (60—70-е годы XIX века). Л., 1989. С. 17—19, 80—82, 111—112, 191—193; *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 246—247; *Луночкин А.В.* Газета «Голос» и режим М.Т. Лорис-Меликова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Философия. 1996. № 1. С. 49—56; *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 120—135; *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 69—72, 95—96; *Твардовская В.А.* Александра Дмитриевич Градовский // Российские либералы. М., 2001. С. 142—151; *Дубенцов Б.Б.* М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880—1881 гг. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 63—69; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 102—210.

о нём “с’est mon homme!”³. Успех в высшем обществе и боевые заслуги 1877—1878 гг., способствовали стремительному карьерному взлёту графа, назначенного в 1879 г. временным генерал-губернатором сначала в Астрахань, а затем — в Харьков. Но и в 1880—1881 гг., вплоть до отставки с поста министра внутренних дел, гр. Лорис-Меликов обсуждал правительственные дела в салонах Нелидовой, гр. Клейнмихель, М.В. Дурново.

К сожалению, сведения об этих неформальных политических центрах крайне обрывочны и скупы. Подробные записи о своём салоне оставила лишь Александра Викторовна Богданович — супруга состоявшего по МВД генерал-майора Е.В. Богдановича, отмечавшая в дневнике наиболее видных посетителей и лаконично излагавшая их рассказы. Фрагменты её дневника были опубликованы ещё в 1924 г. Однако публикаторы полагали, что «грандиозная рукопись автора... загромождена сотнями страниц никому не нужного, чисто домашнего материала». Поэтому до читателей дошла лишь неизвестно кем подготовленная «краткая экскерпция», не отражавшая ни характер источника в целом, ни структуру отдельных записей, которые произвольно сокращались или вовсе удалялись⁴. Эта книга, ставшая исключительно популярной и неоднократно переизданная, не только искажала, но и заслоняла собой публикуемый текст, поскольку к сохранившемуся в архиве подлиннику исследователи уже практически не обращались. Такое издание, разумеется, не раскрывало особенностей взаимоотношений гр. Лорис-Меликова с Богдановичами. Не удивительно, что этот сюжет даже не затронут ни в наиболее полном очерке, посвящённом салону, ни в самой обстоятельной на сегодняшний день биографии графа⁵.

Судя по дневнику Александры Викторовны, гр. Лорис-Меликов впервые появился у Богдановичей в воскресенье 3 февраля 1880 г. — на следующий же день по завершении работы над своим генерал-губернаторским отчётом⁶. «Вошёл граф Лорис-Меликов, — записала генеральша, — о нём так много говорили и рассказывали, что я его встретила как старого знакомого — очень приятная, подкупающая вас сразу манера, приятное симпатичное лицо, сидел долго». Богданович, по её словам, «ожидала встретить то, что встретила; добродушный, но вместе с тем и хитрый, сам говорит “одна рука гладит, другая наказывает”. Манера чарует своей простотой, с ним чувствуешь, как будто давно его знаешь, что нет тяжёлого натянутого положения»⁷.

Любопытно, что гр. Лорис-Меликов решил познакомиться с Богдановичами именно теперь. Салон Богдановичей едва ли можно было назвать великосветским, его редко посещали придворные и министры. В основном тут встречались достаточно осведомлённые, но не имевшие постоянного доступа к императору военные и чиновники среднего звена (директора департаментов, губернаторы и т.п.), а также архиереи и протоиереи, литераторы и журналисты ведущих газет, дельцы разного рода. По-видимому, граф, долго отсутствовавший в Петербурге, искал в этом кругу то же, что и все остальные — информацию о происходившем в правительственных сферах, а возможно, и помощь в

³ Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира. Берлин, б.г. С. 82—83.

⁴ Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 3, 1.

⁵ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 125—188; Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов...

⁶ Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов... С. 379, 400.

⁷ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 235, л. 12, 312.

благоприятном освещении своей деятельности. 8 февраля, после обеда в Зимнем дворце, он вновь оказывается у Богдановичей, где «чарует своей манерой»⁸.

Тем не менее о назначении 9 февраля гр. Лорис-Меликова главным начальником Верховной распорядительной комиссии, которой следовало объединить усилия разных ведомств по борьбе с революционерами, у Богдановичей узнали не сразу. Лишь 11 февраля, когда он стал членом Государственного совета, генеральша отметила слухи о том, что «Лорису предстоит занять очень важный административный пост». 13 февраля ей уже сообщили, будто «теперь назначен главным после царя, можно сказать, Лорис, ему даны большие полномочия». На следующий день она уточняла: «Лорису даны права премьер-министра, ему подчинены все генерал-губернаторы, все ведомства, не исключая и военного». Её муж также был «очень доволен этим назначением» и «приветствовал Лориса очень милым письмом»⁹.

Сам граф приехал только 15 февраля, когда в газетах уже появился указ о создании Верховной распорядительной комиссии и его «воззвание к жителям столицы». За завтраком гость «много говорил» и обещал вернуться вечером, «но, увы, комиссия... его задержала». «Очень жаль, — сетовала Александра Викторовна, — так как его приём оживил бы всё общество, — он умеет быть центром, умеет себя заставить полюбить»¹⁰. Близость к столь влиятельной фигуре действительно заметно повышала статус генеральского салона. Однако гр. Лорис-Меликова там больше не видели. Он только передавал поклоны и время от времени принимал Богдановича у себя.

Впрочем, связь генерала с салоном не прервалась, хотя и поддерживалась теперь через посредников. С 16 февраля Богдановичей часто навещал член Верховной комиссии генерал-майор М.И. Батьянов, в начале 1870-х гг. служивший под начальством гр. Лорис-Меликова в Терской области и пользовавшийся его доверием. Как писала генеральша, «ежедневно вечером, когда Лорис ложится спать, он призывает Батьянова и долго с ним толкует, не отпуская его от себя». Именно Батьянов, появившийся весной 1880 г. почти каждый день, стал для Богдановичей основным поставщиком сведений об обстоятельствах назначения гр. Лорис-Меликова и деятельности его комиссии, о покушении И. Млодецкого и допросах террориста, об отставке шефа жандармов А.Р. Дрентельна и т.п. Быстро став чуть ли не домашним человеком, он убеждал хозяев в том, что «в Комиссии все сидят порядочные, честные люди», а «Лориса имя впишется в историю наравне с именем Бисмарка», так как «он столько же делает для России, сколько тот для Германии уже сделал». Иногда Батьянов затевал споры с гостями. 23 апреля его речь о том, «как устроить так, чтобы министры были ответственны перед государем в своих деяниях (слушай ответственны перед народом)», «так разозлила Каткова, что он бросил даже на пол шапку, шарф и перчатки — не хочет и слышать об этом, находит, что это пахнет конституцией». Но чаще Батьянов вёл себя иначе. Задерживаясь до позднего вечера, он, по словам генеральши, «не мешает, сидит себе спокойно слушает или наблюдает»¹¹. Тем самым генерал-майор не только формировал общественное мнение о работе Верховной комиссии, но и собирал информацию о настроениях в столице.

⁸ Там же, л. 14.

⁹ Там же, л. 16, 135, 137.

¹⁰ Там же, л. 16.

¹¹ Там же, л. 16—41, 136—137.

Видимо, графу этого было достаточно, поскольку его ближайшие сотрудники бывали у Богдановичей лишь эпизодически. Так, 25 февраля их посетил бессменный правитель канцелярии гр. Лорис-Меликова в 1879—1881 гг. А.А. Скальковский, делившийся своими воспоминаниями о службе в Астрахани и Харькове. 12 марта к ним заглянул чиновник по особым поручениям В.М. Юзефович, также сблизившийся с графом в начале 1879 г., посвящённый в его политические планы и державшийся, похоже, исключительно сдержанно. «Какой он не симпатичный, — возмущалась генеральша, — должно быть осторожным, но надо знать с кем, боится проронить лишнее слово». Знаком особого внимания и благоволения стали визиты супруги Михаила Тариэловича и его дочерей¹².

Всё это не могло не отразиться на господствовавшей в салоне атмосфере. В феврале и марте его хозяева и гости воспринимали действия гр. Лорис-Меликова чуть ли не с восторгом. Смущал только его «больной истомлённый вид», но и это указывало на то, что «необходимо беречь Лориса». Им был «очарован» не только А.С. Суворин, но и М.Н. Катков. «У него одна забота, — иронизировала 26 февраля Богданович, — чтобы Лорис стоял за классицизм — они в нём видят спасение России. Вот заблуждение»¹³. Даже осторожно выраженное кн. А.К. Имеретинским сомнение в том, что граф оправдывает возлагаемые на него надежды, вызывало у Богданович недовольство. Она тут же сделала вывод, что собеседник «не совсем сочувственно относится к Лорису». Граф П.И. Кутайсов и В.В. фон Валь, которые «не отрицали его ума, но мало его хвалили», сразу же записывались в «недоброжелатели»¹⁴.

Однако одними симпатиями дело не ограничивалось. Когда 22 февраля гр. Лорис-Меликов получил торжественно благословлявшую его депешу от одного из наиболее почитаемых на Кавказе сановников — кн. Г.Д. Орбелиани, было решено придать ей максимальный резонанс, и Юзефович обратился к Богдановичу: «Мы просили графа её непременно напечатать, Вы один, Евг[ений] Вас[ильевич], сделаете так, что это будет хорошо, так, как Вы один умеете делать». На следующий же день в «Голосе» вышла соответствующая статья генерал-майора. Месяц спустя его супруга писала: «Лорис, кажется, понял, какое Е[вгений] В[асильевич] имеет влияние на печать — теперь же самое серьёзное, по моему мнению, это иметь за себя все органы печати»¹⁵.

9 марта Богданович передал графу записку, в которой намечались меры, направленные против крамолы¹⁶. 17 марта, беседуя с М.С. Кахановым (главным помощником графа), он указывал, что «очень плохой посажен в Комиссию представитель» от МВД. По словам генерала, «его посадил Маков как полицейского — ему доносить о том, что будут говорить». Подобные беседы, по сути, превращали генерал-майора в своего рода осведомителя графа и его окружения в МВД. Между тем в середине апреля Каханов признавал, «что Лорис и Маков в очень косых отношениях»¹⁷.

¹² Там же, л. 20, 25, 27—28, 39.

¹³ Там же, л. 16, 18, 20, 135, 137.

¹⁴ Там же, л. 26, 36.

¹⁵ Там же, л. 19, 30, 137.

¹⁶ Записка генерал-майора Е.В. Богдановича в Верховную распорядительную комиссию / Публ. В.Л. Степанова // Российский архив (история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Вып. XIV. М., 2005. С. 425—450.

¹⁷ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 235, л. 27, 36.

Со своей стороны, Богданович также мог рассчитывать на помощь гр. Лорис-Меликова. Так, он ходатайствовал перед ним за редакцию «Голоса», улаживал дела своих знакомых, в том числе и директора Департамента полиции исполнительной П.П. Косаговского. Связь с главным начальником Верховной комиссии сказывалась и на положении генерал-майора. 18 марта к нему отправился даже начальник Московского губернского жандармского управления. «Во время завтрака, — торжествовала Александра Викторовна, — велико было наше удивление, когда вошёл Слёзкин, со смерти Мезенцова он не находил нужным к нам приезжать, но теперь ввиду наших отношений к Лорису — он приехал, первую минуту очень был сконфужен., стоял растерянный — кажется, ему была сегодня неприятность, или вдруг сделалось совестно, что могли смекнуть, что только когда надобно, он вспоминает наш уголок»¹⁸.

Вместе с тем с середины апреля, возможно, не без влияния Косаговского, прежние восторги сменяются в дневнике Богданович критическими замечаниями и плохо скрываемым раздражением. 15 апреля, возмущаясь тем, что «никаких мер не принято», она признаётся: «Я начинаю разочаровываться и в графе, он не умеет выбирать себе людей — у него и нет нюху». 16 апреля, слушая, как кн. Имеретинский и Н.И. Бобриков говорят о том, что «Лорис виляет, нет у него самостоятельности», генеральша с сожалением согласилась: «У него нет гражданской храбрости». Даже радуясь отставке гр. Д.А. Толстого, она не упоминала о причастности к ней гр. Лорис-Меликова. 5 мая, отметив, что, по мнению правителя канцелярии МВД С.С. Перфильева, гр. Лорис-Меликов теряет «тот престиж, который у него был», Александра Викторовна желчно добавила: «Сам виноват, не знает Петербурга, не знает, как с кем быть, его обходят те, которые ему думают вредить, хотя он и хитёр, но ещё не довольно привык к хитрому дрянному Петербургу, здесь всё на интриге основано. Главные его враги — это две дамы, которых он принимает и к которым ездит — Нелидова и Клейнмихель, они-то ему и портят дело, с ними только могут иметь дело аферисты и люди подозрительного свойства»¹⁹. В этих словах звучала обида, ревность и осознание того, что её салон очевидно проигрывает другим — более привлекательным и влиятельным.

Поэтому полученное под Москвой из газет 9 августа известие о назначении гр. Лорис-Меликова министром внутренних дел, а Каханова — его товарищем вызвало у Богданович не радость, а беспокойство. «Не знаю, к лучшему ли эта перемена», — признавалась она в дневнике. Ни уверения Батьянова в том, что дела её мужа хороши и граф к нему по-прежнему расположен, ни поддержка гр. Лорис-Меликовым строительства Тюменско-Екатеринбургского участка Сибирской железной дороги (чего добивался Богданович) её не успокаивали. При этом сам генерал-майор был доволен новым руководством. Генеральше же казалось, что граф всех «боится», обещает, но ничего не делает. «Не верю я больше этому человеку, — писала она 24 октября, — очень он не искренне, не открыто действует. Каханов, по-моему, его гораздо вернее и честнее». «Видать во всём непоследовательность, нет системы», — брюзжала она, узнав о назначении Абазы министром финансов. В ноябре гр. Лорис-Меликов для неё уже «фокусник», который, «не имея гражданского мужества, оттирает Е[вгения] В[асильевича] от дела», и «даже не приедет ко мне, имеет же он время посещать

¹⁸ Там же, л. 27, 30—33.

¹⁹ Там же, л. 36—39, 42—43, 138.

таких лиц, как Нелидова и Клейнмихель». «Нет, — предрекала Александра Викторовна, — этот человек покажет, что он не спасение России, что это тоже в своём роде нарост на неё». 31 декабря, побывав у министра, генерал, по словам жены, «нашёл, что трудно видеть такой перемены, какую он нашёл с Лорисом, что он страшно похудел, краше в гроб кладут... что порядку нет у него в делопроизводстве, что Скальковский туп, что других никого нет и... у него нет никакой системы, нет знания дела»²⁰.

Но граф продолжал свою игру с Богдановичем, ставшим теперь его подчинённым. С осени их контакты становятся всё интенсивнее. Министр подолгу беседовал с генерал-майором, делал ему комплименты, полушутя называл его «президентом прессы»²¹. Со своей стороны, Евгений Васильевич всячески старался сдерживать близких к нему журналистов от обвинений МВД в неспособности обеспечить продовольствием пострадавшие от неурожая губернии. Так, 27 января 1881 г. он упорно доказывал Суворину, что «есть нужда, а... голода нет». В феврале 1881 г. Богданович оказался в отчаянном положении из-за отсутствия денег. В семье уже всерьёз задумывались о необходимости «переменить образ жизни», поскольку «дела наши очень плохи». «Завтраки» и «обеды» в салоне могли прекратиться. Граф тут же «выхлопотал» генералу у императора «хорошее жалование» (4 тыс. руб. в год), всячески расхвалив в докладе его заслуги перед министерством. Готовя тогда пересмотр законов о печати и объявление о разработке обширных административных и экономических реформ, гр. Лорис-Меликов как никогда нуждался в услугах и возможностях Богдановича и его салона. Могущественный министр вовсе не выглядел уверенным в своих силах, напротив, казался «расстроенным, нервным», опасаясь, что террористы вновь напомнят о себе 19 февраля²².

В своём кабинете граф часами обсуждал с Евгением Васильевичем управление периодикой. У генеральши даже сложилось впечатление, что её мужа собираются сделать начальником Главного управления по делам печати. При этом Богданович заявлял, что «нечего баловать» Каткова, а от редактора «Голоса» В.А. Бильбасова добился согласия «переменить вредное направление» и писать, как «правительству нужно — в унисон с Лорисом». Но о намеченной графом программе преобразований генерал явно не знал, поскольку 28 февраля предостерегал Абазу и гр. Лорис-Меликова от попыток М.Н. Анненкова и гр. Э.Т. Баранова «созвать целый железнодорожный парламент: 16 [городских] голов, 20 председ[ателей] земс[ких] управ, массу профессоров и пр., всего 120 ч[еловек], чтобы обсудить движение железнодорожное — это выйдет земский собор, которого здесь так бояться»²³.

Конечно же, бурная деятельность супруга и надежды на то, что «поправится наше материальное положение», не могли не изменить настроение Александры Викторовны. Её отзывы о графе теплеют, от прежней критики не остаётся и следа.

После царевубийства 1 марта 1881 г. поддержка Богдановичами политики гр. Лорис-Меликова проявилась ещё рельефнее. Генерал подключился к управлению печатью, а генеральша, хотя и сетовала на то, что «бедный Ло-

²⁰ Там же, л. 76, 80—96, 102—104, 125, 138, 140.

²¹ Там же, л. 103.

²² Там же, д. 237, л. 14, 17—27.

²³ Там же, л. 24—30, 187.

рис скверно окружён», ожидала, когда «его звезда... снова ярко заблестит на горизонте». Действия противников министра внутренних дел (Каткова, К.П. Победоносцева, Н.М. Баранова) ею сурово осуждались. Первое жалование, назначение мужа членом от МВД при Донецко-Криворожской железной дороге, помощь графа при устройстве её сына в Пажеский корпус, разумеется, лишь укрепляли симпатию²⁴. Поэтому внезапная отставка главы МВД вызвала у неё искреннее огорчение. «Мне жаль нашего графа, — писала Александра Викторовна 2 мая, — какой он симпатичный человек. Я его последнее время очень полюбила». Победоносцев и Катков вызывали у неё неприятие: «Не друзья они России, ведут её прямо к гибели». Но Евгений Васильевич, похоже, не унывал. Провожая 12 мая гр. Лорис-Меликова за границу, он говорил: «Возвращайтесь скорее, дома много дела, Ваше место здесь, дом дал большую трещину, надо будет работать, чтобы не рухнуло здание»²⁵.

²⁴ Там же, л. 31—60.

²⁵ Там же, л. 60—66.

«Ненадёжный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в.

Александр Котов

«Unreliable friend»: A.S. Suvorin and the Bogdanovich salon at the end of the 19th century

Aleksandr Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008278-6

Салон Евгения Васильевича Богдановича и его супруги Александры Викторовны не случайно привлекает внимание историков¹. Это было заметное явление в петербургской общественной жизни конца XIX — начала XX в. Генеральские обеды регулярно посещали военные, чиновники, дельцы, а также редакторы и публицисты консервативных и либеральных газет — В.А. Бильбасов, В.В. Комаров, кн. В.П. Мещерский, С.С. Татищев, П.П. Цитович и даже изредка появлявшиеся в Петербурге М.Н. Катков, Н.А. Любимов, И.Ф. Цион². Видное место среди них

© 2020 г. А.Э. Котов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00021.

¹ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 125—188; *Леонов М.М.* А.В. Богданович и её салон // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. № 15(70). С. 129—136; *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX—XX вв. Самара, 2009. С. 8—9, 115, 146.

² Об их отношениях с семейством Богдановичей см.: *Котов А.Э.* Консервативные публицисты на страницах дневника А.В. Богданович // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 24—30.

занимал и А.С. Суворин, постепенно ставший в 1880-е гг. наиболее крупной и влиятельной фигурой в столичной печати. Но, как ни странно, его многолетние связи с Богдановичами, отразившиеся как в переписке³, так и в хорошо известном, но до сих пор лишь частично опубликованном дневнике Александры Викторовны⁴, практически не освещались в историографии⁵. Особенно любопытно проследить их динамику и характер с конца 1870-х до начала 1890-х гг., когда суворинское «Новое время» превращалось в ведущее политическое издание России.

В конце 1870-х гг. Е.В. Богданович неоднократно выступал посредником между редактором «Нового времени» и министром внутренних дел Л.С. Маковым. Так, 5 марта 1879 г., сообщая про «министерский обед, имевший исключительный характер», генерал добавлял: «Все 75 человек выразили желание, чтобы обед был описан. Но Л[ев] С[аввич] желал бы предварительно прочесть всё в корректуре». Для этого Суворину следовало «приказать тотчас набрать» составленное Богдановичем описание и прислать автору два оттиска (один из них необходимо было «до полуночи» отдать Макову)⁶. В другой раз Богданович уведомлял Суворина о том, что «телеграмма Молчанова (корреспондент “Нового времени”. — А.К.) и Ваше *подлинное* письмо ко мне находятся в руках Льва Саввича, которым приняты соответственные меры»⁷. 27 декабря Евгений Васильевич дал знать, что «слух о замене Макова Шуваловым лишён всякого основания»⁸, а в начале 1880 г. обобщил свои «последние сведения»: «Газетным старостам предполагается указать, что самые щекотливые вопросы минуты: а) ожидаемые к 19 февраля милости и б) весьма вероятная война... А потому бойтесь предсказывать: ожидаемая амнистия, милости к некоторой окраине, пенсионные милости, развитие самоуправления и проч. Правительству, собственную инициативую готовящему сюрпризы, не может быть приятно, когда весть о сюрпризе оглашается заранее — это понятно»⁹. Видимо, уже вечером 5 февраля 1880 г. Богданович, ссылаясь на «положительные сведения», полученные «из дворца, от начальства», писал о взрыве «лопнувшей газовой трубы», числе убитых и раненых, поведении императора¹⁰. Известия Богдановича не были точны (мысли о покушении у него, похоже, даже не возникло), но отличались детальностью и создавали ощущение доступа к самой сокровенной и надёжной информации, что для газетчиков представляло едва ли не бóльшую ценность.

³ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, 416; оп. 2, д. 1152.

⁴ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 234—249. См. также: *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. Впрочем, бóльшая часть упоминаний о Суворине не вошла в опубликованные фрагменты её дневника.

⁵ В какой-то мере этот сюжет затронут лишь в статье: *Леонов М.М.* А.В. Богданович и её салон. О Суворине см., в частности: *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998; *Солоусов А.С.* Политические взгляды А.С. Суворина конца XIX — начале XX вв. (по материалам дневниковых записей и «Маленьких писем») // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2007. № 36. С. 101—107; *Санькова С.М.* Два лица «Нового времени». А.С. Суворин и М.О. Меншиков в зеркале историографии. Орёл, 2011.

⁶ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 29.

⁷ Там же, л. 31. Здесь и далее подчёркнутые в оригинале слова выделены курсивом.

⁸ Там же, л. 12.

⁹ Там же, л. 13.

¹⁰ Там же, л. 39.

Супруга генерала с сочувствием читала суворинские фельетоны, с их выпадами против евреев, нигилистов и неумело обличавших их официозных публицистов (и, в частности, «недюжинного бойца» Цитовича¹¹). В этих же текстах Суворин утверждал, что «благоразумная и широкая свобода слова никогда не породила такой сумятицы в головах, как печать подцензурная; никогда самая свободная вещь не приобретёт себе столько читателей, как вещь запрещённая, хотя бы сия последняя была во сто раз ниже по своему достоинству, чем первая». Именно «ради этого можно желать, чтобы печать была свободнее и свободнее, чтобы мысль высказывалась ясно, не намёками, не полусловами, чтобы исчезла привычка читать между строк и писать так, чтобы понимали вас между строк. От этого выиграет и общество, и правительство, все мы выиграем в ясности, в определённости, в твёрдой постановке вопросов»¹². Подобная позиция была характерна тогда для либеральной печати. Но, по мнению Александры Викторовны, Суворин выгодно отличался от других её представителей. Так, по её мнению, он был «положительно гораздо прямее и честнее Бильбасова» (редактировавшего в конце 1870-х гг. самую авторитетную газету столичных либералов «Голос», с которой также сотрудничал Богданович), поскольку «Суворин не сочиняет, а Бильбасов часто украшает»¹³.

Не удивительно, что в 1880—1881 гг. и Суворин, и Богдановичи во многом сочувствовали политике гр. М.Т. Лорис-Меликова. 2 мая 1880 г. Суворин, теснейшим образом связанный с окружением главного начальника Верховной распорядительной комиссии, «много говорил, предлагая свои услуги, говоря: пускай земства ему поручат написать адрес к царю, и дали бы волю написать, чего нужно просить в эту минуту для России, он бы нашёл, что написать». По словам генеральши, «вот вкратце его мысль, чтобы был ответственный первый министр, чтобы он за всех отвечал и государю, и России, и тогда дело пойдёт хорошо»¹⁴. В августе «Новое время» восхваляло упразднение III отделения Собственной е.и.в. канцелярии как «громдную государственную реформу, все последствия которой даже трудно оценить в настоящее время»¹⁵. А.В. Богданович характеризовала эти статьи в дневнике как «отлично» и «замечательно» написанные¹⁶.

Впрочем, уже в январе 1881 г. Суворин жаловался, «что всё идёт скверно», и резко критиковал неэффективные действия по борьбе с последствиями неурожая 1880 г. 27 января Александра Викторовна записала: «Обедал Суворин — никогда его не видела [в] таком возбуждённом состоянии, — он спорил о голоде с Е[вгением] В[асильевичем], доказывал, что страшный голод, Е.В. ему доказывал, что есть нужда, а что голода нет, что привело к сильному спору, Суворин, чтобы поддержать свои слова, страшно ударял кулаком по столу — в нём живёт ещё прежний Суворин, он ещё не забыл свои прежние симпатии, и с ним правительство должно себя вести очень осторожно, не слишком его распускать, а также и не дразнить — он может быть опасен»¹⁷.

¹¹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 234, л. 5; д. 235, л. 15; *Богданович А.В.* Указ. соч. С. 26. См., в частности, критический отзыв о брошюре Цитовича «Что делали в романе “Что делать?”»: *Новое время.* 1879. № 1089. 11 марта.

¹² *Новое время.* 1879. № 1089. 11 марта.

¹³ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 234, л. 5; д. 235, л. 8 об.

¹⁴ Там же, д. 235, л. 42.

¹⁵ *Новое время.* 1880. № 1596. 8 августа; № 1605. 17 августа.

¹⁶ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 235, л. 76, 79 об.

¹⁷ Там же, д. 237, л. 14.

Тем не менее генерал продолжал делиться информацией (хотя теперь, благодаря братьям А.А. и К.А. Скальковским, Суворин располагал более надёжным каналом её поступления). «Можете печатать *сегодня*, — уведомлял он 1 мая 1880 г., — что гр. Коцебу оставляет Варшаву и что говорят о назначении туда Тотлебена, которого завтра ожидают в Петербурге. Петерб[ургский] градоначальник подал просьбу об увольнении его от должности»¹⁸. 17 марта 1881 г. Богданович спешил известить: «Завтра в “Правит[ельственном] вестнике” будет оповещено, что Министерство почт и телеграфов упраздняется. Департаменты телеграфный и почтовый входят в состав Мин[истерст]ва внутр[енних] дел. Маков назначен членом Госуд[арственного] совета»¹⁹. 12 декабря 1885 г. рассказывал «о ссоре в.к. Михаила Николаевича с кн. Дондук[овым]-Корсаковым и о кипучей работе по делу портфеля мин[истра] финансов»²⁰.

Не прекращался и приток статей Богдановича в «Новое время». 30 января 1881 г. он направил в редакцию «большую пожарную статью», подводившую итоги «20 лет исследования пожарного вопроса» и приуроченную к заседанию I петербургского сельскохозяйственного съезда²¹. Но больше всего его интересовало, конечно, строительство Сибирской железной дороги. Ещё в августе 1880 г. Богданович организовал небольшую кампанию в поддержку этого замысла в «Московских ведомостях», «Голосе» и «Новом времени»²². 17 декабря 1884 г., накануне очередного обсуждения её проекта в Комитете министров, в «Новом времени» появилась обширная статья Богдановича «Сибирская дорога — злоба дня»²³. В ней генерал, пытавшийся «вразумить министров», отстаивал «южное направление» пути как соответствующее «совокупности всех экономических интересов государства, а не одному какому-нибудь специальному интересу — горнозаводскому, земледельческому или иному»²⁴. При этом автор заявлял о своём бескорыстии в данном деле. Однако у Суворина, похоже, имелись сомнения, и следующую статью (перед новым заседанием) он печатать не стал. «Нередко Вы напоминали о концессии или о каких-то материальных выгодах, — отвечал ему обиженный Евгений Васильевич 3 января 1885 г., — между тем, после того как государь открыто отверг всякую иную постройку железных дорог кроме казённой, о концессиях или иных выгодах нет и речи. Для меня это вопрос нравственный, вопрос о том, над серьёзным ли делом или над пустяками я работал 18 лет»²⁵. В письмах середины 1880-х гг. Богданович постоянно ссылался на поддержку Каткова «по крайней мере в 50-ти статьях» за 18 лет и мнения, высказывавшиеся о его железнодорожных трудах самим Сувориным²⁶.

Но Богдановичи прибегали не только к авторитетам, пафосу и рациональным доводам. Со стороны Александры Викторовны в ход шли и повышенное внимание к капризному гостю, и лёгкое кокетство²⁷. Учитывались его самолюбие,

¹⁸ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 24.

¹⁹ Там же, л. 25.

²⁰ Там же, л. 11.

²¹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 237, л. 16; Новое время. 1881. № 1770. 31 января.

²² РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 235, л. 80—81.

²³ Новое время. 1884. № 3164. 17 декабря.

²⁴ Там же; РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 49.

²⁵ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 45—46.

²⁶ Там же, л. 11, 44, 46, 49.

²⁷ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 237, л. 5—6 об.

любопытство и даже аппетиты. «Интересный человек ожидает нас завтра обедать в 5 часов, — писал Суворину Евгений Васильевич. — Сегодняшний эпизод с ним в столовой с царём довольно занимателен. Обед семейный — он, жена, Вы, я и живая стерлядь в 1½ аршина»²⁸. Посылая для публикации на «видном месте» в «Новом времени» выдержки из статьи во французском журнале о «Кафедре Исаакиевского собора» (будучи старостой, Богданович отвечал за выпуск этих листов), генерал напомнил о своём намерении преподнести Алексею Сергеевичу «несколько бутылочек любимого винца»²⁹.

Редактора и его семью готовы были «подкрепить» во всех отношениях. «В Англии, — уверял генерал, — тоже интересуются проектом Сибирской дороги, именно через Нижний, и не далее как вчера секретарь нашего посольства в Лондоне извещает меня об этом и в знак внимания прислал нам два огромных куска английского сыра — Stilton. Один из них моя хозяйка подносит Анне Ивановне (жене А.С. Суворина. — А.К.) за её сочувствие к *южному направлению*»³⁰. Часто хозяйки общались напрямую. Александра Викторовна по праздникам посылала «бутылочки» мадеры, «редкое вино» из Москвы, делилась «превосходной индейкой и уткой» из «нашего тульчинского имения» и т.п.³¹ В 1886 г. генерал настойчиво зазывал на свои обеды: «Мы продолжаем праздновать десятилетие “Нового времени” (оно отсчитывалось не от основания газеты, а от её покупки Сувориним. — А.К.), и потому жена и сестра усердствуют о заготовлении для Вас и других наших гостей обильного и вкусного угощения»³².

Однако вскоре разразилась катастрофа. Весной 1887 г. Богданович был уволен со службы по личному указанию Александра III, недовольного политической активностью генерала в Париже зимой 1886/87 гг. Богдановича встретили во Франции как «эmissара Каткова», представителя тех общественных кругов России, которые, вопреки официальной дипломатии, выступали за союз царя и республики. Ему приписывали воинственные брошюры, развивавшие авантюристические идеи экспедиции в Герат и т.п.³³ Узнав о реакции царя, многие отвернулись от отставного генерала. Даже Катков счёл необходимым от него дистанцироваться (хотя и считал его «совершенно не способным к чему-либо не согласному с долгом верноподданного»). «Ещё два слова о Богдановиче, — писал он незадолго до смерти К.П. Победоносцеву. — Я протестую против толков о какой-то моей солидарности и интимности с ним, но не потому чтобы считал его в политическом отношении неблагонамеренным. Но я и не имею с ним ничего общего ни в умственном, ни в нравственном складе. Мы люди совершенно разных миров. И сотрудником моим он никогда не был, и только из снисхождения к нему печатались его телеграммы о нём самом...

²⁸ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 26. 17 марта 1881 г., сообщив об упразднении Министерства почт и телеграфов, Богданович отметил: «Быть может, завтра получите ещё такую же крупную весточку, следовательно завтра мы ожидаем Вас обедать в 6 часов» (Там же, л. 25).

²⁹ Там же, л. 69.

³⁰ Там же, д. 416, л. 49.

³¹ Там же, оп. 2, д. 1152, л. 1—3.

³² Там же, оп. 1, д. 414, л. 28.

³³ К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. Т. 1. Полутом 2. М.; Пг., 1923. С. 712—714; *Де-Скroxовский К.О.* Наши железнодорожные и таможенные болячки, или Голос вопиющего в пустыне. Кронштадт, 1887. С. 42; *Манфред А.З.* Внешняя политика Франции 1871—1891 годов. М., 1952. С. 427—428.

Богданович повредил себе своими о себе рекламами. Ему придали серьёзное политическое значение, которого он ни в каком случае не имел и иметь не может»³⁴.

Недоброжелатели генерала тут же активизировались. Протеже враждебного ему государственного контролёра Т.И. Филиппова К.О. Де-Скroxовский не только открыто утверждал, что «планы Огрызки и других анархистов вводятся в жизнь казённой эксплуатацией железных дорог», но и обрушивался непосредственно на Богдановича: «Личность эта способна примениться ко всякому положению и принять на себя, за соответственное вознаграждение, всякую обязанность... Это весьма узкий и даже бездарный, но смелый и бесшабашный аферист, умевший до сих пор довольно ловко пользоваться ретроградными течениями нашей жизни для личных своих интересов». При этом ему ставилось в вину не только «благоговение к Каткову», но и умение «убедить нашу печать в необходимости поддерживать казённое железнодорожное хозяйство»³⁵.

Всё это не могло не сказаться и на отношениях Богдановичей с редактором «Нового времени». Добиваясь возвращения на службу, Евгений Васильевич всячески пытался публично оправдаться. В марте 1888 г. он лично привёз Суворину письмо с рассказом о своём свидании с генералом Ж.Э.Ж.М. Буланже. Однако Алексей Сергеевич после некоторых колебаний отказался его печатать. Хотя уже была подготовлена корректура. Он резонно указывал на то, что подобная публикация — «ответ скорее государю, чем публике», и может только помешать генералу вернуться в МВД. Однако Богдановичи подозревали, что он «боится также и за себя». Предательством казалось им и то, что тот, хотя и не прекратил общения, «но всё-таки бывал у нас реже»³⁶.

4 апреля 1888 г. гр. Д.А. Толстой убедил императора простить Богдановича и назначить его членом Совета министра внутренних дел с производством в тайные советники. Постепенно его общественное положение восстановилось. Вновь наладились и контакты с Сувориним. Но прежней доверительности уже не было. Александра Викторовна болезненно воспринимала заявления «Нового времени» о том, что «о политической роли Богдановича никто и никогда не слышал в России»³⁷. До конца года она вспоминала эту «глупую статью»³⁸. 4 ноября 1888 г. генеральша констатировала: «По-моему, Суворин ненадёжный друг. Слава Богу, Евг[ений] Вас[ильевич] это давно понял»³⁹. А четыре дня спустя супруги пришли к общему мнению: «Этого человека трудно узнать, чем больше с ним знаком, тем меньше его знаешь». Им даже казалось, что «не мешало бы Льву Толстому описать этот тип»⁴⁰. Правда, и раньше Алексей Сергеевич вызывал у них настороженность. «С Сувориним опасно говорить, — отмечала Александра Викторовна в марте 1880 г., — сейчас напишет в фельетоне»⁴¹. Но это было характерно для всех посещавших их салон журналистов. «То-то газеты — с ними надо знать, что можно говорить и когда помолчать —

³⁴ К.П. Победоносцев и его корреспонденты... С. 712—713.

³⁵ Де-Скroxовский К.О. Указ. соч. С. 59, 71—80.

³⁶ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 238, л. 81; д. 239, л. 12.

³⁷ Там же, д. 239, л. 38; Новое время. 1888. № 4368. 28 апреля.

³⁸ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 241, л. 43.

³⁹ Там же, л. 13—13 об.

⁴⁰ Там же, л. 17 об.

⁴¹ Там же, д. 235, л. 26 об.

это опасный народ, — рассуждала генеральша в дневнике в январе 1881 г. — Е[вгений] В[асильевич] к ним привык и я тоже»⁴².

Со своей стороны, Суворин в конце 1880-х гг. всячески демонстрировал внимание: цитировал Е.В. Богдановича в газете, излагал в ней его речи, усердно посещал обеды, делился размышлениями о переживаемой эпохе (которую считал «тяжёлой, но интересной»), впечатлениями от заграничного путешествия и чтения художественной литературы⁴³. Анна Ивановна, как могла, ему помогала. Часто посещая Богдановичей, она много рассказывала о муже, про его «ужасный характер», душевные переживания и проч.⁴⁴ Иногда она даже становилась посредницей при возвращении рукописей из редакции⁴⁵. Всё это вызывало нужную реакцию и своеобразное сочувствие (с элементами зависти). «Обедать приехала неожиданно Суворина, — записала Александра Викторовна в дневнике 10 мая 1889 г. — Говорила, что охотно поехала бы к нам в деревню. Жаловалась, что муж её всюду скупает, не сидится ему от этого нигде, нет, значит, полного счастья на земле. У Суворина всё есть: милая семья, деньги, возможность жить, где пожелает, делать, что хочет, выругать или похвалить в своей газете, кого вздумает, ввиду этой возможности за ним все ухаживают, значит, самолюбие удовлетворяется, и, несмотря на всё это, его сдает скука. Это ужасное чувство, из-за этого одного ему не позавидуешь»⁴⁶.

В результате к началу 1890-х гг. прежние отношения, пусть и без особого доверия, восстановились. Богдановичи ценили публицистический дар и «направление» Сувориной⁴⁷, дорожили его аудиторией. В марте 1890 г. Александра Викторовна иронизировала над кн. Мещерским, печатавшим заявления о том, что «его газету читают только серьёзные люди, а Нов[ое] вр[емя] все несерьёзные». Как отмечала генеральша, «мало же, значит, серьёзных людей в России, у “Гражд[анина]”, кажется, не больше 5 т[ысяч] подписчиков, а в “Нов[ом] вр[емени]” их больше 27 т[ысяч]»⁴⁸. Характеризуя Суворина, в октябре того же года Богданович признавала: «Видно, что ему легко живётся, всё у него есть, счастье улыбается, фортуна тоже, за ним ухаживают, так как у него единственная газета, кот[орая] хорошо платит, не жидовская, хотя определённого направления не имеет»⁴⁹. Подобная оценка не мешала генеральше уверять Алексея Сергеевича: «Мы Вас давно знаем и знаем Ваше направление. Не знай я этого, не с возмущением бы я читала клеветы, которые на Вас пишут “Гражданин” и “Моск[овские] вед[омости]”, а в Вашем письме говорится, что Вы считаете, что я будто одного мнения с ними о Вас»⁵⁰. Когда же в 1891 г. Суворин скептически отнёсся к брошюре генерала «К серебряной свадьбе царя и царицы» и отказался печатать его речь о том, что «у нас покойнее, чем на Западе», Александра Викторовна негодовала: «Всему этому Вы не сочувствуете, не напечатав речи убеждённого человека, понимающего, что всё это в настоящее время полезнее

⁴² Там же, д. 237, л. 12 об.

⁴³ Там же, д. 244, л. 31—31 об.; д. 246, л. 12, 62—65 об.; д. 247, л. 51; д. 249, л. 22 об.; РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 414, л. 10; Новое время. 1890. № 5032. 3 апреля.

⁴⁴ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 238, л. 14; д. 241, л. 87 об.

⁴⁵ РГАЛИ, ф. 459, оп. 2, д. 1152, л. 3.

⁴⁶ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 243, л. 52.

⁴⁷ Там же, д. 247, л. 4, 5 об.; РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 416, л. 4, 7, 11.

⁴⁸ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 246, л. 85 об.

⁴⁹ Там же, д. 248, л. 78 об.

⁵⁰ РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, д. 416, л. 7.

обнародовать, чем успехи актёров в провинциальных городах или реклама путешествующих министров»⁵¹.

Вместе с тем от Богдановича, как и раньше, приходили не только лубочные статьи и речи, но и любопытные известия. «Примите к сведению, — обращался он к Суворину, — записочку Ивана Николаевича (Дурново. — А.К.), которую посылаю *только Вам одному* на прочтение и с сим подателем прошу её возвратить. Сообщаю для того эти достоверные сведения, дабы другим Вы не доверяли; публика заметила, что в эти последние дни сведения, сообщаемые в “Новом времени”, лишены всякого основания, и действительно, *все назначения* у Вас напечатанные в эти дни, *не осуществляются*. Не сетуйте, дорогой Алексей Сергеевич, за мою откровенность, но я так воспитан, кого люблю, тому всё искренне высказываю. Не забудьте наше свидание *в субботу*»⁵². Так или иначе, редактору «Нового времени» приходилось терпеть «комическое лицо» Богдановича, с трудом скрывая растущее презрение и неприятие «этого господина, лицемерия которого конца края нет». В мае 1896 г. Суворин отмечал в дневнике: «Его свояченица говорит: Евгений Васильевич — народный человек. Вот некому изобразить этого удивительного плута и лицемера». Причём «иногда он удивительно жалок»⁵³.

В целом Суворина и Богдановичей связывала не симпатия, а взаимная выгода. С одной стороны наблюдалось стремление использовать авторитетную газету для популяризации и поддержки идей и проектов генерала, с другой — желание получить доступ к неофициальной информации и при помощи салона (аккумулирующего и распространяющего слухи и толки) доводить до сравнительно широкого круга влиятельных лиц соображения, печатать которые было рискованно. Так, уже в 1902 г. Суворин «очень старательно говорил у Богдановичей о неспособности Сипягина управлять Россией в такое тяжёлое время» и о том, что «одной полицией и “мероприятиями”, которые давно стали юмористическими, ровно ничего нельзя сделать»⁵⁴.

⁵¹ Там же, л. 5.

⁵² Там же, д. 414, л. 63.

⁵³ Дневник Алексея Сергеевича Суворина / Публ. О.Е. Макаровой, Д. Рейффилда, Н.А. Роскиной. Л.; М., 1999. С. 227.

⁵⁴ Там же. С. 432.

К истории становления научной ботанической школы Московского университета (1804—1863)

Кирилл Голиков

On the history of formation of the scientific Botanical school
of the Moscow University (1804—1863)

Kirill Golikov

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008279-7

В 2020 г. исполняется 265 лет со дня основания Московского университета, 215 — вхождения в его состав Ботанического сада (Сад) и 260 — со дня рождения его первого директора Георга-Франца (в России — Григория Фёдоровича) Гофмана (1760—1826). Он инициировал приобретение университетом Сада (1805) и стал основателем московской научной ботанической школы. Приехав в 1804 г. в Россию для работы в Московском университете, Гофман «положил начало постоянному систематическому ботаническому образованию в Москве, из которого выросла вся московская ботаника во всём её нынешнем многообразии»¹. Таким образом, история Ботанического сада — часть общей проблемы становления отечественных научных школ, в том числе Московского университета.

Задача статьи — проследить основные направления деятельности Ботанического сада Московского университета в 1804—1863 гг., поскольку именно в этот период развитие Сада было тесно связано со становлением кафедры ботаники — от её учреждения в 1804 г. до разделения на две кафедры в 1863 г.² Таким образом, это позволяет выявить основные этапы становления научной ботанической школы Московского университета; проследить особенности этих этапов, выявить вклад данной научной школы в развитие исследовательского направления.

Становление и институционализация ботаники как науки в России относятся к первым десятилетиям XVIII в. и связаны с открытием Академии наук в Петербурге (1725), имевшим важное цивилизационное и политическое значение — утверждение выхода России на уровень развитых европейских стран. Отечественная Академия хотя и ориентировалась на западноевропейские образцы, не копировала их, поскольку изначально создавалась как научно-исследовательская организация с государственным финансированием, тогда как

© 2020 г. К.А. Голиков

¹ Тимонин А.К., Новиков В.С. Предисловие // XII Московское совещание по филогении растений, посвящённое 250-летию со дня рождения Георга-Франца Гофмана. Материалы (Москва, 2—7 февраля 2010 г.). М., 2010. С. 15.

² Ботанический сад Биологического факультета Московского университета. 1706—2011: первое научное ботаническое учреждение России 305 лет. М., 2012. С. 7—22.

многие западноевропейские общественные или частные Академии существовали на пожертвования и занимались преимущественно подведением результатов научных исследований, выполненных в университетах³.

Развитие отечественной ботанической науки от её возникновения в начале XVIII в. до 1860-х гг. — особый завершённый период⁴. Экономическое развитие страны диктовало необходимость изучения её ресурсов, в том числе растительных, что было связано в первую очередь с потребностями медицины. С целью выращивания лекарственных растений в XVIII в. создавались «аптекарские огороды»: в Москве (1706), Петербурге (1714), Астрахани (1720), Тобольске (1763), аптекарский сад в Лубнах (1707). В 1735 г. в Петербурге был основан Ботанический сад при Академии наук, просуществовавший до 1812 г. Его директором-организатором стал швейцарский ботаник и врач И. Амман (член Лондонского Королевского общества, с 1733 г. — профессор ботаники и натуральной истории Петербургской академии наук).

Развитие естествознания от эпохи Возрождения до середины XIX в., по классификации Ф. Энгельса — метафизический этап, для которого характерно представление о неизменяемости природы⁵. Его рубежной вехой в биологии стал выход в свет основополагающего труда Ч. Дарвина⁶, сформулировавшего теорию биологической эволюции. Важной предпосылкой её создания была клеточная теория, предложенная в 1838—1839 гг. немецкими биологами — физиологом Т. Шванном и ботаником М. Шлейденем.

До конца XVIII в. ботанике как составной части естествознания свойственны накопление эмпирического материала и, следовательно, флористические исследования; закономерно преобладание в этот период описательного метода. В результате экспедиций в разные регионы России, активными участниками которых являлись не столько профессиональные ботаники, сколько натуралисты широкого профиля, создавалась научная ботаническая база (сбор, описание и определение растений, комплектование гербариев).

В первой половине XIX в. акцент в исследованиях переносится на систематизацию накопленных фактов. «Если до конца прошлого столетия, — отмечал Энгельс, — естествознание было преимущественно собирающей наукой о законченных предметах, то в нашем веке оно стало в сущности упорядочивающей наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих предметов и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое»⁷. Соответственно, ведущими направлениями в биологии стали систематика и морфология. При этом на основе новых методов (экспериментального, сравнительного, онтогенетического) возникли сравнительная и микроскопическая анатомия, физиология, эмбриология, биогеография и палеонтология.

В Московском университете в первой половине XIX в. в различных областях естествознания уже проводились крупные самостоятельные исследования.

³ Алексеева Е.В. Европейский вклад в становление и развитие российской науки (XVIII—XIX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 3. С. 127—136.

⁴ Шербакова А.А. История ботаники в России до 60-х гг. XIX в. (додарвиновский период). Новосибирск, 1979.

⁵ Кедров Б.М. Энгельс и естествознание. М., 1947.

⁶ Darwin C. On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life. L., 1859; см. также: Дарвин Ч. Происхождения видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб., 1991.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 21. М., 1961. С. 303.

Так, М.Ф. Спасский основал российскую школу климатологии, К.Ф. Рулье — единственную в мире додарвиновскую школу биологов-эволюционистов. Были опубликованы первые оригинальные отечественные университетские учебники (Н.Е. Зернова и Н.Д. Брашмана — по дифференциальному исчислению, статике и гидростатике; Д.М. Перевощикова — по астрономии; А.М. Филомафитского — по физиологии)⁸. Среди формировавшихся научных школ важное место заняла и ботаническая.

В последнее время отмечается тенденция к интеграции научного знания⁹, и Ботанический сад Московского университета вписывается в современный тренд. Сегодня это учебная и научно-исследовательская база биологического факультета МГУ, расположенная на двух территориях: на Воробьёвых горах (площадью более 30 га) и в филиале «Аптекарский огород» на Проспекте Мира (более 6 га) — исторической части Сада. Решением Исполкома Моссовета № 20/8 от 31 мая 1973 г.¹⁰ филиалу Ботанического сада МГУ был присвоен статус «Памятник истории и культуры г. Москвы»¹¹.

В процессе развития ботанических садов как социокультурного явления не только менялись их функциональное назначение, архитектурно-планировочная структура, экспозиционные принципы, но и диверсифицировались направления научных исследований, образовательной и культурно-просветительской работы. Проведённый рядом авторов¹² анализ более ста ботанических садов разных стран показал трансформацию их социальных функций за последние три века (1700—2009): от монастырских и «аптекарских» огородов до современных университетских и академических объектов и публичных мультидисциплинарных комплексов.

Ботанические сады старых университетских центров Европы имеют в основном учебно-вспомогательное значение. При этом своеобразие каждого из них обусловлено формированием и деятельностью в конкретных историко-культурных и природно-географических условиях. В то же время университетским ботаническим садам как комплексным объектам с культурно-просветительской, научно-исследовательской и учебно-образовательной функциями присущи общие закономерности, что позволяет рассматривать их по совокупности аспектов: ботанического, географического, исторического, культурологического, философского и личностного.

Облик университетских ботанических садов определяют: основные направления научной, учебной и культурно-просветительской деятельности (интродукционных исследований, природоохранной и селекционной работы); принципы формирования, объём и структура (таксономическая, биоморфологическая, ботанико-географическая) коллекционного фонда; ландшафтно-плани-

⁸ История Московского университета. Т. I / Отв. ред. М.Н. Тихомиров. М., 1955. С. 129—184.

⁹ Андреев А.Л., Бутырин П.А. Технонаука как инновационный социальный проект // Вестник Российской Академии наук. Т. 81. 2011. № 3. С. 197—203.

¹⁰ Все даты до февраля 1917 г. даны по старому стилю.

¹¹ Ботанический сад Московского университета. 1706—2006: первое научное ботаническое учреждение России / Под ред. В.С. Новикова, М.Г. Пименова, К.В. Киселёвой, В.Е. Гохмана, А.Ю. Паршина. М., 2006. С. 23.

¹² Кузеванов В.Я., Сизых С.В., Губий Е.В. Ботанические сады как экологические ресурсы в глобальной системе социальных координат // Экономические и экологические проблемы в меняющемся мире. СПб., 2010. С. 158—167.

ровочное решение территории и принципы организации экспозиций; наконец, замысел их создателей.

Более чем трёхвековая история Ботанического сада Московского университета неразрывно связана с историей страны. Сад возник на базе «Московского аптекарского огорода», заложенного в 1706 г. в контексте проводимой Петром I политики модернизации¹³, как вспомогательное медицинское учреждение Главной городской аптеки. Впоследствии он стал ботаническим садом Медико-хирургического училища (с 1798 г. — Медико-хирургической академии). «Московский университетский Ботанический сад, — писал в 1839 г. А.Г. Фишер фон Вальдгейм, возглавлявший его в 1834—1865 гг., — впервые рассажен был в царствование императора Петра I с целью воспитания лекарственных растений и принадлежал тогда медицинской коллегии, во владении которой, при всех последующих её преобразованиях, оставался до приобретения оною для Московского университета»¹⁴ в 1805 г.

Место кафедры ботаники в структуре университета неоднократно менялось. В 1804 г. её создание на отделении (факультете) физических и математических наук стало важной вехой в истории отечественного ботанического образования¹⁵. Впоследствии она вошла в состав второго (физико-математического) отделения философского факультета (1835—1850), а затем — физико-математического факультета (1850—1863). В 1863 г. на нём было создано отделение естественных наук с двумя ботаническими кафедрами: морфологии и систематики растений; анатомии и физиологии растений.

Специализация обучения стала закономерным следствием растущей дифференциации научных знаний, что нашло отражение и в университетских уставах. Именно этими законодательными актами регламентировалась деятельность университетов в Российской империи, определялись их статус и организация. Первые университеты основывались в России в интересах государства и по его инициативе, следуя всем течениям и веяниям в направлении внутренней политики Русского государства¹⁶.

Во многих общественно-педагогических начинаниях России в XVIII в. нашли отражение рекомендации Г.В. Лейбница — немецкого философа, логика и математика, основателя и первого президента Берлинской Академии наук, предлагавшего организовать в России университеты по образцу западноевропейских¹⁷. Он подчёркивал важность создания наряду с библиотеками, музеями по естественной истории и по искусствам, обсерваторий и лабораторий, также зоологических и ботанических садов, причём «необходимо так устроить их,

¹³ См.: *Голиков К.А.* Социокультурный аспект модернизации России в XVIII—XXI вв.: от аптекарского огорода до Ботанического сада Московского университета // *Вопросы истории.* 2019. № 12 (1). С. 180—194.

¹⁴ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 10.

¹⁵ *Калиниченко И.М.* Роль Московского университета в развитии и совершенствовании высшего ботанического образования в России // *Вестник Московского университета. Сер. 16. Биология.* 2005. № 2. С. 54—59.

¹⁶ *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804—1904. Т. 1. Ч. 1. Казань, 1902. С. XIV—XV.

¹⁷ *Смагина Г.И.* Немецкие образовательные идеи и российская школа XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи / Отв. сост. А.В. Доронин. М., 2008. С. 205—220.

чтобы они служили не только предметом общего любопытства, но и средствами для усовершенствования художеств и наук»¹⁸.

Согласно «Проекту о учреждении Московского университета», подготовленному М.В. Ломоносовым, гр. И.И. Шуваловым и утверждённому императрицей Елизаветой Петровной 12 января 1755 г., университет состоял из трёх факультетов: философского, юридического и медицинского. В штате последнего, наряду с профессорами анатомии и химии, состоял доктор и профессор натуральной истории, который должен был на лекциях «показывать разные роды минералов, трав и животных»¹⁹.

В контексте административной реформы манифестом Александра I «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, к ведению которого относились в том числе: собрания редкостей, натуральные кабинеты (кабинеты натуральной истории), музеи и школы всех типов. В ходе реформы образования указом Александра I от 24 января 1803 г. «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых губерний» создавались первые шесть: Московский, Санкт-Петербургский, Виленский, Дерптский, Харьковский и Казанский²⁰. Согласно утверждённому тогда же «Предварительным правилам народного просвещения», учебные округа составлялись из «нескольких соседственных губерний, сходствующих между собою в местных обстоятельствах»²¹.

Органом территориального управления системой образования в каждом округе стал императорский университет. 12 декабря 1802 г. Александр I утвердил «Акт постановления для Императорского университета в Дерпте», 4 апреля 1803 г. — «Акт утверждения для Императорского университета в Вильне», а 5 ноября 1804 г. — Устав Московского университета²² — первый полноценный Университетский устав, ставший типовым для российских университетов²³. Одновременно были утверждены уставы создававшихся Казанского и Харьковского университетов, а 4 января 1824 г. был введён в действие «изменённый по обстоятельствам» Устав Московского университета для Санкт-Петербургского университета.

В университетах учреждались четыре отделения: нравственных и политических наук; словесных наук; физических и математических наук; врачебных или медицинских наук (уставы Дерптского и Виленского университетов, а позднее и Университета Св. Владимира в Киеве имели ряд особенностей). Среди 28 кафедр Московского университета, каждую из которых занимал учёный в должности ординарного профессора, на отделении физических и математических наук впервые была учреждена кафедра ботаники.

¹⁸ Проект Черновой записки, составленной Лейбницем о введении образования в России // Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., 1873. С. 95—99 (на нем. языке). Русский перевод см.: *Герье В.И.* Лейбниц и его век. СПб., 2008. С. 648—650.

¹⁹ Проект об учреждении Московского университета (12 января 1755). Отдел редких книг и рукописей НБ МГУ; Летопись Московского университета (URL: <http://letopis.msu.ru/documents/270>) (дата обращения: 29.11.2018).

²⁰ ПСЗ-I. Т. 27. № 20598. С. 442.

²¹ Предварительные правила народного просвещения // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. Стб. 15.

²² ПСЗ-I. Т. 28. № 21498. С. 570—589.

²³ *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. Кн. 1—2. М., 1998.

В последующем в XIX в. трижды утверждался «Общий устав императорских российских университетов», определявший их учебно-организационную структуру и принципы управления. Согласно первому, подписанному Николаем I 26 июля 1835 г.²⁴, Санкт-Петербургский, Московский, Харьковский и Казанский университеты имели в составе три факультета: юридический, медицинский и философский. Последний состоял из двух отделений — словесного и физико-математического, которые позднее (1850) были преобразованы в историко-филологический и физико-математический факультеты²⁵.

По Уставу 1835 г. Ботанический сад и Ботанический кабинет относились к «учебным и вспомогательным пособиям и заведениям» Московского университета наряду с библиотекой, астрономической обсерваторией, химической и фармацевтической лабораторией, физическим, минералогическим, зоологическим, технологическим кабинетами, собраниями: машин и моделей для прикладной математики, архитектурных моделей, собранием для рисовальной школы, музеем изящных искусств и древностей, анатомическим и зоотомическим театрами и собраниями препаратов, фармакологическим собранием, собраниями хирургических и акушерских инструментов, медицинским и хирургическим клиническими институтами, повивальным институтом, практическим ветеринарным заведением и манежем.

Последующими общими уставами — 1863 г. и 1884 г. — закреплялось деление университетов на четыре факультета (хотя из этого правила имелись исключения: например, в Санкт-Петербургском университете в 1854 г. также был учреждён факультет восточных языков). В ходе реформ Александра II 18 июня 1863 г. было реорганизовано Министерство народного просвещения, и утверждён второй общий университетский устав²⁶ (для Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского университетов и Университета Св. Владимира в Киеве). Согласно новому уставу факультеты «по усмотрению университетского Совета и с утверждения министра народного просвещения могут быть разделяемы на отделения».

Так, по Уставу 1863 г. на физико-математическом факультете Московского университета были созданы отделения математических и естественных наук. В состав последнего вошли и две кафедры ботаники. Ботанический сад с оранжереями и теплицами, как и Ботанический кабинет с рабочими комнатами для практических занятий студентов, по-прежнему относились к учебно-вспомогательным учреждениям университета.

Третий общий университетский устав, утверждённый Александром III 23 августа 1884 г., касался Санкт-Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского, Новороссийского в Одессе университетов и Университета Св. Владимира. Ботанический сад Московского университета по Уставу 1884 г., как и многие другие «учебно-вспомогательные установления и коллекции», поручался «заведованию тех профессоров, к предметам преподавания которых они относятся»²⁷.

²⁴ ПСЗ-II. Т. 10. Отд. 1. СПб., 1836. № 8337. С. 841—855; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. С. 742—769.

²⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. II. СПб., 1876. С. 1133—1134.

²⁶ ПСЗ-II. Т. 38. Отд. 1. СПб., 1866. № 39752. С. 621—637.

²⁷ ПСЗ-III. Т. 4. СПб., 1887. № 2404. С. 456—474.

Как правило, университетский Ботанический сад возглавлял ординарный профессор (заведующий) кафедры ботаники. В рассматриваемый период директорами Сада были: Г.-Ф. Гофман (1805—1826), М.А. Максимович (1826—1834), А.Г. Фишер фон Вальдгейм (1834—1865)²⁸. Облик Сада и направление его научных исследований во многом определил Гофман — известный ботаник, систематик растений, доктор медицины, профессор Эрлангенского (1787—1792) и Гёттингенского университетов Германии, где он более десяти лет (1792—1803) возглавлял кафедру ботаники и Ботанический сад²⁹.

В биографии Гофмана (как и других людей, живших в двух языковых и национальных средах) инокультурный период, как правило, изучен слабо: в Германии мало известно о его жизни в России, и наоборот³⁰. Характерно, что библиографические списки, помещённые в наиболее авторитетной русскоязычной биографии Гофмана³¹ и в современном немецкоязычном биографическом очерке³², не пересекаются.

Поскольку Московский университет был организован по образцу западноевропейского (преимущественно — германского), в 1804 г. по приглашению тогдашнего попечителя М.Н. Муравьёва (1803—1807) приехали и другие немецкие учёные³³. Существенное влияние на выбор персоналий оказал профессор философии Гёттингенского университета К. Майнерс (Ch. Meiners)³⁴. Благодаря его связям с Гёттингенским университетом в 1802—1812 гг. там учились около двух десятков студентов Московского университета и Санкт-Петербургского педагогического института (среди них — будущие учителя А.С. Пушкина в Царскосельском лицее А.П. Куницын, Я.И. Карцов и И.К. Кайданов); а среди профессоров Московского университета «призыва 1804 г.» около половины составляли иностранные.

Вместе с Гофманом из Гёттингена в Московский университет (на отделение словесных наук) приехали Г.М.Г. Грелльман, занявший кафедру всеобщей истории, географии и статистики, и И.Т. Буле, ставший ординарным профессором кафедры теории изящных искусств и археологии (впоследствии декан отделения словесных наук). На отделении физических и математических наук кафедру наблюдательной астрономии возглавил приглашённый из Лейпцига Фридрих Гольдбах, сын которого — ботаник Лев Фёдорович Гольдбах (1793—1824), ученик Гофмана — за столь непродолжительную жизнь успел собрать

²⁸ Тимонин А.К. Два века кафедры высших растений Московского университета // Бюллетень МОИП. Отдел биологический. Т. 109. 2004. Вып. 6. С. 6—17.

²⁹ Липищ С.Ю. Профессор ботаники Московского университета, один из основателей Московского общества испытателей природы Георг Франц Гофман (1760—1826) и его ученик Л.Ф. Гольдбах (1793—1824). М., 1940.

³⁰ Леонов М.В. О малоизвестных источниках к биографии Георга-Франца Гофмана (к созданию библиографической базы данных) // XII Московское совещание по филогении растений... С. 21—24.

³¹ Липищ С.Ю. Профессор ботаники...

³² Wagenitz G. Göttinger Biologen 1737—1945: eine biographisch-bibliographische Liste. Göttingen, 1988.

³³ См.: Кунц Е.В. Иностранные профессора в штате Московского университета в первой трети XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009.

³⁴ Stieda W. Deutsche Gelehrte als Professoren an der Universität Moskau // Abhandlungen der philosophisch-historischen Klasse der sächsischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 40. Leipzig, 1930. Н. 5.

обширную коллекцию растений (около 10 тыс. гербарных листов), которую оставил в дар университету.

«Демидовскую» кафедру натуральной истории (учреждённую на пожертвования Павла Григорьевича Демидова, который сам слушал лекции в Гёттингенском университете, затем в академии во Фрейберге, где учился и М.В. Ломоносов) занял приглашённый из Майнца Готтгельф (Григорий Иванович) Фишер фон Вальдгейм (1771—1853), впоследствии декан отделения физических и математических наук (1828—1830). Он стал директором-основателем Музея натуральной истории Московского университета (1804—1832) и Московского общества испытателей природы (1805—1832)³⁵.

Устав этого старейшего российского научного объединения, целью которого заявлялось «изучение природных богатств и содействие успехам естественных наук в России», был утверждён 27 июля 1805 г. Печатным органом МОИП стали «Записки Московского Общества испытателей природы» (публиковались в 1806—1809 гг. на французском языке), а с 1829 г. — «Бюллетень МОИП», издававшийся вначале на французском, а затем и на русском языках; он выходит до сих пор. Подпись Гофмана, который активно участвовал в деятельности организации, стоит под её уставом вслед за подписью Г. Фишера фон Вальдгейма. Впоследствии Общество возглавил его сын Александр Григорьевич Фишер фон Вальдгейм (1804—1884), избранный президентом МОИП в 1872 г., ученик и зять Гофмана.

Именно по предложению последнего университет в 1805 г. приобрёл Московский аптекарский огород. В трёх письмах, адресованных профессору Майнерсу в Гёттинген, Гофман не только изложил свои впечатления о состоянии ботанической науки в России, но и поделился соображениями относительно организации в Москве Ботанического сада³⁶.

В докладе министра народного просвещения гр. Петра Васильевича Завадовского «О заведении Ботанического сада при Московском университете», который 1 апреля 1805 г. представили Александру I, отмечалось: «Московский университет, имея необходимую надобность в устройении для себя Ботанического сада, нашёл к сему удобным таковой сад прежде бывшей в Москве хирургической Академии, который со всеми его строениями оценён в 11 000 рублей». Но поскольку университет, «имея кроме сего много других потребностей, не может уплатить означенные деньги из ежегодной суммы, по штату ему отпускаемой», министр испрашивал высочайшего повеления об уплате «упомянутых денег из капитала, на учебную часть определённого»³⁷. Одобрение царя было получено.

С 1805 г. по 1826 г. Гофман одновременно руководил кафедрой ботаники и новым университетским садом³⁸. Его «стартовые условия» были весьма скром-

³⁵ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. I. СПб., 1898. С. 59—62; Бюллетень МОИП. Т. 58 (2). 1953. С. 95; Почётные члены Московского университета и научных обществ при нём. 1804—2004. Биографический словарь. М., 2005. С. 611.

³⁶ *Stieda W.* Op. cit.

³⁷ ПСЗ-I. Т. 28. № 21696. С. 934; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Изд. 2. Т. I. СПб., 1875. С. 409; *Шевырёв С.П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755—1855. М., 1855. С. 367—368.

³⁸ Университет уже имел ботанический сад (располагался на Моховой улице и входил с 1785 г. в состав философского факультета), ядром которого были дом, сад и оранжереи кн. А.И. Барятинского. Их приобрела и подарила университету Екатерина II. Однако сад погиб в 1812 г.

ными: «ветхое жилое строение и малая, почти разрушившаяся оранжерея на 8 сажен длины, при весьма незначительном числе аптечных только растений»³⁹. Однако новый директор энергично взялся за дело. При устройстве Сада Гофман использовал новейший европейский опыт организации ботанико-медицинских коллекций.

Два года спустя он подвёл первые итоги своей деятельности: «Я по прибытии моём, когда он [сад] был мне поручен, хотя многие нашёл в нём аптекарские растения, но очень мало нужнейшего для ботаники. Тотчас определено было снять план с онаго сада и его обстроить, и я для пользы любителей ботаники, для которых нужно довольно количество иностранных и всякого рода растений, начал при приближении весны обрабатывать его так, как за несколько... пред тем времени поступил я в Гёттингене»⁴⁰. Эти обстоятельства известны из доклада Гофмана, хранящегося в архиве университета Гёттингена, в вышестоящую инстанцию правительства Ганновера, в котором он, сразу после вступления в должность директора тамошнего университетского ботанического сада, описывает его состояние и формулирует программу первоочередных мер⁴¹. Опираясь на свой гёттингенский опыт, Гофман стал действовать и в Москве.

Территория Сада «по правилам искусства 1806 г.» была разделена прямыми аллеями на участки для культивирования не только лекарственных, но также годичных (т.е. летних) и многолетних растений, представителей как местной, так и иноземной флоры, в том числе альпийской. Коллекция Сада по тем временам была весьма значительной — в её каталоге, изданном Гофманом в начале XIX в., перечислено 3 528 видов растений (из них менее ста собственно лекарственных)⁴². В речи «О ботанических врачебных садах», произнесённой 2 июля 1807 г. при торжественном собрании в Московском университете, Гофман отметил: «Стараясь скорее привести в совершенство наш сад, мы по примеру лучших ботаников, не одним, но многими и различными его желали орошать источниками». При этом директор особо выделил роль отечественных благотворителей — владельцев частных садов П.А. Демидова и гр. А.К. Разумовского — попечителя Московского университета (1807—1810), президента МОИП (1806—1817), министра народного просвещения (1810—1816).

Сад Демидова, основанный в 1756 г. на Воробьёвых горах, поблизости от Донского монастыря, во второй половине XVIII в. являлся крупнейшей частной ботанической коллекцией в России⁴³. В каталоге, составленном самим владельцем в 1786 г., значились 4 363 вида растений, в том числе теплолюбивых;

во время пожара в Москве (*Петров В.А.* Первые этапы развития ботаники в Московском университете // Учёные записки МГУ. Юбилейная серия. Вып. LIII. Биология. М., 1940. С. 261—262; Московские ведомости. 1785. 11 октября; *Любавский М.К.* Московский университет в 1812 г. // Академик М.К. Любавский и Московский университет. М., 2005. С. 12).

³⁹ ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 10 об.

⁴⁰ *Гофман Г.-Ф.* Речь о ботанических врачебных садах, при торжественном собрании в Императорском Московском университете июля 2 дня 1807 г., говоренная Георгом Францем Гофманом / Пер. Д. Левитским. М., 1807. С. 23.

⁴¹ *Леонов М.В.* О малоизвестных источниках... С. 22.

⁴² *Hoffmann G.F.* Hortus Mosquensis. Enumeratio plantarum et index seminum Horti botanici Mosquensis. М., 1808.

⁴³ См. подробнее: *Паллас П.С.* Каталог растениям, находящимся в Москве в саду его превосходительства действительного статского советника и императорского воспитательного дома знаменитого благодетеля Прокопия Акинфиевича Демидова. Petropoli, 1781.

для их содержания на правом берегу Москвы-реки построили десять оранжерей. Однако после смерти Демидова в 1786 г. сад пришёл в упадок, но часть тепличных растений поступила в коллекцию Московского аптекарского огорода.

Схожая судьба постигла и подмосковный сад Разумовского в Горенках, созданный в 1798 г. и просуществовавший около четверти века⁴⁴. После смерти Разумовского в 1822 г. его наследники ликвидировали коллекцию, которая к началу 1820-х гг. насчитывала до 9 тыс. видов растений⁴⁵, а общая длина оранжерей составляла около 1,5 км⁴⁶. Сад Разумовского в Горенках явился прототипом Санкт-Петербургского ботанического сада и первым в России, имевшим научное значение: на базе его оранжерейных фондов было написано несколько монографий о представителях тропической флоры⁴⁷. В 1809 г. здесь, впервые в Европе, зацвела ваниль, а специальное хранилище семян включало поступления из Юго-Восточной Азии и Южной Америки.

В том же году в усадьбе было организовано «Фитографическое общество в Горенках» — первое в России научное объединение ботаников, в которое приглашались «все прилежные исследователи сей занимательной науки» с целью «расширить полезный круг их действия... и распространить... теснейшие связи с ботаниками всех стран света». Тогда же была издана программа общества⁴⁸. За время недолгого существования общество внесло особый вклад в изучение флоры Московского региона. В 1811 г. его объединили с МОИП, президентом которого в 1806—1817 гг. являлся владелец усадьбы.

Гофман с уважением отметил, что Разумовский «снабдил наш сад семенами редчайших, как здешних, так и иностранных растений, коими украшается его дом и сад Горенки», который «пред всеми европейскими частными садами заслуживает преимущество и даже в иностранных землях очень известен». В результате, подчёркивал Гофман, университетский сад «даже превосходит славный Лейденский сад... и Гёттингенский»⁴⁹.

На базе солидных коллекций Сада Гофман как профессор Московского университета в дополнение к теоретическим лекциям по ботанике и «врачебному вещевословию» (фармакологии) проводил для студентов специализированные экскурсии. Например, в аннотации к расписанию занятий на 1823/24 учебный год указывалось, что Гофман «будет читать “Ботанику”... а летом в те же дни от 6 до 9 часов утра в ботаническом саду будет показывать лекарственные и хозяйственные растения»⁵⁰. Гофман был замечательным лектором: в Гёттингенском университете его лекции слушали И.-В. Гёте и А. фон Гумбольдт.

⁴⁴ Головкин Б.Н., Кузьмин З.Е. Интродукция растений в датах, событиях и лицах (Очерки по истории интродукции растений). М., 2005. С. 53—54.

⁴⁵ Палибин Е. Императорский ботанический сад в Петербурге и его прошлое. СПб., 1898.

⁴⁶ См. подробнее: Описание ботанического сада е.с. графа А.К. Разумовского в Горенках близ Москвы // Журнал садоводства. 1859. Т. 8.

⁴⁷ См., например: Липский В.И. Императорский Санкт-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713—1913). Ч. 1. СПб., 1913.

⁴⁸ Это была брошюра на французском языке; русский перевод за подписью Гофмана под названием «Объявление “Фитографического общества, учреждённого в Горенках”», а также «Постановление “Фитографического общества, учреждённого в Горенках”» на следующий год были опубликованы в журнале «Вестник Европы» (Programme de la Société Phytographique de Gorenki. Moscou, 1809; Липский В.И. Императорский Санкт-Петербургский ботанический сад... С. 299—305; Вестник Европы. 1810. № 10. С. 154—158).

⁴⁹ Гофман Г.-Ф. О ботанических врачебных садах... С. 25—26.

⁵⁰ Калиниченко И.М. Некоторые сведения о преподавании Г.-Ф. Гофманом ботаники в Московском университете // XII Московское совещание по филогении растений... С. 38—40.

Гофман проявил себя и как прекрасный организатор. О его первоочередных шагах в этом качестве в период до Отечественной войны 1812 г. можно узнать (помимо речи 1807 г. «О ботанических врачебных садах...») из его работы «Der botanische Garten zu Moskwa» (1811), изданной на электронном диске в библиотеке университета Георга-Августа⁵¹. При пожаре Москвы 1812 г. пострадал и Сад — погибли библиотека и архив Гофмана, были уничтожены оранжереи: «В бедственный сей для России год неприятелем истреблены были или частью и от лишения их попечения погибли все растения за исключением деревьев и строения много потерпев»⁵². По окончании Отечественной войны в университете значительно уменьшилось число иностранных профессоров, однако Гофман, эвакуировавшийся в Казань вместе с другими преподавателями, в 1814 г. вернулся в Москву.

Для восполнения утрат, обращаясь с прошением о ссуде «на покупку разной мелочи», Гофман докладывал, что «ни одна софа, ни одни стул, скамья, ни один инструмент не оставлены при разорении неприятелем»⁵³. О плачевном состоянии Сада после Наполеоновского нашествия Гофман сообщил в рапорте, представленном в канцелярию Московского учебного округа: «Одна часть заборов со стороны приходов Андрияна и Наталии во время бывшего при неприятеле всеобщего в Москве пожара вся сгорела; другая же часть — от колокольного завода тогда же неизвестно как растаскана; остальная же часть — с поля местами уцелела, как от пожара так и расхищения. Число уцелевших звеньев или прясел простирается до 85, в коих до 700 досок; да столбов заборных около 200, означенное количество материала готового может быть достаточно для обнесения заборами университетского двора с Моховой и Никитской улиц»⁵⁴.

В 1820 г. для исправления мостовых, тротуаров и заборов около Сада правление университета предписало осмотреть неисправности, после чего в рапорте попечителю Московского учебного округа кн. А.П. Оболенскому подробно информировало о мерах по благоустройству территории: «1. Для столбов вырыть ямы, в них ставить обожжённые столбы, расстоянием одни от другого не длиннее 6 аршин, а между оных столбов снизу положить по 2 бревна, в них врубить стойки. 2. Сварить цоколя, между столбов врубить для решёток брусья снизу по одному, а сверху по 2, и в них забирать выструганные из брусьев решётки. 3. Все оные столбы обшить со всех сторон выстроенным тёсом по выданной из комиссии фасаде»⁵⁵.

Для восстановления разрушенного хозяйства некоторая часть Сада, лежавшая пустопорожнею, была отдана внаём торговому садовнику. Впоследствии пришлось продать часть территории — «от 30 до 40 сажень по всему протяжению сада» (участки, выходившие на нынешние Мещанскую улицу, на Безбожный и Ботанический переулки), отчего площадь его, до того составлявшая «1 136 000 футов или 7 десятин и 795 сажень», «уменьшилась едва ли не вполовину»⁵⁶.

Однако уже в описании 1826 г. указывалось, что Сад «составляет важное пособие как для бот[аничес]ких лекций при Университете, так и вообще для любит[елей] ботаники; а густые его аллеи и цветники служат приятным местом

⁵¹ См.: *Леонов М.В.* О малоизвестных источниках... С. 22.

⁵² ЦГА Москвы, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 11.

⁵³ Там же, ф. 459, оп. 1, т. 1, д. 237, л. 1.

⁵⁴ Там же, д. 76, л. 5.

⁵⁵ Там же, д. 1412 (1820), л. 4—15.

⁵⁶ Там же, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 11 об.

для прогулки москов[ской] публики»⁵⁷. К 1853 г. Сад реконструировали, причём часть, предназначенная для посетителей, была «отделана... в английском вкусе», тогда как другая, отведённая «исключительно для науки, т.е. ботанич[еских] растений», имела регулярную планировку и подразделялась на три квадратных участка: для «однолетних цветковых растений», «долголетних», а также для деревьев и кустарников⁵⁸.

В течение XIX в. коллекции и гербарий Сада разрастались за счёт новых приобретений, в том числе купленных «при распродаже по смерти графа А.К. Разумовского растений из уничтоженного горенского сада за 1 000 р[уб]. заимообразно из экономических сумм университета, по распоряжению начальства отпущенных и впоследствии уплаченных из вырученных за продажу дерев из питомника». Коллекции растений пополнялись разными способами, в том числе — и за счёт поступлений из-за границы. Как указывал А.Г. Фишер фон Вальдгейм, «сначала сад получал приращения из садов: горенского, гёттингенского, берлинского, от г.г. Адалиса, Стевена; ныне преимущественно из... гамбургского, дрезденского, венского и женеvского»⁵⁹.

Важный источник пополнения фондов — дубликаты и излишки, которые стали поступать из Санкт-Петербурга⁶⁰. Расширение тамошних оранжерейных коллекций происходило не только благодаря обмену с другими садами, но и в результате собственных экспедиций в тропические страны. В первой половине 1830-х гг. в Рио-де-Жанейро действовал филиал Санкт-Петербургского ботанического сада, который заготавливал и отправлял в Россию не только семена, но и живые растения⁶¹.

В 1824 г. директор Санкт-Петербургского ботанического сада профессор Ф.Б. Фишер (до 1822 г. руководивший садом Разумовского в Горенках) отправился в Англию для покупки там «ботанических живых хороших и редких растений». 50 тыс. руб. ассигнациями, выделенные для этих целей, следовало использовать «на покупку растений в садах Германии до 10 тысяч, в Париже до 15 тысяч и в Лондоне до 25 тысяч, включая тут издержки за доставку растений к портам, из коих они отправятся в Россию, и укладку их»⁶². Миссия в Пекине в 1830 г. получила инструкцию: «все сухие растения, которые будут доставляемы сюда из Китая, а равно и собираемые по распоряжению правительства в других отдаленных странах, присылать в Ботанический сад» в Санкт-Петербурге, «который двойные растения будет доставлять в прочие учебные заведения»⁶³. Часть растений отправлялась и в Сад Московского университета.

Если в 1826 г. в нём насчитывалось 2 500 растений, из которых самые редкие были приобретены в Горенском саду, то в 1854 г. — уже «7 275 видов и разновидностей со многими дубликатами». Динамика поступлений была такова: «В 1827/8 г. от г. Фишера из С[анкт-]Петербургского Ботанического сада по-

⁵⁷ Указатель Московского Императорского университета. Краткое описание кабинетов и других заведений, находящихся при университете, с показанием всего достопримечательного в оных. М., 1826.

⁵⁸ ЦГА Москвы, ф. 459, оп. 2, т. 1, д. 1859 (1853).

⁵⁹ Там же, ф. 418, оп. 8, д. 4, л. 11 об.

⁶⁰ См.: Голиков К.А. Первый Ботанический сад // Родина. 2006. № 5. С. 84—86.

⁶¹ Соколов С.Я. Ботанический сад и его интродукционная и культурно-просветительская работа // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 216—240.

⁶² АВПРИ, ф. 1, оп. II-21 (1824), д. 3, л. 2—3.

⁶³ Там же, оп. III-14 (1830), д. 5, л. 1.

лучено 70 пород растений. В 1828/9 г. от него же и от Ледебура ещё семена алтайских растений, им вновь открытых; от Пизанского профессора Сави семени растений итальянских; в 1833/4 г. — из Императорского С[анкт-]Петербургского сада присланы семена 75 растений закавказских и забалканских, и 100 растений Южной Сибири от Н.С. Турчанинова... В 1836 г. из Франкфуртского сада присланы семена 326 видов растений... от А.В. Рихтера 100 видов итальянских растений... Из сада Медико-хирургической Академии, по причине его уничтожения, поступило 160 растений и из С[анкт-]Петербургского сада 75 видов, новых для Московского... В 1845 г. из Киевского университетского сада прислано семян 249 видов... Живых пальм куплено 14. В 1848 г. из Киев[ского] Унив[ерситетского] сада получено 134 вида семян... В 1850 г. сношения с С[анкт-]Петербургским садом, Дерптским, Киевским были весьма деятельны. В 1853 г. семян прислано из Киева 165 видов... В 1854 г. семян С[анкт-]Петербургского сада 216 в[ид], из Дерпта — 219 в[идов], из Киева 186 в[идов]... Японских растений куплено 75»⁶⁴.

Наличие представительных коллекций растений позволяло проводить на базе Сада исследования по ботанике. Ещё в XVIII в. заметный вклад в его становление как научного учреждения внесли руководившие им немецкие ботаники: в 1735 г. — выпускник Лейпцигского университета, доктор медицины Т. Гербер, а спустя полвека (после того как упраздненная должность директора Аптекарского огорода в 1786 г. была восстановлена) — доктор медицины, философии и права Ф.Х. Стефан, первый директор ботанического сада Разумовского в Горенках. Он также был профессором химии и ботаники в Медико-хирургическом училище, и, как и Гербер, вёл флористические исследования: его перу принадлежит первая напечатанная «Московская флора» (1792)⁶⁵.

Почти столетний доуниверситетский этап истории Сада (1706—1805) соответствует «натуралистическому» периоду развития отечественной ботаники⁶⁶. Труды Гербера и Стефана в этот период не только развивали традиционный метод работы ботанических садов — интродукцию (введение в культуру) растений (преимущественно лекарственных), причём не только местных, но также растений из других регионов России, но и заложили основу изучения флоры и растительности Европейской России — направления научных исследований, ставшего впоследствии традиционным для Сада Московского университета⁶⁷. Гофман так акцентировал это качественное изменение: «Ежели кто думает, что сие обрабатывание и усовершенствование садов служит только для врачебной и экономической пользы, то его суждение несправедливо. Оно столько способствует к образованию ума, к мудрости небесной и земной... ничто так не возбуждает дух к мудрствованию, как частое обращение в садах»⁶⁸.

Гофман был крупным европейским учёным в области тайнобрачных (по классификации К. Линнея — растений, не имеющих цветков), в особенности лишайников. Его исследования в этой сфере не потеряли своего значения и до настоящего времени. Гофман первым обратил внимание на возможность

⁶⁴ Шевырёв С.П. История Императорского Московского университета... С. 529—531.

⁶⁵ Петров В.А. Первые этапы развития ботаники... С. 259—268.

⁶⁶ Камелин Р.В. Систематика сосудистых растений в России (вехи истории) // Ботанический журнал. Т. 85. 2000. № 6. С. 2—18.

⁶⁷ Ботанический сад Московского университета... С. 6.

⁶⁸ Гофман Г.-Ф. Речь о ботанических врачебных садах... С. 28—29.

хозяйственного использования лишайников в качестве корма для животных и источника получения красителей.

Сочинения Гофмана написаны преимущественно на латыни. Некоторые из них он, с детства увлекавшийся музыкой и рисованием, иллюстрировал сам⁶⁹. В Москву Гофман привёз большую библиотеку и ценнейшую коллекцию растений, которые стали основой обучения студентов и научных исследований на кафедре ботаники. В 1814 г. он опубликовал монографию «*Genera plantarum Umbelliferarum*» («Роды зонтичных растений»; в 1816 г. вышло второе издание), высоко оценённую современниками и положившую начало сциадографии — отрасли ботаники, занимающейся изучением представителей этого семейства растений. В данной работе описаны 22 новых рода и 96 видов, 14 из которых сохранились в современной номенклатуре. Неслучайно известный отечественный ботаник Б.М. Козо-Полянский назвал Гофмана «Линнеем зонтичных»⁷⁰.

Огромное значение не только для ботанического образования, но и для популяризации ботаники (в том числе и за пределами Германии) имел труд Гофмана «*Deutschlands Flora*» («Флора Германии»), впервые изданный в 1795 г. в Эрлангене и ставший одним из первых полевых определителей растений того времени. К сожалению, подготовленная Гофманом уже в Москве в 1811—1812 гг. рукопись третьего издания погибла. По счастью, уцелела его гербарная коллекция, поскольку она хранилась не в доме профессора в университете, а в московской Военной медико-хирургической академии, где он также читал лекции. Уцелела и часть гербарных коллекций, вывезенная из Москвы в Нижний Новгород.

Гербарий Гофман начал собирать ещё в Гёттингене; там же он приобрёл коллекции своих предшественников по университетской кафедре — А. фон Галлера (A. von Haller) и И.А. Муррея (J.A. Murray), а также коллекции И.Р. и И.Г. (отца и сына) Форстеров (J.R. & J.G. Forster), собранные ими во время второго кругосветного путешествия Дж. Кука (1772—1775), и гербарий Я.Ф. Эрхарта (J.F. Ehrhart) — ученика и друга К. Линнея, содержащий несколько линнеевских образцов. Это последнее собрание, отмечал М.А. Максимович, «может похвастаться классическим, ибо составлено большей частью в Упсале, под руководством самого Линнея»⁷¹.

В Москве Гофман не только продолжил собирать гербарий, но и приобрёл коллекции других ботаников. В каталоге «Гербарий Московского университета, изложенный для общественной пользы по системе Линнея» (изданном в двух частях в 1824—1825 гг.)⁷², перечислены образцы дикорастущих растений, «полученных от тех [людей], которые их собирали на месте: сибирских — от Палласа; кавказских, таврических, грузинских — от Биберштейна, Стевена и Адамса;

⁶⁹ Например, рисунки к трёхтомному труду «*Plantae Lichenosae. Descriptio et adumbratio plantarum e classe cryptogamica Linnaei qua lichenes dicuntur*» («Лишайниковые растения. Описание и изображение растений из класса тайнобрачных Линнея, называемых лишайниками»), вышедшему в 1790—1801 гг., Гофман выполнил собственноручно.

⁷⁰ Пименов М.Г. Систематика зонтичных в преддверии 200-летия «*Genera plantarum Umbelliferarum*» // XII Московское совещание по филогении растений... С. 25—28.

⁷¹ Максимович М.А. Жизнь московского профессора ботаники Г. Гофмана // Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических, издававшихся И. Двигубским. Ч. 1. М., 1826. № 4. С. 238—256.

⁷² Hoffmann G.F. Herbarium vivum sive collectio plantarum siccarum Caesariae Universitatis Mosquensis publicae utilitatis causa in ordinem secundum Systemam Linnaeanum digessit. V. 1. M., 1824; V. 2. M., 1825.

капских — от Тунберга; венгерских — от Китайбея; итальянских, швейцарских и австрийских — от Сибера, Поллиха и других; американских — от Шварца и проч.». В 1823 г. Московский университет приобрёл у Гофмана гербарий (12 тыс. растений) за 7 тыс. руб.

К концу жизни директора Сада университетский гербарий включал более 20 тыс. образцов. В 1843 г. в университет из упразднённой Медико-хирургической академии был передан гербарий Гофмана, включавший наряду с его собственными сборами коллекция мировой флоры ботаников XVIII в. (преимущественно учеников или ближайших соратников Линнея). Сохранившиеся экземпляры собрания Гофмана являются ныне одними из наиболее ценных материалов Гербария МГУ⁷³.

В речи «О судьбе и развитии гербарного дела, прежде всего в Российской империи», произнесённой 4 июля 1823 г. на годовичном торжественном собрании Московского университета⁷⁴, Гофман продемонстрировал отличное знание латинского языка и изящество слога⁷⁵. В этой речи сделан исторический экскурс о ботанике в древности — у евреев, египтян, греков и римлян — и упоминаются раритеты растительного мира⁷⁶.

Труды Гофмана были хорошо известны в России; в 1822 г. он награждён орденом Св. Анны 2-й степени. Многие зарубежные и отечественные научные общества избрали его своим членом. Г.-Ф. Гофман умер в Москве 5 марта 1826 г. и похоронен на Введенском (Немецком) кладбище. Хотя его могила была утрачена, вероятно, ещё до революции, сохранились захоронения его дочери Натальи Григорьевны (1810—1883) и внука⁷⁷. С 1828 г. книжная коллекция Гофмана по естественной истории находится в Научной библиотеке Московского университета. В его честь назван род растения «*Hoffmannia*», который в 1788 г. описал шведский ботаник П.У. Сварц (Р.О. Swartz)⁷⁸.

Как отмечал К.И. Мейер (директор Ботанического сада Московского университета в 1940—1948 гг.), история Сада после его вхождения в состав университета (1805) и проведённой Гофманом реорганизации по образцу современных европейских ботанико-медицинских коллекций «есть в сущности история московской “описательной” ботаники, которая зародилась в Ботаническом саду и имела в нём свою научно-исследовательскую и научно-педагогическую базу»⁷⁹.

Флористическое направление исследований развивал сменивший Гофмана на посту директора его ученик Михаил Александрович Максимович (1804—1873) — один из первых русских эволюционистов, разносторонне образованный учёный⁸⁰. Максимович известен не только как ботаник, но также как эт-

⁷³ См.: Гербарий Московского университета (MW): история, современное состояние и перспективы развития / Под общ. ред. С.А. Баландина. М., 2006.

⁷⁴ См.: *Hoffmann G.F.* De Fatis et Progressibus Rei Herberiae, imprimis in Imperio Rutheno. Oratio in Sollenibus anniversaries Caesareae Universitatis Mosquensis habita. D. 4 Jul. a. 1823. М., 1823.

⁷⁵ *Максимович М.А.* Жизнь московского профессора...

⁷⁶ Речь Гофмана на русском языке см.: *Гофман Г.-Ф.* О распространении ботаники в России // Вестник Европы. 1823. № 3. С. 74—80.

⁷⁷ *Леонов М.В.* О малоизвестных источниках... С. 24.

⁷⁸ The Global Biodiversity Information Facility (URL: <https://www.gbif.org/species/2895112> (дата обращения: 29.11. 2018)).

⁷⁹ *Мейер К.И.* Ботанический сад // Учёные записки МГУ. Юбилейная серия. Вып. LIII. Биология. С. 332—333.

⁸⁰ См.: *Базилевская Н.А., Мейер К.И., Станков С.С., Шербакова А.А.* Выдающиеся отечественные ботаники. М., 1957.

нограф и литератор. В молодости он выступал как поэт и литературный критик, публиковался в журналах «Московский телеграф», «Телескоп» и других. В 1833 г. он стал действительным членом Общества любителей российской словесности, в 1858—1859 гг. — его секретарём. Максимович ввёл ряд русских биологических терминов, актуальных и сегодня: «особь», «завязь», «клетка», «межклетники», «початок», «росток», «растительная ткань», «семянка», «сложноцветные», «губоцветные».

Сфера его ботанических интересов охватывала не только флористику и систематику, но также экологию и морфологию растений. Представленная им в 1827 г. в качестве магистерской диссертации монография «О системе растительного царства»⁸¹ впервые была написана по-русски, хотя традиционно подобные работы выполнялись на латыни. В 1833 г. Максимович был утверждён ординарным профессором ботаники, но менее чем через год перешёл на работу во вновь основанный Киевский университет ординарным профессором... русской словесности, а вскоре стал его первым ректором.

Впоследствии возглавлявшие Сад ботаники развивали и диверсифицировали направления его научной работы. А.Г. Фишер фон Вальдгейм, сменивший Максимовича на посту директора, изобрёл «панкреатический» микроскоп для анатомических исследований. Ряд конструктивных преимуществ по сравнению с существовавшими аналогами (возможность получать прямое изображение предметов, менять увеличительные стёкла в широком диапазоне, измерять объекты с высокой точностью — до тысячной доли миллиметра — при помощи специального окулярного микрометра) принесли изобретателю заслуженную награду: А.Г. Фишер фон Вальдгейм и французский оптик В. Шевалье, в 1839 г. изготовивший прибор, были удостоены высшей награды Парижского Атенеев искусств и Золотой медали МОИП.

В XVIII — первой половине XIX в. формировалась русская ботаническая терминология, что создало необходимые предпосылки для развития отечественной описательной морфологии растений. С 1830—1840-х гг. как в отечественной, так и в мировой ботанической науке начинают применяться новые методы — сравнительный и онтогенетический, что обусловило развитие новых научных направлений: сравнительной морфологии, микроскопической анатомии, эмбриологии, географии растений, в разработку теоретических проблем которых существенный вклад внесли отечественные учёные. Хотя в додарвиновский период теоретическая ботаника в России в значительной степени развивалась под влиянием К. Линнея, уже к 1840-м гг. эволюционные представления разрабатывались в трудах А.Н. Бекетова и М.А. Максимовича.

Во второй половине XIX в. стали проводиться не только флористические и систематические, но также сравнительно-морфологические исследования, что позволило со временем превратить «Аптекарский огород» с сугубо прикладными функциями заготовки лекарственного сырья для нужд армии в Ботанический сад Московского университета — современный научно-исследовательский и культурно-просветительский центр. Основы этого были заложены в первые две трети XIX в. — период становления Сада как научного ботанического учреждения после его вхождения в состав Московского университета. Большая заслуга в этом принадлежит первому директору Сада Гофману.

⁸¹ Максимович М. Основания ботаники. В 2 ч. Ч. 1. М., 1828; Ч. 2. М., 1831; Максимович М. О системе растительного царства. М., 1823.

Таким образом, Ботанический сад — составная часть процесса создания научных школ Московского университета, и, шире — процесса становления российской науки. В XVIII — первой половине XIX в. выработка и передача научных знаний в России во многом осуществлялась благодаря адаптации европейских традиций организации науки усилиями как русских, так и иностранных учёных, что создало предпосылки для расцвета отечественной науки во второй половине XIX — XX в., в том числе ботаники.

Максимович, который, как и Гофман, был прекрасным оратором, в актовой речи «О русском просвещении», произнесённой на торжественном собрании Московского университета 12 января 1832 г., подчёркивал неразрывную связь и преемственность времён отечественной истории: «Мы любим *наше прошедшее* (курсив мой. — К.Г.), ибо оно было и дало нам бытие наше. Мы любим украшенное надеждами и воспоминаниями *наше настоящее*, ибо в нём хранится наша будущность. Мы любим *наше будущее*, ибо оно должно улучшить и возвысить наше настоящее, — должно раскрыть хранящиеся в Русской земле золотые таланты для славы России и пользы человечества. Таким образом отдалённая идея человечества сливается с близкою к нам любовью к отчизне»⁸².

⁸² Максимович М. О русском просвещении. Речь, говоренная в собрании Московского университета 1832 г., января 12. De studi historiae naturalis dignitati // Речи и отчёты Московского университета. М., 1832. С. 168—190.

Сталинские премии архитектора И.В. Жолтовского (1940—1953)

Ольга Шурыгина

Stalin prizes of the architect Ivan Zholtovsky (1940—1953)

Olga Shurygina (Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008280-9

8 марта 1950 г. состоялось обнаружение списка лауреатов Сталинской премии «за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1949 г.», среди которых фигурировал известный архитектор Иван Владиславович Жолтовский (1867—1959)¹. Его биография и творческое наследие, на первый взгляд, хорошо известны. Первые публикации начали появляться уже при его жизни². Так, в 1955 г. вышла книга³, которая до сих пор является наиболее основательным трудом, посвящённым Жолтовскому. В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к биографии зодчего, связанный в том числе с его 150-летним юбилеем, о чём свидетельствует появление диссертации⁴, монографий⁵ и биографических статей⁶.

Парадокс, однако, заключается в том, что в большинстве случаев (даже при критическом взгляде) тексты придерживаются официального жизнеописания, за пределами которого остаются многие важные детали и вопросы. Факт присуждения Жолтовскому высшей государственной награды неизменно отмечался биографами, но его обстоятельства до сих пор не раскрыты. Искусствовед

© 2020 г. О.С. Шурыгина

¹ Постановление Совета министров СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1949 год» от 7 марта 1950 № 1014 // Правда. 1950. 8 марта. С. 1—2.

² Аркин Д. Разговоры о Жолтовском // Архитектура СССР. 1940. № 5. С. 54—58; Былинкин Н. О теории композиции И.В. Жолтовского // Там же. С. 51—53; Зальцман А. Творчество И.В. Жолтовского // Там же. С. 35—50; Власов А.В. Зодчий—учёный—педагог: к восьмидесятипятилетию академика архитектуры И.В. Жолтовского // Советская архитектура. 1953. № 4. С. 46—69.

³ Жолтовский И.В. Проекты и постройки / Сост. Г.Д. Ощепков. М., 1955.

⁴ Фирсова А.В. Творческое наследие И.В. Жолтовского в отечественной архитектуре XX века. Дис. ... канд. искусств. М., 2004.

⁵ Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. М., 2010; Хмельницкий Д.С. Иван Жолтовский: архитектор советского палладианства / При участии А.В. Фирсовой. Берлин, 2015; Переписка Елены Багиной и Дмитрия Хмельницкого // Сиротство авангарда / Е. Багина, А. Раппопорт, Д. Хмельницкий. Екатеринбург, 2016. С. 479—559; Печёнкин И.Е., Шурыгина О.С. Архитектор Иван Жолтовский. Эпизоды из ненаписанной биографии. М., 2017.

⁶ Шурыгина О.С. Новые данные о И.В. Жолтовском (к 150-летию со дня рождения архитектора) // Архитектурное наследие. Вып. 67. СПб., 2017. С. 170—186; Швидковский Д.О. Иван Владиславович Жолтовский. К 150-летию со дня рождения // Academia. Архитектура и строительство. 2017. № 4. С. 5—9; Нащокина М.В. Жизнь и судьба Ивана Жолтовского // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 1. С. 116—121; Печёнкин И., Шурыгина О. Палладио по-русски. Новые данные о переводе «Четырёх книг об архитектуре» в начале XX века // Искусствознание. 2018. № 3. С. 238—263; Шурыгина О.С. Дом Советов в Махачкале (1925—1932): к истории постройки // Архитектурное наследие. Вып. 70. СПб., 2019. С. 246—259; и др.

А.В. Фирсова лишь констатировала факт награждения⁷. Историк архитектуры С.О. Хан-Магомедов, затронувший этот эпизод, оценил его высоко: «Впервые в XX веке Сталинская премия присуждена за архитектурное произведение, за которым не стояли никакие политические предпосылки властей или чьи-либо карьеристские устремления»⁸. Его коллега Д.С. Хмельницкий, напротив, охарактеризовал вручение премии архитектору как политическую акцию⁹. Однако на награждении он остановился лишь немногим подробнее, упомянув отмеченных одновременно с Жолтовским коллег-метростроителей.

Авторы указанных работ опирались преимущественно на данные открытых источников (современную событиям периодическую печать и проч.). Хан-Магомедов откровенно уведомил читателя, что будет «не раз цитировать текст Ошепкова из книги-альбома, рассматривая его как важный источник сведений»¹⁰. Архивные документы задействовались значительно реже, причём номенклатура архивохранилищ неизменно ограничивалась фондом Жолтовского в РГАЛИ и фондами Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева.

Несмотря на то что история присуждения Сталинских премий неоднократно становилась темой исторических и историко-искусствоведческих исследований, награды в области архитектуры специально не изучались (в отличие от литературной, художественной или кинематографической сфер¹¹). В целом, работы о премии в большинстве случаев носят обзорный характер¹². Не в последнюю очередь это объясняется тем, что «большая часть фондов Комитета по Сталинским премиям (персональные дела и другие документы личного характера) закрыты»¹³.

Исследование о Сталинской премии в области архитектуры предпринимается впервые. Располагая необходимой источниковедческой базой, не попавшей в поле зрения историков архитектуры и биографов зодчего, я постараюсь разобраться в том, чем же в действительности являлось присуждение Жолтовскому этой высокой награды: беспристрастной оценкой творческих заслуг мастера или актом политической борьбы?

⁷ Фирсова А.В. Творческое наследие И.В. Жолтовского в отечественной архитектуре XX века. Т. I. С. 74.

⁸ Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. С. 217.

⁹ Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. М., 2007. С. 270—271.

¹⁰ Хан-Магомедов С.О. Иван Жолтовский. С. 27.

¹¹ См., например: Янковская Г.А. К истории Сталинских премий в области литературы и искусства // Вестник Пермского университета. 2001. Вып. 1. С. 152—159; Ивкин В.И. Как отменяли Сталинские премии. Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР. 1953—1967 // Исторический архив. 2013. № 6. С. 3—49; Бит-Юнан Ю., Фельдман Д. Сталинские премии Василия Гроссмана: история с биографией // Вопросы литературы. 2013. № 4. С. 186—223; Тихонов В.В. Сталинская премия как инструмент конструирования общей истории народов СССР // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 2. С. 177—185; Венявкин И. Краткий путеводитель по Сталинской премии. Главная литературная награда СССР: рекордсмены, скандалы и курьёзы (URL: <http://azamas.academy/materials/978>); и др.

¹² Сталинские премии: две стороны одной медали. Сборник документов и художественно-публицистических материалов / Сост. В.Ф. Свинын, К.А. Осеев. Новосибирск, 2007; Ахманаев П.В. Сталинские премии. М., 2016.

¹³ Янковская Г.А. «Шинель дана очень обще и немного бревном таким». К вопросу о мотивационном аспекте деятельности Комитета по присуждению Сталинских премий в области литературы и искусства // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. № 7. С. 315.

Сталинская премия была учреждена постановлением СНК СССР в декабре 1939 г. в ознаменование 60-летия И.В. Сталина. Ежегодно деятелям науки и искусства вручались 16 премий в знак признания высокого научного, культурного, инженерно- или организационно-технического вклада лауреата. Премия присуждалась правительством, а кандидатуры лауреатов выдвигали специально созданные при нём Комитет по Сталинским премиям в области науки, военных знаний и изобретательства и Комитет по Сталинским премиям в области литературы и искусства. Они должны были принимать работы выдвинутых на соискание премии кандидатов до 15 октября и не позднее 1 декабря подавать свои предложения в СНК.

Премия присуждалась не по совокупности заслуг, а за конкретные достижения. Отмечалось, что принимались лишь новые работы, законченные в год присуждения награды. Поскольку она задумывалась именно как материальный стимул, то отмечались в основном люди молодые или среднего возраста. Количество премий и их размеры неоднократно менялись. Суммы формировались из гонораров Сталина за издания его трудов, в том числе за рубежом. В каждой номинации вручались три премии 1-й степени (по 100 тыс. руб. каждая) и пять — 2-й степени (по 50 тыс. руб.). Постановления СНК (а затем Совета министров) СССР о присуждении премий в 1941—1952 гг. обнародовались в периодической печати. В марте 1953 г. в связи со смертью «вождя» официальный источник формирования премиального фонда был упразднён, и после 1954 г. премии не присуждались¹⁴.

В 1950 г. в номинации «Архитектура» 1-ю степень присудили творческому и супружескому дуэту — Г.А. Захарову и З.С. Чернышёвой — за архитектурное оформление станции «Курская-кольцевая» Московского метрополитена. 2-ю степень разделили Л.М. Поляков — за решение станции «Калужская» (ныне «Октябрьская» Кольцевой линии) — и И.В. Жолтовский — «за архитектуру жилого дома № 11 по Калужской улице в Москве». 3-ю степень получили А.Я. Миминошвили за жилой дом № 3 по ул. Марти в Тбилиси, В.С. Андреева за административное здание № 11 по ул. Горького в Москве, творческий коллектив З.М. Розенфельда и А.Д. Суриса за жилой дом № 4-10 по Садовой-Триумфальной ул. в Москве и Е.В. Рыбицкий за жилой дом № 46-48 на ул. Чкалова в Москве¹⁵ (к слову, последний был лишён звания лауреата в 1955 г.¹⁶).

Как показали архивные материалы, этому награждению предшествовала не лишённая драматизма история, в ходе которой возникали и отклонялись кандидатуры, членами Комитета по Сталинским премиям высказывались подчас весьма резкие суждения и вообще обнаружилась работа специфического механизма отбора и продвижения номинантов на высшую государственную награду. Для работы мною привлечены документы фондов СНК СССР в ГА РФ (ф. Р-5446), Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства и его секции по изобразительному искусству и архитектуре в РГАЛИ (ф. 2073). В последнем содержатся стенограммы и протоколы пленумов Комитета и заседаний секций, документы по итогам голосования, списки и личные

¹⁴ Подробнее см., например: Сталинские премии: две стороны одной медали...

¹⁵ Постановление Совета министров СССР... С. 2.

¹⁶ Постановление Центрального комитета КПСС и Совета министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» от 4 ноября 1955 г. № 1871 // Правда. 1955. 10 ноября. С. 1.

дела кандидатов на получение премий, письма выдвигающих организаций, аннотации и рецензии на произведения искусства и литературы, выдвинутые на соискание премии. Практически все запрошенные из архивохранилищ документы имели пустые листы использования. Это позволяет предположить, что никто из коллег их ранее не просматривал.

В ГА РФ мною было изучено дело «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1949 год»¹⁷, в котором содержатся сведения относительно появления в списке лауреатов этого года кандидатуры Жолтовского. Оно начинается с протокола заключительного пленарного заседания соответствующего Комитета от 19 января 1950 г. В номинации «архитектура» места распределились следующим образом: 1-я степень — «тандем» Захарова и Чернышёвой и творческий коллектив во главе с архитектором Я.Б. Белопольским «за архитектуру памятника воинам Советской армии, павших в боях с фашистами в г. Берлине»; 2-я степень — Л.М. Поляков¹⁸. Председатель Комитета А.А. Фадеев писал Сталину, что «не получившие при голосовании большинства голосов или не включённые по тем или иным причинам в списки на голосование, но заслужившие при их обсуждении внимание Комитета» составили Дополнительный список¹⁹. В него вошли уже упомянутые Андреев и Миминошвили²⁰. Фамилия Жолтовского не фигурирует ни в одном из них.

11 февраля того же года постановлением Совета министров СССР № 564 были учреждены Сталинские премии 3-й степени (25 тыс. руб.), в связи с чем 15—16 февраля прошли шесть секционных и два пленарных заседания специальной сессии Комитета²¹. В интересующей нас номинации места распределились следующим образом: Миминошвили (28 голосов), Андреев (27 голосов), Розенфельд и Сурис (24 голоса), Рыбицкий (17 голосов) и замыкал пятёрку Жолтовский (17 голосов)²². Протокол заседания был направлен Сталину, а 18 февраля — Л.М. Кагановичу²³. На экземпляре последнего напротив фамилии Жолтовского сделана отметка чёрной ручкой — «крестик»²⁴. 22 февраля сводный список лауреатов всех трёх степеней ушёл в канцелярии Сталина и Кагановича²⁵; в нём фамилия архитектора также отмечена, в то время как около фамилий других кандидатов отметок нет²⁶.

Оставалось невыясненным, какие именно события, имевшие место между 22 февраля и 7 марта (дата подписания и публикации окончательного решения Комитета), привели к присуждению Жолтовскому премии 2-й степени. Документы такой информации не содержат. Для того чтобы восполнить этот пробел я обратилась к материалам фонда Комитета в области литературы и искусства, которые помогли реконструировать хронологию событий с осени 1949 г.

¹⁷ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 80, д. 2610.

¹⁸ Там же, л. 122.

¹⁹ Там же, л. 128.

²⁰ Там же, л. 80.

²¹ Там же, л. 74.

²² Там же, л. 65. Фотографии дома, представленного к премии, также хранятся в ГА РФ отдельной папкой (Там же, д. 2618).

²³ Там же, л. 76.

²⁴ Там же, л. 72.

²⁵ Там же, л. 57.

²⁶ Там же, л. 49.

Из протокола общего собрания творческого коллектива Архитектурной мастерской-школы академика архитектуры И.В. Жолтовского от 30 ноября 1949 г. (председатель Б.Н. Лазарев, секретарь П.И. Скокан, на собрании присутствовали 30 человек) выяснились предпосылки чехарды перемещений зодчего в списке номинантов. Секретарь парторганизации мастерской Г.В. Севан сообщил собравшимся, что «Правление Московского отделения Союза Советских архитекторов (МОССА. — *О.Ш.*) под давлением Всесоюзного Правления Союза Советских архитекторов 29 ноября с.г. отменило вынесенное ранее своё решение о выдвижении на соискание Сталинской премии жилого дома Хозяйственного управления Совета Министров СССР, выстроенного в г. Москве по Б. Калужской ул., 11 по проекту академика архитектуры И.В. Жолтовского»²⁷. Это известие, если доверять протоколу, вызвало бурную реакцию собрания. В прениях приняли участие председатель секции МОССА В.Л. Воскресенский, заместитель начальника мастерской-школы Г.В. Тарасевич, Н.П. Сукоян, Г.Г. Лебедев, В.В. Куйбышев, Г.Б. Минервин. В результате собрание единогласно приняло решение о выдвижении кандидатуры своего руководителя на соискание высокой награды. 1 декабря в Комитет по Сталинским премиям было направлено соответствующее письмо за подписью Тарасевича, Севана, Воскресенского и председателя месткома П.А. Батракова²⁸. Жолтовского также выдвинули члены Комитета: президент Академии художеств (АХ) СССР А.М. Герасимов, академики И.Э. Грабарь и В.И. Мухина, искусствовед В.С. Кеменов и скульптор Ю.И. Микенас²⁹.

28 декабря 1949 г. состоялся пленум Комитета по премиям, посвящённый обсуждению кандидатур в области архитектуры³⁰. Заведующий секцией ИЗО и архитектуры Грабарь сообщил собравшимся, что со 2 по 28 декабря его секцией «было проведено 8 заседаний, произведены выезды для осмотра представленных на соискание Премии работ. Секция обсудила их. Выработаны рекомендации»³¹. Работы были направлены на экспертизу в АХ СССР, а также на отзывы в органы государственного руководства архитектурой: Министерство городского строительства, Управление по делам архитектуры при Совете министров, а по московским объектам — в Управление по делам архитектуры Мосгорисполкома. Их отзывы и результаты экспертизы были учтены секцией при определении рекомендаций.

В числе рекомендованных к присуждению премии 2-й степени значился и проект Жолтовского. Включение этого номинанта в список сопровождалось примечательным комментарием возглавлявшего Комитет Фадеева, который заметил, что он «не был выдвинут совсем, но там есть поддержка очень большая»³². Высказался и Грабарь, сообщивший, что «нет единогласного решения по дому Жолтовского, который мы видели на Калужской улице», и что «большинство членов Секции стоит против»³³. Далее в протоколе зафиксирован любопытный обмен репликами:

²⁷ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 7, д. 34, л. 18.

²⁸ Там же, л. 17.

²⁹ Там же, оп. 1, д. 39, л. 62.

³⁰ Там же, д. 35, л. 179—193.

³¹ Там же, л. 186.

³² Там же, л. 187.

³³ Там же, л. 189.

«*Фадеев А.А.*: Надо немножко ужать кандидатуры на Вторую премию. Их слишком много... Есть желающие выдвинуть жилой дом Жолтовского?.. Насчёт дома Жолтовского кто-нибудь настаивает?

Голоса: Нет, не настаиваем.

Фадеев А.А.: Из отклонённых секцией кандидатур никто не поддерживает какую-нибудь кандидатуру?

Хренников Т.Н.: Приятное впечатление производит дом Жолтовского.

Фадеев А.А.: Нет, он не производит впечатления.

Гольденвейзер А.В.: Очень приятное впечатление внутри, а внешний вид — казарма³⁴.

На последующих заседаниях (11, 16 и 19 января 1950 г.), протоколы которых отложились в архивных делах, фамилия Жолтовского не звучала³⁵. 15 февраля на повестке дня пленума Комитета стояло обсуждение кандидатур на премию 3-й степени в связи с соответствующим решением правительства. И вот теперь большая часть времени оказалась посвящена обмену мнениями о кандидатуре архитектора³⁶. Большинство присутствующих сохраняло по отношению к нему негативный настрой, притом, что Фадеев дал понять собравшимся: этот номинант находится на особом счету у высшего руководства. «Перед тем, как обсудить кандидатуры по архитектуре, я хочу информировать, что в Правительстве сейчас очень интересуются вопросами жилищного строительства. Меня вызывали и интересовались жилым домом Жолтовского, интересовались тем, какие там достоинства и какие недостатки. Нас просят, чтобы мы подумали по этим вопросам и, может быть, что-нибудь подсказали, чтобы была возможность поощрить эти вещи. Мы не идём к тому, чтобы, даже если плохо, и то премировать, потому что это жилой дом, но вы посмотрите ещё и ещё раз, *нет ли здесь достижений, которые мы должны поощрить* (выделено мной. — *О.Ш.*), так как мы заинтересованы в развитии этого строительства». И далее: «Нужно вернуться и поговорить ещё раз о доме Жолтовского. Внешне он нам не понравился (казарменный вид, балконов нет, поставлен как-то не там, не совпадает с этой магистралью), как он устроен внутри? Говорили, что там непрветриваемые длинные коридоры, что неудачно поставлена кухня и проч. А может быть, ещё раз подумаем? Когда меня вызывали, мне говорили, у нас так бывает, что довлеет, если человека в прошлом критиковали. От этих вещей нужно отвлекаться. Нужно реально смотреть — хорошо в этом доме жить или нехорошо»³⁷.

Из протоколов видно, что наиболее благожелательно к кандидатуре Жолтовского отнеслись композиторы Хренников и Гольденвейзер. Двусмысленно высказались Грабарь и Кеменов, вслед за Фадеевым намекнувшие на наличие у архитектора некой «поддержки». А вот коллеги оказались настроены непримиримо. Представлявший позицию Союза архитекторов А.Г. Мордвинов заявил: «Этот дом вызвал большую дискуссию среди архитекторов. План этого дома подвергся очень резкой критике... По фасаду отмечали следующее, что образ жилого дома не найден, некоторые говорили, что это красивая казарма. Другие товарищи рассматривали этот дом с точки зрения прорисовки деталей: прекрасно сделанные карнизы, отмечали положительные моменты и говорили,

³⁴ Там же, л. 189, 191—192.

³⁵ Там же, д. 36, л. 49—74, 104—110, 164—168.

³⁶ Там же, л. 196—206.

³⁷ Там же, л. 196, 198—199.

что по художественному мастерству нужно было выдвинуть этот дом на премию, другие говорили, что образ жилого дома не найден. Эта работа до сих пор остаётся дискуссионной»³⁸. Столь же категоричен был и главный архитектор Москвы А.В. Власов: «По своему искусству этот дом ничего общего с русским искусством не имеет по фасаду. В основе архитектуры этого дома лежит итальянский палаццо. Характерно, что, опираясь на это итальянское палаццо, он не делает на главном фасаде ни одного балкона. Лишает этот дом такого естественного для жилого дома элемента только ради такой отвлечённой чисто эстетической задачи. Поэтому этот дом для Москвы нехарактерен. Автор неправильно решает образ жилого дома вообще»³⁹.

Против Жолтовского вполне определённо высказался и писатель С.В. Михалков: «Мне чрезвычайно нравится дом Розенфельда и совсем не нравится дом Жолтовского. Я рассматривал его и снаружи, и внутри. Снаружи — это большая казарма, а внутри очень безвкусное решение комнат. Я думаю, что нет ничего общего между удобным решением квартир, в которых живут люди и должны жить удобно, с тем решением, которое имеется у Жолтовского с этими какими-то очень странными петушками и курочками в этих комнатах. Чувствуешь себя в такой квартире, как в музее игрушек в Леонтьевском переулке»⁴⁰. Как видим, возникло даже своеобразное клише — сравнение дома Жолтовского с казармой, фиксирующее недостаточную яркость его внешнего облика.

В ходе дискуссии на четыре возможных премии решили — не без давления Фадеева — вынести пять кандидатов: «Андреев — административное здание, Миминошвили — жилой дом в Тбилиси, Розенфельд и Сурис — жилой дом на Садово-Триумфальной ул., Рыбицкий — жилой дом на ул. Чкалова, Жолтовский — жилой дом на Б. Калужской»⁴¹. Из протокола заключительного заседания от 16 февраля следует, что Рыбицкий и Жолтовский набрали по одинаковому количеству голосов — 17 — и заняли 4-е и 5-е места соответственно⁴².

Помимо закрытых заседаний Комитета, обсуждение работы Жолтовского проходило в специализированной прессе, где оценка дома на Большой Калужской дрейфовала от резко отрицательной к умеренно одобрительной и, наконец, восторженной. В феврале 1949 г. он — в числе других новых жилых домов — обсуждался в Центральном доме архитектора. Журнал «Архитектура и строительство» провозгласил тогда, что «работа эта находится в непримиримом противоречии с практикой подавляющего большинства советских архитекторов, стоящих на позициях социалистического реализма... Жолтовский создал ложный образ советского жилого дома»⁴³. Газета «Советское искусство» писала: «Удобства жильцов принесены в жертву красивому карнизу... Жолтовский пожертвовал правдивым образом жилого дома»⁴⁴.

Объяснить причины такого поведения коллег можно, обратившись к идейно-политическому контексту поздних 1940-х гг. Он подробно описан в книге

³⁸ Там же, л. 199.

³⁹ Там же, л. 202.

⁴⁰ Там же, л. 203.

⁴¹ Там же, л. 206.

⁴² Там же, д. 38, л. 29, 36, 37.

⁴³ Обсуждение новых домов Москвы в Центральном доме архитектора // Архитектура и строительство. 1949. № 2. С. 18—19.

⁴⁴ Соколов Н. О новых домах Москвы // Советское искусство. 1949. 12 февраля. Цит. по: Хмельницкий Д. Архитектура Сталина... С. 271.

Д.С. Хмельницкого⁴⁵, поэтому ограничусь лишь общим замечанием: Жолтовский угодил в жернова пресловутой «борьбы с космополитизмом», и разгромные публикации являлись частью кампании по его дискредитации⁴⁶. Хмельницкий заострил внимание на предвзятости и ангажированности оценок, лишь внешне замаскированных под профессиональную критику, а на деле выражавших волю самого «вождя». Протоколы заседаний Комитета по Сталинским премиям, подтверждающая в целом тезис о сугубо «декоративной» роли этого органа в принятии решений о награждении, позволяют увидеть отдельные фазы процесса перемены «минуса» на «плюс». Характерно, что даже после вручения премии, когда оценка дома на Большой Калужской изменилась на противоположную, Я.А. Корнфельд сформулировал свой очерк о Жолтовском так, чтобы, похвалив конкретную удачу мастера, подчеркнуть неоднозначность его творчества в целом⁴⁷.

Но было ли увенчавшееся присуждением премии выдвижение единственным в биографии Жолтовского? Ответ на этот вопрос я обнаружила в материалах фонда Комитета по Сталинским премиям в РГАЛИ. Выяснилось, что архитектор становился номинантом неоднократно — в 1940, 1943—1945⁴⁸, 1947 и 1953 г. К сожалению, из материалов дела неясно, кто выдвигал Жолтовского на премию за 1940 г. Имеется лишь рекомендательное письмо от 15 января 1941 г. за подписью директора Московского архитектурного института М.А. Остапенко в поддержку ранее уже выдвинутого кандидата⁴⁹. К документу приложены копия знаменитой записки Луначарского Ленину с рекомендацией Жолтовского (1918), автобиография архитектора и личный листок по учёту кадров⁵⁰.

По-видимому, выдвижение в 1940 г. производилось по совокупности ранее выполненных работ. Во всяком случае, аналогичную формулировку мы встречаем в документах, поданных на конкурс 1943 г. 31 января 1944 г. состоялось заседание президиума Союза советских архитекторов под председательством К.С. Алабяна, на котором обсуждались кандидатуры на присуждение премий по разделу «архитектура». Среди присутствующих были академики А.В. Щусев, Б.М. Иофан, Л.В. Руднев, С.Е. Чернышёв и члены-корреспонденты Д.Е. Аркин и В.А. Шквариков. В итоге было решено выдвинуть кандидатуры Жолтовского и В.А. Веснина «за выдающиеся заслуги и многолетнюю и плодотворную деятельность в области архитектуры»⁵¹. Соответствующие материалы направлены в Комитет по премиям 31 января и 2 февраля 1944 г.⁵² 28 февраля 1945 г.

⁴⁵ Хмельницкий Д. Архитектура Сталина... С. 263—274.

⁴⁶ Разоблачить носителей буржуазного космополитизма и эстетства в архитектурной науке и критике // Архитектура и строительство. 1949. № 2. С. 7—10.

⁴⁷ Корнфельд Я.А. Лауреаты Сталинских премий в архитектуре 1941—1950. М., 1953. См. также: Архитектура и строительство. 1950. № 3. Обложка; Праздник советской архитектурно-строительной культуры // Там же. С. 1—5; Былинкин Н. Сталинские премии за архитектуру жилых домов // Там же. № 4. С. 7—15; Ощепков Г. Полноценное решение архитектуры жилого дома // Там же. № 8. С. 9—14; Шасс Ю. Интерьер и планировка квартир // Там же. № 9. С. 7—10; Володин П.А. Новые жилые дома. М., 1952. С. 12—44.

⁴⁸ Во время войны, с 1943 по 1945 г., вручение премий было приостановлено, лауреатов за эти годы назвали лишь в 1946 г.

⁴⁹ РГАЛИ, ф. 2073, оп. 7, д. 2, л. 94—96.

⁵⁰ Там же, л. 97—100.

⁵¹ Там же, д. 14, л. 119.

⁵² Там же, л. 121—122.

правление Союза советских архитекторов подтвердило свой недавний выбор⁵³, а в документах от 25 марта 1946 г. наряду с названными возникла и кандидатура Щусева⁵⁴. Но ни в 1940, ни в 1945, ни в 1946 гг. кандидатура Жолтовского на заседаниях Комитета по премиям не обсуждалась.

В 1947 г., в связи с 80-летием зодчего, его вновь выдвинули на получение премии — с «юбилейной» формулировкой «за многолетнюю выдающуюся деятельность». Инициаторами, как и прежде, выступили Союз архитекторов в лице Алабяна и Учёный совет Московского архитектурного института в лице И.В. Рылского и В.Д. Кокорина⁵⁵. На сей раз отказ от рассмотрения Жолтовского оказался мотивирован и формализован: «Кандидатура не рассматривалась в виду отсутствия премии за многолетнюю деятельность»⁵⁶. Этот неудачный опыт, очевидно, учли, и на премию за 1949 г. архитектор выдвигался с конкретным объектом — жилым домом Хозяйственного управления Совета министров СССР на Большой Калужской ул., д. 11.

Достоин внимания то, что успех выдвижения вдохновил Жолтовского и его доброжелателей на новую попытку. Следующее выдвижение произошло в январе 1954 г. с жилым домом Хозяйственного управления МВД СССР на Смоленской пл. (тогда — ул. Чайковского), охарактеризованным «как архитектурное произведение, отличающееся высоким уровнем мастерства, проявленным как в композиции здания в целом, так особенно в архитектуре башенной части, в разработке архитектурно-художественных деталей, а также во внутренней планировке жилых и служебных помещений»⁵⁷. Инициаторами выступили Союз архитекторов и его Московское отделение.

В отличие от дома на Большой Калужской здание на Смоленской пл. имело более запутанную историю строительства. Известно, что 31 октября 1944 г., согласно предложению начальника Главного управления военно-промышленного строительства при СНК СССР А.Н. Прокофьева, начальник Центрального управления военного проектирования (Военпромпроект) Мовшович направил Жолтовскому предложение взять на себя переработку составленного ранее проекта д. 13 по Смоленской пл. для размещения аппарата Главвоенпромстроя⁵⁸. Таким образом, изначально здание предполагалось использовать не как жилой дом, а для административных нужд. Приём здания в эксплуатацию государственной комиссией проходил посекционно, последние строительные и отделочные работы были закончены летом 1953 г.⁵⁹ Когда именно сменились ведомственная принадлежность и функциональное назначение этого дома, выяснить из просмотренных документов не удалось.

Однако дискуссия, вспыхнувшая в секции ИЗО и архитектуры Комитета по премиям, оказалась вызвана, конечно, не этими метаморфозами. Заседания проходили почти в прежнем составе — за исключением отсутствовавшего Фадеева и появившегося секретаря правления Союза архитекторов Г.А. Захарова. «Дом на Калужской и дом на Смоленской, они были начаты постройкой одновременно, у них планы одни и те же, секции одни и те же, и в архитектуре

⁵³ Там же, л. 121.

⁵⁴ Там же, л. 120.

⁵⁵ Там же, д. 23, л. 138—142.

⁵⁶ Там же, оп. 1, д. 29, л. 60.

⁵⁷ Там же, оп. 8, д. 12, л. 144.

⁵⁸ Там же, оп. 1, д. 165, л. 32.

⁵⁹ Там же, оп. 8, д. 12, л. 146.

они одинаковы за исключением ряда деталей, — объяснял членам секции Власов, выступая на заседании 23 марта 1954 г. — На одном Иван Владиславович из-за большой длины здания пошёл на другой карниз, а так это одни и те же дома. Неудобно, если мы поставим на голосование, а его забаллотируют». Прислушавшись к этим соображениям, собравшиеся принялись обсуждать возможность присуждения Жолтовскому премии в порядке исключения — не за конкретный проект, а по совокупности работ. Против этого высказался Мордвинов, напомнивший о былых попытках удостоить Жолтовского Сталинской премии с такой формулировкой⁶⁰.

29 марта 1954 г. в связи с отсутствием фамилии зодчего в списках кандидатов, выдвинутых на соискание премии, Московское отделение Союза архитекторов в лице заместителя председателя его правления Н.И. Курочкина вновь обратилось в Комитет по премиям с просьбой о включении Жолтовского в список кандидатов — как автора жилого дома на Смоленской площади, так и «по совокупности творческой, научной и педагогической деятельности»⁶¹. Очередное заседание секции ИЗО и архитектуры состоялось 2 апреля, и решение выдвинуть его всё-таки было принято. Подоплёку этого раскрыл Кеменов: «Мы тут можем просить Правительство, учитывая его преклонный возраст, в виде исключения, дать ему за проекты, не дожидаясь окончания постройки. Поскольку такой прецедент был — по высотным домам авторы получили за проекты. Вот это единственный правильный путь. Мне кажется, что этот дворец [ВЦСПС] очень интересен, или ипподром, он производит великолепное впечатление. Или дать один или два крупнопанельных дома, которые легко защитить»⁶².

Последние документы фонда носят резюмирующий характер: «Поскольку архитектурное решение жилого дома на Смоленской площади является лишь вариантом решения жилого дома на Б. Калужской улице, за который Жолтовскому была уже присуждена премия Второй степени, Комитет не счёл возможным представить его к присуждению Премии. Отмечая большие заслуги Жолтовского перед советской архитектурой, Комитет решил присудить ему Премию в порядке исключения за архитектурные проекты: здание ВЦСПС на Крымской набережной в Москве, строящиеся сооружения Московского ипподрома, проекты крупнопанельных жилых домов и проект санатория “Горный” в Ялте»⁶³. Секция по ИЗО и архитектуре рекомендовала включить эти работы в бюллетень, имея в виду премию 2-й степени. При голосовании кандидатура Жолтовского получала 51 голос из 54, из них за премию 1-й степени — 38 голосов, 2-й степени — 11 и 3-й — 2 голоса⁶⁴. Таким образом, архитектора представили к присуждению Сталинской премии 1-й степени с новой формулировкой⁶⁵.

Номинально вторую Сталинскую премию 1-й степени Жолтовскому присудили в 1954 г. Текст постановления был готов⁶⁶, однако в связи со смертью

⁶⁰ Там же, оп. 2, д. 31, л. 229; оп. 8, д. 12, л. 141.

⁶¹ Там же, оп. 8, д. 12, л. 145.

⁶² Там же, оп. 2, д. 31, л. 285—286; оп. 8, д. 12, л. 137—138.

⁶³ Там же, оп. 2, д. 35, л. 112; д. 39, л. 101; оп. 8, д. 12, л. 134.

⁶⁴ Там же, оп. 2, д. 34, л. 111; д. 35, л. 112; д. 39, л. 101; оп. 8, д. 12, л. 134.

⁶⁵ Там же, оп. 2, д. 34, л. 34, 65.

⁶⁶ Там же, л. 53—80. Опубликованный текст проекта постановления Совета министров СССР от ... 1954 г. № ... «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1952 и 1953 годы» см.: Сталинские премии: две стороны одной медали... С. 633—650. Раздел «Архитектура» — с. 641.

Сталина оно осталось неподписанным — как и постановление о присуждении премий за 1952—1953 гг. (премии за эти годы объединили).

Изучив архивные документы, можно прийти к следующим выводам. Жолтовский неоднократно выдвигался на премию, что выглядит вполне естественным, учитывая его особое положение в архитектурной иерархии — ко времени первой номинации (1940) он имел амплуа главного теоретика и практика архитектуры. Экзотичность ситуации заключалась не только в преклонном возрасте номинанта (в 1950 г. ему исполнилось 83 года), но и в том, что выдвигался он по сумме заслуг, накопившихся с начала 1930-х гг. Лишь в 1949 г. выдвижение кандидатуры зодчего прошло с соблюдением требований — т.е. за конкретное творческое достижение⁶⁷.

По мнению Хмельницкого, премирование Жолтовского сразу после кратковременной травли было сознательной издёвкой Сталина над своими клеветами, готовыми поносить и возвеличивать кого угодно по указке сверху. Документы по премии 1949 г. не опровергают подобную трактовку. Эти полные недомолвок и намёков «дебаты» скорее добавляют оттенки в красочное полотно. Политическая природа вердикта видна из реплик Фадеева и других членов Комитета. Неоднократные попытки почтить «патриарха» зодчества присуждением Сталинской премии по совокупности заслуг указывают на более чем скромные шансы Жолтовского удостоиться награды при отсутствии поддержки в высших эшелонах власти. Появление такой поддержки, по-видимому, отразилось и в корректно сформулированной заявке на премию 1949 г., и в избавлении от гонений. Однако выявить конкретных лиц, как и механизмы поддержки ими кандидатуры зодчего, на основе изученных архивных материалов не представляется возможным. Нельзя исключать, что кулуарные договорённости могли и вовсе не получить отражения в каких-либо документах или материалах. Несомненно лишь то, что неожиданная «милость» к Жолтовскому вписывалась в сценарий очередного акта внутривластной борьбы.

Ещё один знаменательный факт, последовавший, правда, уже после премирования: распоряжением Совмина СССР за подписью Сталина от 5 сентября 1951 г. архитектурная мастерская-школа Жолтовского была включена в состав Архитектурно-планировочного управления Москвы в качестве отдельной, состоящей на государственном бюджете учебно-проектной организации 1-й группы. На неё оказались возложены «проектирование зданий и сооружений в Москве, а также творческое и производственное воспитание, в процессе проектирования и строительства, высококвалифицированных зодчих — мастеров архитектуры»⁶⁸. Как следствие, при выдвижении Жолтовского на премию 1953 г. члены Комитета (включая даже коллег-архитекторов) оказались гораздо более лояльны к его кандидатуре.

⁶⁷ Здесь стоит отметить, что коллега и почти сверстник Жолтовского А.В. Шусев (1873—1949) был удостоен Сталинской премии четыре раза (в 1941, 1946, 1948 и 1952 гг.). См.: Произведения академика А.В. Шусева, удостоенные Сталинской премии. М., 1954.

⁶⁸ Российский национальный музей музыки, ф. 318, ед. хр. 1041, л. 13.

Профессионализация советского спорта в условиях холодной войны (1946—1959)

Елена Зубкова, Александр Куприянов

Professionalization of Soviet sports in the Cold War (1946—1959)

Elena Zubkova, Aleksandr Kupriianov

(both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870008281-0

В последние годы проблема истории холодной войны находится в центре внимания мировой историографии, в том числе посвящённой спорту¹. Однако зарубежные исследователи истории советского спорта изучали в основном вопросы, связанные со вступлением Советского Союза в мировое олимпийское движение, с организованными США и СССР бойкотами XXII и XXIII летних Олимпиад: Москва (10 июля — 3 августа 1980 г.), Лос-Анджелес (28 июля — 12 августа 1984 г.). Редким исключением оказался международный проект «Глобальная история спорта в годы холодной войны» («The Global History of Sport in the Cold War»). В рамках проекта было проведено несколько конференций, а в 2019 г. вышел сборник статей и эссе², авторы которых рассмотрели проблему спорта в социальном, политическом, дипломатическом и культурном аспектах. В сборнике рассмотрен ряд новых проблем истории советского спорта в годы холодной войны: использование достижений футбольной команды «Динамо» Тбилиси разными политическими силами; зарождение движения футбольных фанатов в Москве; роль визита 1971 г. А.Н. Косыгина в Северную Америку в принятии решения о проведении серии встреч между канадскими «профессионалами» и советскими «любителями». В начале 1990-х гг. в России были раскритикованы многие документы, и исследователи получили доступ к советским партийным архивам, что позволило по-новому взглянуть на проводившуюся в сфере спорта государственную политику. М.Ю. Прозуменищikov³ впервые на основе широкого круга архивных источников рассмотрел проблему использования «большого спорта» в качестве мощного идеологического оружия в противостоянии двух политических систем и проанализировал соответствующую деятельность советского руководства. Тема влияния холодной войны на спорт высших достижений затрагивается в статье С.С. Дементьева⁴, охарактеризовав-

© 2020 г. Е.Ю. Зубкова, А.И. Куприянов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00647.

¹ East Plays West: Sport and the Cold War / Ed. by S. Wagg, D.L. Andrews. N.Y., 2007; Sarantakes N.E. Dropping the Torch: Jimmy Carter, the Olympic Boycott, and the Cold War. N.Y., 2011; Parks J. The Olympic Games, the Soviet Sports Bureaucracy, and the Cold War: Red Sport, Red Tape. Lanham (Maryland), 2017.

² The Whole World Was Watching: Sport in the Cold War / Ed. by R. Edelman, C. Young. Stanford, 2019.

³ Прозуменищikov М.Ю. Большой спорт и большая политика. М., 2004.

⁴ Дементьев С.С. «Холодная война»: роль хоккейного противостояния в отношениях СССР, Канады и США // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2012. № 2. С. 73—78.

шего советско-североамериканское хоккейное противостояние 1972—1991 гг. Заслуживают внимания и дальнейшей разработки исследовательские проблемы, поднятые М. О'Махоуни, который обратил внимание на изменение репрезентаций спорта, включая гендерные аспекты, в советской визуальной культуре после начала холодной войны⁵.

В целом многие существенные вопросы заявленной темы пока не изучены ни российскими⁶, ни зарубежными исследователями. Проблема профессионализации спорта в СССР представлена лишь на примере футбола, где этот процесс начался ещё в 1930-х гг.⁷ Как обстояло дело с признанием занятий спортсменами не делом физкультурников-любителей, а мастеров, получавших вознаграждение за свой труд в других видах спорта, ещё предстоит выяснить.

Данная статья посвящена перипетиям становления профессии спортсмена в период холодной войны. В связи с общей периодизацией последней, а также структурной реорганизацией управления спортом в Советском Союзе выбраны и хронологические рамки исследования. 1946 г. — обострение противостояния капиталистической и социалистической систем, 1959 г. — пик «оттепели» в международных отношениях (американская выставка в Сокольниках, визит главы СССР Н.С. Хрущёва в Америку); тогда же в русле общего курса советского лидера на усиление роли общественных организаций по мере «продвижения к коммунизму» руководство спортом из Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР (Спорткомитета) было передано Союзу спортивных обществ и организаций СССР.

До Второй мировой и Великой Отечественной войн спорт рассматривался с идеологических позиций. У «них» (в странах Запада) он был буржуазным (с профессиональными атлетами, элитарностью, коммерциализацией, рекордоманией и прочими пороками), у «нас» (в СССР) — неким эталоном массового физкультурного движения для трудящихся⁸, в любой момент готовых встретить врага (отсюда — особое внимание партии и правительства к военно-прикладным видам спорта).

По окончании войн в условиях создания нового пространства возможностей для развития международных контактов руководители советского спорта стремились поднять его (и собственный) международный престиж. Они заявили о необходимости повышения роли Комитета по физической культуре и спорту при СНК СССР, прежде всего в расширении его компетенции в сфере международных связей, уже в конце войны. Председатель комитета В.В. Снегов в письме первому заместителю председателя СНК В.М. Молотову 15 февраля 1945 г. просил командировать четверых-пятерых руководителей советского спорта в США, Канаду, Англию и Францию, чтобы понять особенности его развития и наладить контакты с главами спортивных организаций.

⁵ О'Махоуни М. Спорт в СССР: визуальная культура — физическая культура. М., 2010.

⁶ Баишев Н.И. Спортивная повседневность в СССР как историографическая проблема // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10. С. 153.

⁷ Бутов С.В. Развитие советского футбола в 1921—1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2007; Эдельман Р. Серьёзная забава. История зрелищного спорта в СССР. М., 2008.

⁸ Поэтическим отражением этого подхода к буржуазному и советскому спорту стали стихи юного Е. Евтушенко: «Под грохот трещоток дробный, / В залах, где воздух спёрт, / Ломаются руки и рёбра — / И это у них спорт!.. / А наш спорт вошёл в будни, / Любят его везде. / Спорт — это верный спутник, / Лучший помощник в труде» (Евтушенко Е. Два спорта // Советский спорт. 1949. 2 июня).

Обосновывалась эта просьба тем, что за рубежом спорт имел «значение крупного внутривнутриполитического и внешнеполитического фактора. Это в значительной степени предreshает оживлённые международные спортивные сношения советских спортсменов с заграничными... если качественные результаты выступлений советских спортсменов будут соответствовать международному весу и авторитету СССР»⁹.

В более общей и значимой форме новую политику Спорткомитета Снегов обосновал в записке заместителю наркома иностранных дел СССР И.М. Майскому от 19 марта 1945 г. Ссылаясь на беседы начальника международного отдела Спорткомитета Непомнящего с заведующими отделами НКВД СССР, когда «последние указывали на необходимость готовиться к участию в международных соревнованиях», Снегов подчёркивал, что комитет «не имеет возможности вступить непосредственно в контакт с международными спортивными организациями самостоятельно». Эта просьба иллюстрирует изоляцию, в которой находился советский спорт в 1920-х — первой половине 1940-х гг. из-за общей политики большевистского руководства. В записке предлагалось покончить с этой ненормальной ситуацией и через посольство СССР в Лондоне уведомить все находившиеся там международные спортивные организации о возможности непосредственного контакта с советским Спорткомитетом¹⁰.

Вклад Советского Союза в победу над фашизмом был неоспорим (страна вошла в разряд великих держав), и это осознание возросшего влияния государства на международной арене привело к переосмыслению роли спорта высших достижений в первой стране социализма, преимущества которого требовалось продемонстрировать всему миру. Выполнить эту задачу можно было либо довоенным путём (тогда советские спортсмены встречались с соперниками из пролетарских физкультурных организаций и атлетами из стран Востока — Турции, Ирана), либо, резко подняв уровень спорта высших достижений, стать конкурентоспособными в соревнованиях с ведущими европейскими и американскими странами. Второй путь неизбежно предполагал перевод спорта высших достижений на профессиональную основу. В СССР ещё до войны так развивался лишь футбол — самый популярный вид спорта. В тех условиях только в нём, хотя бы в основном, компенсировались затраты на организацию соревнований и выплату зарплат спортсменам и тренерам.

Расширение международных спортивных связей «подталкивало» к профессионализации всех видов спорта, входивших в программы Олимпийских игр. Поскольку официально в них участвовали только спортсмены-любители, при точном соблюдении соответствующих правил советские атлеты не имели бы возможности доминировать на международных стартах, следовательно, требовалась профессионализация спортсменов. Практики содержания на окладе мастеров спорта были широко распространены с довоенных времён, но они имели неофициальный, несанкционированный верховной властью характер. Ни в правительстве, ни в ЦК ВКП(б) на эту закулисную сторону советского спорта не обращали внимания. Однако ею заинтересовались бюрократы от комсомола, который лишь помогал профсоюзам в организации массового спорта, занимаясь идеологическим воспитанием советской молодёжи. Комсомольские чиновники во главе с секретарем ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайловым настойчиво

⁹ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, д. 9, л. 24.

¹⁰ Там же, л. 38—38 об.

поднимали тему незаконных выплат спортсменам и различных отступлений последних от норм социалистической морали. Комсомольское руководство фактически развернуло борьбу под лозунгом: «Нет буржуазным нравам в советском спорте». Председатель Спорткомитета Н.Н. Романов (к тому времени сменивший Снегова) послушно шёл вслед за своим недавним комсомольским лидером, продолжая критиковать в том же духе руководителей спортивных организаций. Итогом слаженной работы этого «дуэта» стала их совместная записка о крупных недостатках в работе добровольного спортивного общества (ДСО) «Динамо», направленная 12 ноября 1946 г. секретарям ЦК А.А. Жданову, А.А. Кузнецову, Н.С. Патоличеву, Г.М. Попову и министру внутренних дел СССР С.Н. Круглову: «Считаем необходимым доложить Вам, что в спортивное общество “Динамо” проникли буржуазные, чуждые советскому спорту нравы. Многие спортсмены “Динамо” нигде не работают, стоят вне общественно-политической жизни страны, оторваны от низовых физкультурных коллективов. В спортивном обществе получила широкое распространение практика содержания спортсменов на различных фиктивных должностях, незаконная выплата им денежных средств»¹¹.

Разумеется, аналогичные явления наблюдались и в других ДСО, но объектом нападков по конъюнктурным соображениям сделали «Динамо». Уместно напомнить о том, что эта записка была составлена в непростое для СССР, как и для других стран Европы, время. С одной стороны, огромные трудности восстановления разрушенного войной народного хозяйства, массовая демобилизация, дефицит пригодных для проживания площадей, нехватка продуктов питания, карточная система, бедность большинства населения, с другой — холодная война, начавшаяся после речи У. Черчилля в Фултоне и ответа И.В. Сталина на вопросы корреспондента газеты «Правда». Логика этой войны в условиях авторитарного Советского государства (как и в некоторых демократических странах, например, в США) неизбежно требовала «охоты на ведьм». В Советском Союзе она началась с интеллигенции и представляла собой идеологические кампании, проходившие под лозунгом борьбы с «низкопоклонством перед Западом». 14 августа 1946 г. вышло партийное постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”»; 26 августа — «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», 4 сентября — «О кинофильме “Большая жизнь”».

В «охоту на ведьм» активно включились лидеры ВЛКСМ, к которым примкнули и спортивные функционеры. Так, Михайлов и Романов выступили со следующими политическими обвинениями: «Мы считаем, что руководители спортивного общества “Динамо”, прибегая к методам *отрыва мастеров спорта от их основных занятий, превращения их в профессиональных спортсменов* (здесь и далее курсив мой. — А.К.), по существу способствуют проникновению в среду... нравов буржуазного спорта, что уводит спортсменов в сторону от общественно-политической жизни, способствует процветанию пошлой буржуазной морали среди некоторых из них»¹².

Впрочем, конфликтовать с председателем этого ДСО генерал-полковником А.Н. Аполлоновым (Боголюбовым), занимавшим должность заместителя министра внутренних дел, они не рискнули, сделав главным объектом критики

¹¹ Там же, д. 12, л. 128.

¹² Там же, л. 130.

заместителя председателя центрального совета (ЦС) «Динамо» Т.А. Бирюкова. Он якобы «забыл, что аполитичность “спорт для спорта” чужда нашему физкультурному движению... что наш спорт является средством воспитания советских людей и в особенности молодёжи»¹³. Аполлонов же, признав отмеченные недостатки во время состоявшейся в ЦК ВЛКСМ беседе, остался на своём посту, став вскоре преемником Романова — председателем Спорткомитета. Судя по тому, что после ухода Аполлонова Бирюков стал председателем ЦС «Динамо», к нему тоже не были применены серьёзные санкции. Таким образом, «охота на ведьм» трансформировалась в «охоту на волков», которая не удалась из-за того, что её объект оказался слишком силён для «загонщиков» и ушёл за «флажки».

Между тем холодная война, как это ни парадоксально, привела к расширению международных спортивных контактов. Очевидно, имело место наложение двух процессов: инерции союзнических отношений периода войны и начавшейся конфронтацией СССР с США, Великобританией и Канадой. Противостояние неизбежно должно было затронуть различные сферы общественной жизни: литературу, театр, музыку, кинематограф, спорт. Именно в спорте наглядно и наиболее убедительно можно было показать преимущество той или иной страны. Однако задача подготовки спортсменов СССР к международным соревнованиям противоречила целям идеологических кампаний, направленных на дисциплинирование советского человека¹⁴. Этим и объясняются противоречивые государственные решения, принятые в 1946—1947 гг. в области спорта. С одной стороны, осуждались «незаконные выплаты» спортсменам, их «роскошный» по сравнению с обычными гражданами образ жизни, нескромное поведение, с другой — шёл процесс профессионализации спорта, и, согласно секретным постановлениям партии и правительства, ведущие спортсмены за успехи в соревнованиях и установление рекордов получали материальное вознаграждение в виде солидных персональных окладов и внушительных премий.

Общение спортивных функционеров с партийными и комсомольскими работниками не было односторонним. О необходимости введения «окладов» для членов сборных команд СССР Романов смог убедить не только Михайлова, но и босса советских профсоюзов В.В. Кузнецова. 25 ноября 1946 г. эти чиновники направили заместителям председателя Совета министров СССР К.Е. Ворошилову, Л.П. Берии и секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову соответствующую записку. В ней, в частности, отмечалось, что «мастера спорта, числясь на той или иной должности, фактически не работают». Всех мастеров спорта (1 580 человек) предлагалось разделить на две группы: «спортсменов, не имеющих серьёзных достижений и могущих с успехом совмещать свою спортивную деятельность с работой на производстве или в спортивных организациях», и «выдающихся мастеров спорта, входящих в сборные команды, являющихся чемпионами и рекордсменами СССР». Представителей первой группы предлагалось отправить «на производство» или использовать в качестве тренеров и инструкторов физкультуры, второй (475 спортсменов, 30% мастеров

¹³ Там же, л. 130—131.

¹⁴ *Зубкова Е.Ю.* Советское послевоенное общество: политика и повседневность. 1945—1953 гг. М., 1999; *Кимерлинг А.С.* Выполнять и лукавить. Политические кампании поздней сталинской эпохи. М., 2017; *Тихонов В.В.* Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х—1953 г.). М., 2016.

спорта страны, «защищающих престиж советского спорта в международных соревнованиях») — считали нецелесообразным «определять на производство». Заботу о членах сборных, по мнению авторов записки, следовало узаконить в «государственном порядке», «создав им необходимые условия для усиленной тренировки и совершенствования, чтобы обеспечить более быстрый рост спортивных достижений в СССР и необходимую подготовку спортсменов к выступлениям на международных соревнованиях»¹⁵.

В подписанном Романовым секретным приказе по Спорткомитету от 31 декабря 1947 г. тренировки и соревнования элитных спортсменов (членов и кандидатов в сборные команды СССР) были признаны «работой». Называя негативные явления, проявлявшиеся при выдаче окладов через советы спортивных обществ (недостаток средств на местах, несвоевременные выплаты, нарушение секретности), председатель Спорткомитета констатировал: «Всё это приводит к тому, что лучшим спортсменам не создаются необходимые условия для работы»¹⁶. Однако таковой признавались занятия спортом пока лишь в рамках спортивного ведомства, так как ни в ЦК, ни в Совете министров СССР не был утверждён новый статус мастеров спорта.

Введение персональных и штатно-должностных окладов для спортсменов в 1947 г. стало важным шагом на пути признания за ними профессионального статуса: кроме денежного содержания впервые были оговорены их права и обязанности. В 1950 г. Аполлонов (как председатель Спорткомитета) информировал Ворошилова, что «основными обязанностями каждого из спортсменов, зачисляемых в штаты, установлено: ведение систематической тренировки в целях повышения спортивно-технических достижений, повышение образовательного уровня (учёба, по преимуществу в одном из физкультурных учебных заведений) и передача своего спортивного опыта молодёжи»¹⁷.

Согласно стенограмме совещания у секретаря ЦК ВКП(б) М.А. Сулова (апрель 1948 г.) руководители Спорткомитета, выбивая для спортсменов штатные ставки (по традиции второй половины 1930-х гг. именуемые «спортивные стипендии») и продвигая процесс признания их труда профессиональным занятием, вынуждены были придерживаться официальной риторики, подыгрывая высшему начальству. Процесс легализации спортивного профессионализма вызывал недовольство секретарей ЦК ВЛКСМ, а также представителей среднего звена номенклатуры из Совета министров и ЦК ВКП(б) (КПСС) — бюрократического фильтра между Спорткомитетом и верховной властью. К тому же в ЦК партии спорт курировали в основном далёкие от него сотрудники управления пропаганды и агитации. Руководство Спорткомитета время от времени убеждало своё начальство в отсутствии в СССР профессиональных спортсменов: «Растущий уровень спорта требует упорной работы над повышением достижений. Участники сборных команд в течение трёх-четырёх лет, когда им удаётся достичь и поддерживать наиболее высокие результаты для выступления на международных соревнованиях, нуждаются на это время в освобождении от работы. Таким образом, *персональный оклад спортсмена — не профессиональный*

¹⁵ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, д. 12, л. 132—133.

¹⁶ Там же, д. 15, л. 188.

¹⁷ Там же, д. 57, л. 35.

заработок, а необходимый на время пребывания в сборной команде страны источник, возмещающий заработную плату»¹⁸.

Что на самом деле имели в виду руководители советского спорта, делая такой вывод, достоверно установить невозможно. Пытались ли они своими уверениями обмануть советскую партийно-комсомольскую номенклатуру или же верили в то, что говорили? Вероятно, одни из них искренне считали, что спорт не является профессией, поскольку ежегодно после чемпионатов СССР Спорткомитет утверждал должностные оклады, производя ротацию атлетов, которые после окончания выступления за сборную или за клуб меняли сферу деятельности. Думается, таких наивных дилетантов было немного. Большинство составляли те, кто имели собственное спортивное прошлое или много общались со спортсменами, тренерами в неформальной обстановке, понимая, что утверждение об отсутствии профессионального спорта в СССР есть не что иное, как лукавство. Отстояв смену у станка, человек не мог по вечерам проводить многочасовые интенсивные тренировки, позволявшие ему совершенствовать своё спортивное мастерство. Тем более что в эти годы постепенно утверждался другой алгоритм тренировок: два занятия в день, что позволяло увеличить интенсивность физических нагрузок спортсмена.

Партийно-государственное руководство СССР утверждало всё в спортивной сфере (от штатного расписания команд до размеров суточных выезжавших в ту или иную страну атлетов, тренеров, чиновников). Однако в её повседневные проблемы оно, обременённое многочисленными обязанностями, не вникало, его интересовала лишь целесообразность участия советских спортсменов в международных стартах, а также воспитательное значение спорта. Между спортивными функционерами и властью словно существовала негласная «конвенция»: первые «честно» заявляли, что профессионального спорта в стране нет, вторые делали вид, что этому верят. Руководство Спорткомитета иногда пыталось ненавязчиво донести до советских вождей информацию (в том числе с помощью обзоров зарубежной прессы), что на Западе советский спорт всё равно считают профессиональным, что не такой уж большой порок. В этой связи особым подарком для Спорткомитета в канун подготовки к XV Олимпийским играм в Хельсинки (19 июля — 3 августа 1952 г.) стало письмо в «Таймс» (перепечатанное бельгийской газетой «Ле спор») первого заместителя Верховного главнокомандующего Объединёнными силами НАТО в Европе британского фельдмаршала Б.Л. Монтгомери. Он призвал сделать игры открытыми для всех сильнейших спортсменов без различия их статуса — для любителей и профессионалов. Констатировав, что в СССР нет и не может быть любительского спорта, Монтгомери приветствовал решение Международного олимпийского комитета (МОК) допустить советских атлетов на Олимпийские игры как важный шаг, способствующий сближению Востока и Запада, «чтобы помешать нам встретиться на поле битвы»¹⁹.

Отмечу, что обстановка холодной войны не сразу сказалась на политической линии и риторике руководителей Спорткомитета относительно спорта высших достижений. Во второй половине 1940-х гг. спортивные боссы обосновывали актуальность предоставления окладов выдающимся мастерам и членам (кандидатам) в сборную СССР «производственной необходимостью» —

¹⁸ Там же, д. 204, л. 39—40.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 571, л. 91—93.

созданием условий для успешной подготовки к международным стартам, а также пропагандистским значением советских побед в любых соревнованиях вне зависимости от их масштаба и силы соперников. В процессе подготовки к Олимпийским играм 1952 и особенно 1956 г. руководители Спорткомитета мотивировали выделение дополнительных ставок для спортсменов и тренеров противостоянием с западными странами, прежде всего с США. Так, в записке Министерства здравоохранения СССР (Спорткомитет был в его составе в 1953 г. — начале 1954 г.) председателю Совета министров СССР Г.М. Маленкову указывалось: «В капиталистических странах, особенно в США, буржуазные спортивные организации широко практикуют создание команд по видам спорта при высших учебных заведениях, которые содержат на специальной оплате... В настоящее время спортивные организации США принимают дополнительные меры по вербовке высококвалифицированных спортсменов в американские команды, организуя переезды лучших спортсменов и тренеров Европы и Азии в США. Всё это делается с одной целью, чтобы не допустить победы советских спортсменов на мировых первенствах»²⁰.

Воспользоваться практикой «натурализации» спортсменов из других стран в те годы было абсолютно невозможно. Однако упоминание об особенностях подготовки к Олимпийским играм в США позволяло поставить вопрос о том, чтобы партия и правительство СССР сделали всё возможное для появления в стране высококлассных спортсменов (предоставило стадионы, деньги, инвентарь, медико-фармакологическое обеспечение и т.д.). Романов (с 1951 г. — вновь руководитель Спорткомитета) так обусловил направленную в ноябре 1955 г. в Совет министров СССР просьбу о «дополнительных ставках»: «Чтобы обеспечить подготовку своих спортсменов к Олимпиаде, правительство США возложило эту работу на военное ведомство, которое собирает лучших спортсменов в армию, где они кроме спортивной подготовки ничем не занимаются. Кроме того, в США имеются сотни профессиональных команд по хоккею, баскетболу, а спортсмены — легкоатлеты, пловцы, штангисты, боксёры и по другим видам спорта содержатся в массовом количестве на специальной оплате в колледжах и других учебных заведениях. По этому же пути сейчас идут в Англии, Франции, Швеции и других странах»²¹.

Аргументация главы Спорткомитета выдержана в «лучших» традициях советской пропаганды, когда факты беззастенчиво смешивались с откровенной ложью. Число профессиональных команд по баскетболу и хоккею было завышено на порядок (вместо реальных «десятков» команд — «сотни»), а главное, Романов прекрасно знал, что ни НБА, ни НХЛ не отправили бы своих игроков ни на Олимпийские игры, ни на чемпионаты мира. Да и игроки профессиональных лиг не могли в те годы участвовать в Олимпийских играх из-за жёсткого определения статуса «любительства». Однако Романов намеренно искажил информацию (надеясь, что в Совете министров не обратят на это внимания) ради благой цели — «обеспокоить» вождей спортивной мощью США, чтобы «выбить» дополнительные ставки для спортсменов и тренеров.

Со временем у спортивных чиновников появился и другой аргумент: «В странах народной демократии сборные команды по видам спорта находятся на государственном обеспечении». Особенно заметными стали достижения

²⁰ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, д. 120, л. 50.

²¹ Там же, д. 158, л. 153.

«маленькой» Венгрии. На Олимпийских играх 1948 г. в Лондоне она разделила по числу золотых (10) наград 3—4 место с Францией, ещё успешнее выступила на следующих играх в Хельсинки, где заняла третье место в неофициальном командном зачёте, завоевав 16 золотых медалей, всего на 6 меньше, чем СССР.

Следующим важным шагом в деле признания за спортсменами профессионального статуса стало принятое в 1954 г. «Положение о мастерах спорта и особо выдающихся спортсменах, входящих в состав сборных команд СССР, зачисляемых на штатные должности комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР». В нём права и обязанности спортсменов определялись более детально. Если в положении от 14 марта 1950 г. на ДСО возлагалась забота о трудоустройстве мастеров, завершивших спортивную карьеру, то теперь уточнялось, что «в случае возвращения спортсменов после отчисления со штатных должностей на прежнее место работы им сохраняется непрерывность трудового стажа». Но самое главное — в новом положении был пункт, свидетельствующий о значительном прогрессе в деле юридического признания за спортсменами профессионального статуса: «Изложенные в п. 9 настоящего положения обязанности спортсменов, зачисленных на штатные должности, рассматриваются как выполнение ими служебных обязанностей в соответствии с действующим в СССР законодательством о труде»²².

И всё же уровень социальной защищённости спортсменов оставался низким. Пока они находились на окладах комитета или ДСО, занятия спортом признавались их основной трудовой деятельностью, на них распространялось законодательство о труде (предоставление ежегодного отпуска, бесплатное медицинское обслуживание, оплата больничных листов в случае болезни или травмы). Но после прекращения выступлений за сборные команды страны атлеты утрачивали немалую часть этих прав. В рассматриваемый период руководители советского спорта вели упорную борьбу с приверженцами псевдосоциалистических догм. Об этом свидетельствует отношение, направленное Н.Н. Романовым председателю ВЦСПС Н.М. Швернику (после смерти Сталина «перемещённому на профсоюзы» с поста председателя Президиума Верховного совета СССР). В документе сообщалось, что спортсмены после возвращения из состава сборной команды СССР на прежние места работы «оказывались в затруднительном положении в части оформления их правового положения за время пребывания в штате спортивных организаций». Не сохранялся непрерывный стаж работы каждого за время пребывания на персональных окладах в составе сборных команд. Романов напомнил Швернику, что эта проблема, озвученная ещё в августе 1949 г., до сих пор не решена. В результате глава ВЦСПС в условиях только начинавшейся либерализации проявил решительность, и в 1954 г. пребывание спортсмена на персональном окладе в сборной признали частью его непрерывного трудового стажа²³.

Однако не все наболевшие вопросы удалось решить (даже относительно членов сборной страны). В записке, направленной в ЦК КПСС в августе 1958 г., Романов заявил о проблеме инвалидности, наступавшей вследствие спортивных травм, предложив отнести их «к трудовому увечью»²⁴. Из контекста записки следует, что речь шла лишь об атлетах, зачисленных на персональные оклады.

²² Там же, д. 130, л. 102.

²³ Там же, д. 118, л. 20—21.

²⁴ Там же, д. 204, л. 41.

После признания за спортсменами права на пенсию по инвалидности в случае получения травмы, повлекшей потерю трудоспособности, можно считать, что растянувшийся на годы процесс оформления их профессионального статуса в основном завершился. Хотя данный статус имел временный легальный, но не публичный, а секретный характер, это не меняло его сути. В Советском Союзе была небольшая номенклатура профессий (от артистов балета до военнослужащих), представители которых заканчивали свою основную деятельность задолго до наступления пенсионного возраста. От этих групп граждан спортсмены отличались лишь непризнанием за ними права на получение пенсии по трудовому стажу на льготных условиях, что не вызывало возражений ни у атлетов, ни у спортивных руководителей.

Имело место и негативное воздействие холодной войны на процесс профессионализации спорта в Советском Союзе. В 1948 г. по незначительному поводу (поражения в товарищеских играх футбольных клубов и неудачное выступление конькобежцев на чемпионате мира) были отправлены в отставку председатель Спорткомитета Романов и несколько ответственных чиновников этого ведомства. В итоге возглавлявшие его лица (сначала Аполлонов, а затем вновь сменивший его Романов) стали перестраховываться, отказываясь отправлять на международные соревнования советских спортсменов в случае малейших сомнений в их победе. Такая практика привела к тому, что некоторые виды спорта вообще перестали культивироваться в СССР, а представители других не имели возможности соревноваться с зарубежными соперниками и совершенствоваться на мировом уровне.

В 1948 г. на совещании у Сулова Михайлов заявил, что в политике Спорткомитета в сфере большого спорта было сделано много ошибок. Например, он предоставлял стипендии мастерам спорта, достигшим «преклонного» для спорта возраста, и материально не поддерживал молодых атлетов, с которыми связывались будущие успехи. В результате этой критики были сокращены ставки для выдающихся мастеров, получавших от 2 до 3 тыс. руб., что позволило ввести дополнительные ставки для молодёжи, стремившейся в сборные команды.

В 1952 г. последовал серьёзный удар по самому крупному отряду профессиональных спортсменов — футболистам. Поводом к гневу власти стало неудачное выступление сборной по футболу на Олимпийских играх, когда в 1/8 финала она уступила Югославии в переигровке. По причине конфликта с И.Б. Тито этой встрече придавал особое значение Сталин, «лучший друг советских физкультурников» (не «спортсменов». — А.К.). Накануне переигровки он даже направил пространную телеграмму, чтобы подбодрить советскую команду. Случай уникальный, но «эффект от почти двухстраничного текста телеграммы оказался прямо противоположным, и к накопившейся физической усталости у игроков добавилась ещё и психологическая нервозность»²⁵.

В итоге команда ЦДКА, составлявшая костяк сборной, была расформирована, однако «идеологическая» проработка ударила по всем командам мастеров. «Проработка» тренеров и футболистов началась ещё в Хельсинки и продолжилась в Москве. Активную роль в кампании травли футболистов сыграл редактор газеты «Советский спорт» Н.И. Любомиров, направивший 11 ноября

²⁵ Прокуменщиков М.Ю. Обратная сторона советского футбола // Игра миллионов под партийным контролем. Советский футбол по документам ЦК КПСС / Под ред. Н.Г. Томилиной и М.Ю. Прокуменщикова. М., 2017. С. 28.

1952 г. записку секретарю ЦК КПСС Г.М. Маленкову. По мнению Любомирова, «провал» стал следствием того, «что футбол превращается из мероприятия спортивного в мероприятие зрелищное»²⁶. Этот ключевой тезис — иллюстрация положения, в котором находилась спортивная пресса в 1940—1950-х гг. Номенклатурный представитель ведущего спортивного СМИ упрекал советский футбол в зрелищности. Однако именно она, собирая полные стадионы болельщиков, и привлекала зрителей, благодаря которым футбольные команды должны были находиться на самоокупаемости. Такая «критика» показывает, что советские СМИ даже не пытались представить себя самостоятельными субъектами политики государства в сфере спорта. Выполняя заказ Спорткомитета, свою главную задачу Любомиров видел в том, чтобы с идеологических позиций нанести удар по зарвавшимся и зазнавшимся мастерам футбола: «Известно, что в настоящее время в стране на государственной стипендии содержится 33 футбольных команды с наличием в них около 900 футболистов»²⁷. Это была секретная информация: по мнению власти, советским людям не следовало знать о деньгах, которые за участие в матчах получали футболисты. Более того, лучшим из них после такого публичного признания мог быть закрыт путь на Олимпийские игры.

Неудачи футболистов на международной арене Любомиров связывал с серьёзными «пороками» в их воспитании и системе поощрения спортсменов: «Основным, если не единственным, стимулом для футболистов была материальная заинтересованность». Редактор «Советского спорта» бичевал практику их фиктивной занятости на производстве, в воинских частях, различных ведомствах, а также получения спортсменами вознаграждений за успешные выступления, недостаточной загруженности игроков тренировками. «Благодаря такому образу жизни, — утверждал он, — футболисты отвыкли от трудовой деятельности, привыкли к роскошной и лёгкой жизни и вследствие своей низкой культуры легко подвержены различным вредным влияниям и моральному разложению». Предложения редактора газеты сводились к возврату отечественного футбола на рельсы полулюбительства, «а персональные оклады должны назначаться только в том случае, если спортсмен работает или учится»²⁸.

На фоне недовольства советского руководства неудачным выступлением футболистов на Олимпийских играх данное письмо имело серьёзные последствия. К тому же, по мнению Романова, чрезмерное внимание к футболу вредило развитию других видов спорта. В результате достигнутого консенсуса между властью, Спорткомитетом и прессой спортсменам сократили должностные оклады (например, максимальная ставка составляла не 3, а 2 тыс. руб.), изменили и порядок получения премий. Однако Спорткомитету удалось «отбиться от идеологических наскоков» «комсомольцев» и прессы. За этими спортсменами негласно признавался их профессиональный статус, одновременно комитет получил право переводить в низшие категории «снизивших уровень игры» футболистов.

²⁶ Записка редактора газеты «Советский спорт» Н.И. Любомирова о серьёзных недостатках в развитии советского футбола // Игра миллионов под партийным контролем... С. 147.

²⁷ Там же. С. 147.

²⁸ Там же. С. 150—152.

Решение направить 30—40 человек в школу тренеров с сохранением за ними денежного содержания за счёт средств ДСО²⁹ стало положительным моментом для завершивших карьеру футболистов (все, достигшие 30 лет, признавались бесперспективными). Государство взяло на себя ответственность за приобретение профессии бывшими элитными футболистами, многие из которых не имели ни образования, ни квалификации, которая позволила бы им адаптироваться в дальнейшей жизни. Впрочем, такая забота оказалась не вполне бескорыстной: в Спорткомитете не скрывали, что надеялись с помощью выдающихся мастеров, перешедших на тренерскую работу, провести ротацию соответствующих кадров в футбольных клубах.

Сложнее обстояло дело со статусами атлетов в других видах спорта. И здесь спортивные практики вошли в противоречие с идеологическими догмами. Для успешной подготовки к крупнейшим международным соревнованиям следовало позаботиться о подготовке молодой смены, которая бы составила конкуренцию признанным мастерам. Учитывая реальные послевоенные трудности с обеспечением спортсменов продуктами³⁰, были необходимы организация их бесплатного питания и выплата стипендий самым перспективным. Но ЦК ВЛКСМ не смог обойтись без «принципиальной» критики относительно «денежной подпитки» спортивной молодёжи.

Стремительный рост числа чемпионатов мира и Европы, в которых принимали участие атлеты Советского Союза, подготовка к Олимпийским играм 1952 г. потребовали распространения практики назначения на оклады новых членов и кандидатов в сборные команды страны. Однако в условиях разрастания бюрократического аппарата в последние годы сталинского режима процесс «выбивания» новых ставок даже для членов сборных команд осложнялся наведением порядка в деле оплаты труда спортсменов, введением персональных и штатных окладов для наиболее выдающихся мастеров, легализацией их занятий спортом в качестве профессиональной деятельности. В 1952 г. по поручению Совета министров СССР предложение Спорткомитета «об увеличении штатных единиц и персональных окладов для мастеров спорта и способных молодых спортсменов» было вынесено на рассмотрение и согласование Министерства финансов, Государственной штатной комиссии при Совете министров СССР и работавшей при его президиуме комиссии зарплаты и цен.

Речь шла о 200 ставках (30 — по 2 500 руб., 30 — по 2 000 и 140 — по 1 200 руб.), но чиновники из комиссии по штатам, зарплатам и ценам так и не представили внятного ответа. Лишь заместитель министра финансов А.А. Посконов обосновал свой отказ: «В настоящее время на рассмотрении Совета министров СССР находится проект постановления “О подготовке советских спортсменов к участию в XV Олимпийских играх”, согласно которому руководители ведомств должны освобождать участников от работы или учёбы в период подготовки и участия в... Олимпийских играх сроком до 6,5 месяцев спортсменов, по спискам комитета... с сохранением заработной платы по месту их работы»³¹.

²⁹ Там же. С. 156.

³⁰ См. подробнее: *Зубкова Е.Ю.* Советское послевоенное общество...; *Фильцер Д.* Опасности городской жизни в СССР в период позднего сталинизма. Здоровье, гигиена и условия жизни. 1943—1953. М., 2018.

³¹ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, д. 100, л. 88—89.

Руководство Спорткомитета тщательно пыталось получить средства для материальной поддержки кандидатов в сборные команды, так как Министерство финансов хотя и было готово в принципе поддерживать чрезвычайные траты бюджета, но не пожелало санкционировать расширение узкого легального слоя профессионального спорта. Если же рассмотреть отказ этого ведомства через «призму подготовки к Олимпийским играм», то обнаружится существенный изъян: за студентами и учащимися сохранялись стипендии, но размеры их, конечно, не позволяли молодым спортсменам без дополнительных источников финансирования полноценно питаться, чтобы компенсировать расходы калорий на тренировках.

Спорткомитет всё же проявил настойчивость, разъясняя партийно-государственным властям необходимость введения новых окладов. Мотив был прежним: опередить конкурентов, прежде всего из США и других буржуазных стран. Распоряжением Совета министров СССР от 21 декабря 1953 г. были установлены 1 079 персональных и должностных окладов для особо выдающихся спортсменов и их тренеров, а также мастеров спорта, входивших в состав сборных команд. Всего предлагалось выплатить 330 ежемесячных окладов — от 2 до 3 тыс. руб. (за счёт сметы комитета) и 749 окладов — от 800 до 1 600 руб. (ДСО)³².

В связи с приближением VII зимних и XVI летних Олимпийских игр 1956 г. Спорткомитет настаивал на выделении 545 новых ставок: 245 — для мастеров спорта и 300 — для молодых спортсменов. Спортивные руководители исходили из того, что молодые и честолюбивые атлеты должны получить возможность сконцентрироваться на тренировках, дабы составить конкуренцию ветеранам за попадание в сборные команды страны. Во всяком случае, перспективные молодые спортсмены имели бы материальный стимул готовиться к следующим Олимпийским играм и успешно выступать на чемпионатах мира и Европы. Однако министерские чиновники не заглядывали в не столь уж отдалённое будущее и фактически игнорировали утверждённые планы подготовки мастеров спорта на очередную пятилетку. Например, в ответе Министерства финансов на просьбу Спорткомитета о новых ставках от 30 декабря 1955 г. указывалось: нет возражений против установления ему «дополнительно 245 окладов для мастеров спорта, в том числе 112 окладов по 1 400 руб. и 133 оклада по 1 200 рублей в месяц, с выплатой этих окладов за счёт смет добровольных спортивных обществ. Министерство финансов СССР не поддерживает предложения комитета об установлении 300 должностных окладов молодым спортсменам и 12 окладов штатным массажистам»³³.

Крайне ограниченный контингент массажистов, необходимых для физической реабилитации спортсменов после тяжёлых нагрузок, в духе времени отнесли к ненужным «излишества». Справедливости ради, замечу, что в официальных письмах в ЦК или Совет министров руководство Спорткомитета не упоминало о подготовке спортивных резервов к предстоящей через пять лет Олимпиаде, предпочитая ссылаться на существующую практику. Так, неудачи баскетболистов, волейболистов, хоккеистов и ватерполистов в 1955 г. объяснялись отсутствием сильных клубных команд. Для повышения конкурентоспособности советских спортсменов на международной арене предлагалось создать

³² Там же, д. 175, л. 11.

³³ Там же, л. 12.

от 7 (водное поло) до 12 (хоккей) штатных команд, которые бы тренировались и соревновались в течение года³⁴.

И всё же в 1940—1950-х гг. Спорткомитет последовательно (вне зависимости от того, кто его возглавлял) добивался, чтобы подававшую надежды молодёжь включили в сферу профессионального спорта. Оклады стали назначать не только мастерам спорта, но и перспективным перворазрядникам. «Спортивные» деньги, получаемые студентами и особенно школьниками, возмущали комсомольское руководство и отчасти журналистов. Например, в «Комсомольской правде» вышла статья В.К. Хомуськова о 2-й Всесоюзной спартакиаде учащихся, где содержались критические замечания относительно выступлений московских школьников за сборные команды ДСО³⁵.

Ответом Спорткомитета на данную публикацию после полуторамесячного молчания стала докладная записка в ЦК КПСС с обвинениями в адрес редакции газеты о разглашении «государственной тайны» — о содержании на государственной стипендии выдающихся спортсменов, находившихся в составах сборных команд Советского Союза³⁶.

Комсомольские функционеры с догматических позиций боролись против практики выплаты школьникам спортивных стипендий. Заведующий военно-физкультурным отделом МГК ВЛКСМ Гусев в направленной в ЦК комсомола записке с возмущением писал: «За последнее время нам стало известно, что ряд московских школьников-спортсменов получают в различных спортивных организациях стипендии в размере 600—800 рублей... В большинстве случаев назначение стипендий производится только на основании спортивных результатов, не учитывается материальное положение семьи, поведение и общественное лицо школьника... в ряде случаев стипендии получают школьники, родители которых материально хорошо обеспечены и, следовательно, могут создать все материальные условия для успешных занятий спортом»³⁷.

Сегодня утверждение Гусева кажется курьёзом, но тогда секретарь ЦК ВЛКСМ В.Е. Семичастный поддержал своего коллегу: «По нашему мнению, необходимо пересмотреть систему оплаты спортсменам-школьникам»³⁸. В сложившейся ситуации глава Спорткомитета Романов проявил себя как больше всего дороживший занимаемым креслом чиновник: он фактически перестал лоббировать интересы советских заслуженных мастеров спорта, победителей Олимпиад, чемпионатов мира и Европы, мировых и европейских рекордсменов, а также их тренеров. Под влиянием комсомольских вождей, аппаратчиков из ЦК и Совета министров Романов поддерживал, а иногда формально даже инициировал сокращение размера ставок для выдающихся мастеров, уменьшал размеры начисленных спортсменам премий за победы на международных соревнованиях и за установление всесоюзных, европейских и мировых рекордов. Разумеется, это был не его собственный выбор, а влияние внутри- и внешнеполитических условий. Сложная международная обстановка (возникновение НАТО, затем Варшавского договора; Корейская война, в которой Советский Союз принял активное участие; создание в СССР атомной и водородной бомб,

³⁴ Там же, д. 158, л. 154.

³⁵ Хомуськов В.К. Он у нас в штате // Комсомольская правда. 1955. 21 августа.

³⁶ ГА РФ, ф. 7576, оп. 29, д. 158, л. 147.

³⁷ Там же, д. 176, л. 14—15.

³⁸ Там же, л. 15.

что привело к ядерному противостоянию двух блоков; «братская помощь» странам, вставшим «на путь строительства социализма», не говоря уже об антикоммунистических и антисоветских выступлениях в ряде стран Восточной Европы) потребовала рационального подхода к использованию материальных ресурсов государства.

При Хрущёве (который, как и большинство руководителей страны, оставался безразличным к спорту, хотя его имя носил центральный стадион в Киеве) известные спортсмены стали удобным объектом критики (всегда на виду, а заступиться за них «наверху» некому). Наиболее опасная для судеб профессионального спорта критика шла из ЦК КПСС, ВЛКСМ и министерств.

26 января 1955 г. заведующий отделом здравоохранения и социального обеспечения Совета министров СССР В.П. Похвалин в докладной записке заместителю председателя Совета министров СССР М.Г. Первухину предложил «пересмотреть существующий порядок денежного премирования спортсменов, имея в виду при этом уменьшение размера премий, отмену денежного премирования по второстепенным видам спорта, сокращение перечня спортивных упражнений, по которым выдаются премии, сохранив в нём лишь наиболее ценные упражнения»³⁹. По мнению автора, существовавший порядок премирования в спорте приводил «к расходованию излишне больших государственных средств» и не способствовал «развитию наиболее ценных видов спорта». Как следует из приведённых им примеров, наиболее «ценными» для него являлись рекордные полёты лётчиков, планеристов и парашютистов (имели оборонное значение). Учитывая логику холодной войны и миф о советском любительском спорте, чиновник предупреждал, что если принять устоявшийся порядок премирования, то «основным стимулом к достижению высокого спортивного результата у спортсменов будет получение денежной премии»⁴⁰.

Хотя резолюция Первухина не имела категорического характера («Доложите Ваши соображения по этому вопросу»), но ознакомившийся с ней Романов воспринял это как руководство к действию по пересмотру порядка выдачи премий и их размеров. Замечу, что неоднократно пересматривавшаяся система награждения премиями была недостаточно продуманной и оставляла слишком большую свободу действий со стороны руководства Спорткомитета. Система премирования спортсменов и тренеров базировалась на постановлениях правительства от 28 сентября 1945 г. и 2 июля 1947 г., по которым комитету предоставлялось право самостоятельно выдавать спортсменам денежные премии. Его руководители, готовившие проекты упомянутых постановлений, оставили себе значительное пространство для манёвра. В результате в 1946 — начале 1950-х гг. руководство Спорткомитета проявило явный волюнтаризм, назначая «любимчикам» более высокие премии. Так, в 1949 г. легкоатлеты, установившие всесоюзные рекорды, получили разные премии: С.В. Комаров (дистанция 400 м) — 5 тыс. руб., по той же ставке Т.Т. Лунёв (200 и 400 м с барьерами) — 10 тыс., Е.Н. Буланчик (100 м с барьерами) — 7 тыс., А.С. Канаки (метание молота) — 10 тыс. (в последнем случае руководство даже предложило 15 тыс. руб., что не соответствовало допустимым нормативам)⁴¹.

³⁹ Там же, д. 158, л. 11.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, д. 41, л. 170.

В погоне за цифрами отчётности Спорткомитет готов был платить за рекорды на нестандартных дистанциях такие же суммы, как и в классических видах, на дистанциях, входивших в программу Олимпийских игр и чемпионатов Европы. Например, тот же Лунёв получил одинаковые вознаграждения за победу в классических 400 м с барьерами и в редко проводившихся соревнованиях на дистанции 200 м с барьерами. Барьерист Буланчик по необъяснимой причине за всесоюзный рекорд получил больше, чем другие бегуны-рекордсмены на 2 тыс. руб., а метатель молота Канаки, по сравнению с бегунами, — на 5 тыс. руб.

Ещё курьёзнее выглядит история награждения премией в том же году Н.В. Смирницкой за новый рекорд СССР в метании копья — 53 м 41 см, превышавший на 5 м 20 см официальный мировой. Комиссия по премиям планировала наградить спортсменку за этот выдающийся результат 25 тыс. руб., но в процессе визирования главный бухгалтер Спорткомитета С.И. Пирогов вдруг решил ограничиться 20 тыс. руб., а тренера Смирницкой В.И. Алексеева предложил почему-то премировать только в конце года. Однако председатель комитета Аполлонов по каким-то личным пристрастиям и вовсе вычеркнул фамилию тренера из списка награждённых. Вероятно, председатель посчитал, что Алексеев, выигравший в 1948 г. в пятый раз чемпионат СССР в метании копья, слишком молод для денежного вознаграждения в качестве тренера. Также Аполлонов сократил премию и самой мировой рекордсменки до минимального размера — 15 тыс. руб.⁴² Похожие истории происходили и при награждении премиями пловцов, гимнастов, штангистов.

Общим итогом влияния холодной войны на советский спорт стало формирование в СССР системы государственного спорта, с секретной, но признанной властью, профессионализацией мастеров спорта. В этой системе, располагавшей ограниченными ресурсами, спортивные функционеры уделяли особое внимание спорту высших достижений («большому спорту») и подготовке ближайшего резерва для сборных команд страны.

В результате этой политики увеличилось число мастеров спорта, устанавливались рекорды в тех его видах, где счёт шёл на часы, минуты и секунды. Процесс профессионализации происходил «вглубь» — по пути постепенного признания государством того, что спорт высших достижений — это работа (хотя и временная) с правом каждого спортсмена на вознаграждение, оплачиваемый отпуск, сохранение за ним трудового стажа (общего и непрерывного). Профессиональный спортсмен уже имел право на лечение, при серьёзной травме — на пенсию по инвалидности, полученную на работе, а также на поступление в учебные заведения спортивного профиля.

Хотя во время холодной войны советские руководители спорта, спортсмены и тренеры (сектор «большого спорта») испытывали на себе неимоверное идеологическое давление, тем не менее руководители Спорткомитета проводили линию на сотрудничество со всеми международными организациями, допуская политические заявления лишь по прямому указанию ЦК КПСС и Совета министров СССР.

За выезжавшими за границу атлетами устанавливался надзор не только по линии госбезопасности, но и со стороны руководителей спортивных делегаций. С 1952 г. им следовало информировать начальство о поведении спортсменов и

⁴² Там же, л. 38.

тренеров за рубежом⁴³. В результате такого усиленного контроля и поощрения доносительства десятки атлетов были дисквалифицированы и расформирована сборная страны по водному поло. Эти последствия борьбы с «негативными явлениями» в спортивной среде сломали судьбы целому ряду талантливых атлетов, а Советский Союз лишился «считанных» руководством Спорткомитета олимпийских медалей.

⁴³ Там же, д. 89, л. 96.

Деятельность Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике в 1920-х гг.

Зоя Бочарова, Дарья Корнеева

The work of the Committee on ensuring education of the Russian students in Czechoslovak Republic in the 1920s

*Zoya Bocharova (Lomonosov Moscow State University, Russia),
Darya Korneeva (Institute of Public Sciences of the Academy of National
Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation; Ministry of foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870008283-2

Формирование в начале 1920-х гг. русской эмиграции в Чехословацкой Республике (ЧСР, с 1918 г.) шло целенаправленно, в рамках проводившейся с лета 1921 г. специальной программы — «русской акции»¹. Молодому государству нужно было зарабатывать политический капитал, увеличивая число своих союзников. В этой стране считали, что завоевание большевиками власти в России — явление временное, и вернувшиеся на родину специалисты могли бы способствовать налаживанию отношений между ЧСР и РСФСР. Одним из направлений помощи русской эмиграции стало размещение в республике приехавших туда выпускников русских гимназий и студентов, не успевших получить высшее образование в России.

25 июля 1921 г. в Праге состоялось совещание чехословацких общественно-политических кругов, инициированное Й. Шимонекком (президентом и генеральным директором предприятий «Шкода») и А.С. Ломшаковым (русским инженером, научным и техническим консультантом на одноимённом заводе, профессором)². Здесь было решено пригласить и привезти из района Константинополя 1 тыс. русских студентов. Уже 3 августа МИД ЧСР направило в своё представительство в столице Турции телеграмму о необходимости подготовки

© 2020 г. З.С. Бочарова, Д.С. Корнеева

¹ После оккупации Чехословакии в 1938 г. государственная поддержка социально слабых слоёв эмиграции — русских учёных и представителей культуры — минимизировалась; большинство созданных русскими эмигрантами научных учреждений и учебных заведений были закрыты.

² Ломшаков Алексей Степанович (1870—1960), специалист в области теплоэнергетики, изобретатель, общественный деятель; член правого крыла партии кадетов; депутат I Государственной думы от Петербургской губ.; во время Гражданской войны поддерживал Белое движение и приветствовал интервенцию, вошёл в первый правительственный аппарат генерала А.И. Деникина; профессор Пражского политехнического института; председатель Комитета помощи русским студентам-эмигрантам; возглавлял Учебную коллегию, в 1930-х гг. — Объединение русских эмигрантских организаций в ЧСР, а также Союз русских академических организаций за границей. См.: Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918—1939) / Сост. З. Сладек, Л. Белошевская. Прага, 1998. С. 23—24.

соответствующего транспорта³, а 21 декабря — в чехословацкие посольства за рубежом подготовленный для первого номера лондонского журнала «The Slavonic Review» обзорный материал об оказании помощи русским студентам и профессорам⁴.

Хотя «русскую акцию» осуществляло МИД республики (ежегодно выделялась сумма, составлявшая 5% государственного бюджета)⁵, но организовать дело без помощи самих эмигрантов оказалось невозможно. 27 сентября 1921 г. белградская русская газета «Новое время» писала: «Студенты едут в Прагу учиться. Слава Богу. Русское сердце радуется и не может не радоваться: грамотная, культурная Россия, Россия будущего, молодая понесла огромные потери во время войны... а России будущего грамотные люди нужны».

5 декабря 1922 г. М.М. Фёдоров⁶, председатель ЦК по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей, писал из Парижа в Лозанну И.Н. Ефремову⁷ о почти полном разрушении школы в России, которую будет восстанавливать «именно русская молодёжь, выброшенная за границу, доучившись здесь [за рубежом]»⁸.

Студентов приняли как в чехословацких, так и в созданных русскими учебных заведениях. Последние были призваны предотвратить процесс денационализации, способствовать консолидации молодёжи, их подготовке для работы в постбольшевистской России. В результате Прагу стали называть «русским Оксфордом».

Бремя организации помощи русскому студенчеству МИД ЧСР разделил с Комитетом по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике (КООРУС)⁹, созданным по решению упомянутого совещания. Комитет сыграл большую роль в формировании русского образовательного пространства в Республике. Поддержанный её правительством (прежде всего премьер-министром Э. Бенешем¹⁰ и заместителем министра иностранных дел В. Гирсой¹¹), общественностью, политическими, финансовыми, промыш-

³ *Magud* С. Т.Г. Масарик и предыстория Русской акции помощи // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие / Сост. Л. Бабка, И. Золотарёв. Прага, 2011. С. 55.

⁴ *Tejchmanová* S. Rusko v Československu. Bílá emigrace v ČSR (Bílá emigrace v ČSR 1917—1939). Praha, 1993. S. 27.

⁵ Подробнее см.: *Сладек* З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» // Славяноведение. 1993. № 4. С. 36.

⁶ Фёдоров Михаил Михайлович (1858—1949), общественный деятель, специалист в области экономики; министр торговли и промышленности в кабинете С.Ю. Витте; в 1921 г. один из инициаторов созыва Русского национального объединения.

⁷ Ефремов Иван Николаевич (1866—1945), крупный помещик, юрист, историк, дипломат, депутат I, II и IV Государственных дум; примыкал к октябристам; член Временного правительства; посланник и полпред Временного правительства в Швейцарии.

⁸ ГА РФ, ф. Р-5760, оп. 1, д. 59, л. 2.

⁹ Аналогичный комитет возник и для украинских эмигрантов, в сентябре 1926 г. эти комитеты объединили.

¹⁰ Бенеш (Benes) Эдуард (1884—1948), чехословацкий государственный деятель; с сентября 1918 г. по декабрь 1935 г. министр иностранных дел ЧСР; с сентября 1921 г. по октябрь 1922 г. премьер-министр; в декабре 1935 г. избран президентом ЧСР.

¹¹ Гирса (Girsa) Вацлав (1875—1954), дипломат; заместитель министра иностранных дел ЧСР (1921—1927), посол в Польше (1927—1935), Латвии, Эстонии, Финляндии (1927—1934) и Югославии (1935—1938); в марте 1919 г. внёс большой вклад в принятие закона «Вспомогательная акция помощи беженцам в Чехословацкой Республике»; в июле 1921 г. стал председателем заведующей «русской акцией» Всемиистерской комиссии.

ленными кругами, КООРУС, по сути, реализовывал одну из важнейших задач «русской акции».

Проживавшая в то время в Константинополе организатор школьного дела А.В. Жекулина информировала исполнительное бюро Центрального организационного комитета (ЦОК) о том, что чехословацкое правительство взяло на полное иждивение русских студентов: 1 тыс. — из Турции и 200 — находившихся в Праге. В этой связи, отметила она, «основан особый Комитет из представителей чешской общественности и правительства, а также русской академической группы, Союза инженеров, представителей Союза городов и Красного Креста»¹².

Официальная дата образования КООРУС (во главе с председателем, опиравшимся на президиум) — 12 августа 1921 г. Записку об учредительном собрании комитета 2 августа подготовила канцелярия президента ЧСР. На собрании Шимонек выступил с докладом, посвящённым рассматриваемой проблеме. Основными стали вопросы питания и проживания русских студентов-эмигрантов (что требовало значительных материальных затрат). Для реализации намеченной программы предполагалось объединить усилия МИД ЧСР, отдельных банков, промышленных предприятий и частных лиц.

Ранее молодым русским эмигрантам помогали различные организации, например, Американский Красный Крест. В сентябре чехословацкое МИД приняло решение о том, что КООРУС будет заниматься организацией помощи всем русским студентам, обучающимся в вузах Праги (Карловом университете, Пражском политехническом институте), университетах, расположенных в Брно и Братиславе, и в Горном институте Пршибрама. Комитет открыл филиалы в этих университетских городах, несмотря на то что в ряде из них студентов было немного (в Праге — 1 110, Брно — 17, Пршибраме — 26 человек). Согласно проведённой в декабре 1923 г. переписи, в Праге обучались уже 2 740 (79%), в Брно — 604 (17,4), Братиславе и Пршибраме — 125 (3,6%) русских студентов. При этом мужчины составляли 85,5%, а самая значительная возрастная группа была представлена молодёжью 25—30 лет (45,6%), на русских же приходилось 92,1%¹³.

Проблемами, связанными с размещением и обеспечением в республике студентов-эмигрантов, занималось МИД. Представителем этого ведомства в комитете назначили И. Гайны¹⁴, заведовавшего его административно-хозяйственными и финансовыми делами. МИД отвечало за данное направление «русской акции» перед парламентом, правительством и обществом и поэтому контролировало процесс рационального использования отпускаемых на эти цели кредитов и скорейшего выполнения поставленных задач¹⁵.

КООРУС должен был установить общие начала и директивы, регулировавшие хозяйственно-административную деятельность. Речь шла об установлении необходимых норм довольствия, о порядке его распределения, выработке

¹² ГА РФ, ф. Р-5931, оп. 1, д. 401, л. 1.

¹³ Материалы переписи русских студентов 5 декабря 1923 г. // Студенческие годы (Прага). 1924. № 4. С. 32—34.

¹⁴ Гайны (Гайный) Иозеф (Hájny Josef), майор; советник МИД ЧСР, член правления КООРУС; уполномоченный ЧСР при правительстве адмирала А.В. Колчака; один из лидеров чехословаков в Сибири в 1918—1920 гг.; представлял в Чехословацком корпусе стоящее на русофильских позициях левое крыло.

¹⁵ ГА РФ, ф. Р-5776, оп. 1, д. 197, л. 24—24 об.

совместно с уполномоченным министерства общего плана хозяйственно-административной работы и о соответствующем контроле.

Согласно составленной комитетом и утверждённой МИД ЧСР смете предполагалось до 1 января 1922 г. потратить на нужды студентов 3 млн 670 тыс. чешских крон (ч. кр.)¹⁶, т.е. примерно третью часть суммы, выделенной ведомством на «русскую акцию». Однако деньги поступали от него нерегулярно ещё со второй половины октября 1921 г., поэтому КООРУС пришлось сократить расходы¹⁷. Из выделенных в 1922 г. 49,7 млн ч. кр. 8 млн предназначались для приобретения одежды, учебников и на иное содержание в течение года 1 158 студентов.

Без содействия комитета многие молодые люди не смогли бы продолжить обучение. Так, студент Русского юридического факультета Е. Фёдоров 26 февраля 1924 г. обратился за помощью в Объединение русских эмигрантских студенческих организаций, так как находился в трудном положении. Из-за того, что он прибыл на занятия только в ноябре, ему отказали в содержании за счёт КООРУС. Это обстоятельство заставило студента, имевшего семью и долг в размере более 3 тыс. ч. кр., пойти работать¹⁸.

Сначала обучавшимся предоставляли только одежду, учебники и т.п. Так, «правительство, прежде всего, обмундировывает студента с головы до ног, ему выдаётся: 1 пальто на всё время обучения и 1 костюм, 1 рабочие брюки и шляпа, 1 пара ботинок, 2 галстука, 3 рубахи, 4 воротничка, 2 манишки, 3 пары кальсон, 6 пар носков и 6 носовых платков — на год»¹⁹. Комитет также предоставлял молодым людям на карманные расходы от 20 до 123 ч. кр., оплачивал им обучение и проживание в общежитиях, трамвайные билеты, врачебную помощь и предоставлял стипендию в размере 300 ч. кр. на питание²⁰.

С ростом числа студентов (в 1921—1931 гг. на попечении комитета состояло около 7 тыс.) стали выдавать и наличные деньги. Например, в начале 1922 г. размер ежемесячного денежного пособия составлял 580, а в 1928 г. — 450 ч. кр.²¹ Те или иные виды помощи могли сокращаться или прекращаться из-за неуспеваемости либо улучшения материального положения обучавшегося. Для каждого из них пребывание на студенческой скамье под крылом КООРУС было намного предпочтительнее, чем ежедневная забота о хлебе насущном. В пражских эмигрантских газетах часто появлялись карикатуры, изображавшие аудиторию, в которой за партами сидели почтенные старцы с лысынами и патриархальными бородами. В той же печати отмечалось, что получение студентом диплома высшей школы, к сожалению, означало начало его голодной жизни.

¹⁶ Там же, ф. Р-5931, оп. 1, д. 401, л. 1. На заседании исполнительного бюро ЦОК в Константинополе 16 сентября 1921 г. Жекулина (возглавляла Временный комитет Союза городов, основала русскую гимназию в Константинополе, затем перевела её в ЧСР, в Моравскую Тршебову) говорила, что КООРУС отпустил 2,5 млн ч. кр. на устройство русской учащейся молодёжи, с 1 января 1922 г. планировалось ассигнование ещё 4,5 млн ч. кр.

¹⁷ Там же, ф. Р-5776, оп. 1, д. 197, л. 16.

¹⁸ *Постников Е.С.* Студенчество России и проблемы получения высшего образования в эмиграции // *Культурная миссия Российского зарубежья: история и современность. Сборник статей / Отв. ред. Э.А. Шулепова.* М., 1999. С. 98—99.

¹⁹ *Зарубежная русская школа: 1920—1924.* Париж, 1924. С. 106—107; *Русские в Праге. 1918—1928 / Ред. С.П. Постников.* Прага, 1928. С. 72.

²⁰ *Tejchmanová S.* Op. cit. S. 27.

²¹ *Русские в Праге...* С. 71.

В сентябре 1921 г. при КООРУС была создана Учебная коллегия (Совет русских профессоров), ставшая посредником между чешской администрацией и русским обществом учёных и обучавшихся. В коллегия, состоявшую из историко-филологического, естественно-агрономического, медицинского, архитектурного, инженерно-строительного, горного, механического и химического факультетских отделений, вошли профессора А.С. Ломшаков (председатель), В.Д. Варёнов²², П.И. Новгородцев²³, Н.В. Ястребов²⁴ и др. Позднее в Совет русских профессоров включили лиц, приглашённых в Чехословацкую Республику на преподавательские вакансии, к примеру, в 1925 г. — 116 человек (всего же было 130 профессоров)²⁵. Они вели работу по трём направлениям — педагогическому, научно-исследовательскому, административно-попечительскому. В соответствии с первым направлением члены совета готовили молодёжь к сдаче экзаменов на аттестат зрелости, оказывали учебную и научную помощь студентам и профессорским стипендиатам, готовя молодых кандидатов к профессорскому званию, читали лекции и вели практические занятия. Ими же создавались новые научные учреждения и органы для попечения о русских учёных и студентах, утверждались уставы, указы и отчёты этих органов, избирались лица на преподавательские вакансии, формировались факультетские отделения, решались вопросы об открытии новых курсов и т.д.

Члены совета также контролировали занятия русских студентов, проверяли учебный стаж желавших поступить в вузы, участвовали в работе дисциплинарного суда и бюро по трудоустройству выпускников²⁶, публиковали труды членов коллегии (в редакционный комитет входили А.А. Кизеветтер²⁷, Е.В. Спекторский²⁸, П.Б. Струве²⁹). Именно Совету русских профессоров МИД

²² Варёнов Владимир Дмитриевич (1877—1938), инженер-технолог; профессор; в эмиграции с 1921 г.; секретарь правления Союза русских академических организаций за границей; заведовал студентами, осуществлял общее руководство административным отделом КООРУС; с 1929 г. находился во Франции.

²³ Новгородцев Павел Иванович (1866—1924), юрист-правовед, философ; общественный и политический деятель; профессор Московского университета; депутат I Государственной думы; в 1920 г. эмигрировал сначала в Берлин, затем в Прагу; инициировал создание возглавленного им в 1922 г. Русского юридического факультета при Пражском университете; член Учебной коллегии по обеспечению образования русских студентов в ЧСР; участвовал в деятельности Русской академической группы в Праге и в создании Русского народного университета.

²⁴ Ястребов Николай Владимирович (1869—1923), первый профессор Петроградского университета, специально подготовленный для преподавания истории славян; в мае 1919 г. командирован Российской академией наук и Петроградским университетом за границу; в советскую Россию не вернулся, остался в Чехословацкой Республике; с 1920 г. профессор пражского Карлова университета; преподаватель Русского педагогического института им. Я.А. Коменского.

²⁵ Русские в Праге... С. 77—81.

²⁶ Махаткова Р. Помощь российской эмиграции в Чехословакии и русские материалы в коллекциях Центрального государственного архива Праги // Зарубежная Россия, 1917—1939 гг. Сборник статей / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб., 2000. С. 421; Русские в Праге... С. 79.

²⁷ Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933), историк; политический деятель; в 1922 г. выслан из России в составе группы интеллигенции; в эмиграции жил в Праге, входил в состав Русской академической группы; профессор русской истории в Русском народном и Карловом университетах; глава совета Русского заграничного исторического архива; один из учредителей (с 1930 г. председатель) Русского исторического общества.

²⁸ Спекторский Евгений Васильевич (1875—1957), философ, историк русской культуры; с 1913 г. профессор, затем ректор Киевского университета; с 1920 г. в эмиграции (Чехия, Сербия, США).

²⁹ Струве Пётр Бернгардович (1870—1944), общественный и политический деятель; экономист, публицист, историк, философ; председатель проходившего в Париже в апреле 1926 г.

ЧСР разрешило отбирать среди российских эмигрантов, находившихся в Европе, учёных и профессоров, предоставлять им право въезда в страну и материальное обеспечение. И всё-таки главной задачей коллегии оставался подбор кадров для преподавательской деятельности в республике. Приглашённых в неё учёных обеспечивали жильём, работой и всячески поддерживали³⁰. При отборе кандидатов учитывался их научный стаж, материальные и социальные условия проживания.

Происходила достаточно активная смена состава совета. За семь лет его существования семь его членов умерли (в том числе академики Н.И. Андрусов и Н.П. Кондаков), примерно 50 переехали в другие страны. Так, Д.Д. Гримм покинул пост декана Русского юридического факультета в Праге и перевёлся в Дерпт (Эстония) на кафедру римского права. С.Н. Булгаков ушёл в Духовную академию в Париже, А.А. Копылов — в Люблянский университет (Югославия), В.В. Лепёшкин — в Сант-Луизский университет, Г.В. Вернадский — в Йельский (США), С.К. Гогель — в Берлинский университет и т.д.

Число русских студентов росло, увеличивалось и количество поддерживаемых преподавателей: к концу 1922 г. — 67 человек. В течение 1923 г. помощь получили 94 профессора, в 1924 г. — 147, 1925 г. — 142, 1926 г. — 130 человек. К 1 августа 1927 г. Комитет по обеспечению образования русским и украинским студентам помог 96 членам совета (4 штатным и 47 нештатным профессорам, 3 инженерам, 20 доцентам и 22 кандидатам на профессорские должности). Это свидетельствует о предоставлении материальной помощи в первую очередь малообеспеченным.

Учёные и профессура были поделены на три категории. К первой относились лица, которые ещё в доэмигрантский период состояли в штате русских вузов, были известны в научном мире и имели преподавательские заслуги. Оказываемая им государственная помощь приравнивалась к служебному жалованью чехословацких чиновников 6-го или 7-го классов. По первой категории выплачивалось пособие также членам Российской академии наук — профессорам Н.Н. Глубоковскому, П.Б. Струве и Н.П. Кондакову. Во вторую категорию вошли нештатные профессора и доценты русских вузов, занимавшиеся преподавательской деятельностью и за границей, оплата же их работы приравнивалась к жалованью местного государственного чиновника 8-го класса. К третьей категории относились лица, готовившиеся получить учёную степень, и те, кто из-за Гражданской войны в России и эмиграции вынуждены были прервать начавшуюся ещё до революции научную деятельность. Этим людям платили ту же сумму, что и чехословацким чиновникам 9-го класса. Однако уже с 1 марта 1923 г. лицам первой категории стали ежемесячно выплачивать на 300 ч. кр., а представителям второй и третьей — на 100 ч. кр. меньше. С 1 января 1927 г. последовало новое снижение: для относившихся к первой категории — на 500, ко второй — на 250, а к третьей — на 150 ч. кр.³¹

Российского зарубежного съезда; участвовал в деятельности Русского юридического факультета в Праге; редактировал еженедельники «Россия» (1927—1928) и «Россия и славянство» (1928—1934); с 1928 г. проживал в Белграде, будучи председателем отделения общественных наук Русского научного института; затем отошёл от политической деятельности.

³⁰ *Петрушева Л.И.* Русская акция правительства Чехословакии и эмиграция из России (URL: <http://vernadsky.name/petrusheva-l-i-russkaya-aktsiya-pravitel-stva-chehoslovakii-i-e-migratsiya-iz-rossii/>; дата обращения: 10.06.2018).

³¹ Русские в Праге... С. 78, 80; Зарубежная русская школа... С. 109.

Условия и порядок помощи студентам регламентировались документами, которые были приняты и утверждены президиумом КООРУС в основном в 1922 г.³² Основаниями для предоставления помощи обучающимся являлись отсутствие у них иных доходов, соблюдение ими дисциплины и хорошая учёба, «своевременное и точное выполнение всех требований как чешских учебных заведений, так и управления русских дополнительных курсов» и соответствующее «достоинству русского студенчества» поведение³³. Выход человека на работу означал прекращение его поддержки.

Как только начались занятия в вузах, комитет разработал план контроля получаемых студентами отметок. Успеваемость проверялась три раза в год и, видимо, несмотря на все сложности эмигрантской жизни, возможность лишиться стипендии являлась серьёзной угрозой для каждого обучающегося, поэтому проблем с успеваемостью у них практически не было. В противном случае студенту сначала сокращали пособие, и если ситуация не менялась, его не выплачивали³⁴.

Процент студентов, окончивших учёбу благодаря КООРУС, был выше среднестатистического показателя по учебным заведениям Русского зарубежья. В представленном МИД ЧСР в январе 1935 г. отчёте комитета отмечалось, что из 6 818 студентов 4 180 (более 60%) получили дипломы³⁵.

Взаимоотношения «разношёрстного» студенчества, особенно в первые годы проживания в республике, складывались непросто. Для разрешения различных спорных вопросов в декабре 1922 г. коллегия создала при КООРУС дисциплинарный суд, который просуществовал до 17 февраля 1926 г. Суд состоял из четырёх членов: по одному — от МИД ЧСР, русской коллегии, русских и чешских студентов, причём от каждой структуры избирались по три кандидата в члены суда. Русские студенты избирали их путём всеобщего тайного голосования всех, кто состоял на иждивении комитета. Под его руководством голосование проводили старосты студенческих групп.

Дисциплинарный суд рассматривал любой вопрос, связанный с нарушением обучающимися русскими принятых на себя обязанностей, а также с действиями, противоречащими «правилам нравственности, или несовместимых с честью русского студента». Дело выносили на суд по инициативе или МИД ЧСР, или заведующего студентами профессора, или по заявлению студентов и частных лиц. Председательствовал в суде представитель коллегии. Например, с февраля 1922 г. это был профессор С.К. Гогель, приблизительно с января 1923 г. — Н.С. Тимашёв, с 21 ноября 1924 г. — Спекторский. Решения принимались большинством голосов (при их равенстве — в пользу подсудимого) и обжа-

³² «Общие правила для русских студентов в Чехословацкой Республике, находящихся на иждивении Комитета по обеспечению образования русских студентов в ЧСР»; «Правила для русских студентов, находящихся на попечении Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике» (дисциплинарный устав); «Правила приёма русских студентов и студенток на иждивение правительства Чехословацкой Республики»; «Учебные требования, предъявляемые к студентам, состоящим на иждивении Комитета по обеспечению образования русских студентов в ЧСР» (ГА РФ, ф. Р-5776, оп. 1, д. 23, л. 37а; д. 16, л. 31—32; д. 22, л. 35—35 об.; д. 26, л. 56—57).

³³ Там же, д. 16, л. 32.

³⁴ *Михлова М.* Комитет по обеспечению образования русских студентов // Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918—1945. Прага, 2008. С. 55—58.

³⁵ *Сладек З.* Русская эмиграция... С. 35.

лованию не подлежали. Налагаемые судом наказания определялись согласно «Общим правилам для студентов...»³⁶.

В КООРУС и коллегии считали: дисциплинарный суд был «весьма могущественным... средством», чтобы «охранить доброе имя русского студенчества и укрепить в нём расшатанные за пережитое тяжкое время нравственные устои»³⁷. Председатель коллегии в докладе министру иностранных дел республики от 20 июля 1922 г. указывал, что такой суд являлся независимым, смешанным органом, а «решение дел в административном порядке ни в коей мере не может явиться для массы студенчества авторитетным и всегда в его глазах будет носить характер несправедливости»³⁸.

Первое заседание дисциплинарного суда состоялось 22 февраля 1922 г., но официальный статус он приобрёл только после утверждения 27 сентября МИД ЧСР соответствующего положения за № 143365/22.П³⁹. В период работы суда в него поступили 106 дел (в 1922 г. — 26, 1923 г. — 19, 1924 г. — 46, 1925 г. — 14, 1926 г. — 1 дело), из которых 33 — по взысканию долгов. В 1923 г. состоялось 8 заседаний, в 1924 г. — 10, 1925 г. — 4 (по 1922 г. точных сведений нет⁴⁰). Итоговый доклад о деятельности суда был сделан его председателем Спекторским на заседании коллегии 20 февраля 1926 г.

Согласно дисциплинарному уставу, студенты обязывались воздерживаться от любой политической деятельности, а именно: от сотрудничества с одной из местных политических организаций или с русскими партиями; от произнесения партийно-агитационных речей в общественных собраниях; от составления и распространения политических памфлетов; от участия в такого же рода демонстрациях и т.д.⁴¹

Для правительства Чехословацкой Республики соблюдение политического нейтралитета оказывалось принципиально важным условием для предоставления студентам помощи. Известно, например, что к двум русским студентам применили жёсткие меры за их неоднократные и резкие высказывания против советской власти: одного выслали, на второго был наложен штраф. Последний, оскорблённый таким наказанием, не захотел оставаться в стране. Попытки сдержать студентов от резких высказываний в официальных учреждениях республики в отношении большевиков не помогли избежать инцидента. Студенческие организации оправдывали своих соотечественников, указывая на острое неприятие молодыми людьми той власти, которая стала причиной их эмиграции. В поддержку выступил председатель Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (штаб-квартира в Праге) Б.Н. Неандер. Он обратился с просьбой к председателю ЦК по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей Фёдорову выхлопотать визы и какую-либо стипендию во Франции или Бельгии для наказанных студентов. «Однако было бы недопустимым, — писал Неандер, — не помочь не удержавшимся коллегам, тем паче, что их проступки, с точки зрения совершенно объективной, весьма ничтожны»⁴².

³⁶ ГА РФ, ф. Р-5776, оп. 1, д. 23, л. 36—37.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, д. 165, л. 338.

³⁹ Там же, д. 23, л. 13—14.

⁴⁰ Там же, д. 25, л. 19.

⁴¹ Там же, д. 16, л. 32.

⁴² *Постников Е.С.* Студенчество России... С. 99—100.

В докладе КООРУС, направленном министру иностранных дел ЧСР в июле 1922 г. и посвящённом морально-политическому состоянию студентов, указывались причины, мешавшие им обучаться. Назывались, например, неустойчивое психологическое состояние вкуче с тяжёлым багажом перенесённых невзгод, болезней, ранений, причинённых им в годы Первой мировой и Гражданской войн. Положение молодых людей усугублялось и известиями, приходившими из РСФСР. «Почти каждое полученное из России письмо, — отмечалось в докладе, — приносило с собой сообщение не только о безмерно тяжком положении Родины, но и насильственном лишении жизни оставшихся там родных и иных близких и знакомых им лиц, ответственность за которые они не могли не возлагать на власть, управляющую Россией»⁴³.

В целом же русское студенчество выполняло поставленные ему условия, исключая политику из своей жизни. Студенты самых различных политических ориентаций вполне уживались между собой, и «Правила для русских студентов...», за исключением единичных случаев, не нарушались. Если было по-другому, дела рассматривались «независимым смешанным дисциплинарным судом, авторитет коего укреплял моральную силу русского студенчества, ограждая его достоинство и честь от недостойных нарушений»⁴⁴.

Равновесие нарушило образование Союза русских студентов граждан РСФСР в ЧСР (группа, состоявшая из восьми студентов, некоторые из них были и членами правления действовавших в республике организаций — Союза русских студентов и Русского студенческого союза). Входящие в группу обратились в МИД с воззванием и заявлением к русскому студенчеству. Они сделали это, отмечали в комитете, «глумясь и оскорбляя чувство преданности и любви к Родине в тех, к кому оно обращено, предлагая отречься от своих идеалов, за которые оно боролось, признать существующую в России власть и стать здесь, в Чехословакии, под защиту советской делегации»⁴⁵. Возмутившись таким поступком, КООРУС, в свою очередь, обратился в МИД ЧСР.

Не беря на себя смелость давать оценку политике чехословацкого правительства и оставляя за ним решение вопроса о возможности, характере и размере помощи этим восьми студентам, в комитете и коллегии сочли «совершенно необходимым изъять означенную группу лиц из организованного общения с остальной массой студентов, неизбежного при состоянии их на попечении одной и той же организации», и в случае продолжения им правительственной поддержки, «таковую оказывать через иную организацию, а не через Комитет по обеспечению образования, учреждённого для помощи русским студентам-эмигрантам, лишённым возможности в данное время возвратиться на свою Родину».

Только так, считали члены комитета и коллегии, возможно было «охранить ныне стоящее под угрозой разложения всё русское учебное дело в Чехословацкой Республике, на укрепление которого было затрачено много труда и энергии со стороны МИД, комитета, Учебной коллегии и профессуры высших чешских учебных заведений и затрачены большие материальные средства со стороны государства»⁴⁶.

⁴³ ГА РФ, ф. Р-5776, оп. 1, д. 165, л. 331.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, л. 332.

⁴⁶ Там же, л. 333—334.

Такое заявление КООРУС стало следствием изданного МИД ЧСР предписания № 106920/II от 17 июля 1922 г. В ответ на отправленный в МИД запрос Союза русских студентов граждан РСФСР в ЧСР относительно их положения в стране ведомство объявило: «Правительство Чехословацкой Республики оказывает помощь русским студентам-эмигрантам в ЧСР как таковым, не обращая внимания на то, к какой организации принадлежат отдельные студенты, а потому принадлежность к студенческой организации граждан РСФСР не может иметь последствием потерю этой поддержки, до тех пор, пока эти студенты отвечают требуемому учебному минимуму (потребное количество коллоквиумов) и не ведут политической агитации между эмигрантами, либо в чешской общественности. Ни одна студенческая организация не имеет права выпускать воззваний, направленных против другой организации»⁴⁷. В предписании также сообщалось, что проступки студентов будут разбираться в административном порядке представителем МИД в КООРУС полковником Гайным, а не дисциплинарным судом. Положение о нём не было представлено в чехословацкое МИД, и оно оставляло за собой право принятия окончательного решения⁴⁸.

К 1930 г. деятельность КООРУС в республике стала угасать. Осталось незначительное число студентов, а финансовые источники иссякли. Но благодаря поддержке президента ЧСР Т. Масарика⁴⁹, который в 1931 г. внёс в комитет около 1 млн ч. кр., в 1932 г. 142 студента завершили образование. Последним 50 лицам позволили продолжить учёбу до октября 1936 г.⁵⁰ По решению МИД ЧСР от 1 февраля 1935 г. всю документацию комитета передали Чехословацкому Красному Кресту, который получил в своё распоряжение счёт КООРУС в Легиобанке и ежемесячные дотации из личного фонда президента страны. В итоге оставшимся без попечения комитета студентам всё же вручили дипломы о получении высшего образования.

Таким образом, помощь русскому студенчеству в ЧСР составила значимую часть проводимой её правительством «акции», основанной на принципе политической нейтральности. Царившие в молодом Чехословацком государстве атмосфера, нормы и правила прививали молодёжи принципы демократии. Административную и организационную работу взял на себя КООРУС, благодаря которому почти 7 тыс. взятых на иждивение молодых людей смогли не только получить образование, но и просто сохранить свои жизни. Ни один десяток представителей русской профессуры получил работу в стране. Эмигрантские вузы, в формировании которых участвовал КООРУС, создавали то «поле, на котором росли» национальное самосознание и патриотизм русской молодёжи.

⁴⁷ Там же, л. 334.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Масарик (Masaryk) Томаш Гарриг (1850—1937), государственный и общественный деятель; первый президент Чехословацкой Республики (1918—1935).

⁵⁰ *Сладек З. Русская эмиграция...* С. 35.

Деятельность Союза русских военных инвалидов в Чехословацкой Республике в 1920-х гг.

Александра Микуленок

The Russian disabled war expatriates union in Czechoslovak Republic in the 1920s

Alexandra Mikulenok

(Russian State University of Justice, North Caucasus branch, Krasnodar)

DOI: 10.31857/S086956870008284-3

В последнее время исследователи всё больше уделяют внимания изучению таких аспектов истории российской эмиграции, как региональный, правовой статус русских беженцев или положение их отдельных групп¹. Изучается и проблема русских эмигрантов в Чехословацкой Республике (ЧСР)², однако до сих пор не исследовано положение наименее их защищённой группы — военных инвалидов.

В межвоенный период в эмиграции оказались порядка 1,5 млн человек, в том числе около 5—6 тыс. инвалидов³. Для их защиты как с материальной, так и с социально-правовой сторон в Праге в 1921 г. был образован Русский союз инвалидов в Чехословацкой Республике, позднее переименованный в Союз русских военных инвалидов-эмигрантов. В 1926 г. в него входили 113 человек. Эта аполитичная организация занималась благотворительностью и имела право действовать на всей территории республики с возможностью открытия местных отделений. Она была независима от русского официального представительства В.Т. Рафальского в Праге и Земско-городского комитета (Земгора)⁴.

© 2020 г. А.А. Микуленок

¹ *Пронин А.А.* История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980—2005 гг. М., Берлин, 2015; *Ратушняк О.В.* Изучение казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4. С. 119—127; *Кротова М.В.* «Оборонцы» и «пораженцы»: эволюция отношения военной эмиграции в Маньчжурии к СССР в 1920-х—1930-х гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII—XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны) / Под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб., 2014. С. 328—332; *Бочарова З.С.* «...не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920—1930-е годы. СПб., 2005; *Бочарова З.С.* Правовое положение русской эмиграции в Италии 1921—1926 гг. // Исторический архив. 2012. № 1. С. 93—101; *Бочарова З.С.* Правовое положение русских беженцев во Франции в 1920—1930-е годы // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 161—176; *Наземцева Е.Н.* Правовой статус русской военной эмиграции в советско-китайских отношениях 1929—1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 108—115; *Наземцева Е.Н.* На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920—1940-е гг.). СПб., 2016; *Наземцева Е.Н.* Новая страница в изучении русской военной эмиграции на Дальнем Востоке // Военно-исторический журнал. 2017. № 5. С. 89—91.

² *Серационова Е.П.* Деятели пражского Земгора // Славяноведение. 2015. № 4. С. 32—40; *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20—30-е годы) // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 182—184.

³ ГА РФ, ф. Р-7502, оп. 1, д. 4, л. 20—20 об.

⁴ Там же, ф. Р-5968, оп. 1, д. 32, л. 1а; Чехословакия // День русского инвалида. 1926. 9(22) мая. С. 6. «Российская миссия» (1919—1934) во главе с В.Т. Рафальским была учреждена в

Основная цель существования союза заключалась в объединении русских военных-инвалидов и военных пенсионеров для оказания им, их семьям и близким необходимой материальной и правовой помощи. На основе принятых в русской армии принципов он регистрировал инвалидов и совместно с русским отделением Красного Креста в Чехословакии занимался медицинским освидетельствованием состояния их здоровья. Организация снабжала своих членов дешёвой пищей, по возможности предоставляла им бесплатное жильё, раздавала бельё, обувь и т.д. Её представители выступали посредниками между всеми чехословацкими официальными организациями, лицами и инвалидами при размещении их в лечебных и оздоровительных учреждениях (бесплатно или за минимальную плату). Союз решал вопрос о предоставлении бывшим русским военным пенсионерным выплат, а также устраивал их на работу, помогал в организации различных доходных предприятий (мастерских, торговых и комиссионных магазинов и т.д.). Однако в последнем случае оговаривалось условие — они должны были направлять для нуждающихся часть своих доходов в организацию⁵.

Членство союза получали бывшие воины (инвалиды и пенсионеры), которые имели документы, подтверждавшие факты получения ими ранений во время боевых действий или показания свидетелей (неприменно с хорошей репутацией). Действительными членами организации могли стать только те, кто получил увечья, ранения, хронические заболевания или отравления газами во время боёв, походов в боевой обстановке или в плену, утратив при этом более 50% трудоспособности. При меньшем проценте человек оказывался лишь «под опекой» союза⁶.

Организацией управляли правление и общее собрание. Правление — председатель, товарищ председателя, секретарь и казначей — ежегодно избирались тайным голосованием на общем собрании из числа действующих членов союза. Его председателем в ЧСР являлся генерал-лейтенант М.Г. Михеев. На общем собрании избирали также двух кандидатов, в обязанности которых входило присутствие на всех заседаниях правления с правом совещательного голоса и при необходимости замещение его двух отсутствующих членов. Председатель (или товарищ председателя) созывал правление, решения которого фиксировались в протоколе (подписывалось всеми пришедшими на заседание) и были действительны, если за них единогласно проголосовали обязательно присутствующие три члена правления. В противном случае определяющим являлся голос председателя⁷.

Правление решало вопрос о членстве лиц (имевших на это право) на основании их личных письменных заявлений и приложенных документов (или их

Праге и официально признана чехословацким правительством летом 1919 г.; ходатайствовала за судьбы русских беженцев перед официальными инстанциями и оказывала им правовую помощь. Миссия просуществовала вплоть до установления официальных дипломатических отношений между ЧСР и СССР в 1934 г. Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгор), возникшее в Праге 17 марта 1921 г., обращало внимание мировой общественности на положение российских беженцев, изыскивало средства на оказание помощи эмигрантам и их организации (*Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20—30-е годы). М., 1995. С. 33, 63).

⁵ ГА РФ, ф. Р-5968, оп. 1, д. 32, л. 1а.

⁶ Там же, ф. Р-7502, оп. 1, д. 41, л. 118.

⁷ Там же, л. 1а об.

нотариально заверенных копий)⁸. Между тем людей, активно участвовавших в жизни союза (без различия национальности и пола), могли избрать почётными членами правления. Это происходило по инициативе последнего или по предложению 1/3 всех действующих членов — в письменной форме его направляли на имя Главного правления или выносили на обсуждение общего собрания⁹.

Обычные и экстренные общие собрания созывались правлением (повестками или объявлением в газете, но не ранее чем за шесть дней до предполагаемой даты проведения) или же по письменному заявлению не менее 1/3 всех членов союза, снабжённому программой и подписями заявителей. Все общие собрания признавались действительными и правомочными только при присутствии не менее 2/3 состоявших в организации лиц. Если было невозможно собрать кворум, то в течение шести дней созывалось повторное собрание, действительное при любой численности собравшихся, и все вопросы решались абсолютным большинством голосов. Хотя формально общее собрание утверждало списки принятых в члены союза «кандидатов», но фактически они уже имели таковой статус. В случае отказа в приёме в организацию проситель мог обратиться к её общему собранию¹⁰.

В соответствии с Уставом союза входившие в него обязаны были соблюдать решения общих собраний, участвовать в них с правом решающего голоса, выбирать и быть избранным в правление, ревизионную комиссию или третейским судьёй, созывать экстренные общие собрания и т.д., пользоваться всеми преимуществами членов организации¹¹.

Правление *in corpore* («в полном составе») представляло союз в зарубежных объединениях: «прекращало разрешения», заключало договоры, контактировало с чешскими властями по различным вопросам¹², обращалось к организациям Русского зарубежья с целью помочь обеспечить протезами ветеранов и определить за счёт Чехословацкого Красного Креста в лечебные заведения, а также предоставить им права торговли и т.д.¹³

В сферу полномочий правления входили наблюдение за деятельностью союза, контроль за выполнением всех организационных решений (и их корректировка), созыв общих собраний, принятие в членство, учреждение разного рода комиссий и делегирование членов организации на медицинское освидетельствование инвалидов-эмигрантов. Члены правления также обязывались заботиться о соблюдении устава союза, охранять его интересы и честь, а в конце каждого месяца и года готовить отчёты о проделанной работе¹⁴.

Ежегодно на общем собрании путём тайного голосования избиралась ревизионная комиссия в составе трёх человек. Они были обязаны каждый отчётный месяц производить ревизии и на общих собраниях (за исключением экстренных) делать доклады о финансовом положении союза. Кроме того, для контролирования правильного ведения отчётной документации и правомерности расходования денежных средств комиссия имела право производить незапланированные проверки. Работа членов правления оплачивалась только при

⁸ Там же, ф. Р-5968, оп. 1, д. 32, л. 1а.

⁹ Там же, л. 1а—1а об.

¹⁰ Там же, л. 1а.

¹¹ Там же, л. 1а об.

¹² Там же, л. 1б.

¹³ Чехословакия. С. 6.

¹⁴ ГА РФ, ф. Р-5968, оп. 1, д. 32, л. 1б.

наличии свободных средств в казне союза¹⁵. Первые полгода деньги расходовались только на аренду помещения и канцелярские принадлежности, а сотрудники трудились безвозмездно¹⁶.

При возникновении спорных вопросов и недоразумений между членами союза созывался Третейский суд, заседания которого всегда были закрытые, а его постановления носили обязательный характер. Каждая из заинтересованных сторон избирала себе судью из членов союза, а судьи — председателя суда¹⁷. В 1926 г. «Суд чести» рассматривал дело бывшего начальника общежития Е.Г. Скупинского, которого обвиняли в растрате денежных средств и провокационных высказываниях в адрес союза и его членов. В итоге было принято решение исключить этого человека из организации¹⁸.

Ликвидировать союз можно было только на основании законов Чехословацкой Республики или по письменному требованию $\frac{2}{3}$ всех его членов, или согласно постановлению специально созванного по инициативе правления общего собрания. На нём должно было присутствовать не менее 75%, а при голосовании — не менее $\frac{2}{3}$ состоящих в организации людей. В противном случае, собиралось повторное общее собрание, результаты которого считались действительными, если присутствовали не менее половины членов союза. После его ликвидации отчётные документы финансового характера предоставлялись последнему общему собранию¹⁹.

Все союзы русских военных инвалидов-эмигрантов в разных странах образовывали единый Всеаграничный союз, высшее руководство которого принадлежало августейшему верховному почётному председателю, — его императорскому высочеству вел. кн. Николаю Николаевичу. По совместительству он являлся и покровителем союза совместно с императрицей Марией Фёдоровной. Во главе Всеаграничного союза стояло Главное правление, председатель которого был докладчиком по делам, касавшимся инвалидов всех союзов при его императорском высочестве²⁰.

До созыва общего Всеаграничного делегатского съезда, избравшего Главное правление, его обязанности временно исполняло действующее (избранное на третьем Делегатском съезде при голосовании не менее 80% находившихся за границей инвалидов) Центральное правление Союза русских военных инвалидов Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС)²¹. Председателем Центрального правления (находилось в Сербии) являлся генерал Н.Н. Баратов, его заместителем — проживавший в Белграде генерал-лейтенант М.Н. Кальницкий²².

Главное правление рассматривало затрагивающие интересы всех союзов общие вопросы, которые не могли решить местные центральные правления. Для разрешения проблем Главному правлению ежемесячно в письменной форме предоставлялись сведения о деятельности местных союзов, в том числе о поступлении и расходовании денежных средств. Если последние имелись, то

¹⁵ Там же.

¹⁶ Чехословакия. С. 6.

¹⁷ ГА РФ, ф. Р-5968, оп. 1, д. 32, л. 16.

¹⁸ Там же, д. 8, л. 12.

¹⁹ Там же, д. 32, л. 16.

²⁰ Там же, д. 64, л. 36, 46—46 об.

²¹ Там же, л. 46—46 об.

²² Чехословакия. С. 6.

председатели союзов ежегодно собирались при Главном правлении, если нет — председатель созывал съезд «малого состава»: минимум три председателя от каждого союза (при малой численности инвалидов-эмигрантов в стране-реципиенте мог быть представлен один человек)²³.

Председателем Главного и местных комитетов являлся председатель Главного правления союза, а его заместителями — председатели центрального правления союза той страны, где функционировал комитет. В него Главное правление приглашало лиц, которые могли оказать существенную помощь. Вся переписка, связанная с деятельностью Главного и местных комитетов, осуществлялась через Главное правление союза.

Собранные им (и местными комитетами) средства поступали в единую общеинвалидную кассу, после чего их распределяли между союзами в соответствии с численным составом и финансовым положением каждого из них. Кроме того, расходы, связанные с содержанием Главного и местных комитетов, предварительно согласовывались с Главным правлением и верховным почётным председателем. Ещё в их компетенцию входило решение вопросов по изысканию и сбору средств на нужды союза.

Первоначально организация существовала за счёт собственных средств. В апреле 1926 г. генерал Баратов обратился к министру иностранных дел, военному министру и лидерам политических партий Чехословакии с просьбой распространить права инвалидов на военных инвалидов-эмигрантов, как это было в КСХС (правда, там с 1921 г. русские пользовались лишь частью льгот)²⁴. В Королевстве ещё в ноябре 1924 г. все соответствующие хлопоты взяло на себя Центральное правление Союза русских военных инвалидов в связи с выработкой новых законов для инвалидов КСХС при министре социальной политики Н. Пелеше. Однако из-за смены кабинета правительства (к власти пришла партия Народной скупщины) к реализации этого проекта приступили только в октябре 1925 г. Тогда одновременно с урегулированием правового положения инвалидов рассматривался и русский вопрос²⁵. Уже в конце декабря 1925 г. Совет министров КСХС под председательством премьер-министра Н. Пашича вынес постановление о постоянном ассигновании 6 млн динаров для выдачи ежемесячных пособий русским инвалидам-эмигрантам первой, второй и третьей категорий, вплоть до момента их выезда из страны или смерти, в последнем случае пособие переходило их вдовам или сиротам²⁶. Суммы для выдачи пособий инвалидам в КСХС были ассигнованы для Министерства социальной политики, которое затем распределило их по финансовым управам для выдачи инвалидам.

В Болгарии суммы поступали непосредственно в распоряжение Центрального правления союза²⁷. В ЧСР (как и в Польше) инвалиды-эмигранты стали получать пособия от государства только в 1926 г. Между тем уже в 1924 г. на Лондонском конгрессе «Фидака» (F.I.D.A.C.)²⁸ было решено принять поста-

²³ ГА РФ, ф. Р-5968, оп. 1, д. 64, л. 46—46 об.

²⁴ Там же, л. 13.

²⁵ Югославия. Закон о русских инвалидах // День русского инвалида. 1926. 9(22) мая. С. 6.

²⁶ Там же.

²⁷ ГА РФ, ф. Р-5968, оп. 1, д. 64, л. 7.

²⁸ Fédération Interalliée Des Anciens Combattants (Межсоюзническая федерация бывших участников войны стран Антанты). Федерация была учреждена 28 ноября 1920 г. в Париже. Её главной целью являлась забота о ветеранах союзных государств Первой мировой войны.

новление о предоставлении русским инвалидам статуса и прав полноправных граждан²⁹.

Размер ежемесячного пособия напрямую зависел от категории инвалидности. В зависимости от потери трудоспособности инвалиды были разделены на четыре группы. Представители первой (80—100%) ежемесячно получали пособие в размере 500 чешских крон (ч. кр.), второй (60—79) — 450, третьей (40—59) — 400, четвёртой (менее 39%) — 300, но раз в три месяца, т.е. около 1 200 ч. кр. в год³⁰. Если инвалид являлся главой семьи, ему дополнительно платили 150 и по 50 ч. кр. на каждого нетрудоспособного члена семьи, однако общая сумма таких выплат не могла превышать размер пособия, которое инвалид получал от союза³¹ (например, в 1923—1924 гг. В. Шапиловскому было положено 885 ч. кр. в месяц³², при прожиточном минимуме в 1 тыс. ч. кр. в 1923 г.³³). Денежные пособия выплачивались благодаря финансовой поддержке русского отдела МИД ЧСР³⁴.

Основную часть доходов союз получал посредством вступительных членских взносов. Такой единовременный взнос составлял 2 ч. кр., для почётных членов — 50 ч. кр. Сверх этого действительные члены ежемесячно платили по 1, а почётные — по 5 ч. кр.³⁵ Посильную финансовую помощь оказывал и Красный Крест. Кроме того, поступали пожертвования, сборы с концертов, вечеров, доходы с предприятий союза, разного рода субсидии и т.д.³⁶ Однако в 1926 г. материальное положение инвалидов-эмигрантов оставалось тяжёлым. Многие из них оказались лишены не только опеки правительства, но и какой-либо помощи с его стороны³⁷. Часто, находясь на грани отчаяния и безысходности, они решались на самоубийства³⁸.

Союз помогал тем, кому было отказано в получении пособия по различным причинам (несоответствие критериям, отсутствие необходимых документов и т.д.), а также родственникам умерших инвалидов-эмигрантов, сиротам (как, например, в Польше) и т.д. Для этого за границей было необходимо привлекать к решению проблемы частных жертвователей и организовывать различные благотворительные мероприятия. С этой целью в Париже Главное управление учредило Главный комитет по сбору средств (Фонд) с правом организации местных комитетов в других странах-реципиентах³⁹.

В январе 1925 г. в Праге прошёл благотворительный бал «военных инвалидов» в Радио-Палаце⁴⁰. В феврале после двухлетнего перерыва правление Союза русских инвалидов в Чехословакии устроило в залах «Мещанской беседы»

²⁹ Чехословакия. С. 6.

³⁰ ГА РФ, ф. Р-5968, оп. 1, д. 49, л. 5—5 об.

³¹ Там же, л. 30.

³² Národní archiv v Praze (Национальный архив Чешской Республики в г. Праге), f. MZV RPA (Русская акция помощи), kart. 10321 (данные предоставлены З.А. Барбаруновой).

³³ *Серационова Е.П.* С.Г. Пушкарёв о России и славянстве // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: документы и материалы. М.; СПб., 2016. С. 252.

³⁴ ГА РФ, ф. Р-5968, оп. 1, д. 49, л. 34.

³⁵ Там же, д. 32, л. 1а об.

³⁶ Там же, л. 1а.

³⁷ Международная федерация соратников (F.I.D.A.C.) и русские инвалиды // День русского инвалида. 1926. 9(22) мая. С. 6.

³⁸ ГА РФ, ф. Р-5968, оп. 1, д. 64, л. 10, 100—101.

³⁹ Там же, л. 46—46 об.

⁴⁰ Там же, д. 33, л. 6.

(г. Пльзень) «концерт-бал» в пользу союза. На мероприятии присутствовали представители дипломатических посольств, чешских и русских общественных организаций. Несмотря на плохую погоду, было очень много гостей, вечер оказался плодотворным и в плане исполнения концертной программы (наряду с оперными артистами здесь впервые выступил хор казаков), и в материальном отношении (собрали более 3 тыс. ч. кр.)⁴¹. За оказанную при организации мероприятия помощь правление даже просило принять в члены союза артистов А.П. Чванова, С.П. Тимашева, Н.Л. Роусову-Вратскую, П.Д. Любимова, М.Е. Чернышенко, солиста скрипача Г. Ретивова, дирижёра Казачьего хора В. Левицкого, а А. Масарик, Н.Ф. Крамарж, В.Ф. Шокореvu, И.С. Полозину, В.И. Вергун и всех дам — за пожертвование и личное участие в организации вечера⁴².

В 1926 г. благодаря постановке благотворительного спектакля было собрано 1 285 ч. кр. Чистая прибыль из этой небольшой суммы составила 205, а расходы на организацию — 1 080 ч. кр. Следует отметить, что все спектакли, как правило, финансировались чешским правительством, так как организаторы при общей выручке в 300—4 000 ч. кр. не могли самостоятельно покрыть необходимых затрат⁴³.

На проведённом в январе 1926 г. вел. кн. Николаем Николаевичем (при активной поддержке со стороны чешской и русской общественности) благотворительном вечере удалось собрать более 6 тыс. ч. кр., бóльшую часть которых передали на лечение председателя союза⁴⁴. В апреле Союз русских драматических артистов в Праге устроил благотворительный спектакль Е.Н. Чирикова «Колдунья», «чистый» сбор от которого отдали в пользу Союза русских военных инвалидов за границей. С той же целью артисты продавали во время спектакля жетоны и значки⁴⁵.

Организация предоставляла инвалидам ссуды на покупку фильмов и открытие мини-кинотеатров — на определённые сроки (как правило, на несколько месяцев) с фиксированными ежемесячными выплатами. При этом запрещалось указывать где-либо (в афишах, программках и т.д.), что сборы идут в пользу союза (использовать его название разрешалось только при аренде помещений) или что показ осуществляется при его финансовой поддержке. Кроме того, заёмщик обязывался по первому требованию предъявлять союзу всю отчётную документацию о своей коммерческой деятельности с указанием места и времени проведения киносеансов, количества мест, проданных билетов, сумм полного сбора, всех расходов, связанных с проведением показа (аренда помещения, стоимость фильма, пошлины, реклама и т.д.) и чистой прибыли. Заёмщик должен был поддерживать честное имя организации, по мере возможности предоставлять её членам рабочие места и один раз в квартал устраивать благотворительный показ фильмов с 50-процентным отчислением в её пользу.

⁴¹ Общий приход денежных средств составил 8 505,77 ч. кр. (продажа билетов и поступивших пожертвований — 5 546,32 ч. кр.; продажа программ — 264,4; общая выручка буфета — 269,05); расходы — 5 656,76 (печать афиш, программ и т.д.) — 820,6; налоги — 1 031,71; оплата казачьему хору — 995; оплата оркестра на балу — 500; наём помещения — 500; покупка продуктов и напитков — 1 414,45; оплата услуг повара, прислуги и другого персонала — 295 ч. кр. (Там же, д. 25, л. 40—40 об.).

⁴² Там же.

⁴³ Там же, д. 64, л. 20.

⁴⁴ Там же, л. 5—5 об.

⁴⁵ Там же, л. 30.

Договор заключался на полгода и по взаимному согласию мог продлеваться, однако в случае нарушения каких-либо пунктов расторгался в одностороннем порядке. Особо подчёркивалось, что фильм не должен «содержать материалы, провоцирующие межэтнические конфликты между чешской общественностью и русскоязычным населением». Чтобы в дальнейшем избежать проблем с клиентами, от используемого для показа фильма технического оборудования требовался соответствующий уровень⁴⁶.

Договор о предоставлении ссуды мог быть и краткосрочным. Например, инвалид Грабовой взял у союза ссуду на покупку фильма «Наташа» в размере 2,5 тыс. ч. кр. с обязательством погасить заём в течение трёх месяцев (два взноса по 800 и 900 ч. кр.). Но пока деньги не были выплачены, фильм принадлежал организации. Процентная ставка по кредиту составляла 6% годовых, в случае невозвращения средств фильм также становился собственностью союза⁴⁷. Между тем некоторые лица не только не возвращали деньги, но даже не собирались открывать ни кинотеатра, ни мастерской и т.д. Например, в сентябре 1926 г. Центральное правление союза в Париже выдало некому П.Н. Никонову 3 700 французских франков на оборудование мастерской, но он исчез с деньгами и принадлежавшими организации вещами⁴⁸.

В ноябре того же года правление Союза русских военных инвалидов выпустило календарь-альманах, приуроченный к 10-летию битвы у Зборова и 50-летию Русско-турецкой (Балканской) войны. В создании альманаха участвовали чешский писатель Ф. Лангер, генерал М.А. Иностранцев, писатель, литературный и театральный критик А.А. Амфитеатов, генерал Н.Н. Баратов, писатель, путешественник и журналист В.И. Немирович-Данченко, профессора А.А. Кизеветтер, М.А. Циммерман, писатели Е.Н. Чириков и А.А. Яблоновский и др. Объём календаря составлял порядка 70 страниц, стоимость — 8 ч. кр.⁴⁹

В 1927 г. вышел аналогичный календарь (40—45 страниц) на чешском и русском языках. Он содержал статьи, заметки, воспоминания, относящиеся к истории Чехословакии, её борьбе за независимость, а также о прошлом России и её военных заслугах. Кроме того, здесь был представлен (тоже на двух языках) включавший хронологические и астрологические данные церковный календарь — месяцеслов (православный, католический и лютеранский), справочник, содержащий официальные сведения (в том числе статистические) о ЧСР, чешских инвалидах, «стародружинниках», «легионерах» и Союзе русских военных инвалидов-эмигрантов⁵⁰.

Немаловажное значение имел и День русского инвалида, проводившийся с 1926 г. ежегодно в большинстве стран-реципиентов по единой программе. Накануне праздника проходили всенациональные богослужение и панихида по русским воинам, погибшим во время Первой мировой и Гражданской войн. Непосредственно в этот день служили молебны о здравии всех находившихся в изгнании воинов, после чего начинались различные концертные выступления, представления, благотворительные спектакли, танцы, лотереи и т.д. Например, в Праге к празднику союз выпускал газету «День русского инвалида» (её про-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, д. 50, л. 1.

⁴⁸ Там же, д. 8, л. 13.

⁴⁹ Там же, д. 54, л. 2.

⁵⁰ Там же, л. 13—13 об., 59, 66.

давали на концерте, в киосках) и специальные металлические значки (жетоны). Жертвователям их вручали бесплатно, а все остальные могли их приобрести во время концерта за 3 ч. кр.⁵¹ В Болгарии стоимость такого жетона составляла 25 динаров⁵², а серебряного и золочёного инвалидного знака (его носили только почётные члены союза) — 75 динаров⁵³.

Правила ношения нагрудного инвалидного знака, единого для всех входивших в Всеаграничный зарубежный союз членов Союза русских военных инвалидов, установило его Главное правление на состоявшемся в апреле 1926 г. в КСХС третьем Делегатском съезде⁵⁴.

Обычный (металлический) знак носили только получившие увечья в боевой обстановке действительные члены союза (являвшиеся таковыми не менее полугода), а состоявшие под его «опекой» такого права не имели. Почётные председатели и почётные члены союзов носили золотые или позолоченные знаки.

Ношение нагрудного знака обязывало военного инвалида охранять честь и доброе имя организации. При нарушении правил или исключении инвалида из союза правление ходатайствовало перед Центральным правлением о лишении такого лица права на ношение знака. Во избежание злоупотреблений знаки нумеровались, а все инвалиды имели соответствующие удостоверения от местных или центральных правлений союза⁵⁵.

Иногда инвалид при переезде в другую страну не имел возможности одновременно стать членом находившегося там союза (условия приёма оказывались более строгими). Поэтому Главное правление обращало внимание Центрального на необходимость установления единства требований при приёме в организацию. Например, в Белграде её членами могли стать лица, утратившие трудоспособность только в боевой обстановке⁵⁶. Однако среди «странствующих инвалидов» нередко встречались мошенники, которым союзы оказывали материальную и правовую помощь, иногда урезая нужды — собственные и своих членов. Так, инвалид Ф.А. Позняков, которому неоднократно выплачивалось пособие, получив паспорт и разрешение на жительство в Германии, был уличён в воровстве: ему предложили работу в русском ресторане, однако он скрылся, захватив с собой чужие вещи, и тем самым нанёс вред репутации союза. Его же заподозрили и в краже имущества у других инвалидов на сумму 150 марок. Другой пример: прибывшему в ЧСР без документов инвалиду Корошкову с большим трудом союз выхлопотал право на жительство, устроил его в общежитие. Там он получал обеды и изредка пособие, нигде не работая, хотя организация предоставила ему ссуду именно для надомной подработки в виде торговли открытками и газетами⁵⁷.

Устав союза предписывал воинам-эмигрантам поддерживать не только его «честь и достоинство», но и воинскую дисциплину. За нарушение правил делали предупреждение. Если кто-то продолжал вести себя неподобающим образом, его исключали из организации без права последующего восстановления.

⁵¹ Там же, д. 48, л. 5.

⁵² Там же, д. 64, л. 24.

⁵³ Там же, л. 7.

⁵⁴ Там же, л. 8—9.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, л. 84.

⁵⁷ Там же, л. 64—64 об.; д. 8, л. 9.

Так, в мае 1926 г. правление Союза русских военных инвалидов — участников европейской войны в Бейруте — исключило из своих рядов А.И. Павловского. Он словесно оскорбил русскую даму и поджёг её дом, неоднократно провоцировал других членов союза и регулярно размещал в периодической печати (в частности в газете «Возрождение») провокационные статьи о его деятельности⁵⁸. Исключить из союза могли и за получение советских документов или въезд на территорию СССР⁵⁹.

⁵⁸ Там же, д. 8, л. 10.

⁵⁹ Там же, л. 12.

О возможности существования раннесредневековой базилики на городище Чуфут-Кале: историографический аспект

Елена Айбабина, Дмитрий Ломакин

About a possibility of existence an early medieval basilica on the ancient settlement of Chufut-Calais: historiographic aspect

Elena Aibabina, Dmitriy Lomakin

(both — V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870006390-0

Впервые аргументированная научная полемика о возможности существования раннесредневекового христианского храма на городище крепости Чуфут-Кале¹ возникла в конце 1920-х гг. в связи с результатами археологических изысканий на территории памятника. Ещё в начале 1920-х гг. руины мечети Чуфут-Кале описал исследователь крымских древностей А.Л. Бертье-Делагард: «Подле самих ворот внутри города видны развалины большой хорошей мечети с двумя рядами колонн внутри, имевших сталактитовые капители. Направленные михраба мечети S10W. В её стенах и вокруг попадают камни, прекрасно изукрашенные мусульманским ковровым узором стиля турок-сельджуков, судя по которому построение мечети можно отнести к XIV веку»². Сельджукский декор мечети хорошо прослеживается по обнаруженным раскопками архитектурным деталям и камням с резьбой, использованным в кладке мечети, что свидетельствует о хотя бы одной перестройке или об использовании спойлий в строительстве здания.

В течение 1926—1929 гг. Государственным дворцом-музеем тюрко-татарской культуры в Бахчисарае под руководством У.А. Боданинского проводились археологические исследования. В научный коллектив экспедиции входили эпиграфист О.Н.-А. Акчокраклы, архитектор Б.Н. Засыпкин, студенты-практиканты Б. Муратов и Д. Аблямитов. В 1929 г. к ним присоединились стажёры столичных вузов Е.В. Веймарн и В.Н. Чепелев, выполнившие топографическую съёмку городища. Перед экспедицией стояла задача «выяснить структуру ме-

© 2020 г. Е.А. Айбабина, Д.А. Ломакин

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0013 «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

¹ Памятник расположен по адресу: Республика Крым, г. Бахчисарай, ул. Басенко, 57. Решением Крымского облисполкома от 15 января 1980 г. установлена охранный зона площадью 113 га, включая плато, на котором расположено городище, и полосу вдоль южного обрыва с раннесредневековым и караимским кладбищами. 17 октября 2015 г. получил статус памятника федерального значения.

² *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Т. 57. Симферополь, 1920. С. 112.

чети»³. В 1926 г. при расчистке мечети в её южной стене была «открыта нишка со сталактитовым сводом, характерным для обработки “михрабов” — алтарных ниш мусульманских мечетей... Тогда же возникла мысль о более детальном исследовании этих руин». За два полевых сезона всё внутреннее пространство постройки было расчищено.

Во время работ удалось выявить многочисленные фрагменты блоков арок перекрытия, позволившие предположить размеры опор: 0,66 на 0,56 м. Конфигурация замковых камней свидетельствовала о стрельчатой форме арок. В качестве опор служили круглые колонны. Об этом, по мнению исследователей, свидетельствует «закруглённая форма ям и то, что в них найдено много мелкой бутовой кладки, служившей для укрепления колонн. Все четыре ямы имеют одну особенность: к западу стенки их идут довольно отвесно, а к востоку они сильно снижены и сглажены, т.е. учитывалось, что колонну (очевидно, мраморную) нужно положить сначала, а затем уже её выправлять и ставить отвесно; без этого сглаживания в одну сторону поставить колонну в яму очень трудно»⁴.

По мнению исследователей, капителями колонн мечети могли послужить хранящиеся в Бахчисарайском историко-культурном и археологическом музее-заповеднике (БИКАМЗ) две раннесредневековые капители, обнаруженные в кладке позднего фонтана у могилы Гази-Мансур⁵ у юго-восточного подножия Чуфут-Кале при его ремонте в 1927 г. Ионические капители диаметром 0,395 м в нижней части «имеют волюты, а выше сильно развитую абаку (импост) в виде гуська, покрытого рельефными акантовыми листьями»⁶. Две грани капителей были стесаны, на одной из них в центре, среди акантовых листьев, заметны следы стёсанного византийского креста. Находки датированы V—VI вв. Подтверждением гипотезы авторов раскопок послужили выявленные на территории мечети мелкие фрагменты капителей, выполненные из схожего материала в подобной технике, со сходной «трактовкой аканта»⁷.

Следует упомянуть, что во время обследования поселения Эски-Юрт в 1924 г. Боданинский обнаружил мраморное мусульманское надгробие, изготовленное из фрагмента ствола колонны с рельефным изображением византийского креста. Арабская надпись позволила датировать его XIV в.⁸ До настоящего времени происхождение колонны не установлено. Эта находка расширяет круг раннесредневековых архитектурных деталей, используемых в строительстве и декоре нехристианских погребальных сооружений и зданий.

Аналогии капителям Боданинский видел в Херсонесе. Во время археологических исследований Одесским обществом истории и древностей в 1876—1878 гг. вблизи Уваровской базилики были найдены три мраморные капители в «ионическо-византийском стиле»⁹. Н.В. Измайлова к этой группе отнесла

³ Акчокраклы О., Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Чуфут-Кале. По материалам раскопок 1928—29 гг. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. 3(60). Симферополь, 1929. С. 170, 171.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Об азизе Гази-Мансур см. подробнее: Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Т. 1. Симферополь, 2016. С. 14—15.

⁶ Акчокраклы О., Боданинский У.А., Засыпкин Б.Н. Указ. соч. С. 174.

⁷ Там же. С. 175.

⁸ Башкиров А., Боданинский У. Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. 1925. № 8—9. С. 307.

⁹ Измайлова Н.В. Византийская капитель в Херсонесском музее // Seminarium Kondakovianum. Вып. 1. Прага, 1927. С. 121, рис. 1: 1—3.

также капитель из Херсонеса, хранившуюся в Государственном историческом музее в Москве, и капитель из белого мрамора, обнаруженную в 1869 г. в Партените около базилики монастыря Св. апостолов Петра и Павла. По поводу последней автор отметила: «Капитель эта... не находится ни в какой связи с базиликой, где все архитектурные фрагменты сделаны из известняка». Она выделила ряд общих признаков: «сочетание ионической капители и импоста, форма последнего, и, наконец, наличие двух видов аканфа — широколистого и мелкозубчатого»¹⁰. Вся группа была датирована серединой V в.

Ионическую импостную капитель, происходящую из Чуфут-Кале, в группе подобных капителей, хранящихся в БИКАМЗ, изучала Л.Г. Хрушкова, датировав её первой половиной VI в. Капитель изготовлена из мраморовидного известняка. Большое число её близких аналогий исследовательница нашла в архитектурном материале Херсонеса. Хрушкова считает, что этот экспонат вместе с двумя ранее найденными коринфскими капителями мог относиться к базилике ранневизантийской эпохи¹¹. Вероятнее всего, это одна из двух раннесредневековых капителей, обнаруженных при ремонте фонтана у могилы Гази-Мансура.

В ходе византинизации городов и поселений раннесредневековой Таврики, удалённых от «столицы» Византии в Крыму — Херсонеса, и христианизации их населения было необходимо создание культовых объектов. Накопленный к настоящему времени материал исследований южнобережных памятников и христианских построек Юго-Западного Крыма позволяет проследить направления этого процесса, реконструировать архитектуру храмовых строений и комплексов, принципы декорирования, установить истоки и влияние стилей, примеры местной переработки образцов.

Руины христианской базилики в Партените привлекли внимание научной общественности во второй половине XIX в. При прокладке дороги к морскому побережью в 1869 г. «управляющий имением Партенит г. Килеус наткнулся на стену значительной постройки, которую он счёл за остатки водопровода, и распорядился выбирать из развалин камень» для строительства опорных стен вдоль дороги. Во время этих работ была обнаружена мраморная ионическая импостная капитель с аканфом. В 1871 г. частичные раскопки храма провёл священник Н. Клопотович под руководством художника Д.М. Струкова. Была «найдена колонка, капитель и много кусков карниза прекрасной резной работы»¹². К сожалению, дальнейшая судьба фрагментов не установлена.

Летом 1907 г. полноценное археологическое изучение памятника проводилось Н.И. Репниковым. Основание базилики было отнесено им к концу VIII в.¹³ Обнаруженная ранее мраморная капитель «хранилась в доме Раевских в Карасане. Размеры верхней части 0,97 на 0,68 м, диаметр круга на нижнем основании — 0,5 м, в центре отверстие. На двух сторонах изображены кресты в

¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹ Хрушкова Л.Г. Ранневизантийские капители и другие элементы архитектурного декора из Юго-Западного Крыма // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2016. Т. 2(68). № 2. С. 139—142.

¹² Репников Н.И. Партенитская базилика // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 32. СПб., 1909. С. 92, 93.

¹³ В 1998—2001 гг. в результате исследований Партенитской базилики экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством С.Б. Адаксиной была установлена новая дата возникновения храма: X—XI вв. (Адаксина С.Б., Мыз В.Л. Партенитская базилика в X—XI вв. (первый этап существования памятника) // Христианский Восток. 2013. № 6(12). С. 401—503).

растительном орнаменте, остальные стороны заняты лишь орнаментом. Назначение этой капители в раскопанных развалинах не ясно. Нигде при раскопках не встречено оснований (баз) колонн». Репников заключил: «Предполагать, что капитель помещалась на одном из квадратных столбов, отделявших нефы базилики, мы не имеем права по той причине, что столбы значительно больше капители и не соответствуют ей по форме»¹⁴.

Вопрос об использовании капители усложняют свидетельства очевидцев конца XVIII — начала XIX в. В 1794 г. П.С. Паллас на вершине Аю-Дага застал фрагмент мраморной колонны длиной около 0,7 м и диаметром около 0,5 м¹⁵. Английский путешественник Э.Д. Кларк, посетивший полуостров в 1800 г., свидетельствовал о нахождении на месте развалин монастыря в Партените четырёх колонн — двух из белого мрамора, двух из зелёного. Две из них по распоряжению кн. Г.А. Потёмкина были доставлены в Херсонес для нужд на строительство храма. Сам же английский путешественник увидел лишь одну колонну из белого мрамора около 12 футов (3,65 м) длиной и 18 дюймов (0,46 м) диаметром¹⁶. В 1837 г. П.И. Кёппен упомянул «столб беломраморный, изображением креста украшенный, который находился некогда на восточном склоне Аю-Дага... и который был перевезён в Гурзуф»¹⁷ по распоряжению М.С. Воронцова. По свидетельству Репникова, колонну из Гурзуфа перевезли в Алупку, где он её и осмотрел в 1907 г.: «Колонна из белого мрамора обычного типа, длина 3,3 м, диаметр вверху 0,5 м, внизу 0,6 м. Сверху квадратное отверстие для укрепления капители шириной 0,009 м. Несколько выше середины колонны рельефный четырёхконечный крест».

В заключение Репников отметил: «Отсутствие каких-либо других значительных развалин на восточном склоне Аю-Дага, в связи с совпадением основания капители с верхним диаметром колонны и идентичность отверстий на обеих, заставляют полагать, что они первоначально составляли одно целое. Я далёк от мысли приурочивать колонну с капителью к строительным частям базилики, данных для этого мы не имеем. Но, быть может, не без основания можно видеть в них корабельный балласт, который, будучи привезённым в Партенит, предполагался первоначально для постройки базилики и, как неиспользованный, лежал около неё или нашёл какое-либо применение, судить о котором мы не имеем данных»¹⁸. Возвращаясь к капители, необходимо отметить и точку зрения Л.Г. Хрушковой, которая аргументированно доказала, что мраморная капитель, пережившая реставрацию (нанесение креста на импосте, на месте утраченного кабошона и листьев лилии, характерных для византийской пластики VIII—IX вв.), была использована при строительстве базилики, в интерьере, скорее всего, в конструкции алтарного престола¹⁹. Маленькая капитель, колонна с аканфовой резьбой и другие детали, по мнению Репникова, также могли быть элементами украшения алтарной части базилики.

¹⁴ Репников Н.И. Партенитская базилика. С. 112, 113.

¹⁵ «На вершине Аю-Дага находятся развалины греческого монастыря... У монастыря лежит мраморная колонна длиной в аршин, имеющая в диаметре три четверти» (Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793—1794 годах. М., 1999. С. 84).

¹⁶ Clarke E.D. Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie. Т. 2. P., 1813. P. 444.

¹⁷ Кёппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 38.

¹⁸ Репников Н.И. Партенитская базилика. С. 113.

¹⁹ Хрушкова Л.Г. Ранневизантийские капители... С. 146—147, 162, рис. 21.

Археологические исследования городища Чуфут-Кале продолжили в 1956—1959 гг. Институт археологии АН УССР и Бахчисарайский музей. Работы «коснулись главным образом северной части “средней” оборонительной стены. Эти исследования в значительной мере изменили представление о характере всей системы оборонительных сооружений на этом участке и внесли ряд серьёзных поправок в вопрос о времени возникновения городища». В 1957 г. Е.В. Веймарн в поздней кладке ограды в «новом» городе обнаружил третью, сильно повреждённую мраморную капитель. «Капитель эта использовалась неоднократно и уже не как элемент архитектуры. Ещё до использования её в качестве камня в кладке из неё была сделана чаша. Для этого в её плоской верхней части было выдолблено большое круглое углубление с закраиной для крышки»²⁰.

Обнаружение на городище Чуфут-Кале очередной мраморной капители возродило споры о существовании здесь христианской базилики. Исследователь раннесредневекового могильника в ущелье Майрам-Дере на юго-восточном склоне плато Чуфут-Кале В.В. Кропоткин утверждал, что в VI в. на месте руин мечети существовал храм базиличного типа, по размерам близкий к базиликам на Мангупе и Эски-Кермене: «Капители из проконесского мрамора происходят, вероятно, из разрушенной христианской базилики, существовавшей в древней части города на месте мечети, так как там были найдены обломки аналогичных капителей с листьями аканфа и каменная плита с крестом... Христианские базилики в VI в. сооружались не только в Херсонесе и на Боспоре, но и в новых византийских крепостях в горной части полуострова — Мангупе и Эски-Кермене. Очевидно, базилика в Чуфут-Кале была сооружена в VI в. н.э.»²¹. С уверенностью о существовании христианской базилики на территории Чуфут-Кале писал А.Л. Якобсон. По его словам, политика христианизации населения Таврики Византийской империей в V—VI вв. «вызвала необходимость массового строительства храмов... Эти храмы в виде больших вместительных базилик строились повсеместно: они открыты раскопками на Мангупе, Эски-Кермене, Чуфут-Кале (найлены колонны и капители от такой базилики), существовала такая же базилика в Партенитах»²². В 1959 г. Якобсон в исследовании о раннесредневековом Херсонесе повторил предположение, что «древние Фуллы (Чуфут-Кале) существовали уже в VI в. и что здесь возводились монументальные постройки, показывает находка у подножия Чуфут-Кале мраморной коринфской капители именно VI в., явно сброшенной сверху и принадлежавшей, очевидно, христианской базилике, подобной базилике на Мангупе. В 1957 г. такая же капитель была найдена Е.В. Веймарном и на самом плато»²³.

Е.В. Веймарн не поддержал эти научные построения, отметив, что «факт нахождения на городище и в его ближайшей округе трёх разнотипных раннесредневековых капителей недостаточен для утверждения того, что на Чуфут-Кале имела базилика. Попали капители на Чуфут-Кале, по-видимому... гораздо позднее времени их изготовления в результате растаскивания мрамора

²⁰ Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 50, 61.

²¹ Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма: Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы // Советская археология. 1958. № 28. С. 207.

²² Якобсон А.Л. Города Северного Причерноморья в V—IX вв. // Очерки истории СССР. В 9 т. Т. 2. М., 1958. С. 540.

²³ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: очерки истории материальной культуры. М.; Л., 1959. С. 123 (Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 63).

из какого-то другого места... Нахождение мелких осколков подобных капителей (а может быть, даже этих самых) при раскопках мечети можно объяснить использованием их при сооружении последней не обязательно по прямому назначению. Об этом говорит и стесывание христианских эмблем, имевшихся на этих капителях, и дальнейшее использование их, в конечном итоге, как строительный материал». Веймарну виделись сомнительными и рассуждения о расположении базилики на месте руинированных остатков мечети: «Приурочивание базилики к месту поздней татарской мечети на основании четырёх круглых углублений, высеченных в скалистом её полу, также неосновательно. Ямы эти высечены явно для здания мечети, ориентированного с севера на юг (ориентация христианских храмов, как известно, всегда близка к направлению восток-запад). Даже если допустить, что мечеть была построена поперёк основания снесённой базилики, а четыре ранее сделанных ямы использованы для устройства её колонн, то расстояние между последними не подкрепляют мнение Якобсона, что предполагаемая базилика Чуфут-Кале идентична базиликамангупа и Эски-Кермена. Предположение это не подтвердилось, так как зачистка остатков мечети не обнаружила никаких реальных признаков ранее будто бы существовавшей базилики»²⁴. Мнение Веймарна было в некоторой степени основано на категоричном утверждении Репникова. Он же исключил возможность доставки мраморных архитектурных фрагментов из Херсонеса или Мангупа: «Завоз их из далекого Херсонеса или из Мангупа, поскольку последний не окончил ещё к данному времени своей исторической жизни, не вероятен. Существование в самом Чуфут-Кале храма столь ранней поры VII—VIII вв. идёт вразрез с историческими сведениями о начале христианства в этом пункте»²⁵.

Очередным подтверждением возможности постройки раннесредневековой христианской базилики в районе Чуфут-Кале стала находка 1960 г. Во время исследований Веймарном беседки Селямет-Гирея в Бахчисарае была обнаружена вторично использованная плита из серого мрамора с остатками однострочной греческой надписи: «О молитве за Марию...». Э.И. Соломоник отметила, что «условия находки плиты и формула надписи не позволяют связать её с определённым местом и типом памятника, но, и судя по известным аналогиям, она относится скорее к категории строительных и была помещена на каком-то церковном здании, возможно, воздвигнутом под руководством византийского комита»²⁶. Она же считала наиболее вероятной датировку памятника V—VI вв. Интересной представляется находка на чуфут-калинском могильнике надгробия — модели базиликального однефного храма с полукруглой апсидой и двускатной крышей²⁷. Таким образом, находки раннесредневековых капителей и других артефактов этого времени ряд исследователей вполне определённо связывают с возведением на территории крепости Чуфут-Кале раннесредневековой базилики²⁸.

²⁴ Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах... С. 61, 62.

²⁵ Репников Н.И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—29 гг. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 12. Вып. 1—8. Л., 1932. С. 142.

²⁶ Соломоник Э.И. Новые греческие лапидарные надписи средневекового Крыма // Византийская Таврика. Сборник научных трудов к XVIII конгрессу византинистов. Киев, 1991. С. 175.

²⁷ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер—Чуфут-Кале. Крепость на краю седьмого климата: исследование, путеводитель, альбом. Симферополь, 2016. С. 73, рис. 44.

²⁸ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 161.

Неоднократные свидетельства о возможной архитектурной близости базилик Мангупа, Эски-Кермена и Чуфут-Кале вынуждают нас обратиться к периодам археологического исследования и атрибуции первых двух памятников. Впервые археологические исследования эски-керменской базилики были произведены в 1930 г. экспедицией Государственной академии истории материальной культуры под руководством Н.И. Репникова. Результаты работ отображены в публикации профессора Ленинградского государственного университета, директора Государственного института истории искусств Ф.И. Шмита. Он отметил, что сооружение не может быть отнесено к византийской архитектуре: «Эски-керменская базилика ни по своему плану, ни по своей конструкции, ни по своей декорровке, ни по орнаментации иконостаса никак к “византийскому” кругу не относится, не принадлежит вообще к какому бы то ни было одному культурному кругу». Детализируя свои построения, исследователь резюмировал: «Базилика построена пришлыми мастерами, которые привыкли сочетать продольнонефную крытую деревом сирийскую базилику, снабжённую трёхчастным алтарём, с обычной в Каппадокии многогранностью наружного оформления абсид и малозийской бутово-бетонной техникой сооружения стен и сводов. Крайние хронологические пределы, между которыми должна быть построена эски-керменская базилика, — конец IV и начало VII в. С константинопольским строительством она достоверно никак не связана, равно как не является подражанием и близким к херсонесским образцам»²⁹.

С подобным утверждением не согласился А.Л. Якобсон, видевший прямые аналогии в Херсонесе: «За исключением лишь одной черты, трёхапсидности, все остальные признаки архитектурной композиции и техники сближают эски-керменскую базилику с раннесредневековой архитектурой Херсонеса, где господствует эллинистический тип крытой деревом базилики... Базилика Эски-Кермена, подобно мангупской, есть памятник строительной периферии Херсонеса»³⁰. Возведение базилики Якобсон отнёс к VI в.

Исследования базилики продолжились в 1979—1980 гг.: эски-керменский отряд Южнобережной экспедиции Института археологии АН УССР открыл неисследованную ранее северную часть памятника. Е.А. Паршина, подводя итоги работ, отметила: «Эски-керменская базилика не является редчайшим экземпляром архитектурного импорта или продуктом уникальной местной архитектурной школы. Все её черты типичны крымской архитектуре, испытывающей на себе влияние византийского зодчества на всех этапах её развития»³¹. Время постройки базилики было определено не ранее VIII в., при этом памятник подвергся существенной перестройке в XI в.³², что изменило его облик «соответственно вкусам нового времени»³³. С данным предположением не согла-

²⁹ Шмит Ф.И. Эски-керменская базилика // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Т. 12. Вып. 1—8. С. 224, 243.

³⁰ Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму // Советская археология. 1940. № 6. С. 218.

³¹ Паршина Е.А. Эски-керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 37, 53.

³² В 2002 г. Е.А. Паршина несколько скорректировала датировку памятника: «Сооружение, очень небольшое по сравнению с другими базиликами, могло возникнуть не ранее VII и не позднее VIII в., когда в Крыму уже начали строить сводчатые сооружения. В конце IX или начале XII в. базилика была капитально перестроена и получила характерный для того времени облик» (Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-керменская базилика // Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 113).

³³ Паршина Е.А. Эски-керменская базилика. С. 50.

сился А.И. Айбабин, связав возведение храма со временем строительства крепости (VI—VII вв.). В VIII в., по мнению исследователя, была осуществлена первая перестройка базилики³⁴. Современные исследователи эски-керменского городища придерживаются датировки сооружения здесь базилики концом VI—VII вв.³⁵

Во время археологических работ на эски-керменской базилике были обнаружены архитектурные фрагменты из проконесского мрамора³⁶. По мнению Ф.И. Шмита, они не принадлежали первоначальной конструкции здания, а были доставлены на городище значительно позже, для восстановления разрушенной базилики: «Первоначальное здание, которому принадлежат абсиды, было разрушено, но не тотчас после разрушения покинуто; по-видимому, существовало даже намерение его снова отстроить — с этой целью были привезены те мраморные колонны и капители, которые нашлись, наверное, не *in situ* в главной зале базилики». При этом назначение мраморных деталей осталось не установлено. Отмечено лишь, что колонны, «которые ведь только и могли быть привезены издалека — вероятно, из-за моря, т.е. из Проконесса — предназначались для какого-то парадного византийского сооружения»³⁷. Диаметр колонны составил 42 см, что позволило реконструировать её высоту до 252 см³⁸. Айбабин указал на Херсонес и другие византийские центры, откуда мраморные детали архитектурного декора, равно как и другие товары, поступали в пункты области Дори³⁹.

Исследование базилики на городище Мангула начал приват-доцент Санкт-Петербургского университета Ф.А. Браун в 1890 г., когда был командирован в Крым по поручению Императорской археологической комиссии с целью «отыскания там следов готских поселений». Во внутреннем пространстве памятника была проложена траншея, ориентированная с запада на восток, открыта абсида. Ф.А. Браун пришёл к выводу, что имеет дело с «кладбищенской церковью, со всех сторон окруженной склепами или мавзолеями»⁴⁰. Исследователь указал на находки мраморных фрагментов, два из которых несли изображение креста. Археологическое изучение базилики в 1912 г. продолжил Р.Х. Лепер⁴¹. Во время работ среди прочих архитектурных деталей он обнаружил аканфовую мраморную капитель: «Её верх несколько сбит, сама капитель несколько перевернута, а её нижняя постель выдолблена в виде блю-

³⁴ Айбабин А.И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (далее — МАИЭТ). Вып. 2. Симферополь, 1991. С. 45; Айбабин А.И. Этническая история... С. 161.

³⁵ Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III—VII в.). Симферополь, 2017. С. 166—167.

³⁶ Мартин Броневский в 1578 г. в описании Крыма упомянул мраморные колонны базилики Эски-Кермена: «Храм, украшенный мраморными и серпентиновыми колоннами, уже разрушился, но обломки его свидетельствуют о прежней славе и роскоши города» (Описание Крыма (Tartarique description) Мартына Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. Вып. 6. Одесса, 1867. С. 344).

³⁷ Шмит Ф.И. Указ. соч. С. 216, 222.

³⁸ Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-керменская базилика. С. 113.

³⁹ Айбабин А.И. Этническая история... С. 161.

⁴⁰ Производство археологических раскопок в Таврической губернии в уездах Мелитопольском и Симферопольском // Отчёт Императорской археологической комиссии за 1890 год. СПб., 1893. С. 15, 19.

⁴¹ Лепер Р.Х. Археологические исследования в Мангуле в 1912 г.: предварительное сообщение, с 7 рис. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 47. СПб., 1913. С. 76.

да, неглубоко»⁴². По мнению А.Л. Бертье-Делагарда, «капитель употребили как чашу для святой воды, поставленную у входа в церковь... или она служила купелью для крещения детей, что могло совершаться в ней только обливанием»⁴³. Бертье-Делагард указал на сходство первоначальной базилики Мангупа, перестроенной после пожара, с раннесредневековыми базиликами Херсонеса. Он же предположил наличие мраморных колонн в исходной застройке городища: «Думаю, что в первой базилике колонны были мраморные и в пожаре частью погибли, а остальные после пожара были куда-либо взяты. Например, одна из них вкопана стоймя над самым обрывом одной из сторон Капу-Дере, очевидно, с целью служить для привязки спускаемых лестниц или веревок. Впрочем, подле неё могилы, и колонна могла иметь значение памятника... Капители у этих колонн были обычные аканфовые, византийские, как в Херсонесе»⁴⁴.

В 1938 г. к раскопкам на Мангупе приступил отряд Ленинградского отделения Института археологии под руководством А.Л. Якобсона. Исследователь считал, что мраморные колонны первоначальной базилики большей частью погибли в пожаре и были заменены восьмигранными колоннами из известняка. Он отметил, что их фрагменты «валялись вблизи базилики ещё в 1927 г.». Основываясь на стилистической близости с ранними базиликами Херсонеса, Якобсон датировал возведение базилики на городище Мангупа VI в. Он также сообщил о двух ранних обнаруженных здесь капителях из проконесского мрамора. Если изображение одной было опубликовано Р.Х. Лепером в 1912 г., то о второй речь шла впервые: «Мраморная капитель небольших размеров, украшенная одним ярусом широколопастного аканфа, воспроизведённого грубо и схематично. Стилистически она примыкает к известным византийским коринфским капителям, совершенно определённо датируемым VI в.». Обе капители «не местного производства и даже не херсонесского, они выполнены из проконесского мрамора и являются, бесспорно, изделиями проконесских мастерских, так же, как и херсонесские»⁴⁵. Все обнаруженные мраморные архитектурные фрагменты Якобсон без сомнения относил к раннесредневековой базилике Мангупа. Иного мнения придерживался Репников, датируя возведение мангупской базилики не ранее X в. и считая мраморные капители занесёнными извне в более позднее время⁴⁶.

С 1967 г. систематические исследования базилики на Мангупе велись доцентом кафедры музееведения и прикладной культурологии Уральского федерального университета Н.И. Барминой. По мнению исследовательницы, в VII—IX вв. на плато существовал однефный храм, возведение «большой» трёхнефной базилики на его месте относится к IX—X вв.⁴⁷ При этом террито-

⁴² Изображение капители опубликовано: *Лепер Р.Х.* Археологические исследования в Мангупе в 1912 г.: второе предварительное сообщение, с 9 рис. // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 47. С. 148.

⁴³ *Бертье-Делагард А.Л.* Каламита и Феодоро // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Вып. 55. Симферополь, 1918. С. 43, 44.

⁴⁴ Там же. С. 39—40.

⁴⁵ *Якобсон А.Л.* Из истории... С. 211, 214, 215.

⁴⁶ *Репников Н.И.* Эски-Кермен... С. 141—142.

⁴⁷ *Бармина Н.И.* Мангупская базилика в свете некоторых проблем крымского средневековья // Античная древность и средние века (далее — АДСВ). Вып. 27. Екатеринбург, 1995. С. 77; *Бармина Н.И.* Хронология Мангупской базилики (опыт изучения) // АДСВ. Вып. 36. Екатеринбург, 2005. С. 318; *Бармина Н.И.* Мангупская базилика: опыт теменологического анализа // МАИЭТ. Вып. 13. Симферополь, 2007. С. 225.

рия была освоена в IV—VI вв., о чём свидетельствуют и строительные остатки небольшого однефного храма. Трёхнефная мангупская базилика имеет долгую строительную историю, пережила ряд перестроек. В оформлении храма использовались мозаичные полы из плиток, изготовленных из местного известняка, керамических фрагментов и инкерманского графита⁴⁸. Рисунок полов имеет аналогии в мозаиках херсонесских базилик. В VI в. были построены базилика в балке Каралез⁴⁹ и небольшой одноапсидный храм близ крепости Горзувиты⁵⁰.

По наблюдению Барминой, «Пещерные города... наследовали особенности византийской строительной культуры». Очевидным доказательством византийского влияния является строительство христианских храмов в форме базилик на Эски-Кермене, Мангупе, Бакле и, предположительно, Чуфут-Кале. «Строительство базилик в Таврике можно рассматривать как традиционную политику Византии по отношению к провинции, т[ак] к[ак] её активная деятельность по созданию крепостных и культовых сооружений отражала стремление утвердиться на пограничных территориях в VI—XI вв.»⁵¹. Архитектурной формой раннехристианских храмов, получивших распространение на полуострове, стала базиликальная постройка со стропильным перекрытием и двускатной кровлей⁵². В крымских пределах распространился простейший тип базилики, строения, скорее всего, были однотипными. По мнению Барминой, в ранне-средневековый период «именно базилике суждено было в местных условиях стать самым типичным памятником христианской культуры»⁵³. Декоративная отделка заключалась в мозаичном покрытии пола, фресковой живописи⁵⁴ и в использовании мраморной и известняковой резьбы. Многочисленны случаи применения деталей из проконесского мрамора в базиликах горного района Юго-Западного Крыма и Южной прибрежной Таврики, которые встречаются в виде законченных архитектурных деталей, а также фрагментов и осколков на раскопанных участках при археологическом исследовании городищ. Из проконесского мрамора изготавливались наиболее презентабельные и заметные конструктивные детали: колонны арок, отделяющие нефы, их капители, алтарные преграды. Большая часть архитектурного декора — порталы, оконные коробки, карнизы, некоторые капители, а также и детали алтарных престолов — изготавливалась из известняка.

Археологическое изучение базилик Юго-Западной и Южной прибрежной Таврики свидетельствует об их неоднократных перестройках и ремонтах. В следующий исторический период в архитектуре полуострова утвердился тип одно-

⁴⁸ Бармина Н.И. Декоративное убранство крымских базилик в культурно-историческом аспекте // АДСВ. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 122; Бармина Н.И. Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // АДСВ. Вып. 38. Екатеринбург, 2008. С. 268.

⁴⁹ Сидоренко В.А. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму // МАИЭТ. Вып. 2. С. 114—115.

⁵⁰ Якобсон А.Л. Разведочные раскопки средневекового поселения Горзувиты // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 54. Ленинград, 1954. С. 111—112, рис. 50.

⁵¹ Бармина Н.И. Мангупская базилика в свете некоторых проблем... С. 79.

⁵² Бармина Н.И. Крымская базилика как культурно-исторический феномен // Византия: культура и трансляция культур: тезисы докладов IX научных Сюзюмовских чтений, 24—27 августа 1997 г. Екатеринбург, 1997. С. 5—7; Паршина Е.А. Эски-керменская базилика. С. 53—57, рис. 10—13.

⁵³ Бармина Н.И. Крымская базилика... С. 7.

⁵⁴ Бармина Н.И. Мангупская базилика // АДСВ. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 305—306.

нефного храма с полуциркульным коробовым сводом и черепичной кровлей. Строительство базилик напрямую связано с процессом византинизации горной и южнобережной Таврики. Возвращаясь к базилике на Чуфут-Кале, необходимо отметить ряд вопросов, касающихся необходимости и возможности её постройки.

Факт строительства такого сооружения у современных исследователей почти не вызывает сомнения. О месторасположении базилики, кроме как на площади в районе Средней стены, не получившем полностью аргументированного доказательства, никто из изучавших городище всерьёз не высказывался. В настоящее время, как и 90 лет назад, малоизученность самой древней, западной части городища не позволяет определённо говорить о строительстве базилики на этом месте. Исследования на городище и в его районе, в ущелье Майрам-Дере (раскопки раннесредневекового могильника⁵⁵ и интерпретация его материалов⁵⁶, изучение остатков крепостных сооружений раннесредневекового времени⁵⁷) свидетельствуют о возведении базилики на городище Чуфут-Кале или о намерении произвести такое строительство. С этой целью туда были доставлены капители.

Как не раз отмечалось исследователями, возведение храмов в крепостях и поселениях союзников византийского Херсона было заботой его церковной и государственной власти, поэтому поиски каких-либо параллелей могут привести именно к этому основному центру Византии на полуострове. Обнаружение на территории ущелья Майрам-Дере под юго-восточным склоном плато Чуфут-Кале гидротехнического сооружения⁵⁸, предназначавшегося, несомненно, для водоснабжения крепости (в том числе и монахов монастыря, предположительно находившегося у Южных ворот Кичик-Капу⁵⁹), позволяет упомянуть о другом гидротехническом сооружении, подземном комплексе, агиасме — святом водолечебном источнике, находившемся в Херсонесе, в Загородном монастыре⁶⁰ Девы Марии, «именуемом Влахернским»⁶¹. Колодец Чуфут-Кале со своей системой сооружений был значительно масштабнее херсонесского. Нет сведений о том, что он имел в какой-либо исторический период сакральное значение для жителей крепости и христианского населения округа. Однако с агиасмой Загородного монастыря его сближают ряд конструктивных особенностей, близость могильника с христианскими захоронениями. Гидротехнические

⁵⁵ Кротоцкий В.В. Из истории... С. 198—218; Кротоцкий В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 100. М., 1965. С. 108—115.

⁵⁶ Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы... С. 170.

⁵⁷ Айбабин А.И. Этническая история... С. 145; Веймарн Е.В. О двух неясных вопросах... С. 49—59; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Ещё раз о дате появления крепости на плато Чуфут-Кале // Проблемы истории пещерных городов в Крыму. Сборник научных трудов Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Симферополь, 1992. С. 188—191; Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер—Чуфут-Кале... С. 40—41, 45—47; Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. В 2 ч. Ч. 1. Харьков, 2005. С. 198.

⁵⁸ Майко В.В. Кырк-Ерский клад городища Чуфут-Кале в Юго-Западном Крыму. Киев, 2007. С. 3, 5, рис. 2.

⁵⁹ Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Кырк-Ер—Чуфут-Кале... С. 117—119, 129.

⁶⁰ Возникновение крестообразного храма Загородного монастыря отнесено к концу VI — первой половине VII в. (Завадская И.А. Ещё раз о датировке Загородного крестообразного храма и его мозаики // Восток—Запад: межконфессиональный диалог. Сборник научных трудов по материалам IV международной Крымской конференции по религиоведению, г. Севастополь, май 2002 г. Севастополь, 2003. С. 55).

⁶¹ Сорочан С.Б. Византийский Херсон... С. 806, 810—812, 817, рис. 249, 250.

сооружения иного типа, связанные, прежде всего, с водоснабжением, известны в других крепостях горной Таврики⁶².

Таким образом, несмотря на то что археологические исследования крымских базилик начались ещё в конце XIX в., ряд вопросов по архитектонике и хронологии построек остаётся неразрешённым. В процессе изучения базилик выявлены архитектурные фрагменты, выполненные из проконесского мрамора и известняка, датированные, по мнению большинства исследователей, VI—VII вв. Архитектурный анализ представленных деталей находит аналогии в архитектуре Херсонеса. Не случайно уже к 1940-м гг. в научной среде распространилось мнение о том, что Мангупская и Эски-Керменская базилики были созданы херсонесскими мастерами. А.И. Айбабин и А.Г. Герцен связывают появление крепостей Эски-Кермен, Мангуп и Чуфут-Кале с политикой Византийской империи, которая постепенно укрепляла свои позиции в регионе: для расширения зоны военно-политического контроля сооружались крепости в глубине Таврики⁶³. Данной точки зрения придерживается и Н.И. Бармина. В Херсонесе, «проводнике» византийской политики на полуострове, первые базилики возникли в V—VI вв., «о чём свидетельствуют остатки древних мозаичных полов, мраморных архитектурных деталей»⁶⁴. Ещё А.Л. Бертье-Делагард отметил, что в VI—VII вв. в Херсонесе возводились базилики, но от них почти ничего не осталось, все они перестроены, вернее, заново построены в X в.⁶⁵ Ряд артефактов указывает на то, что в данной местности особое внимание уделялось культу Девы Марии. До настоящего времени сохранился топоним: ущелье Майрам-Дере («Ущелье Марии»). Имя Марии упоминается и на обнаруженной в 1960 г. плите при раскопках беседки Селямет-Гирея. Возможность существования раннесредневековой христианской базилики на городище Чуфут-Кале ничем не опровергнута. Мысль о возможной перестройке памятника в мусульманскую мечеть фигурирует в исторической литературе с конца 1920-х гг., однако её следует аргументировать более обстоятельно.

⁶² *Веймарн Е.В.* Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 33—36; *Могаричев Ю.М.* Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории пещерных городов в Крыму. Сборник научных трудов Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Симферополь, 1992. С. 62—63; *Могаричев Ю.М.* Пещерные города в Крыму. Симферополь, 2005. С. 104—105; *Филиппенко В.Ф.* Новое в истории и археологии крепости Каламиты—Инкермана // Херсонесский сборник. Вып. 7. Севастополь, 1996. С. 147.

⁶³ *Айбабин А.И.* Основные этапы... С. 45; *Герцен А.Г.* Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Византия и Крым. Тезисы докладов международной конференции. Симферополь, 1997. С. 33.

⁶⁴ *Паришина Е.А.* Эски-керменская базилика. С. 49.

⁶⁵ *Бертье-Делагард А.Л.* Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. Т. 12. СПб., 1893. С. 51.

Российская государственность: территория и власть в XVII в.: современные историографические и источниковедческие аспекты

Елена Колесникова, Галина Талина

**Russian Statehood: territory and power in the 17th century:
modern historiographic and source studies**

Elena Kolesnikova, Galina Talina

(both — Moscow Pedagogical State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008285-4

Россия XVII столетия — динамично развивающееся государство с постоянно расширяющейся территорией и поиском оптимальных средств и способов управления, ориентирующихся на российские традиции с учётом специфики новых регионов и управленческую логику, целесообразность. Влияние фактора расширения государственной территории на особенности складывания и развития российской системы управления представляется важным и актуальным аспектом изучения национального государственного строительства. С начала 1990-х гг. отмечается всплеск научного интереса к вопросам присоединения и интеграции отдельных территорий и национальных окраин в состав Русского государства¹.

Интерес к управленческим особенностям новых территорий оказался сильнее стремления понять сущность административной модели России. Между тем за XVII в. властная вертикаль допетровской России была выстроена на всех уровнях. На высшем — царская власть, изначально тесно взаимодействовавшая с Земскими соборами и Боярской думой, постепенно превращалась во власть единоличного правителя, управлявшего страной при помощи Боярской и Ближней дум. На уровне центрального управления разрасталась приказная система, строго подчинённая царю и Думе. На местном уровне выстроилась

© 2020 г. Е.А. Колесникова, Г.В. Талина

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки России (33. 2502. 2017/ПЧ).

¹ *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; *История казачества Азиатской России.* Екатеринбург, 1995; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999; *Глазьев В.Н.* Власть и общество на Юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001; *Соколовский И.Р.* Служилые иноземцы в Сибири XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004; *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII—XVIII век). Новосибирск, 2009; *Никитин Н.И.* Русская колонизация с древнейших времён до начала XX века (исторический обзор). М., 2010; *Мохов А.Е.* Казачество и Российское государство. М., 2011; *Российская империя от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории.* М., 2011; *Российское государство от истоков до XIX в.: территория и власть.* М., 2012; *Леонтьева Г.А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. М., 2012; *Багрин Е.А.* История присоединения Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья к России в 40—90-е гг. XVII в. Владивосток, 2012; *Космовская А.А.* Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI — XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2015.

система воеводского управления, апробировались принципы взаимодействия назначаемой и ранее существовавшей выборной управленческой компоненты. Государственный строй, приказное, воеводское, губное и земское управление, как правило, изучались самостоятельно, а на местном уровне — на примере конкретного региона в достаточно узких хронологических рамках.

Монархию первой половины XVII в. чаще всего рассматривают как сословно-представительную, а вторую половину века характеризуют как начало становления абсолютизма. Понятие «сословно-представительная» монархия было введено в научный оборот С.В. Юшковым², рассматривавшим Земские соборы и Боярскую думу в качестве реальных ограничителей царской власти. Одновременно развивалась иная точка зрения, согласно которой монархия первой половины XVII в. была сословной, сословия не ограничивали царскую власть, а служили средством её усиления и централизации государства, Земские соборы не входили в систему государственного строя и собирались, когда это было нужно царю³. В дальнейшем во многом благодаря работам Л.В. Черепнина верхняя хронологическая граница сословно-представительной монархии в большинстве случаев тесно связывалась с окончанием функционирования полнокурialesных Земских соборов (1653)⁴. Вторая половина XVII в. трактовалась как время перерастания сословно-представительной монархии в абсолютную, а взаимодействие монаршей власти с выборными общественными представителями на центральном уровне — как совещания с сословными комиссиями. В последние десятилетия советского периода Россия стала рассматриваться как страна с длительной практикой сословного представительства, идеи которого восходят к концу XV в.⁵ Активная роль сословной системы была подмечена исследователями в процессе формирования Народных ополчений в Смуту и при выходе из неё — в формировании Земского собора 1613 г.⁶

В начале 1990-х гг. появились суждения об отсутствии в России земских сословий и гражданства, о Земских соборах как информационных и декларативных совещаниях, выражавших интересы правительства⁷. В конце XX — начале XXI в. период сословного представительства стали называть земским государством — стадией, переходной от удельно-вотчинного к абсолютному государству⁸. Система сословного представительства рассматривается как двух-

² Юшков С.В. К вопросу о политических формах сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право. 1950. № 10. С. 47—49; Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1960. С. 236.

³ Базилевич К.В. Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11. С. 86; Гальперин Г.Б. К вопросу о форме правления Русского государства XV и первой половины XVI в. // Учёные записки ЛГУ. Сер. Юридические науки. 1958. Вып. 10.

⁴ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

⁵ Золотухина Н.М. Концепция сословно-представительной монархии в русской средневековой политической мысли // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 1. С. 47—56; Казакова Н.А. Максим Грек и идея сословно-представительной монархии // Общество и право феодальной России. М., 1975. С. 159—170; Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Пётр Великий. Концепция первого монарха // ТОДРЛ. Т. 37. Л., 1983. С. 63.

⁶ Кузьмин А.Г. Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 81—90; Волков В.А. Организация государственной власти в земских освободительных движениях Смутного времени // Советское государство и право. 1985. № 6. С. 125—132.

⁷ Торке Х.-Й. Так называемые соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 1.

⁸ Ильин В.В., Ахизьер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997; Морова О.В. Роль Земских соборов в управлении Московским государством при Михаиле Фёдоровиче. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

уровневая. Высшее звено — Земские соборы, низшее — земские и губные учреждения. Сословно-представительная монархия обеспечивала относительно стабильное развитие государства, консенсус интересов власти и общества, предотвращала серьёзные социальные потрясения⁹. Вопрос о роли Земского собора всё более связывается с проблемой развития института выборности в избирательной культуре России. Система власти России основана на реализации принципов местного самоуправления, начиная с общины и заканчивая представительством Земских соборов в XVI—XVII вв., а сами Земские соборы — консолидация «лучших» людей, полноценно осуществлявших свои функции. Фактор сословности в формировании представительства Земских соборов уходит на второй план, предпочтение отдаётся служебно-административным и территориальным квалификациям¹⁰.

Первое десятилетие правления Михаила Романова трактуется как время торжества модели государства, в котором управляет страной не один государь, но и «вся земля», призванная укрепить своим авторитетом правительство. Затухание роли соборов связывают с укреплением самодержавия, урегулированием противоречий с соседними государствами, развитием воеводской системы управления¹¹. Ответ на вопрос об уровне взаимодействия между властью и населением, о роли территориально-сословного представительства в Земских соборах могут дать материалы выборов делегатов, подписи на итоговых документах, в частности, на Утверждённой грамоте на царство Михаила Фёдоровича 1613 г. Взаимодействие правительства с различными категориями населения по самым разным вопросам общественной жизни характеризуют челобитные. Благодаря им голос служилых людей часто звучал на Земских соборах. Например, в 1613 г. была подана коллективная челобитная от пяти «городов». Всего выявлено более тысячи подобных документов¹².

Терминов, при помощи которых представители разных исторических школ пытаются характеризовать Российское государство второй половины XVII в., множество. Это и перерастание сословно-представительной монархии в абсолютную, и начало становления абсолютизма, и становление самодержавия. Марксистский концепт об абсолютизме как периоде равновесия политических сил дворянства и буржуазии при известной самостоятельности монаршей власти¹³ уже в 1960—1970-х гг. не удовлетворял ни отечественных, ни зарубежных историков. «Абсолютизм не означал конца аристократического правления, а защищал и укреплял социальное господство наследственного дворянского класса». Только после того как основы абсолютистского государства были заложены, начался подъём городской буржуазии, развивавшей доиндустриальную мануфактуру¹⁴.

В 1980-х гг. практически окончательно был развеян миф о «демократизации» Боярской думы — о возрастании в ней роли думного дворянства в противовес аристократии. Аристократы на протяжении всего XVII в. оставались у

⁹ Представительная власть в России: история и современность. М., 2004.

¹⁰ Белоновский А.В. Выборные начала и формирование представительства Земских соборов XVI—XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999.

¹¹ Соколова Э.В. Эволюция сословно-представительной власти в России с середины XVI до середины XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2007.

¹² Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010. С. 422—425.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. М., 1960. С. 317—370; Т. 21. М., 1961. С. 28—178.

¹⁴ Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М., 2010.

власти¹⁵. Возросло внимание к носителям монаршей власти. В конце XX — начале XXI в. на основе обобщения известных и вновь обнаруженных источников появились работы, в целом позитивно оценивающие личность царя Алексея Михайловича и проводимые им реформы¹⁶. Оценки деятельности Фёдора Алексеевича по-прежнему расходятся¹⁷.

Продолжается анализ эпохи сквозь призму интересов, особенностей, роли конкретных государственных деятелей — А.С. Матвеева, В.В. Голицына, Б.И. Морозова, Ю.А. Долгорукова¹⁸. Предприняты попытки определить понятие «элита» применительно к конкретным историческим условиям, рассматриваются состав, структура, численность, социальный облик элитарных групп, организация службы, роль элиты в политической борьбе¹⁹.

Особое место в изучении проблемы эволюции органов государственной власти занимают аспекты, связанные с чиновничеством и ролью бюрократии в становлении абсолютизма. Н.Ф. Демидова подробно исследовала структурное деление органов государственного управления, состав и социальное положение русского чиновничества, функционал различных должностных категорий, получаемое ими жалованье²⁰. Ставятся вопросы, непосредственно связанные не только с функционалом, но и с личностями руководителей приказов, с их внутренним миром²¹. Приказная документация хранит информацию о взаимодействии приказов друг с другом, с царём, Боярской думой, местным воеводским аппаратом и выборными учреждениями, губными и земскими.

Особенности материалов государственного делопроизводства — «входящие, исходящие и внутренние документы приказа, от материалов собственно текущего делопроизводства (черновики и беловики памятей, грамот и списков,

¹⁵ Кошелева О.Е. Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; Айрапетян И.Ю. Феодалная аристократия в период становления абсолютизма в России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

¹⁶ Сорокин Ю.А. Алексей Михайлович // Вопросы истории. 1992. № 4/5. С. 73—89; Преображенский А.А. Алексей Михайлович // Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы на Российском престоле. М., 1996; Андреев И. Нетихий Тишайший // Родина. 1998. № 9. С. 39—43; Талина Г.В. Царь Алексей Михайлович: личность, мыслитель, государственный деятель. М., 1996; Талина Г.В. Всяя Великия и Малыя и Белья России самодержавие. М., 2005.

¹⁷ Демидова Н.Ф., Морозова Л.Е., Преображенский А.А. Первые Романовы... С. 169, 182; Седов П.В. Строительство в Москве при царе Фёдоре Алексеевиче // Отечественная история. 1998. № 6; Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; Богданов А.П. Царь Фёдор Алексеевич. 1676—1682. М., 1994; Делягин И.В. Высшая власть и управление в царствование Фёдора Алексеевича. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Талина Г.В. Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII — первой четверти XVIII века. М., 2010.

¹⁸ Рогожин Н.М. Артамон Сергеевич Матвеев // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII веков. М., 1989. С. 146—179; Ткаченко А.В. Князь Василий Васильевич Голицын — государственный деятель России последней трети XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Жарков В.П. Боярин Б.И. Морозов — государственный деятель России XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Щербаков С.Н. Боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков — государственный деятель России XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Бушкович П. Пётр Великий. Борьба за власть (1671—1725). СПб., 2008.

¹⁹ Правящая элита Русского государства XI — начала XVIII в. СПб., 2006.

²⁰ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987; Демидова Н.Ф. Социальная структура приказной группы служилых людей XVII в. // Торговля, промышленность и город в России XVII — начала XIX в. Сборник статей. М., 1987.

²¹ Юркин Н.Г. Приказные управленцы XVI—XVII вв. Уровень образования и морально-нравственные черты. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2002.

отписки, челобитные, выписки, справки, “письма”) до итоговых документов сводного характера (книги и списки разного содержания), столбцов»²² — отметил ещё И.Я. Гурлянд в 1902 г. Это отсутствие личной подписи под резолюциями должностных лиц, их экономность, краткость, минимальное отражение управленческого, распорядительного элемента²³.

Н.Н. Ардашев проанализировал указную книгу Поместного приказа, по которой ему удалось восстановить схему управления в приказе: «Дела решались в Поместном приказе дьяками “в разные руки”: в Поместном приказе господствовал принцип разделения труда между судьями»²⁴. Работу с документами приказных учреждений продолжил А.В. Воробьёв. Он реконструировал делопроизводство Разбойного приказа с помощью системно-функционального анализа, т.е. сбора и осмысления сохранившихся актов как цельного корпуса, восстановления основной номенклатуры и документооборота этого центрального учреждения²⁵. В.Н. Глазев отметил, что «отсутствие архива Разбойного приказа могут также в некоторой степени восполнить фонды других центральных ведомств (прежде всего Разрядного приказа): памяти об организации губного дела на Юге России, присланные из Разбойного приказа, отписки воевод о взаимоотношениях с губными старостами, разделы из наказов воевод о губных делах, десяти»²⁶. Просопографический метод при анализе института губных старост предложил С.Н. Богатырёв в работе, посвящённой интеграции отдельных территорий в единое Русское государство²⁷.

В современной историографии сложилось представление о том, что государствообразующими учреждениями в России XVII в. являлись Разряд и Поместный приказ²⁸. Наиболее изученным является Посольский приказ. На его примере изучены особенности делопроизводства, основные функции приказа, внутренний распорядок, служебные помещения и условия хранения дел, доходы и расходы, приказное хозяйство, внутриведомственный быт. Рассматривался штат приказа, различные категории служащих данного ведомства²⁹. Учёные обращаются и к истории Монастырского приказа, реконструируется его штат³⁰. Деятельность Монастырского приказа связывается с проведением налоговой и

²² Новохатко О.В. Центральное государственное управление в России во второй половине XVII в. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2008.

²³ Гурлянд И.Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.

²⁴ Ардашев Н.Н. К вопросу о коллегиальности приказов // Труды VIII Археологического съезда. 1890. М., 1897. С. 269—273.

²⁵ Воробьёв А.В. Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI — первой половины XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

²⁶ Глазев В.Н. Власть и общество на юге России в конце XVI — XVII вв. Губные старосты и губное дело. Дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2002. С. 29—30.

²⁷ Bogatyrev S.N. Localism and Integration in Muscovy // Russia takes shape. Patterns of integration from the middle age to the present. Helsinki, 2004. P. 59—127.

²⁸ Новохатко О.В. Формирование разрядных шатров в первом Чигиринском походе 1676/77 года // Российская история. 2008. № 2. С. 47—48.

²⁹ Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV — начала XVII в. М., 1994; Рогожин Н.М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003; Рогожин Н.М. «У государевых дел быть указано». М., 2002; Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; Беляков А.В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

³⁰ Маландин В.В. Церковь и государство в патриаршество Филарета. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

церковной реформ середины XVII в., с переходом от посошного к подворному налогообложению, желанием царя и правительства осуществить реформы на церковных землях³¹. Отдельный вопрос в историографии — деятельность территориальных приказов, в частности — Сибирского³².

Система местного управления рассматривается исследователями на примере различных регионов России. Связь центра с регионами, идею централизованного управления отразили, в частности, указы, издаваемые приказами от имени царя и отсылаемые на места, для того чтобы местные власти (воеводы, губные старосты, городовые приказчики) в своей деятельности руководствовались положениями, прописанными в этих документах. Указы обычно имели единый образец. Но надо чётко осознавать, что реалии, существовавшие в регионах, особенно в Сибири, часто входили в противоречие с представлениями правительства о том, как тот или иной процесс должен выглядеть. Часто действия воевод противоречили указам.

Следует отметить, что в XVII в. сохранялась летописная форма исторического повествования. В 1679—1680 гг. появился новый Устюжский летописец³³. Есть предположение, что причиной его составления стало выделение из Ростовской епархии и образование самостоятельных Великоустюжской и Тотемской архиепископий. Аналогичные причины (образование в 1682 г. Холмогорской архиепископии) могли вызвать и подготовку Двинского летописца. В XVII в. летописная традиция продолжалась в значительно трансформированном виде. «Сходство с известиями посольских списков, разрядов, воеводских отписок, челобитных, — отличительные признаки стиля летописных компиляций второй половины XVII в.»³⁴.

Особо стоит сказать о памятниках картографии, которая являлась как «инструментом, так и результатом формирования государства и национальной интеграции». Пространственные и территориальные факторы вносили вклад в формирование московской политической системы, поскольку «пространственное и территориальное мышление способствовало формированию гораздо более «интерактивного и всеобъемлющего государственного строя»³⁵.

В вопросе о зарождении системы воеводского управления (появления института воевод-администраторов) исследователи делятся на два лагеря. Первые видят причину возникновения института в территориальном расширении государства и особых задачах правительственной политики на окраинах. Одним из первых опытов организации воеводского управления считают Казанский край (Среднее Поволжье), к началу XVII в. система распространилась по всей России³⁶. Вторые справедливо задаются вопросом: почему воеводское управление распространилось не только на окраинах, но и на всей территории страны.

³¹ *Амосова И.В.* Центральное государственное управление России во второй половине XVII — первой четверти XVIII века. Монастырский приказ. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

³² *Устюгов Н.В.* Эволюция приказной системы Русского государства в XVII в. // *Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв.* М., 1964. С. 138; *Шаходанова О.Ю.* Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI — начале XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000.

³³ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950.

³⁴ *Вовина-Лебедева В.Г.* Новый летописец. История текста. СПб., 2004. С. 169; *Свердлов М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 62

³⁵ *Кивельсон В.* Картографии царства. Земля и её значения в России XVII века. М., 2012.

³⁶ *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII в. Казань, 1982.

Исследователи отмечают, что воеводство постепенно заменило упразднённый институт наместников-кормленщиков, а его развитие было обусловлено всем ходом социально-политического развития страны в конце XVI — начале XVII в.³⁷ Исследователи прослеживают постепенное усиление воеводской власти при расширении функционала. Центральная власть стремилась к подчинению воевод, запрещая им вмешиваться в таможенные дела, проводила сыски по факту отсутствия своевременных отписок о состоянии дел. Контролирующая функция центра выражена недостаточно, однако её компенсирует деятельность мирского самоуправления. Особенностью Сибири, в частности, было сильное мирское самоуправление³⁸.

По-прежнему обсуждаются в историографии черты наместнического управления (кормленческие традиции) воеводства. В этой связи можно выделить несколько точек зрения: 1) Имели место не пережитки наместническо-кормленческой системы, а сеньоральная эксплуатация (частнохозяйственная эксплуатация черносошных крестьян и иных категорий населения), свойственная устоям феодализма в целом³⁹. 2) Подношения XVII в. носили переходный характер от наместничьего кормления XV—XVI вв. к взяткам последующего времени, отражая переход управленческой модели от средневекового управления к бюрократическому⁴⁰. 3) Содержание населением воевод XVII в. принципиально неотлично от наместничьего кормления XIV—XVI вв., а утверждение о ликвидации системы кормления в середине XVI в. ошибочно⁴¹. 4) Обогащение воевод связано как с сохранением традиций кормления, так и со спекуляциями, взятками, проявлением насилия, а центральные органы не предпринимали кардинальных мер по пресечению кормленческой практики⁴². Институт воеводства в настоящих условиях рассматривается и как своего рода механизм постепенного включения в состав России вассально-зависимых территорий, таких как Касимовское ханство, формально просуществовавшее до 1681 г.⁴³

Исследование государственно-административного элемента в системе местного управления ставило перед историками задачу изучения не только института воеводства, но и местной приказной избы. Изучение документов воеводских канцелярий позволяет понять принципы взаимодействия местных органов управления внутри региона, а также отношения местных властей с центром, даёт возможность подробно исследовать преемственность традиций управления окраинными территориями в составе Российского государства, взаимодействие органов самоуправления («мира») и власти в системе государственного управления⁴⁴. Вопрос о деятельности приказной избы современными

³⁷ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 239—249; Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири...

³⁸ Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления...; Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI — начале XVII вв. Дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2002.

³⁹ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997.

⁴⁰ Седов П.В. Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII в. // Новгородский исторический сборник. № 7(17). СПб., 1999. С. 130—163.

⁴¹ Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке. Содержание населением уезда государственного органа власти. СПб., 2000.

⁴² Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири...

⁴³ Сафаргалиев Ю.В. Касимовское ханство в системе русской государственности. Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2011.

⁴⁴ Герасимова И.В. Вильна под властью русского царя (1655—1661). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.

историками всё чаще рассматривается с точки зрения способов материального обеспечения служащих⁴⁵.

Проблема функционирования в XVII в. органов местного самоуправления переплетается с проблемой эволюции государственного строя к абсолютизму. Современные исследователи доказывают, что самодержавно-абсолютистская форма правления не противоречит выборным представительным учреждениям. Само государство ставит «мирские учреждения» под контроль, настаивает на очередности выборов, борется с тенденциями многолетнего пребывания на должностях губных старост и целовальников одних и тех же людей, передачи выборных должностей по наследству⁴⁶. Исследователи, обращающиеся к проблеме местного самоуправления, отмечают тенденцию оформления губной избы в структуру, всё более контролируемую Разбойным приказом и унифицируемую. На окраинах России губной староста в глазах правительства нередко выглядел предпочтительнее воеводы. Подотчетность губных старост и воевод разным центральным ведомствам (губных старост — Разбойному приказу, воевод — Разряду) ставит проблему взаимодействия этих ведомств⁴⁷.

Вопрос об оптимальности системы управления России XVII в. может быть рассмотрен с различных позиций, но одной из них всегда будет оставаться реакция населения, степень активности его воздействия на управленческие структуры. Во взаимоотношениях с властью «посадские люди юга России не были пассивными исполнителями и отстаивали свои интересы в коллективных челобитных», но при этом не являлись ведущей силой ни в выступлениях середины века, ни в восстании С. Разина. Интеграция юга в экономическое и административное пространство России, развитие здесь посадского самоуправления создавало основу для опоры власти на этот контингент. По мере увеличения численности посадских людей, их всё чаще привлекали к государственным службам, в частности к службам на таможенном и кружечном дворах⁴⁸. Посадская община Шуи в XVII в. проанализирована в диссертационном исследовании Е.С. Бутрина, в котором также рассмотрены проблемы посадского самоуправления и его взаимодействия с воеводским аппаратом и губными учреждениями⁴⁹. Составление челобитных было одной из важнейших сфер мирских сходов. Челобитные, касающиеся доверия или недоверия представителям местной администрации, согласовывались представителями разных социальных слоев города⁵⁰. Коллективные челобитные позволяли правительству контролировать обстановку на местах, ограничивая власть аристократии и воевод.

⁴⁵ Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России...; Камараули Е.В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006.

⁴⁶ Колесникова Е.А. «Мирская служба» в системе государственного управления второй половины XVII в. // Судьба России в современной историографии. Сборник научных статей памяти доктора исторических наук, профессора А.Г. Кузьмина. М., 2006. С. 407—416.

⁴⁷ Глазев В.Н. Власть и общество на юге России...

⁴⁸ Кондратьева С.К. Посадские люди юга России в XVII веке. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012.

⁴⁹ Бутрин Е.С. Посадская община г. Шуи в XVII в.: социально-политическая эволюция. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2016.

⁵⁰ Латтева Т.А. Провинциальное дворянство России... С. 451; Прокопов Ю.И. Выборная документация и челобитья крестьянских общин Западной Сибири XVII в. как исторический источник // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI—XX вв. Новосибирск, 1998. С. 79—95.

Итак, за последние десятилетия произошло методологическое обновление исследовательских подходов, позволившее по-новому взглянуть на, казалось бы, уже устоявшиеся оценки основных факторов развития российской государственности. В научный оборот введён колоссальный фонд источников, получивший первичное осмысление в научной литературе. Одним из достижений современной историографии стало изучение особенностей становления местных органов власти с учётом региональной специфики. Создаются условия для обобщения новых данных как на уровне сравнительного анализа различных регионов, так и на уровне управленческой вертикали.

Денис Маслюженко

Рец. на: А.В. Беляков. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинеи Карамышев сын Мусайтов. Опыт совместной биографии. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2019. 208 с.

Denis Maslyuzhenko
(Kurgan state University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Belyakov. Uraz-Muhammed Ibn Ondan i Isinei Karamyshev syn Musaitov. Opyt sovmestnoy biografii. Almaty, 2019

DOI: 10.31857/S086956870008286-5

В своей новой книге российский историк А.В. Беляков обращается к специфике взаимодействия Казахского и Сибирского ханств с Российским государством на рубеже XVI—XVII вв. Сама по себе эта тема не нова для отечественной историографии. Ещё в 1971 г. В.Я. Басин рассматривал схожие сюжеты, придя к выводу, который в дальнейшем почти не переосмысливался: целью Москвы был поиск союзника в борьбе с сибирским ханом Кучумом, политика которого противоречила интересам Рюриковичей в Поволжье и Приуралье и мешала дальнейшему продвижению в Сибирь¹. В рамках этой концепции был выстроен концепт более чем десятилетнего противодействия казахских и сибирских Чингисидов, что не подтверждается источниками.

Уже здесь концепция Белякова значительно отличается от общепринятой. Он рассматривает поставленную проблему не через призму государственной политики, а при помощи биографических портретов людей, вольно или невольно ставших её заложниками. Фигура царевича

Ураз-Мухаммеда также не раз становилась объектом исследования. Уже несколько десятилетий историки считают его участником политического триумvirата под руководством последнего бека сибирской княжеской династии Тайбугидов Сейдяка, пытавшегося сохранить Сибирскую землю независимой как от власти Шибанидов, так и от московских государей. Как правило, со ссылкой на Сборник летописей Кадыр Али-бека указывается, что казахский царевич до этого находился в плену у Кучума и именно по этой причине в дальнейшем поддерживал Сейдяка². Басин даже предположил, что царевич мог быть пленён около 1580 г., когда центральноазиатские Шибаниды нанесли поражение казахам.

Новые архивные источники позволили автору рецензируемой монографии пересмотреть эти и некоторые другие построения. Беляков отметил, что нехватка письменных свидетельств заставила его обратиться к некоторым боковым сюжетам (с. 10) и использовать по аналогии данные источников, не имеющих отношения

к его персонажам (например, на с. 76 список личных вещей Ураз-Мухаммеда реконструируется по перечню вещей сибирского царевича Азима). Перед рассмотрением основных сюжетов книги автор подробно останавливается на изучении биографии Ураз-Мухаммеда, констатируя, что с позиций имеющихся документов он неоправданно «шаг за шагом... превратился... в крупного военного и государственного деятеля Сибирского ханства и Московского государства» (с. 15). Этим грешат и казахстанские работы³.

Первая глава книги «Из казахских степей в касимовские цари» посвящена жизненному пути Ураз-Мухаммеда, причём он рассматривается в контексте биографий иных представителей степных элит, которые разными путями оказались в Москве и приспособились к новым реалиям. Интересным является поиск следов в Московском государстве двоюродного брата Сейдяка — сына бывшего правящего сибирского бека Едигера Тайбугида. Он оказался в Москве вместе с матерью около 1563 г. и, возможно, в дальнейшем использовался в борьбе за Сибирь. Беляков предполагает, что таким мог быть известный в Коломенском уезде в 1577 г. сибирский мирза Карамыш (с. 21, примеч. 10). Если это так, то оказывается закрытым ещё одно «белое пятно» в истории элиты Сибирского ханства. Разбор данного сюжета, схожесть его имени с именем одного из героев книги требуют от читателя внимательного отношения к вопросам генеалогии, для чего в конце исследования представлены две генеалогические таблицы.

Этот вопрос важен и при изучении происхождения казахского царевича. Его отцом был Ондан б. Шигай. Данная ветвь казахских ханов поддерживала с Сибирью тесные связи. Старший брат Кучума сибирский хан

Ахмед-Гирей б. Муртаза был женат на дочери Шигаёва, и последнего резонно подозревали в убийстве зятя. Одна из жён самого Ондана принадлежала роду сибирских Чатов, представители которых от казахских ханов в дальнейшем перешли под власть Кучума, причём жена последнего также происходила из Чатов⁴. Жёны Кучума и Ондана были родными сёстрами, а сам царевич Ураз-Мухаммед оказался пасынком сибирского хана. Беляков предполагает, что Ондан мог быть ногайским царём. Само это указание интересно, поскольку фактически в XVI в. после смерти большинства ближайших родственников тюменского хана Ибрахима интронизация подобных правителей ногаями являлась скорее исключением из правил, а ногайских биев чаще провозглашали таковыми на съезде знати (с. 22—27)⁵.

В таком случае Ураз-Мухаммед мог находиться при дворе Кучума не в качестве пленника, а его появление в Сибири вместе с Кадыр Али-беком примерно около 1585 г., возможно, связано как с убийством его отца калмыками, так и с последующими противоречиями среди казахской правящей элиты и попыткой спрятать одного из наследников. Всё это заставляет ещё раз посмотреть на Сборник летописей Кадыр Али-бека как на политически ангажированное произведение. Несмотря на выявленное родство, Беляков делает вывод о натянутых отношениях между Кучумом и Ураз-Мухаммедом, что в дальнейшем сказалось и на взаимоотношениях пленных представителей сибирской аристократии в Москве. Обращение к вопросам генеалогии и реконструкция перечня жён сибирского хана потребовались автору для того, чтобы показать, что власть Кучума в Сибири во многом строилась на брачных союзах. Его дочери и жёны оказывались важным политическим капиталом, и это

объясняет их присутствие при дворе хана во время неудачной для него битвы 1598 г. (с. 28). В таком случае можно высказать ещё одно предположение: пленение значительной части ханской семьи привело к реальному разрыву некоторых политических союзов, оттоку сторонников и потенциально стало дополнительной причиной окончательного поражения хана, который так и не смог восстановить свою власть.

Обращение к последним годам пребывания царевича в Сибири позволяет автору книги сделать ряд важных выводов. Беляков останавливается на вопросе о том, кто мог быть сибирским карачей, известным в окружении Кучума, а потом вошедшим в упомянутый выше триумvirат. Со времён работы М.А. Усманова (1972) считалось, что им являлся Кадыр Али-бек из джалаирав⁶. На этом основании делались выводы о присутствии это клана на территории Сибирского ханства⁷, хотя в иных источниках по истории сибирской государственности XV—XVI вв. джалаиры не фиксируются. Однако дальнейшее положение Кадыр Али-бека в Московском государстве не подтверждает этого предполагаемого высокого статуса. На роль сибирского карачи скорее мог претендовать испомещённый в Ярославле Мамет (Мухаммед), к сыну которого Кошею карачину Маметеву в 1607 г. перешла и часть поместья Сейдяка Сибирского (с. 31—33). Пересмотр этого сюжета объясняет, почему в сочинении Кадыр Али-бека сибирские сюжеты занимают незначительное место. Следует понимать, что управленческие структуры Сибирского ханства изучены слабо, любое открытие в этой области значимо для понимания его истории. Сам Кадыр Али-бек, скорее всего, был аталыком царевича, чья роль внезапно выросла

в результате интронизации Ураз-Мухаммеда в Касимове.

Беляков подробно реконструирует биографию царевича после его попадания в русский плен. Он обращает внимание на документ 1589 г., содержащий ложные сведения об измене царевича и сибирского князя Сейдяка, т.е. фактически единственное указание на их совместную службу в Московском государстве (с. 35). Ещё одно возможное свидетельство продолжения общения князя и царевича может содержаться в сообщении Дж. Горсея о сибирском царе Чигликте Алоте, под которым комментаторы понимают Маметкула, но более резонно считать его Ураз-Мухаммедом (с. 78—79, примеч. 201). Следует понимать, что не все найденные автором в архивных документах случаи находят объяснение. В приложении опубликованы и сами разбираемые источники, однако было бы полезно соотнести их нумерацию с конкретными страницами текста книги.

На протяжении последних нескольких лет Беляков неоднократно обращался к вопросу о составе дворов оказавшихся в Москве представителей сибирской правящей семьи, в том числе и Ураз-Мухаммеда (с. 35—37). Это важно для понимания системы управления Сибирским ханством, в котором большую роль играли родственники хана и царевичей, аталыки и имелдеши, а также представители исламского духовенства. В силу малочисленности источников любые новые находки ценны для понимания процессов, протекавших как в Сибири, так и в Касимове.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли Ураз-Мухаммеда в становлении русско-казахских отношений в ходе переговоров 1594—1595 гг., которые, возможно, были спровоцированы угрозой союза Бухарского ханства и Большой Ногай-

ской Орды (с. 43). В это время царевич оказался для Посольского приказа главным источником информации по вопросам функционирования Казахского ханства. Беляков предполагает, что Ураз-Мухаммед, воспитанный у ногаев и рано покинувший казахские степи, вряд ли мог многое рассказать, и поэтому не случаен его отказ от возможности вернуться в степи. Более правдоподобно предположение о том, что таким информатором был сопровождавший царевича Кадыр Али-бек. Интерес со стороны Посольского приказа мог даже вдохновить его на написание «Сборника летописей» (с. 40, примеч. 76). Абсолютно верна и постановка проблемы выявления документов о контактах казахских и московских правителей в 1570—1580-х гг.

Сюжеты первой главы многочисленны и затрагивают широкий круг вопросов, например, особенности повседневной жизни и материальной культуры ханского двора. В рамках рецензии подробно их разобрать невозможно. Однако, поскольку с 1600 г. жизнь Ураз-Мухаммеда уже в статусе царя оказалась связана с Касимовым, следует отметить ещё один момент. В современной российской, особенно татарской, историографии Касимовское ханство нередко рассматривается как полноценное постордынское государство⁸. В работах же Белякова неоднократно аргументировалась мысль о том, что это ханство с момента возникновения являлось эфемерным образованием, не обладало собственной территорией и имело смешанную систему управления с большой ролью русских воевод (с. 46). По мысли автора, восстановление ханства в 1600 г. было необходимо новому царю Борису Годунову для обеспечения поддержки татар. В таком случае возникают претензии к процедуре поднятия нового хана на золотой кошме (у казахских

ханов для этого использовался белый войлок)⁹ и к реалиям института касимовских карачи-беков. Причём вопрос не в том, существовали ли сами карачи-беки, а в том, был ли стабилен состав племён, которые они представляли, и их количество (с. 63—65). Не только в Касимове, но и в сибирских государствах Шибанидов и, по всей видимости, Казахском ханстве классический набор четырёх карачи-беков не реконструируется на базе источников. Воцарение Ураз-Мухаммеда и разработанная для этого процедура могли выступать одной из форм презентации власти Бориса Годунова (с. 67).

Первая глава завершается цитатами из двух документов Смутного времени о предшествующем конфликте в период правления Бориса Годунова между Ураз-Мухаммедом с Исинеем Карамышевым. Его причины могли скрываться в несанкционированной переписке с казахскими родственниками, которая могла привести к опале касимовского царя не позднее 1602 г. (с. 90). Со временем стороны конфликта оказались на разных сторонах в охватившей Россию Смуте: первый в 1608 г. являлся приверженцем Яна Сапеги и Тушинского вора, а второй — сторонником Василия Шуйского (с. 86).

Это позволило автору ввести во вторую главу («Свойственники Кучума») ещё одного актора, гораздо менее знакомого даже специалистам: представителя знатных сибирских татар Исинея Карамышева сына Мусайтова. Случай Карамышева показателен с позиций выявления состава сибирской аристократии, оказавшейся в Москве. Брачные связи Карамышевых показывают их тесную связь с ханской семьёй. При этом автор предполагает, что начало истории семьи связано со временем появления братьев Ахмад-Гирея и Кучума в Си-

бири (с. 87—89). Если это так, то в представителях семьи следует искать тех самых выходцев из центрально-азиатских владений Шибанидов, которые поддержали династов при их переезде в Искер и стали частью сибирской аристократии. Обращает на себя внимание и то, что земельные дачи Исинея Карамышева сравнимы только с аналогичными у Карамыша б. Ядигара, потомка сибирских князей Тайбугидов (с. 92). Беляков подчёркивает, что размер этих дач в Московском государстве свидетельствовал о социальном положении получателей.

Вторая глава более сложна для восприятия, поскольку помимо Карамышевых в ней рассматриваются и иные представители сибирской знати — Семендеревы, Байцыны и др. Они объединяются с Шибанидами разветвлёнными семейными связями. Принципиален вывод о том, что все они рано или поздно оказывались при дворе племянника Кучума Маметкула, который, возможно, был сыном его старшего брата и соправителя Ахмад-Гирея. Для сибирской знати именно этот царевич стал точкой притяжения и реальным лидером выходцев из Сибири, оказавшихся в Московском государстве. В Смутное время Шибаниды и их окружение, в отличие от Ураз-Мухаммеда, последовательно поддерживали Василия Шуйского и Второе ополчение (с. 95, 101).

Третья глава («Смута») посвящена роли Ураз-Мухаммеда и ряда сибирских аристократов в событиях начала XVII в. В предшествующих статьях Беляков проделал работу по определению позиции касимовских татар и различных Чингизидов в период Смуты¹⁰. Автор обращает внимание на то, что в целом роль татарского и мордовского населения в событиях того времени исследована не до конца (с. 98). Ураз-Мухаммед,

с одной стороны, должен рассматриваться как представитель уже русской титулованной знати, а с другой, будучи касимовским царём, — как центр притяжения мусульман. При этом в некоторых случаях он действовал не самостоятельно, находясь под давлением «своих непокорных “подданных”» (с. 98). Представляется, что этот пример можно перенести на многие другие случаи постордынской истории, когда ханы часто были вынуждены действовать под влиянием усиливающейся племенной и клановой аристократии. Противоречия с другими представителями сибирской знати или с Василием Шуйским привели Ураз-Мухаммеда на сторону Лжедмитрия I, а затем Лжедмитрия II и его воеводы Ивана Болотникова. Это предопределило дальнейшие события и судьбу касимовского царя, вокруг которого стали собираться татары, недовольные властью Шуйского (с. 99—100). Кстати, на с. 105 Беляков вводит относительно Ураз-Мухаммеда новое понятие: «Царик», которое потом неоднократно использует, не объясняя его происхождения. В конечном итоге метания Ураз-Мухаммеда привели его в сентябре 1610 г. в Калугу, где по приказу Лжедмитрия II он был убит. Через несколько дней князь Пётр Урусов убил и самозванца (с. 119). Можно согласиться с автором книги в том, что «гибель Ураз-Мухаммеда стала самым заметным событием в его жизни» (с. 117).

Четвёртая глава книги («Мнимая победа») посвящена дальнейшей судьбе Исинея Карамышева. Здесь мы сталкиваемся с одним из самых спорных моментов исследования: в начале главы автор ссылается на некую описанную им ранее сцену у двора касимовского царя, после которой второй герой повествования уехал в Москву и участвовал в её обороне от «Тушинского вора». Однако в книге эту сцену

обнаружить не удалось, хотя по задумке автора она играет значительную роль. Между 1610—1616 гг. карьера Карамышева стремительно развивалась: голова служилых татар в Новгороде, воевода в Касимове, свадьба его сестры и нового касимовского царя Арслана б. Али. Одновременно росло и его благосостояние, в том числе за счёт бывших владений Ураз-Мухаммеда. Однако в 1616 г. Исинея Карамышев внезапно, по неизвестным причинам, попал в опалу, по городам были разосланы грамоты о его поимке (с. 121—124). В конечном итоге его, видимо, сослали в Новгород, где он скончался в 1618 г. Если бы не микроисторическое исследование Белякова, об этом представителе татарской знати сегодня мало кто вспомнил бы. Но через призму биографий двух людей открываются новые сюжеты русской истории конца XVI — начала XVII в. Получившаяся картина настолько самодостаточна, что предлагаемый автором эпилог, раскрывающий судьбы родственников Ураз-Мухаммеда и Исинея Карамышева, в принципе не обязателен.

Новое исследование А.В. Белякова, несмотря на многочисленные лакуны и стремление их закрыть с помощью аналогий или авторских гипотез, раскрывает новые страницы истории русско-казахских отношений, внутреннего устройства Сибирского ханства, судеб некоторых сибирских аристократов, особенностей

повседневной жизни и политической роли татарского населения Русского государства в конце существования династии Рюриковичей и в Смутное время.

Примечания

¹ *Басин В.Я.* Россия и Казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 79—82.

² *Нестеров А.Г.* Искерское княжество Тайбугидов (XV—XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002. С. 23.

³ *Абуев К.А.* Сибирское ханство в контексте казахско-русских отношений. Кокшетау, 2016. С. 85—145.

⁴ *Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А.* Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 105.

⁵ *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 186, 235.

⁶ *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972. С. 41—43.

⁷ *Исхаков Д.М.* Позднезолотоордынская государственность тюрко-татар Сибирского региона: в поисках социально-политических основ // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции (Курган, 21—22 апреля 2011 г.). Курган, 2011. С. 53.

⁸ *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445—1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

⁹ *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. Астана, 2006. С. 67.

¹⁰ *Беляков А.В.* Чингисиды в Смуту // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Н. Новгород, 2010. С. 56—75; *Беляков А.В.* Мещерские татары в период Смуты // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Н. Новгород, 2011. С. 198—203.

Евгений Ростовцев

Рец. на: Д.Д. Grimm. Воспоминания. Из жизни Государственного совета 1907—1917 г. / Подгот. текста и коммент. А.В. Воронежцева, М.В. Ковалёва, В.С. Мирзеханова, Т.К. Шор; вступ. ст. М.В. Ковалёва, Т.К. Шор. СПб.: Нестор-История, 2017. 272 с.

Evgenii Rostovtsev

(Saint Petersburg State University, Russia)

Rec. ad op.: D.D. Grimm. Vospominaniya. Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907—1917 gg. Saint Petersburg, 2017

DOI: 10.31857/S086956870008287-6

Профессор Давид Давидович Grimm (1864—1941) — типичный представитель интеллектуальной элиты второй половины XIX — начала XX в. — «российских мандаринов»¹, активно сочетавших научную, общественно-политическую и административную деятельность. Возможно, его имя оказалось несколько забытым на фоне таких фигур этой когорты, как М.М. Ковалевский, П.Н. Милюков, С.А. Муромцев, В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург, А.А. Мануйлов и др. Между тем личность Гримма и его роль в академической и политической жизни начала XX в. была весьма значительной². И публикация его мемуаров, посвящённых тому времени, когда он являлся членом Государственного совета от Академии наук и российских университетов, позволит лучше понять законодательную «кухню» периода «думской монархии».

Вступительные статьи знакомят читателя с основными событиями жизни мемуариста и отчасти — с проблематикой, затронутой им в воспоминаниях. Историографически фундированная статья М.В. Ковалёва «Профессор Давид Давидович Grimm и его время» (с. 5—46) построена на

широком круге опубликованных и архивных источников (как российских, так и зарубежных). Исследователь обращает внимание на обрусение семьи Гриммов: если Д.Д. Grimm, будучи «учёным немецкой выучки», ещё оставался лютеранином, то его дети уже исповедовали православие (с. 11—12). Любопытно, что этнические немцы братья Давид и Эрвин Grimm выступили во время Первой мировой войны яркими русскими патриотами. Но особенно наглядно «русскость» Д.Д. Гримма проявилась в эмиграции, когда он руководил газетой «Новая русская жизнь» в Хельсинки, состоял заместителем председателя Русской учебной коллегии в Праге и членом Государственного совета Эстонии, представлявшим русскую общину.

В статье Т.К. Шор «Воспоминания Давида Давидовича Гримма как исторический источник» (с. 47—60) дано описание рукописи воспоминаний Гримма, хранящейся в Тарту, и изложены археографические принципы её издания. Особенно ценно то, что автор указывает ссылку на оцифрованную копию воспоминаний, которая доступна любому желающему

щему после регистрации на портале национального архива Эстонии (с. 49). Как отмечает Шор, «описывая историю создания и выборов в Госсовет, Grimm говорит о себе в третьем лице, подчёркивая объективность своей позиции». В результате «непосредственный голос автора», который «эксплицитно выражается вначале довольно редко», лишь «ближе к концу проявляется вполне» (с. 51—52). Публикатор объясняет это тем, что Grimm, работая над воспоминаниями, стремился к «объективизации процесса повествования» и выступал как «учёный-правовед», «историк и последовательный конституционалист» (с. 52). Шор также кратко характеризует структуру текста и основные сюжеты, о которых писал Grimm: деятельность левой группы Государственного совета и Прогрессивного блока после Февральской революции, «агонию» законодательных учреждений и т.д. Весьма полезен для читателей будет имеющийся в издании подробный аннотированный указатель имён (с. 240—269). Между тем комментарии к тексту носят скорее популярно-познавательный характер, рассказывая, например, об устройстве Государственного совета после 1906 г., о том, кто назывался «октябристами», как возникла и какие цели преследовала кадетская партия, что такое Манифест 17 октября, дворянское собрание, земство, Амурская железная дорога, градоначальник, «Вестник Европы», Демидовский лицей и т.п. В них зачем-то полностью включён текст «Выборгского воззвания», сообщается, кто такие Пипиниды, Брут и др. При этом авторы не пытаются проверить показания мемуариста или пояснить обстоятельства сравнительно малоизвестных событий.

В частности, составители комментариев, по сути, оставляют без каких-либо оговорок то, как Grimm

излагает историю своего конфликта с Л.А. Кассо (с. 89—105, 119—129). В воспоминаниях Давид Давидович осуждал «невыносимый произвол министра», который «куражился над университетом и профессурой» — сначала в Москве, а затем и в Санкт-Петербурге, где пострадал прежде всего юридический факультет, стоявший на страже закона. Разумеется, Grimm противостоял этим козням — и на посту ректора, и в статусе члена Государственного совета, а все порядочные люди (включая П.А. Столыпина и В.Н. Коковцова) поддерживали его усилия и возмущались действиями Кассо, «для которого никаких законов не было писано» (с. 102). Подобные оценки преобладали в среде российской либеральной интеллигенции³.

Однако Grimm не упоминает о том, что Кассо начал свою деятельность не с конфронтации, а, напротив, с отзыва из Думы непопулярного в профессорских кругах проекта нового университетского устава⁴. Одобрялась профессорами и замена товарища министра Г.К. Ульянова (в «эпоху А.Н. Шварца» конфликтовавшего с советом столичного университета) на бывшего петербургского профессора В.Т. Шевякова, чья квалификация вызывала у учёных уважение⁵. Grimm забывает и о том, что негативный образ Кассо создавался первоначально в правой печати, и про студенческие беспорядки 1910 г., связанные с демонстрациями, происходившими после смерти гр. Л.Н. Толстого, и про явно политически оппозиционную позицию, занятую тогда университетским советом. В этих условиях и появились правила 11 января 1911 г., возложившие на профессоров обязанности контролировать студенческие собрания⁶. Причём инициатором ужесточения политики в данном случае выступил Столыпин⁷, изображённый

на страницах воспоминаний в выгодном свете.

Оппозиционные речи ректора во время кризиса лишь обостряли конфронтацию с министерством. 17 января 1911 г. на заседании университетского совета Гримм заявил, что «нормальный ход учебной жизни не может быть построен на полицейских мерах», а требовать их применения от профессуры нельзя, поскольку они свидетельствуют о недоверии к университету и его органам. Собравшиеся единогласно поддержали это мнение и просили довести его до сведения министра⁸. Это, очевидно, способствовало началу забастовки учащихся, в организации которой участвовали студенты-кадеты. Коллективную отставку администрации Московского университета Гримм оценивает критически, видя в ней нарушение «сговора начальников столичных учебных заведений» (с. 93—94) о координации действий. Однако он не рассказывает о том, как петербургские профессора обсуждали на частных совещаниях «левой группы» во главе с ректором необходимость выступления в поддержку московских коллег. Узнав, что те не только получили отставки, но и лишились кафедр, в столице решили воздержаться от выражения официального протеста, ограничившись сочувственной телеграммой «стойким борцам за право, за науку, за университет» А.А. Мануйлову, М.А. Мензбиру и П.А. Минакову (её подписали 35 профессоров, включая ректора и проректора)⁹.

Обстоятельства отставки Гримма с поста ректора также нуждаются в комментарии. В воспоминаниях он писал, что «покинул эту должность ещё осенью 1911 г. ввиду коренного разногласия моего с университетской политикой министерства» (с. 98). Действительно, 12 сентября Кассо удов-

летворил его прошение об отставке, поданное ещё в разгар февральских событий¹⁰. По-видимому, впоследствии он готов был остаться по просьбе совета, но такой возможности министр ему не предоставил. Новым ректором стал его родной брат и соратник по кадетской партии Эрвин. Но, как ни странно, о нём мемуарист ни разу не упоминает, хотя в 1911—1913 гг. они вместе критиковали министерство и вели борьбу с «профессорами-назначенцами», о которой в воспоминаниях подробно рассказано (с. 96—100, 125—129). Вероятно, столь странное умолчание объяснялось последующим отходом Э.Д. Гримма от кадетской партии и её линии в университете, что вызвало разногласия между братьями. Из-за них Д.Д. Гримм даже отказался в 1915 г. от предложения вернуться на кафедру, согласованного с новым министром народного просвещения гр. П.Н. Игнатьевым (о чём в воспоминаниях также нет ни слова)¹¹. Но имелаась и более весомая причина: в эмиграции Эрвин сотрудничал с «Союзом возвращения на Родину», за что был депортирован в Советскую Россию, где работал в различных учреждениях. Напоминание о прежней партийной деятельности могло стоить ему жизни. Но и сдержанность брата не спасла его от репрессий в годы Большого террора: оказавшись под следствием, Э.Д. Гримм сошёл с ума и вскоре после выхода «на поруки» из психиатрической лечебницы скончался¹².

Авторам комментариев стоило бы обратить внимание и на рассказ о том, как Кассо и его товарищ барон М.А. Таубе (с. 125—126) удаляли с кафедр либеральных профессоров юридического факультета, переводя их из столицы в другие университеты. Так, Гримм возмущался увольнением М.Я. Пергамента (с. 97), отказавшего-

ся ехать в Юрьев. По словам мемуариста, даже председателю Совета министров В.Н. Коковцову «не удалось обуздать Кассо» (с. 129). И тут хорошо было бы дать ссылку на рассказ Таубе, который вспоминал о том, как Коковцов в отсутствие министра просил отменить или хотя бы отсрочить распоряжение о перемещении Пергамента. Барон отказал и нелицеприятно отозвался о переведённом, поведав, что этот профессор требовал у него (в то время — члена государственной испытательной комиссии) провести переэкзаменовку у провалившейся студентки, угрожая «апеллировать к общественному мнению». Спас положение, по словам Таубе, «хотя и левый, но весьма уравновешенный и справедливый декан факультета Д.Д. Grimm, который присутствовал при неудачных ответах» студентки и «немедленно осадил» Пергамента¹³.

Не менее любопытны суждения Grimma о роспуске Государственного совета в марте 1911 г., о деятельности Прогрессивного блока, попытке реформировать Сенат, событиях Февральской революции, о личных качествах С.Ю. Витте, А.Ф. Кони, П.А. Столыпина и др. Конечно, в них отчётливо проявлялись личные и политические пристрастия автора, а также его стремление показать на различных примерах «эволюцию психологии Государственного совета»: от «старой бюрократической» к новой, основанной на чувстве «гражданственности» (с. 130—131). «Прорывающимся чувством гражданственности, идущим на смену психологии угодничества», Grimm объяснял и то, что члены Государственного совета не дали Кассо и Таубе удалить его из верхней палаты, лишив профессорского ценза (с. 100—105). Впрочем, это скорее объяснялось неприязнью как академического сообщества, так и

либеральных сановников к министру, который характеризовался порою как «проклятый цыган»¹⁴. Пересказывая дискуссии, происходившие в Государственном совете, мемуарист вписывал их в контекст либеральной версии политической истории России начала XX в.

Тем не менее очень важно и ценно, что мемуары Д.Д. Grimma, через 90 лет после их создания стали доступны широкому кругу читателей. Однако публикация служит только началом изучения этого текста, который, безусловно, требует соотнесения как с опубликованными стенограммами заседаний Государственного совета и его комиссий, так и с доступным (прежде всего — в фондах РГИА и ГА РФ) архивным материалом.

Примечания

¹ О них см., например: *Александров Д.А.* Фриц Рингер, немецкие мандарины и отечественные учёные // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 90—104.

² *Томсинов В.А.* Давид Давидович Grimm (1864—1941) // Российские правоведы XVIII—XX веков. Очерки жизни и творчества. Т. 2. М., 2007. С. 222—252; *Николаев А.Б.* Д.Д. Grimm — комиссар Временного комитета Государственной думы // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 142—147; *Ковалёв М.В., Мирзеханов В.С.* Давид Давидович Grimm // Вопросы истории. 2016. № 1. С. 19—33; *Ковалёв М.В.* Профессор Д.Д. Grimm и борьба за академические свободы в России в начале XX в. // Российская история. 2016. № 5. С. 174—183; *Ковалёв М.В., Шор Т.К.* Давид Давидович Grimm в Эстонии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 17. 2018. № 1. С. 61—70.

³ См., в частности: Кризис высшей школы. М., 1911; *Вернадский В.И.* 1911 год в истории русской умственной культуры. [СПб.], 1911; *Кожневиков Г.* Проклятый вопрос (к современному положению университета). М., 1911; *Фромметт Б.* Очерки по истории студенчества в России. СПб., 1912. С. 127; *Милюков П.Н.* Воспоминания / Сост. М.Г. Вандалковская. Т. 2. М., 1990. С. 56—57.

⁴ *Ронн А.Н.* Что сделала Третья Государственная дума для народного образования. СПб., 1912. С. 200.

⁵ См., в частности: Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. Т. I. М., 2003. С. 143.

⁶ Правительственный вестник. 1910. 10(23) декабря. № 269. С. 4; РГИА, ф. 733, оп. 226, д. 93, л. 282—283; О надзоре за учащимися высших учебных заведений // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. № 3—4; Правительственные распоряжения // Там же. С. 38—40; О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений // Там же. С. 41—43. Подробнее см.: *Брачев В.С.* Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907—1911 гг. СПб., 2014. С. 130—131.

⁷ Подробнее см.: *Ростовцев Е.А.* Столичный университет Российской империи: учёное сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 613—663.

⁸ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. № 67. СПб., 1913. С. 15—17.

⁹ *Лейкина-Свирская В.Р.* Из истории борьбы Петербургского университета с министерством Кассо // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 152; Биржевые ведомости. 1911. 7 февраля. № 12162. С. 3; Речь. 1911. 11(24) февраля. № 41. С. 4.

¹⁰ Протоколы заседаний Совета ... С. 109, 160. Ещё 26 августа Кассо отправил в отставку проректора И.Д. Андреева, подавшего прошение вместе с Гриммом (Там же. С. 140).

¹¹ *Ростовцев Е.А.* Столичный университет ... С. 682—683.

¹² *Беллева О.М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднейимперского периода. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.

¹³ *Таубе М.А.* «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900—1917) / Публ. Ф.А. Гайды и М.А. Волхонского. М., 2007. С. 150.

¹⁴ *Ростовцев Е.А., Баранов Д.А.* Образ чужого: «проклятый цыган» (Л.А. Кассо в воспоминаниях современников) // Клио. 2018. № 12. С. 27—36. Это вполне проявилось в реакции прессы на его кончину (См.: Раннее утро. 1914. 27 ноября. № 273(8477). С. 4; Русские ведомости. 1914. 27 ноября; Московский листок. 1914. 27 ноября; Современное слово. 1914. 27 ноября; Зауральский край. 1914. 28 ноября. № 226. С. 2; Саратовский листок. 1914. 29 ноября; Земщина. 1914. 28 ноября. № 1854. С. 3. Любопытную подборку таких материалов собрал М.А. Таубе: ГА РФ, ф. 596, оп. 1, д. 77.

Дмитрий Николаев

Рец. на: «По обстоятельствам военного времени...» (Нижегородская губерния в 1914 — начале 1918 г.): сборник документов. В 2 ч. / Сост. Е.Э. Ешан. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области; Центральный архив Нижегородской области, 2018. Ч. 1. 492 с.; Ч. 2. 632 с.

Dmitry Nikolaev

(Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia)

Rec. ad op.: «Po obstoyatel'stvam voyennogo vremeni...» (Nizhegorodskaya guberniya v 1914 — nachale 1918 g.): sbornik dokumentov. Part 1—2. Nizhny Novgorod, 2018

DOI: 10.31857/S086956870008288-7

100-летие начала Первой мировой войны вызвало к жизни небывалую до сего времени волну региональных историко-документальных изданий, освещающих разнообразные аспекты жизни российской провинции того

периода¹ и претендующих в целом (иногда без особого успеха) на всестороннее рассмотрение темы на локальных уровнях. Рецензируемый сборник также посвящён краевой истории времён Первой мировой и разнообраз-

ным сюжетам (политическим, экономическим, социально-бытовым), позволяющим наиболее полно отразить то влияние, которое оказывало на местном уровне мировое (глобальное) военно-политическое противоборство.

Событиям рассматриваемого периода и ранее посвящались нижегородские историко-документальные и научные (научно-популярные) издания. Непосредственно к юбилею войны вышло несколько трудов², получивших изрядную долю заслуженной критики. Но главное, что их (разных по жанру) нельзя признать «репрезентативно-комплексными» ввиду либо определённой избирательности освещаемых ими тем, либо отсутствия должной археографической обработки текстов и наличия (отсутствия) научно-справочного аппарата.

На фоне имеющегося материала по краевой истории периода Первой мировой у представляемого издания есть все шансы стать максимально востребованным в историко-документальном информационном «поле» региональной истории 1914 — начала 1918 г. Можно сказать без преувеличения, что впервые столь широко и всеобъемлюще (на нижегородском уровне) представлен разнообразный документальный материал, позволяющий убедительно раскрыть многие, до сих пор кажущиеся спорными, исторические сюжеты и факты.

Структуру сборника, его объём и принципы подбора материала объективно обусловили поставленные составителями цели и задачи. Среди последних отмечу, на мой взгляд, особую: показать роль «человеческого фактора... в условиях социально-экономической нестабильности... попытаться “услышать” представителей различных категорий нижегородского общества» (ч. 1, с. 4). Это в значительной мере сделали составители, включившие в струк-

туру издания не только документы непосредственно военного периода, но и ему предшествовавшего. В результате читатель может понять подоплёку многих событий, произошедших позднее.

Нижегородские архивисты создали фундаментальный сборник, основанный на огромном и разноплановом материале, ввели в научный оборот комплекс новых источников. Более того, авторский коллектив не просто расширил базу документов и изысканий по истории Первой мировой войны, но и создал, учитывая субъективные веяния последних лет, принципиально иное исследование — вопреки устоявшимся в последние десятилетия мифам и стереотипам, под которые порой (в угоду политической конъюнктуре) в ряде изданий намеренно «подгонялись» соответствующие документы и формировались «правильные факты».

Составители последовательно (в хронологическом порядке) и убедительно доказывают несправедливость утверждения о Первой мировой как о «забытой». Так, глянецвый «блеск» дореволюционной России в год юбилея династии Романовых документально «портят» материалы, которые зафиксировали усиливавшееся рабочее движение и проявления широкого социального протеста — «параллельная» официально-фантазмагорическая реальность властей предрержавших жёстко противостояла реальности «выживания» низовых сословий. Мобилизация в губернии породила первоначально массовый патриотизм и «понимание» целей войны, но одновременно проявлялись архаика общественных отношений, полуфеодальное управление, коррупция, кумовство и проч. Конфликт «архаики» и «модерна», неизбежный в данном случае, привёл к неразрешимым общественно-политическим и управ-

ленческим противоречиям, что и доказывают представленные в сборнике документы.

В последние десятилетия со стороны почитателей дореволюционной России раздаются неумеренные восторги о некоем феерическом развитии в годы войны отечественной промышленности и о её «модернизационном рывке». Представленные же нижегородскими архивистами сведения свидетельствуют о хроническом неисполнении в губернии государственных оборонных заказов, о чудовищном и несправедливом обогащении кучки дельцов (некоторым из них сегодня установлены памятники в Нижнем Новгороде), искусственно создаваемой (с целью быстрого обогащения) структуры-пирамиды военно-промышленных комитетов и проч.

Несостоятельность выявленной в экстремальных условиях мировой войны российской военно-экономической модели усугублялась неудовлетворительной работой «эффективных менеджеров» — губернаторов и структур управления на местах, ставших, очевидно, частью буржуазно-либеральной коррупционной машины и активно «простимулированных» за «правильные» действия (бездействие). Также документы сборника достаточно ярко иллюстрируют неэффективность губернского управления по многим показателям.

Не были забыты и неизбежные «спутники» любой войны — социально-гуманитарные проблемы (военнопленных, беженцев, перемещённых лиц). Заметное место в сборнике занимают документы, характеризующие национальный состав и количество пленных, вопросы их размещения, занятости, особенности взаимоотношений с местным населением и проч.

Отмечу ещё одну важную ипостась войны в «краевом измерении» — проблему размещения, лечения боль-

ных и раненых воинов. Как справедливо отмечается в издании, на местном уровне она разработана достаточно слабо, и настало время «перехода историко-краеведческой мысли от лубочно-идеалистического описания помощи... раненым, больным и увечным воинам на новый уровень осмысления эффективности организации гуманитарной и медико-санитарной работы» (ч. 1, с. 19). По существу, опубликовав по данному вопросу большое количество документов, составители дали новый импульс исследователям темы.

Неразрешимость общественно-политических противоречий в рамках прежней российской системы управления и хозяйствования неизбежно привела к радикальным политическим сдвигам, о «случайности» которых говорить не приходится. Множество приведённых в сборнике фактов фиксируют масштабную картину не только экономического, но прежде всего социально-психологического слома стереотипов восприятия всех сторон жизни страны, а также трансформацию массового сознания людей в мучительных поисках выхода из затянувшегося кризиса.

Необходимо отметить чрезвычайно грамотную компоновку, структурирование всех частей сборника и высокую степень его научности, чему в немалой степени способствует обстоятельное предисловие, написанное с учётом всех доминантных исторических (и историографических) направлений указанной темы. Также подробно оговариваются принципы подбора и научного оформления массива публикуемых документов (591 единица из фондов Центрального архива Нижегородской области, Государственного общественно-политического архива Нижегородской области, Государственного архива аудиовизуальной документации Нижегородской

области (Нижний Новгород), двух Государственных архивов Нижегородской области (Арзамас, Балахна) и Государственного архива Российской Федерации). В сборник включены и материалы периодической печати за 1913—1918 гг.

Вполне логично, что массив документов разбит на шесть тематико-хронологических разделов, а каждый из них — на тематические подразделы в соответствии с наиболее значимыми аспектами ситуативного ряда. Высокой оценки заслуживает и то обстоятельство, что публикацию документов в каждом из разделов предваряет введение, тоже написанное с учётом особенностей их содержательной части и дающее представление о масштабах и специфике конкретных исторических явлений.

Научно-справочный аппарат сборника составлен подробно и профессионально. В него помимо упоминаемых предисловия и введений к шести разделам вошли подробные именной и географической указатели, перечень опубликованных документов и архивных фондов, списки использованной литературы и сокращений. Уровень публикации документов полностью соответствует современным требованиям, а многие части предисловия и введения к разделам могут рассматриваться как самостоятельные научные труды.

В качестве замечаний к содержанию сборника хотелось бы отметить бросающуюся в глаза повторяемость (в неизменных либо меняющихся словосочетаниях) некоторых заголовков подразделов (например, ««Настроения» населения...» и ««Отклики войны»...»). Понятно, что терминология почерпнута из конкретного документального материала, но следовало бы как-то разнообразить названия. Кроме того, учитывая большую твор-

ческую часть издания, было бы правильно указать непосредственно в оглавлении и тексте автора/авторов предисловия и введений к разделам, а также к другим частям сборника.

Высказанные замечания не умаляют самого благоприятного впечатления, которое производит издание, поскольку по актуальности темы, масштабности комплекса источников, высокому уровню научности и «творческой археографической культуре» оно заслуживает самых высоких оценок. На мой взгляд, на сегодняшний день это один из лучших трудов нижегородских архивистов, который ожидает заслуженное признание научной общественности.

Примечания

¹ Псковская губерния в период Первой мировой войны по архивным документам: сборник документов / Отв. ред. Т.Е. Герасименко; сост. В.П. Волкова и др. Псков, 2014; Казанская губерния в период Первой мировой войны: сборник документов и материалов / Под ред. Д.И. Ибрагимова; сост. Л.В. Горохова, О.Е. Пантелеева, О.В. Федотова, Н.А. Шарангина. Казань, 2014; Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 — март 1918. В 2 кн. / Отв. сост. В.В. Кондрашин. Прага, 2014; Симбирские страницы Первой мировой: сборник документов и материалов / Сост. О.И. Денисова, Г.В. Романова и др.; под ред. И.А. Чуканова. Ульяновск, 2014; Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 — февраль 1917 гг.: сборник документов / Отв. сост. О.В. Зубова. Самара, 2014; Тверская губерния в годы Первой мировой войны, 1914—1918 гг.: сборник документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь, 2009; и др.

² Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны (дофевральский период): сборник документов и материалов / Сост. В.П. Сапон. Н. Новгород, 2014; *Голубин Р.В., Морохин А.В., Николаев Д.А.* Нижний Новгород и Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны. Н. Новгород, 2014; Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914—1918 гг.: сборник статей / Сост. Ф.А. Селезнев. Н. Новгород, 2014.

Ярослав Леонтьев

Войной и революцией «взвихрённая Русь»*

Yaroslav Leontev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

«Russia whirling» by War and Revolution

DOI: 10.31857/S086956870008290-0

Накануне и в ходе подготовки в нашей стране мероприятий, посвящённых 100-летию начала Первой мировой войны (июль 1914 г.) и её окончания для России (подписание Брестского мира в марте 1918 г.), вышло немало юбилейных сборников документов и статей¹, однако те, что были подготовлены на основе архивных материалов Нижегородского региона, не отличались всесторонним охватом темы².

Этот пробел решила восполнить консультант Комитета по делам архивов Нижегородской области Е.Э. Ешан. Включённые ею в новый сборник документы (591 единица) и по большей части впервые введённые в научный оборот отобраны в ГА РФ и пяти нижегородских архивах, преимущественно в Центральном архиве Нижегородской области (ЦА НО). Представлены также публикации 1913—1918 гг. столичных и нижегородских периодических изданий, хранящихся в справочно-информационном отделе ЦА НО и Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеке им. В.И. Ленина («Волгарь», «Нижегородский листок»,

«Народ», «Нижегородская земская газета»).

В процессе подготовки издания к печати помимо Е.Э. Ешан (составитель, автор предисловия, введений к разделам и географического указателя) участвовали пресс-секретарь комитета А.П. Пудалова (развёрнутый, аннотированный именной указатель) и Е.И. Яновская (научно-справочный аппарат).

Массив документов поделён на шесть тематико-хронологических разделов: «Нижегородская губерния и Нижний Новгород накануне Первой мировой войны (1913 — первая половина 1914 г.)»; «“А вдали уже дышит гроза...”». Нижегородская губерния в период мобилизации государства»; «“Всё для фронта?”: потребности военного времени и возможности их обеспечения в Нижегородской губернии в 1915 г.»; «Кризис доверия — кризис терпения: усиление социально-экономической и политической нестабильности в Нижегородской губернии в 1916 г.»; «Нижегородская губерния и нижегородцы в революционном “вихре” 1917 г.»; «Нижегородская губерния в начале 1918 г.: встречу новым испытаниям».

* «По обстоятельствам военного времени...» (Нижегородская губерния в 1914 — начале 1918 г.): сборник документов. В 2 ч. / Сост. Е.Э. Ешан. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, Центральный архив Нижегородской области, 2018. Ч. 1. 492 с.; Ч. 2. 632 с.

Каждый раздел (с обстоятельным введением) имеет определённую структуру. Например, во втором — тематические блоки: начало мобилизации; становление в губернии системы помощи раненым; отношение населения и власти к чрезвычайным нуждам государства в контексте военных расходов и доходов; прибытие беженцев и военнопленных в 1914 г.; настроение жителей, отражённое в отчётной документации губернских властей, на страницах газет и в письмах нижегородцев с фронта. Документы, связанные с ранеными, беженцами и военнопленными, представлены и в других разделах.

Группа материалов первой части сборника освещает предвоенную ситуацию в Нижнем Новгороде, прежде всего проблемы его благоустройства, обеспечения в нём порядка, а также пребывания в губернском городе царской семьи в связи с 300-летием Дома Романовых. Судя по этим документам, в общественной жизни Нижегородской губ. проявлялись признаки будущих социальных кризисов: с одной стороны, распространялись патриотические и монархические настроения, с другой — зрели радикальные, революционные (Кулебакский горный и Сормовские заводы) (ч. 1, с. 78—79, 88—90).

Такой подробный анализ документов, характеризующих предвоенные тенденции в российских губерниях, отмечает в предисловии Ешан, никогда не проводили не только нижегородские публикаторы и исследователи, но и иные региональные (исключением стал вышедший в Пскове архивный сборник³). Не заостряя внимания только на документах, раскрывающих патриотический подъём немалой части нижегородцев в первые дни и месяцы войны, составитель демонстрирует и «обратную сторону ме-

дали». Так, о расхищении призванными из запаса казённых винных лавок сразу в нескольких уездах уже 1 августа 1914 г. докладывал в Департамент полиции начальник нижегородского губернского жандармского управления (ГЖУ), полковник И.П. Мазурин (ч. 1, с. 145—146).

Интересна подборка писем с фронта на разные темы (описание окопных реалий; благодарность за подарки к Рождеству; просьба прислать молитвенник; извещение об обстоятельствах гибели прапорщика Н. Никольского-Любимова — выпускника Нижегородского графа Аракчеева кадетского корпуса и т.д.). Особенно яркие зарисовки фронтового быта содержат письма, отправленные в Нижний Новгород из Галиции сапёром и телефонистом, Георгиевским кавалером Александром Сигорским (впоследствии известный горьковский краевед и литературовед, научный сотрудник Государственного музея М. Горького; в ЦА НО есть личный фонд этой неординарной личности) своей невесте Серафиме Фуниной.

Вдумчивый читатель и заинтересованный исследователь найдут в сборнике ценную информацию по разнообразным проблемам: мобилизационные возможности тыла; показатели объёмов производства; занятость (в том числе военнопленных) в промышленности и сельском хозяйстве; выполнение оборонных заказов. К числу таких содержательных материалов относятся, например, докладные и объяснительные записки Нижегородского биржевого военно-промышленного комитета. В документах, демонстрирующих успехи и достижения губернии в обеспечении фронта, организации в ней санитарного дела и т.д., одновременно предстаёт и процесс нарастания социально-экономического кризиса. Имеются свидетель-

ства того, как нечистоплотные производители наживались на военных поставках. Например, как сообщил первому губернскому комиссару Временного правительства П.А. Демидову командир 61-го запасного пехотного полка, полученные им 27 марта 1917 г. по две с лишним тысячи пар сапог (согласно требованию от 18 декабря 1916 г.) «оказались негодными к походу, так как в задники поставлена вместо кожи береста, вследствие чего сапоги не могут выдержать и двухнедельной носки» (ч. 2, с. 263).

В нескольких документах описаны происходившие в Макарьевской части Нижнего Новгорода и его окрестностях (сёлах Гордеевке, Молитовке и Бор) беспорядки, которые перешли в погромы продовольственных лавок. Волнения на экономической почве были вызваны ростом цен, особенно на сахар, и утаиванием торговцами («со спекулятивными целями») предметов первой необходимости. Для того чтобы взять ситуацию под контроль, местная власть задействовала воинские команды. Несмотря на принятые экстренные меры и предписание «главноначальствующего, нижегородского губернатора» А.Ф. Гирса от 6 июня о направлении ему личных сведений обо всех случаях спекулятивной деятельности торговцев (ч. 2, с. 186), в базарные дни 8—9 июня 1916 г. в крупных сёлах Хохломе и Пурехе всё же начались волнения. Публикуются в сборнике и материалы, касающиеся дезертиров и их укрывательства.

В обзорных донесениях губернатора Гирса и начальника нижегородского ГЖУ Мазурина о политическом состоянии и настроениях населения губернии (рассмотреть их в динамике позволяют документы) содержится информация о незначительной активности социал-демократов и со-

циалистов-революционеров. В то же время указывается, что «в селениях замечается хулиганство молодёжи, которая своим поведением наводит страх на мирных жителей. Открыто свидетельствовать против хулиганов даже при дознаниях в порядке охраны решаются немногие» (ч. 2, с. 199). Не менее показательно прошение губернатора группы сормовских прихожан — ревнителей веры. Они потребовали «навсегда» запретить увеселительные спектакли и фильмы в «кануны праздников и воскресных дней как бы в угоду евреям и другим инородцам», «с постановками иногда похабных картин вроде “Фарс”, “Ревность” и т.п.», растлевавших «духовную нравственность» (ч. 2, с. 205). Подобные документы проливают свет на малоизученные культурные коды.

Сборник знакомит читателя с деятельностью энергичного и харизматичного городского головы Д.В. Сироткина, которая начинается с его речи на чрезвычайном собрании Нижегородской городской думы, посвящённой проведению экстренных мероприятий в связи со вступлением Российской империи в войну 21 июля 1914 г. (ч. 1, с. 152—153) и заканчивается оформлением протокола чрезвычайного собрания думы от 15 мая 1917 г., где зафиксировано неожиданное заявление Сироткина об отставке. Он сделал этот шаг «ввиду пополнения состава думы» (представителями Советов и гарнизона), хотя ещё 7 февраля «прежним составом» его переизбрали в городские головы на 1917—1920 гг. (ч. 2, с. 318). Кстати, 1 марта именно Сироткин предложил отправить председателю Государственной думы М.В. Родзянко телеграмму: «Нижегородская городская дума постановила присоединиться к Временному правительству в лице исполнительного комитета Государ-

ственной думы... Освобождены политические заключённые. Необходима общая политическая амнистия. Необходимы скорейшие указания на места Временного правительства» (ч. 2, с. 292).

Документы первого года революции свидетельствуют о становлении новых органов управления губерний, попытках последнего комиссара Временного правительства, члена ЦК партии эсеров и крупного учёного М.И. Сумгина противодействовать большевикам из нижегородского Военно-революционного комитета (ВРК), образованного в ночь на 27 октября по подобию столичных ВРК. В связи с этим Ешан констатирует: «При всей убедительности и продуманности публикаций советского периода имеет смысл ещё раз обратиться к ситуации “странного противостояния”, сложившегося в центре Нижегородской губернии после 25 октября 1917 г. ... имевшая место выборочная публикация протоколов Нижегородской городской думы в первые дни после новой революции со значительными “купюрами” текстов привела к утрате аргументационной составляющей дискуссий гласных» (ч. 2, с. 244).

Однако иногда Ешан в своих оценках тоже отступает от историзма. Например, она пишет: «Представители уже несуществующего Временного правительства (в том числе В.Г. Ганчель и М.И. Сумгин) поддерживали в Нижегородской губернии абсурдное “двоевластие” вплоть до конца декабря 1917 г.» (ч. 2, с. 245). Но ничего абсурдного в этом нет, так как большевики в тот период ещё называли СНК РСФСР «Временным рабоче-крестьянским правительством» и не объявляли о низложении Всероссийского Учредительного собрания, которое по общей идее революционных партий

должно было легитимировать новый строй. Возникшее в стране в первые дни революции двоевластие являлось данностью и неизбежно оставалось таковым вплоть до разрешения вопроса об Учредительном собрании, судьба которого в ноябре—декабре 1917 г. ещё не была предрешена. По крайней мере, большевики энергично участвовали в избирательной комиссии и «провели» в депутаты всех своих лидеров, вплоть до В.И. Ленина и уроженца Нижнего Новгорода Я.М. Свердлова (победил по Симбирскому избирательному округу). С этой точки зрения, городской голова Ганчель и комиссар Сумгин, исполняя свой долг, защищали законную власть от, мягко говоря, неправовых действий большевиков. При этом Ешан довольно метко охарактеризовала позицию Ганчеля, главы созданного в противовес ВРК Комитета защиты революции, как «наивный революционный романтизм».

Перечисляя избранных для участия в IV Чрезвычайном съезде Советов делегатов, в том числе двух левых эсеров, Ешан почему-то поставила кавычки в слове «левые». Такое написание было принято в историографии 1930—1950-х гг., но вскоре от этой нелепости отказались. Как известно, партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов) официально существовала с ноября 1917 г., и её члены наряду с большевиками входили в состав двухпартийного советского правительства. Кроме того, почему-то левый эсер И.А. Кузьмичёв в именном указателе назван дважды и к тому же с неверным инициалом (ч. 2, с. 522). Это странно, документы о нём хранятся в ЦА НО, и ими пользовались составители сборников документов и материалов «Партия левых социалистов-революционеров», где есть информация об этом, несом-

ненно, заслуживающем внимания регионального деятеле⁴.

Вызывает, по крайней мере, недоумение такое безапелляционное заявление составителя: «Воспоминания участников и очевидцев становления советской власти в Нижегородской губернии поражают подробностями жестоких народных расправ над односельчанами, поддержавшими советскую власть, и большевиками, возглавившими новые местные органы управления... О фактах же так называемого “красного террора” в документах этого периода сведений не имеется» (ч. 2, с. 426). Так ли это? Ведь в распоряжении исследователей — целый комплекс архивно-следственных дел, переданных на государственное хранение из ведомственного архива УФСБ (ЦА НО, ф. 2209, оп. 3). В связи с этим хотелось бы узнать точную информацию, связанную с арестом и гибелью последнего городского головы Нижнего Новгорода правого эсера Ганчеля. Например, в журнальной статье Е.И. Фроловой читаем: «На Сормовских заводах отряд Красной гвардии стрелял в собравшихся на митинг рабочих... Летом расстреляли Владимира Ганчеля — за участие Кредитного банка, который он возглавлял, во всеобщей забастовке 18 июня [1918 г.] и за сопротивление при аресте». Но в книжной версии этой статьи автор написала иначе: «Летом арестовали Владимира Ганчеля — за участие Кредитного банка, который он возглавлял, во всеобщей забастовке 18 июня. По слухам, его убили при аресте»⁵.

А.В. Шубин уточняет, что волнения в Сормове начались в марте 1918 г. «с похорон видных местных эсеров Чернова и его жены, убитых красновардейцами»⁶. Известно также, что в ходе массовых выступлений рабочих кожевенных предприятий

против советской власти 24 мая 1918 г. в селе Богородском Горбатовского уезда были жертвы как со стороны протестовавших, так и большевиков (четыре человека). Прибывший на место событий карательный отряд во главе с губернским военным комиссаром Б.И. Краевским расстрелял без суда и следствия десять богородчан, и ещё около сотни были отправлены в губернскую тюрьму.

В сборнике не отражён и эпизод, связанный с нападением на штаб Красной гвардии в Кулебаках (в ночь с 23 на 24 мая 1918 г.), во время которого от рук рабочих-эсеров погибли и получили ранения рабочие-большевики. Однако в представленной в Кулебакский райком РКП(б) «Автобиографии» участника этих событий, «расскавшего эсера» П.А. Соколова читаем: «В это время коммунистами Кошечкиным и др[угими] был убит Ерощкин Андрей. У нас на общем собрании было постановлено убить Кошечкина и Кулакова Василия, убить, кому представится удобный случай»⁷ (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области, ф. Р-1866, оп. 2, д. 740). Как видим, атаку на коммунистов рабочие-эсеры предприняли в ответ на убийство теми единомышленника нападавших. Во время ответных действий был застрелен ещё один эсер — Василий Мокров.

По данным С.В. Леонова, в первые месяцы большевистской власти антицерковный террор охватил не менее 20 губерний. С 25 октября 1917 г. по февраль 1918 г., «задолго до официального объявления красного террора и даже до перехода к *политике массового террора де факто* (выделено мной. — Я.Л.) по неполным ещё сведениям погибло более 120 представителей Церкви и мирян». Автор также привёл факты расстрелов либо

разгонов крестных ходов в Воронеже, Туле, Солигаличе, Нижнем Новгороде и ряде других мест⁸. Сообщил он и о драматических событиях в г. Семёнове 16 января 1918 г., в ходе которых погибли четверо горожан — участники антисоветского уличного выступления. Этот эпизод отражён в архивном сборнике. Организовал беспорядки экс-депутат IV Государственной думы, священник Александр Альбицкий, а среди погибших оказались прибывший с фронта ветеринарный врач Святославский и почтальон В. Сторожев (ч. 2, с. 466). Но о дальнейшей судьбе Альбицкого Леонов и Ешан не написали.

Если Е.И. Фролова ошиблась, и убийство городского головы Ганчеля произошло уже после 5 сентября 1918 г. (начала «красного террора», объявленного в ответ на покушения на В.И. Ленина и М.С. Урицкого), как минимум, шестеро неугодных власти лиц были расстреляны в Нижнем Новгороде ещё 15 августа. Среди них — бывший начальник ГЖУ Мазурин и происходивший из местной купеческой семьи полковник В.М. Иконников, командир 10-го гренадерского Малороссийского полка.

Несмотря на вышеизложенные замечания, подбор документов и сопроводительных текстов к разделам сборника, безусловно, заслуживает самой высокой оценки. Особо отмечу иллюстрации-вклейки, значительная часть которых — фотоматериалы Государственного архива аудиовизуальной документации Нижегородской области, в том числе работы известного местного фотографа М.П. Дмитриева.

Примечания

¹ См., например: Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг.: сборник

документов / Науч. ред. В.П. Булдаков. Тверь, 2009; Первая мировая война. Экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения: сборник статей / Сост. С.М. Исхаков; отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014.

² Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны (дофевральский период): сборник документов и материалов / Сост. Т.Л. Грачёва. Н. Новгород, 2014; *Голубин Р.В., Морохин А.В., Николаев Д.А.* Нижний Новгород и Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны. Н. Новгород, 2014; Первая мировая война. Взгляд из XXI века. Россия и Нижегородская губерния в 1914—1918 гг.: сборник статей / Науч. ред. Ф.А. Селезнев. Н. Новгород, 2014.

³ Псковская губерния в период Первой мировой войны по архивным документам: сборник документов / Сост. В.П. Волкова, Т.Е. Герасимёнок. Псков, 2014.

⁴ Иван Андреевич Кузьмичёв-Баженов (1894 г.р.) — из крестьян, уроженец посёлка Боженовка; слесарь по профессии. Будучи членом нижегородской эсеровской организации (1910—1912) распространял партийную литературу и вёл пропаганду среди рабочих. В ноябре 1914 г. арестован как член петербургской организации эсеров (1913—1914), в июле 1915 г. осуждён на четыре года каторги (отбывал её в Шлиссельбургской крепости). После освобождения в 1917 г. и возвращения на родину избран в состав нижегородского Совета; с начала 1919 г. — председатель Нижегородского губкома партии левых эсеров; в 1920-х гг. — член Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. См.: *Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917—1925 гг. В 3 т. / Сост. Я.В. Леонтьев, М.И. Люхуздаев, Д.И. Рублёв. Т. 2. Ч. 3. М., 2017. С. 35, 308, 636.*

⁵ *Фролова Е.И.* Две ошибки историка Кутузова // *Фролова Е.И.* Осмысление судьбы. Историко-биографические очерки, публицистика. СПб., 2011. С. 192.

⁶ *Шубин А.В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019. С. 57.

⁷ «...У меня к ЦК и его руководителям запало недоверие». Автобиография члена боевой группы Кулебакской организации Партии социалистов-революционеров П.А. Соколова (1925 г.) / Публ. В.П. Сапона // *Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 92.*

⁸ *Леонов С.В.* Начало антицерковного террора в период Октябрьской революции // *Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6(73). С. 84.*

Александр Репников

Рец. на: Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике. 1917—1922: альбом. М.: Кучково поле, Музеон, Фонд «Связь эпох», 2018. 584 с., ил.

Aleksandr Repnikov

(Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow)

Rec. ad op.: Grazhdanskaya voyna v Rossii v fotografiyakh i kinokhronike. 1917—1922: al'bom. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870008291-1

Накопление исследовательского опыта истории Гражданской войны неизбежно ставит перед историками ряд сложнейших задач. Попытки показать историю этого конфликта через фотографии и тексты уже предпринимались и ранее. В советский период наиболее масштабным проектом стала многотомная «История Гражданской войны в СССР»¹, включившая значительный массив фотографий. Однако их характеризовала усиленная ретушь, делавшая изображения безжизненными². В 2007 г. вызвал значительный интерес среди специалистов посвящённый антибольшевистским силам альбом, составленный В.В. Жуменко³. В 2010 г. увидел свет подготовленный большим коллективом исследователей альбом «Гражданская война в России. Энциклопедия катастрофы»⁴. В этом издании присутствует большое количество редких фотографий (как правило хорошего качества), лаконичные тексты (иногда «выдающие» политические симпатии их авторов) и краткие биографические справки. В 2016 г. издан фотоальбом «Революция и Гражданская война в России. 1917—1922 гг.»⁵. При его составлении авторы следовали проблемно-хронологическому подходу.

Вполне логично, что некоторые из специалистов, привлекавшихся к

созданию прошлых альбомов, приняли участие и в подготовке рецензируемого издания. Однако оно является новаторским не только по объёму представленной информации, но и по уровню проблематизации подходов к ключевым вопросам истории изучаемого периода. Произошло это в том числе благодаря сотрудничеству с зарубежными архивами, которые предоставили редкие фотографии и кадры кинохроники. Большинство снимков и кинокадров воспроизведены с оригиналов или подлинных негативов. Уточнены содержание, место и даты публикуемых съёмок. В аннотациях, а также в географическом указателе приведены наименования населённых пунктов и регионов в соответствии с административно-территориальным делением на момент съёмки.

В альбом вошло более 700 изображений. Это не имеющий аналогов сборник фотодокументов — причём первый в современной России, в котором составителями сделана научная публикация фотографий как документов, с их атрибуцией (которая, впрочем, не во всех случаях оказалась возможна) и археографическим предисловием.

В создании альбома приняли участие 19 российских архивов: Российский государственный архив кинофо-

то документов, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный военный архив, Российский государственный архив социально-политической истории, Российский государственный архив литературы и искусства, Российский государственный военно-исторический архив, Центральный государственный архив кинофотофонодокументов г. Санкт-Петербурга, Государственный архив Архангельской области, Государственный архив Забайкальского края, Государственный архив Иркутской области, Государственный исторический архив Омской области, Государственный архив Пензенской области, Государственный архив Пермского края, Пермский государственный архив социально-политической истории, Государственный архив Псковской области, Государственный архив Ростовской области, Объединённый государственный архив Челябинской области, Национальный архив республики Саха (Якутия), Государственный архив Хабаровского края и 4 российских музея: Центральный военно-морской музей Министерства обороны РФ, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Музей медицины России и военно-медицинской службы, Государственный музей политической истории из Петербурга и Государственный центральный музей современной истории России из Москвы, а так же Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Среди зарубежных сотрудников: Библиотека изображений Мэри Эванс (Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии), Национальный архив и управление документации США, Федеративный архив Германии.

Одной из задач, стоявших перед создателями альбома, стала объективная демонстрация сил, участвовавших

в военном и политическом противостоянии. Что же мешало этому ранее? Почему подобный проект реализован только сейчас, хотя идеологические препятствия к этому исчезли в начале 1990-х гг.? Думается, причина в том, что, с одной стороны, шло накопление и обобщение информации. С другой, — требовалось объединяющее начало, способное организовать учёных, занимающихся проблематикой Гражданской войны. На сей раз в этой роли выступило Федеральное архивное агентство. Только под его эгидой оказалось возможно в сжатые сроки осуществить столь масштабный проект, соблюдая дистанцированность от идеологических оценок.

Вектор издания определяется в названии: «Гражданская война в России» (а не, скажем, «Россия в Гражданской войне»), т.е. стержнем явилось именно противостояние. Потому хронологические рамки проекта охватывают период с февральско-мартовских событий 1917 г. до суда над участниками последнего противостояния регулярных «белых» частей с Красной армией в Якутии в январе 1924 г. (хотя, отмечу, хронология противостояния — давний предмет споров специалистов).

В основу издания положен территориально-хронологический принцип. Предваряющие альбом статьи вводят читателя в тему и раскрывают тенденции развития фотографии и документального кинематографа в 1917—1922 гг. Альбом включает восемь глав, каждой из которых предшествует краткая историческая справка, где раскрываются основные события, происходившие на отдельном участке фронта за указанный период. Иллюстративный ряд — только фотографии. Образы документов, воззваний, приказов, листовок, плакатов и проч. в альбом не вошли, что обеспечило

его цельность. Читатель, даже не будучи профессиональным историком, получает возможность легко сориентироваться в многообразии военных действий, персоналий, социально-политических течений и понятий.

Ещё один важный момент. Война (особенно гражданская) безжалостна. Создатели альбома уделили значительное внимание теме террора. Разумеется, «красный», «белый», «зелёный» и иной террор был. От этого факта уйти невозможно, да и незачем. Непосредственные участники Гражданской прекрасно понимали эту специфику. В.В. Шульгин в документальном фильме «Перед судом истории» возражал своему оппоненту, перечислявшему фамилии генералов и атаманов, которые боролись с советской властью: «Кровь рождает кровь». Этот же трагизм морально-нравственного выбора отлично выразил в стихотворении «Надежда» Н.Н. Асеев.

Теперь, когда у нас есть возможность прочесть воспоминания «белых» и «зелёных» вождей, изучить архивные документы, в них порой встречаешь страшные свидетельства. Создатели альбома 2016 г. не обошли эту тему, но в результате от читателей приходилось слышать, что столь большой блок фотографий зверски замученных, расстрелянных, повешенных шокирует своим натурализмом. В рецензируемом альбоме тоже есть фотографии жертв (например, на с. 39, 142, 209, 212, 263, 413 и др.), но их гораздо меньше. Думается, что это правильный подход. Обозначив тему террора, показать всё же не зверства, которых хватало с излишком, а повседневность войны.

На фотографиях — часто молодые лица. Молодёжь с авантюрной жилкой шла к «белым», «красным», «зелёным». Шла не только по идейным соображениям, но и за подвигами, за

славой. Оружие в руках, вызывающий взгляд в объектив, словно говорящий: «Будущее принадлежит нам!» Можно долго перечислять фотографии, которые привлекли внимание: демонтаж памятника П.А. Столыпину на Думской площади в Киеве в марте 1917 г.; революционный митинг в Иркутске, на котором транспарант «Свободная школа» соседствует с лозунгом «Проклятие убийцам!»; утомлённо-сосредоточенный взгляд А.Ф. Керенского, прибывшего для участия в Государственном совещании; здания Московского Кремля, пострадавшие в ходе осенних боёв⁶; участники заседания президиума ВЦИК; германские войска в Нарве, Минске, Ревеле и Киеве; офицеры австро-венгерской армии, присматривающие продукты на рынке в Жмеринке весной 1918 г.; знамя банды П. Коцуры; эвакуация частей ВСЮР из Новороссийска; штурм Перекопа красноармейцами; японские и итальянские интервенты во Владивостоке; совсем юный красноармеец В. Алексеев в Казани; место расстрела А.В. Колчака; митрополит Антоний, благословляющий в Харькове А.Г. Шкуро; арестованный барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг; работа корабельного парикмахера на Балтийском флоте; женский коммунистический отряд Василеостровского района перед отправкой на фронт; вступление кавалерийских частей РККА в Бухару и аскер на охране агитационного поезда «Красный Восток» в Туркестане. Наверное, каждый читатель найдёт в альбоме что-то интересное для себя. При небольшом тираже (800 экз.) и достаточно высокой цене, возможно, есть необходимость сделать на его основе выставку (планшетную или виртуальную) и показать её как можно большему числу жителей России⁷.

Когда мы рассуждаем о специфике Гражданской войны, нужно пом-

нить и о том, что многие её участницы буквально «не слезали с седла» с 1914 г. Составители альбома показывают и предысторию событий. Листая страницы, можно почувствовать, как страна неотвратно погружалась в катастрофу. Невозможно сказать, когда был сделан первый выстрел Гражданской, с какого события, документа, поступка она началась. Романтика и виселицы, подвиг и предательство, вера и богохульство, жестокость и жертвенность. Всё это и многое другое вместили в себя лишь несколько лет противостояния.

Рецензируемое издание выполнено на высоком научном уровне и является на сегодняшний день самым фундаментальным из всех альбомов по аналогичной тематике. Оно раскрывает повседневность войны и представляет собой не только научный труд, но ещё и предостережение, показывающее духовно-моральную тупиковость гражданского противостояния и попыток разрешения социальных, политических, национальных и прочих конфликтов исключительно с помощью силы оружия.

Отмечу и высокий полиграфический уровень альбома. Несомненно, что здесь сказался профессионализм издательства «Кучково поле», которое

совместно с Росархивом выпускает уже не первый альбом, посвящённый значимым событиям прошлого.

Примечания

¹ История Гражданской войны в СССР. В 5 т. М., 1935—1960.

² Характерно, что создатели рецензируемого альбома поместили «хрестоматийный» снимок В.И. Ульянова (Ленина) в парике и кепке, сделанный Д.И. Лещенко в Разливе, в буквальном смысле «без ретуши», что может удивить читателей, привыкших к ретушированному изображению (с. 89). Не лучшего качества и фотография Ленина в ложе Таврического дворца на заседании Учредительного собрания (с. 122).

³ *Жуменко В.В.* Белая армия. Фотопортреты русских офицеров. 1917—1922 гг. Париж, 2007.

⁴ Гражданская война в России. Энциклопедия катастрофы / Сост. и отв. ред. Д.М. Володин; науч. ред. С.В. Волков. М., 2010.

⁵ Революция и Гражданская война в России. 1917—1922 гг.: фотоальбом / Сост. Р.Г. Гагуев, В.Ж. Цветков, при участии В.П. Долматова, А.А. Иванова, Н.А. Кузнецова, А.Д. Степанова, Д.И. Стогова, В.Г. Чичерюкина-Мейнгардта. М., 2016.

⁶ Обращу внимание на специальный альбом: Московский Кремль после артиллерийского обстрела осенью 1917 г. Фотографии / Авт.-сост. Н.С. Пармузина. М., 2017.

⁷ См.: Альтернативы советской власти. Листовки Гражданской войны из фондов ГПИБ России: каталог выставки / Сост. А.Ю. Морозова, И.Ю. Новиченко, Е.Н. Струкова. М., 2018.

Михаил Ковалёв, Виталий Тихонов

«Вы являетесь редким украшением мира академиков»*

Mikhail Kovalev

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow),

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

«You are a rare adornment of the world of academicians»

DOI: 10.31857/S086956870008292-2

За последние годы выпущено немало изданий эпистолярного наследия классиков отечественной исторической науки¹. Публикации писем историков уже можно, наверное, выделить в особый археографический поджанр. Прежде всего это — уникальный источник, позволяющий заглянуть за стену из научных монографий и статей, ширму публичных отчётов и увидеть неформальную жизнь научного сообщества и его членов, изучить их творческую кухню и всмотреться в их души. Заметный рост интереса к личности творца науки, а не только к результатам его интеллектуальной деятельности, потребовал расширения источниковой базы историографических исследований. Именно поэтому в последние годы мы наблюдаем такое внимание к переписке историков.

Без фигуры Николая Михайловича Дружинина (1886—1986) представить развитие советской исторической науки невозможно. Достаточно перечислить лишь некоторые эпитеты и оценки, которые встречаются в письмах из рецензируемой публикации: «Я мало знаю людей в И[нститу]те [истории АН СССР], которых бы все так искренно любили, как Вас»

(А.М. Панкратова, 1949); «Если бы в истории науки была бы своя камера хранения мерил (наподобие палаты мер и весов), то имя Дружинина могло бы быть туда помещено как всеми признанное мерило и всеми понятное, как только оно произнесено» (Б.А. Романов, 1951); «Вы являетесь редким украшением мира академиков» (И.М. и А.А. Майские, 1966); «Я никогда бы не отважилась писать Вам об этом, если б многие годы Вы не были в моём представлении совестью нашей исторической науки» (М.Н. Захарова, 1972). Итак, перед нами не просто выдающийся учёный, но и человек, обладающий наивысшим авторитетом среди коллег по научному цеху. Именно к нему обращались за советом и поддержкой историки самых разных поколений.

Эпистолярное наследие Дружинина частично уже публиковалось². Предлагаемый сборник составлен известным археографом В.Г. Бухертом³ и включает переписку, которую Николай Михайлович и его жена Елена Иоасафовна (1916—2000) вели с коллегами в 1920—1980-х гг. В определённом смысле объединение эпистолярной супруги — ход нестандартный,

* Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2018. 467 с., ил.

но он убедительно объясняется тем, что Елена Иоасафовна фактически выполняла роль личного секретаря Николая Михайловича, нередко письма адресовались сразу обоим или писались ими вместе (с. 21—22). Всё же в центре внимания публикации находится фигура Дружинина. Изучение (и, вероятно, публикация) корреспонденции его супруги — задача будущего. Фонд историка (ф. 2121) в Архиве РАН пока не разобран и не систематизирован.

Готовя публикацию, составитель не ограничился только документами, хранящимися в личном фонде Дружинина, и результаты поисков впечатляют. Привлечены документы РГАЛИ, ГА РФ, ОР РГБ, ОПИ ГИМ, ОР ИМЛИ РАН, Центрального московского архива-музея личных собраний (ныне — часть Центрального государственного архива города Москвы).

Важной проблемой, с которой столкнулся составитель, стал отбор материалов для публикации. Только фонд в Архиве РАН включает сотни писем Дружининых и их корреспондентов. Николай Михайлович имел чрезвычайно разветвлённую сеть личных и деловых коммуникаций, что предопределило формирование обширного эпистолярного наследия. Во введении говорится, что публикатор при отборе исходил из критерия ценности содержания писем (с. 22). Думается, что такого лапидарного замечания явно недостаточно. Что в данном случае подразумевается под ценностью содержания? Почему целые комплексы писем оказались вне издания? Необходимо было остановиться на этом вопросе подробнее. Разумеется, Бухерт не имел возможности опубликовать всё эпистолярное наследие из фонда учёного. Тем не менее порой остаётся сожалеть о

том, что важные письма не попали в печать.

Это, например, касается обширной переписки с профессором Саратовского университета И.В. Порохом (81 письмо и 6 телеграмм за 1953—1980 гг.), имя которого неоднократно встречается в публикуемых письмах. Известно, что в 1905 г. Дружинин за участие в революционной деятельности был выслан в Саратов. Это обстоятельство предопределило его последующие деловые связи с местными историками. В фонде академика имеются многочисленные письма от Н.А. Троицкого, В.В. Пугачёва, Л.А. Дербова, Э.Э. Герштейн, Г.Д. Бурдея, научное значение которых выходит далеко за пределы истории региональной науки. Так, например, в них не раз возникает образ М.В. Нечкиной, с которой активно полемизировали саратовские исследователи революционного движения в России XIX в. К сожалению, публикатор отказался также от издания писем иностранных корреспондентов, среди которых было немало видных персон: Р. Пайпс, П. Хоффман, Ф. Вентури, Р. Порталь, Ю. Кульчицкий, Э. Доннерт. Между тем это расширило бы представления о международных связях советских учёных.

Ещё один вопрос возникает в отношении сохранности эпистолярного наследия раннего периода жизни историка. В предисловии отмечается, что «задача состояла в том, чтобы отразить все основные вехи жизни и творческой деятельности учёного, поэтому для публикации отбирались письма Н.М. Дружинина со второй половины 1920-х гг., т.е. с начала активной исследовательской деятельности... и до последних лет его жизни» (с. 22). Однако нигде не объяснено, почему писем 1920-х гг. почти не осталось. Связано ли это с арестом Дру-

жинина в 1930 г.? Замечания можно высказать и к биографической части предисловия. Если вторая половина 1940-х — начало 1950-х гг. описаны достаточно подробно, то остальные периоды жизни историка даны в виде лапидарных справок. Читатели вправе требовать более сбалансированного очерка. Комментарии в основном касаются персоналий и библиографической информации. Между тем некоторые письма требуют и событийных комментариев. Приходится указать, что в тексте встречаются опечатки, что уже отмечено в рецензии Л.И. Шохина.

Но перечисленные недостатки забываются, когда погружаешься в чтение. Перед нами открывается интеллектуальная и повседневная жизнь советской академической элиты. Сразу бросается в глаза, что Дружинин был не склонен к резким заявлениям и осторожен в общении. Он придерживался тактики компромиссов с властью, тем более что принимал её, став марксистом ещё в дореволюционное время. Но эти компромиссы всегда имели пределы: к примеру, учёный уклонился от непосредственного участия в идеологических погромах 1930—1940-х гг., старался помочь их жертвам.

Так, в переписке звучат отголоски дела известного казахского историка Е.Б. Бекмаханова, которого обвинили в «буржуазном национализме», лишили научных степеней и отправили в лагерь. Из письма А.М. Панкратовой от 5 июля 1949 г. можно узнать, что определённую роль в гонениях на Бекмаханова сыграл С.В. Юшков, распускавший слухи о действиях «историков-националистов» во главе с ним (с. 80). В письме в дирекцию Института истории (1962) Дружинин заступился за научного сотрудника сектора истории СССР периода ка-

питализма В.Ф. Захарину, которую хотели сократить на основании отсутствия учёной степени. Он напомнил, что это во многом связано с тем, что исследовательница 11 лет находилась в заключении (с. 238—239). Помогал он и в реабилитации репрессированного историка Н.Н. Улащика (письмо президенту АН СССР А.Н. Несмеянову от 17 декабря 1954 г., с. 144—145).

Крайне интересна переписка, касающаяся знаменитой дискуссии о подлинности «Слова о полку Игореве» (её основные события развернулись в 1963—1964 гг.). А.А. Зимин обращался к Дружинину, который не являлся специалистом по древнерусской истории и литературе, памятуя о его репутации справедливого человека. Из писем можно узнать, что академик давал совет сбить накал страстей. Интересен подробный разбор его замечаний и предложений Зиминим (с. 250, 252, 256—262). Очевидно, что эти источники вносят новые штрихи в наши знания об одном из самых известных и скандальных событий советской исторической науки.

Письма позволяют раскрыть научное мировоззрение Дружинина. Так, в послании одному из своих учителей Р.Ю. Випперу (2 марта 1948 г.) он признавался: «Ни один из профессоров Московского университета не оказал такого сильного влияния на моё научное развитие, как Вы» (с. 77). Впрочем, это тема многогранная и требующая специального внимания. Стоит отметить, что становление Дружинина как историка до сих пор не разработано, и специалистам по истории исторической науки ещё предстоит выявить, в чём же состояло влияние Виппера.

Наиболее доверительные отношения, если судить по данной публикации, у Николая Михайловича сложились с В.К. Яцунским. В письмах

можно обнаружить обсуждение теоретических вопросов (например, может ли советский историк быть беспристрастен), проблем развития и организации исторической науки. Дружинин писал: «Мы с Вами — люди одного поколения, одной и той же школы и в основном одних и тех же взглядов. Нам с Вами легко понять друг друга и сохранять научную терпимость даже тогда, когда мы расходимся в отдельных мнениях» (13 ноября 1957 г., с. 176). Интересно в письмах раскрывается личность Яцунского, склонного к смелым, даже резким выводам, полемическому задору, и называвшим себя «заядлым западником» (с. 62).

Другим корреспондентом, с которым много обсуждались проблемы развития исторической науки, являлся Б.Б. Кафенгауз. После издания известной книги Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва» (Т. 1. М., 1946) он писал, что работа «восстанавливает тот тип большой монографии, основанной на архивном материале, который, мне думается, был создан нашими учителями — учениками Ключевского» (с. 59). Вообще Кафенгауз считал, что «мы продолжаем работать, в особенности в монографиях, на почве учёной традиции, на основе, созданной московской школой Соловьёва—Ключевского и в особенности его учениками» (с. 60). Тем не менее он писал и о «новых чертах исторической науки», а в книге Дружинина «увидел осуществлённым с наибольшей отчётливостью то, что, мне кажется, является задачами новой, подлинно современной исторической науки». Ответ был следующим: «Ваши рассуждения о новой советской школе во многом верны. Наше поколение не только вобрало в себя влияние предшествующих (иногда односторонних) течений,

но пережило огромный жизненный опыт, которого не знали ближайшие и отдалённые учителя» (с. 61). Интересно, что о марксизме-ленинизме, как главном факторе «превосходства» над другими теоретико-методологическими подходами, не говорилось ни слова.

Вообще заметно, что вокруг Дружинина в 1960—1970-х гг. сложилось своеобразное «сообщество памяти» — круг историков, для которых он является символом прожитой ими же исторической эпохи. Особый интерес вызвали воспоминания академика, опубликованные сначала в журнале «История СССР» (1962), а затем вышедшие отдельным изданием⁴. Известный историк и литературовед Ю.Г. Оксман писал: «Новое поколение гуманитарной интеллигенции тянется к живому слову, к подлинному документу, оно одинаково не верит официальной историографии, газетной передовице, всякого рода “литературщине” в худож[ественной] прозе, в стихах и даже в драматургии — везде требуется если не “подлинность”, то иллюзия подлинности... Под этим углом зрения жадно читаются и Ваши “Воспоминания историка”» (с. 302—303).

Дружинин являлся влиятельным членом АН СССР. Большой интерес представляют письма, раскрывающие внутреннюю жизнь Академии. Так, из письма главному учёному секретарю Президиума АН А.В. Топчиеву от 24 октября 1953 г. выясняется, что именно Дружинина прочили на пост академика-секретаря, но он от этой должности отказался (с. 133). Место в итоге занял М.Н. Тихомиров. Большой интерес представляют письма Яцунскому об академических выборах, из которых видно, насколько сложно они проходили. Их результат определялся не столько «гамбургским

счётом», сколько борьбой академических коалиций и ситуативными соображениями. С 1960-х гг. в выборы всё больше вмешивались партийные структуры, проводившие свою политику через партийных членов Академии, которые заранее договаривались, за кого будут голосовать. Дружинина беспокоила складывающаяся ситуация. Любопытны оценки тех или иных кандидатур и объяснение причин их провала или успеха. Интересно письмо президенту АН М.В. Келдышу (от 7 января 1967 г.), в котором учёный изложил соображения об улучшении процедуры выборов (с. 294—295).

О содержании писем можно говорить долго. В конце концов, каждый источник неисчерпаем. В заключение стоит упомянуть и информативные приложения. Несмотря на ряд недостатков, книга представляет несомненный интерес для специалистов. Она подтверждает, что дальнейшее изучение эпистолярного наследия Н.М. Дружинина позволит полнее представить развитие советской исторической науки и поставить ряд новых проблем. Одновременно она свидетельствует о необходимости углублённого изучения жизни и творчества видного отечественного историка и написания его всеобъемлющей и беспристрастной биографии.

Примечания

¹ Например: Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост. Л.Г. Дубинская и А.М. Дубровский. М., 2001;

Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков): (1886—1900 гг.) / Сост. В.П. Корзун, М.А. Мамонтова, А.В. Свешников. Омск, 2003; Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2003. Т. I. Письма С.Ф. Платонова, 1883—1930 / Сост. В.Г. Бухерт. М., 2003; Т. II. Кн. 1. Переписка С.Ф. Платонова и П.Н. Милюкова, 1886—1901 / Авт.-сост. А.В. Макушин и П.А. Трибунский. М., 2011; *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010; Екатерина Николаевна Кушева — Борис Александрович Романов. Переписка 1940—1957 годов / Сост. В.М. Панях. СПб., 2010; «История в человеке» — академик М.В. Нечкина / Под ред. Е.Л. Рудницкой, С.В. Мироненко. М., 2011; Профессор Башарин: переписка с историками (1950—1974 гг.) / Сост. В.Г. Бухерт; отв. ред. В.Н. Иванов. Якутск, 2012; Учёный в эпоху перемен. Н.И. Кареев в 1914—1931 гг.: исследования и материалы / Авт.-сост. Е.А. Долгова. М., 2015; Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост., предисл., примеч. А.И. Ключева, О.В. Метель; науч. ред. С.Б. Крих. Омск, 2018; и др. Кроме того, существуют многочисленные публикации в отдельных сборниках и периодических изданиях: *Беленький И.* Российское научно-историческое сообщество в конце XIX — начале XX вв.: публикации и исследования 1940—2010-х гг. // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011. С. 341—478.

² *Дружинин Н.М.* Избранные труды: воспоминания, мысли, опыт историка / Отв. ред. С.С. Дмитриев. М., 1990.

³ На издание уже появились рецензии: *Шохин Л.И.* Рец. на кн.: Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2018 // Отечественные архивы. 2019. № 2. С. 119—122; *Корзун В.П.* Профессия как жизнь. Письма действительного члена АН СССР Н.М. Дружинина и члена-корреспондента АН СССР (РАН) Е.И. Дружининой // Исторический архив. 2019. № 2. С. 194—197.

⁴ *Дружинин Н.М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1967; Изд. 2. М., 1979.

Станислав Васильевич Тютюкин (1935–2019)

26 октября 2019 г. после тяжёлой и продолжительной болезни на 85 году жизни скончался выдающийся российский историк, историограф, археограф, мемуарист, блестящий популяризатор исторической науки, главный редактор журнала «Отечественная история» (ныне — «Российская история») в 1995—2007 гг. Станислав Васильевич Тютюкин.

Станислав Васильевич родился 29 сентября 1935 г. в Москве в семье служащих. После окончания с отличием средней школы, а также музыкальной школы по классу фортепиано он поступил в 1953 г. на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Обладая аналитическим типом мышления, склонностью к познанию общественных и гуманитарных наук, искренней любовью к русской и мировой культуре, С.В. Тютюкин был без экзаменов зачислен в самый престижный вуз страны и на всём протяжении обучения оставался в числе его лучших студентов. Не случайно он решил защищать дипломную работу на кафедре истории КПСС. В то время происходили сложные и противоречивые процессы расставания со сталинским культом и догмами «Краткого курса», переосмысления прежних подходов к истории советского периода. Станислав Васильевич, как и многие люди его поколения, надеялся на глубокое обновление общества. Однако на пути изучения недавнего прошлого встречалось немало ограничений, проблем и препятствий. В какой-то мере это сказалось и на судьбе Станислава Васильевича.

После завершения в 1958 г. учёбы в университете Тютюкин пришёл на работу в сектор капитализма Института истории АН СССР, однако вскоре его откомандировали в МИД, где в течение ряда лет в должности научно-технического сотрудника он участвовал в подготовке многотомного труда «Документы внешней политики СССР». По его воспоминаниям, это была довольно рутинная работа. Добросовестно выполняя её, Станислав Васильевич не чувствовал большого удовлетворения. В 1963 г. ему удалось поступить в аспирантуру Института истории АН СССР, по окончании которой в 1966 г. пришлось отправиться в Институт этнографии АН СССР для участия в социологических экспедициях. Об этих командировках он не очень любил вспоминать. Тем не менее навыки, приобретённые в архиве и двух поездках, оказались полезными в дальнейшем. Не случайно его последующие документальные публикации были безупречны с археографической и научной точек зрения.

В 1967 г., преодолев многочисленные препятствия, С.В. Тютюкин блестяще защитил в Институте истории кандидатскую диссертацию «Идейная борьба в рабочем движении в России в 1914—1917 гг.». Её тема, казалось бы, хорошо укладывалась в русло тогдашней историографии. Однако по своему содержанию и архитектонике это исследование явно выбивалось из «идеологической колеи». Не случайно после переработки и издания в 1972 г. рукописи диссертации, получившей в издательстве «Мысль» название «Война, мир, революция.

Идейная борьба в рабочем движении в России в 1914—1917 гг.», приверженцы марксистской ортодоксии подвергли книгу разгрому, обвинив автора в ревизионизме и «отходе от ленинских оценок». Ему пришлось дать достойный и аргументированный отпор рецензентам, что вызвало уважение со стороны не только товарищей по сектору, но и других коллег-историков. Как известно, заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С.П. Трапезников, считавший себя историком, развязал тогда масштабную идеологическую кампанию против «нового направления» в исторической науке. Испытал на себе партийную «проработку» и Станислав Васильевич. Но к этому времени, будучи научным сотрудником сектора капитализма, возглавлявшегося Л.М. Ивановым, он уже занимал довольно прочные позиции, являлся автором ряда статей в ведущих исторических и общеполитических журналах, одним из соавторов коллективной монографии «Борьба большевиков за армию в трёх российских революциях» (М., 1969) и сборника «В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России» (М., 1970). Молодой талантливый исследователь, владевший тремя иностранными языками, ораторским искусством и литературным стилем, сразу же привлёк к себе внимание выдающихся отечественных и зарубежных учёных. Тютюкин нередко играл ключевую роль в составлении и редактировании фундаментальных трудов, аналитических записок, докладов на международных и всесоюзных научных конференциях.

В монографии «Первая российская революция и Г.В. Плеханов: из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг.» (М., 1981), защищённой в качестве докторской диссертации в Институте истории СССР АН СССР в 1983 г., Станислав Васильевич также освещал сложные и по тогдашним временам в чём-то даже рискованные сюжеты, связанные с деятельностью основателя русской социал-демократии и постоянного оппонента Ленина. Но он не искал лёгких путей и по праву стал одним из наиболее авторитетных в мировой историографии исследователей революции 1905—1907 гг. и российского марксизма. Станислав Васильевич попытался выяснить, почему марксисты в общем и целом оказались не готовы ни к революции в России, ни к руководству ею. Конечно, в начале 1980-х гг. открыто обсуждать это было невозможно. Однако впечатляющий материал, собранный и блестяще проанализированный автором, говорил сам за себя.

Работа над книгой способствовала углублению представлений историка о различных типах революций, обусловленных уровнем развития той или иной страны, зрелостью рабочего класса и социал-демократического движения. И хотя Станислав Васильевич не вступал в споры о многоукладном характере российской экономики, вдумчивый читатель прекрасно понимал как неоднородность процессов, протекавших в России, так и существенные различия в их оценке Плехановым и Лениным, Мартовым и Троцким. Подлинное мастерство историка проявилось и в книге «Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста» (М., 1997). Не удивительно, что Станислав Васильевич много времени проводил в любимом им «Доме Плеханова», тщательно изучал богатые коллекции этого архива, неоднократно участвовал в научных конференциях и круглых столах. Он был награждён медалью «Г.В. Плеханов», принимал участие в съёмках документального фильма «Плеханов. Отверженный пророк».

История меньшевизма и его лидеров увлекла С.В. Тютюкина. Итогом многолетнего изучения этой темы и фактически первой попыткой её целостного осмысления в современной историографии стала фундаментальная монография

«Меньшевизм: страницы истории» (М., 2002). Необычайно фундированная и, как все произведения Станислава Васильевича, блестяще написанная, она содержала не только конкретно-исторические наблюдения, но и историософские размышления о судьбах революционного движения и революций в России. Большую ценность представляет и подготовленная им публикация источников по истории меньшевизма, вышедшая в серии «Политические партии России. Документальное наследие».

Высокая оценка научной общественностью исследований Станислава Васильевича способствовала тому, что его неизменно приглашали участвовать в создании обобщающих трудов. Так, в годы перестройки он был откомандирован в Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС для работы над «Очерками истории КПСС». В новаторской монографии «Июльский политический кризис 1906 г. в России», увидевшей свет в 1991 г., Тютюкин показал себя тонким аналитиком, способным проследить сложнейшие нюансы и взаимосвязь массового движения, деятельности оппозиционных партий и борьбы в правящих кругах империи. В результате у него получилась многомерная картина переломного момента в истории революции.

Получив практически неограниченный доступ к материалам Центрального партийного архива ИМЛ, С.В. Тютюкин и В.В. Шелохаев в монографии «Марксисты и революция в России» (М., 1996) объективно осветили путь, пройденный российской социал-демократией в начале XX в., впервые показав подлинную динамику численности её организаций, а также изменения в их социальном составе. По-новому интерпретировались и такие проблемы, как роль пролетариата, крестьянства и средних городских слоёв в освободительном движении, отношение социал-демократов к политическому террору, финансовое обеспечение РСДРП и внедрение провокаторов в её структуры.

В 1990-е гг. С.В. Тютюкин был далёк от какого-либо конъюнктурного поворота в исследовательских приоритетах. Он лишь пользовался появлением новых возможностей и исчезновением прежних преград для изучения всегда интересовавших его проблем с позиций здравого смысла и исторической объективности. 1990—2010-е гг. стали для него периодом активного научного творчества, реализации множества планов и проектов. Станислав Васильевич по-прежнему вносил весомый вклад в разработку замысла, структуры и архитектоники таких коллективных трудов, как «Политические партии России: история и современность» (М., 2000); «История Европы. Т. 5. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны» (М., 2000); «Мировые войны XX века» (Т. 1—4. М., 2003); «Модели общественного переустройства России» (М., 2004); «Реформы в России с древнейших времён до начала XX века» (Т. 1—4. М., 2016) и др. Как правило, ему принадлежали в них наиболее важные, концептуальные разделы, главы, параграфы. Он являлся не только инициатором, но и ответственным редактором (вместе с А.П. Корелиным), и одним из авторов фундаментальной монографии «Первая революция в России: взгляд через столетие» (М., 2005), сумев придать ей масштабность и внутреннюю стройность.

Его последняя книга «Александр Керенский: страницы политической биографии» (М., 2012) справедливо признана одним из лучших исторических портретов, созданных отечественными и зарубежными учёными. Глава Временного правительства представлен в ней как своеобразное «зеркало русской революции». Автор продемонстрировал, как в поступках и судьбе далеко не

самого выдающегося, хотя и отнюдь не рядового человека эпохи отразились характерные черты крупнейшего переворота в истории (подробнее о книге см.: Российская история. 2013. № 4. С. 3—38).

Перу С.В. Тютюкина принадлежат десятки научных и научно-популярных брошюр, статей, эссе, вышедших в самых престижных издательствах — «Политиздат», «Мысль», «Наука» «Республика», «РОССПЭН», в многочисленных энциклопедиях, журналах и газетах. Всего им было опубликовано более 220 научных работ, включая 30 индивидуальных и коллективных монографий, а также несколько учебников. Заметная их часть переведена на английский, французский, немецкий, испанский, португальский, итальянский, чешский и арабский языки и вошла в золотой фонд мировой историографии.

В 1995—2007 гг. важным (быть может, самым значимым) делом С.В. Тютюкина стало руководство журналом «Отечественная история». Ещё в 1990 г. главный редактор журнала «История СССР» К.Ф. Шацилло пригласил его в состав редколлегии. К тому времени Станислав Васильевич уже имел богатый опыт редактирования индивидуальных и коллективных монографий, работы в редколлегии альманаха «Исторические записки» в 1971—1991 гг. В 1995 г. он неожиданно получил от директора Института российской истории РАН предложение возглавить журнал, называвшийся с 1992 г. «Отечественная история». Он не без колебаний согласился занять пост главного редактора, однако впоследствии никогда не жалел о принятом решении.

За 12 лет под руководством С.В. Тютюкина и во многом благодаря его усилиям журнал не только сохранил, но и укрепил свой авторитет в академическом сообществе, обрёл неповторимое лицо. «Главной моей заботой все эти годы был журнал, — вспоминал Станислав Васильевич, — которым я занимался буквально повседневно и с полной отдачей сил. Мне приходилось держать в голове уйму вещей, общаться лично и по телефону с сотнями людей, самому редактировать десятки статей, формировать каждый номер, проводить заседания редколлегии, разные совещания, читательские конференции... И так день за днём, месяц за месяцем, год за годом» (Тютюкин С.В. Десять лет в журнале «Российская история». М., 2005. С. 16). Те, кто работал с ним в редакции, знают: в этих словах реальная роль Станислава Васильевича в жизни журнала скорее преуменьшена, чем преувеличена. Из всех возможных стилей руководства он добровольно выбрал самый трудоёмкий и ответственный — не ограничиваясь «руководящими указаниями», вникать в каждую ситуацию, читать все поступающие материалы, помнить обо всех их авторах, неизменно с ручкой в руке прорабатывать все уже подготовленные к сдаче в набор тексты.

Тяжёлый и неблагодарный труд редактора Тютюкин превратил в настоящее искусство. За каждым текстом он всегда видел человека и именно с ним старался работать. Благодаря такому подходу круг авторов журнала постоянно расширялся, причём на его страницах всегда соседствовали имена маститых учёных и пока ещё неизвестных начинающих исследователей. Проходившие же под председательством Станислава Васильевича заседания редакционной коллегии были похожи на настоящие научные форумы, материалы которых вполне можно было бы публиковать. К сожалению, окончание его работы в «Отечественной истории» было омрачено бесцеремонным вмешательством тогдашнего директора Института российской истории А.Н. Сахарова в редакционные дела. Независимость и профессионализм всегда оставались для Станислава Васильевича теми жизненными принципами, от которых он не мог отказаться.

Ещё в 1970-е гг. Станислав Васильевич проявил себя как незаурядный организатор исторической науки в Научном совете по изучению Великой Октябрьской социалистической революции (им руководил тогда академик И.И. Минц), в 1997—1998 гг. ему довелось исполнять обязанности председателя Научного совета РАН по истории революции в России, а с 2013 г. — заместителя председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ и революций в России. На протяжении многих лет он являлся членом учёного и диссертационного советов ИРИ РАН, учёного совета Музея современной истории, экспертного совета ВАК РФ по историческим наукам, координировал в РГНФ работу секции по отечественной истории XX в.

Более двух десятилетий профессор Тютюкин вёл занятия по подготовке и переподготовке преподавателей в МГУ им. М.В. Ломоносова, писал учебные пособия для высшей школы, неоднократно выступал с публичными лекциями. Каждое его выступление (все они самым тщательным образом готовились) вызывало неизменный интерес у аудитории, которая подолгу не отпускала докладчика, задавая ему вопросы, делясь с ним своими впечатлениями. Это были памятные встречи, когда талантливый оратор, прекрасно владевший литературным словом и тонко чувствовавший своих слушателей, с подлинной научной глубиной, просто и ясно излагал самые сложные и запутанные процессы и события прошлого.

С уходом из жизни Станислава Васильевича Тютюкина отечественная и мировая наука понесла тяжёлую утрату, и долг ныне живущих поколений историков — хранить и приумножать всё то, что сделано им за многие десятилетия.

**Редакция, редакционная коллегия и редакционный совет
журнала «Российская история»,
сотрудники Института российской истории РАН**

Наши авторы

Айбабина Елена Акимовна, кандидат исторических наук, доцент Академии строительства и архитектуры Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Алмазов Михаил Григорьевич, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Бочарова Зоя Сергеевна, доктор исторических наук, профессор факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор-консультант Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

Голиков Кирилл Андреевич, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-учебного Музея землеведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Горская Наталья Ивановна, доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета

Друзин Михаил Викторович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Зубкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Ковалёв Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Колесникова Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Корнеева Дарья Сергеевна, аспирант кафедры истории российской государственности отделения истории Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, атташе Департамента МИД России

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Куприянов Александр Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Леонтьев Ярослав Викторович, доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ломакин Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Симферополь)

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института Курганского государственного университета

Микуленок Александра Андреевна, кандидат исторических наук, преподаватель Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар)

Николаев Дмитрий Андреевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Плех Олеся Анатольевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Репников Александр Витальевич, доктор исторических наук, заместитель начальника отдела Центр документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории

Ростовцев Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Талина Галина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Шурыгина Ольга Сергеевна, историк

СОДЕРЖАНИЕ

История власти

<i>О.А. Плех</i> Численность провинциальных служащих в первой половине XIX в. (на материалах Вологодской губернии)	3
<i>Н.И. Горская</i> Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830—1850-х гг. в Смолен- ской губернии	26
<i>Д.А. Андреев</i> «Дело» П.Д. Ахлёстышева и борьба в правительственных верхах в начале царство- вания Николая II	37
<i>М.Г. Алмазов</i> Ф.В. Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве	51
<i>Ф.А. Гайда</i> «Кабинет» князя Н.Д. Голицына и поиски политического курса зимой 1916—1917 гг.	75

Неформальные политические институты в пореформенной России

<i>М.В. Друзин</i> Е.В. Богданович: общественный деятель пореформенного времени	91
<i>А.В. Мамонов</i> Граф М.Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей	101
<i>А.Э. Котов</i> «Ненадёжный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в.	107

Институты и общности

<i>К.А. Голиков</i> К истории становления научной ботанической школы Московского университета (1804—1863)	115
<i>О.С. Шурыгина</i> Сталинские премии архитектора И.В. Жолтовского (1940—1953)	132
<i>Е.Ю. Зубкова, А.И. Куприянов</i> Профессионализация советского спорта в условиях холодной войны (1946—1959)	143

Русское зарубежье

<i>З.С. Бочарова, Д.С. Корнеева</i> Деятельность Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехосло- вацкой Республике в 1920-х гг.	160
<i>А.А. Микуленок</i> Деятельность Союза русских военных инвалидов в Чехословацкой Республике в 1920-х гг.	170

Профессия и сообщество

Е.А. Айбабина, Д.А. Ломакин

О возможности существования раннесредневековой базилики на городище Чуфут-Кале: историографический аспект 180

Е.А. Колесникова, Г.В. Талина

Российская государственность: территория и власть в XVII в.: современные историографические и источниковедческие аспекты 192

Обзоры и рецензии

Д.Н. Маслюженко — А.В. Беляков. Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинеи Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии 201

Е.А. Ростовцев — Д.Д. Гримм. Воспоминания. Из жизни Государственного совета 1907—1917 гг. 207

Д.А. Николаев — «По обстоятельствам военного времени...» (Нижегородская губерния в 1914 — начале 1918 г.): сборник документов. В 2 ч. 211

Я.В. Леонтьев — Войной и революцией «взвихрённая Русь» 215

А.В. Репников — Гражданская война в России в фотографиях и кинохронике. 1917—1922: альбом 221

М.В. Ковалёв, В.В. Тихонов — «Вы являетесь редким украшением мира академиков» 225

Pro memoria

С.В. Тютюкин (1935—2019) 230

Наши авторы 235

Обращение главного редактора к читателям о заседании редакционной коллегии в декабре 2019 г. и основных темах, которые предполагается рассмотреть в журнале в 2020—2021 гг., размещено на сайте: российская-история.рф

CONTENTS

History of power

<i>O.A. Plekh (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Number of provincial civil servants during first half of the 19 th century (documents of Vologda province)	3
<i>N.I. Gorskaya (Smolensk State University, Russia)</i> The local administration and the «highest travels» of the 1830–1850s in Smolensk province	26
<i>D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> P.D. Akhlestyshv's «Case» and the Battle at the Top of Government at the Beginning of the Reign of Nicholas II	37
<i>M.G. Almazov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> F.V. Dubasov and the suppression of the December uprising in Moscow	51
<i>F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University; Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia)</i> «Cabinet» of Prince N.D. Golitsyn and the search for a political course in the winter of 1916–1917	75

Informal political institutions in post-reform Russia

<i>M.V. Druzin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)</i> E.V. Bogdanovich: public figure of the post-reform period	91
<i>A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Count M.T. Loris-Melikov and the salon of Bogdanovich	101
<i>A.E. Kotov (Saint Petersburg State University, Russia)</i> «Unreliable friend»: A.S. Suvorin and the Bogdanovich salon at the end of the 19 th century	107

Institutes and communities

<i>K.A. Golikov (Lomonosov Moscow State University, Russia)</i> On the history of formation of the scientific Botanical school of the Moscow University (1804–1863)	115
<i>O.S. Shurygina (Moscow, Russia)</i> Stalin prizes of the architect Ivan Zholtovsky (1940–1953)	132
<i>E.Y. Zubkova, A.I. Kupriyanov (both — Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Professionalization of Soviet sports in the Cold War (1946–1959)	143

Russian abroad

<i>Z.S. Bocharova (Lomonosov Moscow State University, Russia), D.S. Korneeva (Institute of Public Sciences of the Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow)</i> The work of the Committee on ensuring education of the Russian students in Czechoslovak Republic in the 1920s.	160
---	-----

A.A. Mikulenok (Russian State University of Justice, North Caucasus branch, Krasnodar)
The Russian disabled war expatriates union in Czechoslovak Republic in the 1920s. . . . 170

Professional community

- E.A. Aibabina, D.A. Lomakin (both – V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia)*
About a possibility of existence an early medieval basilica on the ancient settlement of Chufut-Calais: historiographic aspect 180
- E.A. Kolesnikova, G.V. Talina (both – Moscow Pedagogical State University, Russia)*
Russian Statehood: territory and power in the 17th century: modern historiographic and source studies 192

Reviews

- D.N. Maslyuzhenko (Kurgan state University, Russia)*
Rec. ad op.: A.V. Belyakov. Uraz-Muhammed Ibn Ondan i Isinei Karamyshev syn Mu-saitov. Opyt sovmestnoy biografii 201
- E.A. Rostovtsev (Saint Petersburg State University, Russia)*
Rec. ad op.: D.D. Grimm. Vospominaniya. Iz zhizni Gosudarstvennogo soveta 1907–1917 gg. 207
- D.A. Nikolaev (Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia)*
Rec. ad op.: «Po obstoyatel'stvam voyennogo vremeni...» (Nizhegorodskaya guberniya v 1914 – nachale 1918 g.): sbornik dokumentov. Part 1–2 211
- Ya.V. Leontev (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
«Russia whirling» by War and Revolution 215
- A.V. Repnikov (Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow)*
Rec. ad op.: Grazhdanskaya voyna v Rossii v fotografiyakh i kinokhronike. 1917–1922: al'bom 221
- M.V. Kovalev (Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow), V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
«You are a rare adornment of the world of academicians» 225

Pro memoria

- S.V. Tiutiukin (1935–2019) 230
- Contributors to this issue 235

РЕДАКЦИЯ

- Добычина Е.В., к.и.н.
Круглов В.Н., к.и.н. — Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор
Мац А.Г. — Младший редактор

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-Пресс» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социо-гуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

Ключевые направления:

- формирование учебно-методических комплексов
- внедрение новых стандартов научной периодики и коммуникации

Деятельность «ГАУГН-Пресс» включает:

- принцип сетевой организации взаимодействия ведущих научно-методических, исследовательских центров, интеграции науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания

НАУЧНО-УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В программу, помимо обязательных курсов, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).